

Материалы II региональной
научно-практической конференции
26–27 октября 2023 года, Таганрог

ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ

Ростов-на-Дону
2023

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО РГЭУ (РИНХ)
ГКУ РО «Государственный архив Ростовской области»
ООО «ОКН-проект»
при поддержке ИП Е. А. Алексеенко

ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ

**Материалы II региональной
научно-практической конференции**

Ответственный редактор В. А. Агеева

Ростов-на-Дону
Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ)
2023

УДК 902 93/94
ББК 63.4
ИЗ9

Редакционная коллегия:

д-р полит. наук А. Ю. Голобородько, канд. ист. наук А. А. Волвенко,
канд. ист. наук Н. А. Трапш, канд. ист. наук В. А. Агеева (отв. ред.),
Я. В. Прудников, Е. А. Алексеенко, М. А. Деняев

ИЗ9 Изучение и сохранение исторических некрополей: материалы II Региональной научно-практической конференции / отв. ред. В. А. Агеева. – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГУЭ (РИНХ), 2023. – 272 с.

ISBN 978-5-7972-3187-5

В сборник материалов II региональной научно-практической конференции «Изучение и сохранение исторических некрополей» вошли статьи, носящие междисциплинарный характер и рассматривающие на материалах Южного Федерального округа вопросы фиксации достижений в области методологии и конкретных методик исследования некрополей и связанной с ними мемориальной культуры общества; определения перспектив музеефикации исторических некрополей и актуализация их социально-культурных функций. Значительное место занимают проблемы консервации и реставрации исторических некрополей; историческая трансформация национальных и конфессиональных погребальных практик, в том числе в рамках казачьей археологии. В ряде исследований содержатся результаты археологических, антропологических и обрядовых исследований грунтовых и курганных могильников. Особое внимание уделено историко-культурному наследию Старого кладбища города Таганрога.

Издание предназначено для археологов, историков, антропологов, музейных сотрудников, преподавателей и обучающихся вузов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 902 93/94
ББК 63.4

*Утверждены в качестве материалов конференции
Редакционно-издательским советом РГУЭ (РИНХ)*

ISBN 978-5-7972-3187-5

© Коллектив авторов, 2023
© РГУЭ (РИНХ), 2023
© ООО «ОКН-проект», 2023

Тематика историко-краеведческих исследований, представленных в формате докладов и публикаций на II региональной научно-практической конференции «Изучение и сохранение исторических некрополей», посвящена актуальной проблеме исследования и обеспечения сохранности своеобразного вида нашего культурного наследия — погребальных памятников и кладбищ. Их формирование относится к различным периодам истории Южного федерального округа как неотъемлемой части исторической России. Известно, что исторические некрополи отражают одну из важных сторон общественной жизни многонационального российского общества Юга нашей страны — погребальный культ и связанную с ним мемориальную культуру, обусловленную исторической памятью и развитыми традиционными семейными и религиозными ценностями.

Исторические некрополи Таганрога и других городов и сельских поселений Южного федерального округа хранят интересную и зачастую уникальную информацию об исторических судьбах и о культурном коде наших предков — россиян, живших и трудившихся здесь в период с XVII до конца XX столетий. Изучение этих некрополей позволяет нам расширить знания и представления об истории региона. Некрополь является актуальным и по-своему уникальным объектом научного исследования в силу ряда причин. В культурологических и религиоведческих исследованиях он уникален и незаменим. Утрата некрополя создаёт невосполнимую лауну, так как он является одной из сравнительно немногих экспозиционных знаковых систем культуры. Чем лучше сохранен некрополь, тем выше его информативность. Превращение же его просто в место ингумации снижает информативность до нуля и в этой ситуации выявить остаточную информацию можно только усилиями археологов.

В предлагаемый вниманию читателей сборник материалов II региональной научно-практической конференции «Изучение и сохранение исторических некрополей» вошли 26 докладов. Всего в конференции приняли участие 44 исследователя разных научных специальностей из Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодар, Ростова-на-Дону, Таганрога, Азова, Шахт, Неклиновского и Усть-Донецкого районов Ростовской области, Ставропольского края, Республики Крым.

Труды участников II региональной научно-практической конференции «Изучение и сохранение исторических некрополей» имеют не только научно-познавательное значение, но и практико-ориентированную направленность. Потому что насушно необходимо и на общественном, и на государственном уровне, на базе этих исследований, разработать и реализовать на практике комплекс мер по сохранению исторических кладбищ и погребальных памятников различных эпох как в Таганроге, так и других городах, станицах и

селах Южного федерального округа. Ведь многим историческим некрополям сегодня угрожает разрушение и уничтожение вследствие как активизации естественных, природно-эрозионных процессов, так и по причине развития производственной и хозяйственно-бытовой деятельности современного общества.

Именно поэтому организация и проведение II региональной научно-практической конференции «Изучение и сохранение исторических некрополей» приобретает не только научное и общественно-полезное значение, но и становится средством привлечения внимания властей всех уровней к решению назревшей проблемы поддержанию сохранности исторических кладбищ.

*Директор Таганрогского института
имени А. П. Чехова (филиала)
РГЭУ (РИНХ), депутат Городской Думы
г. Таганрога VII созыва*

А. Ю. Голобородько

Уважаемые коллеги!

Получив опыт участия в региональной научно-практической конференции «Изучение и сохранение исторических некрополей» в 2022 году, наша организация была рада выступить соорганизатором Второй конференции. Пусть эта конференция и публикация сборника материалов по её итогам станут доброй традицией научной и культурной жизни города Таганрога. Сама же тема изучения и сохранения исторических некрополей всегда будет иметь актуальное звучание и являться поводом для междисциплинарного сотрудничества. Будем помнить простую истину: кто не бережёт своё прошлое и прошлое своих предков, тот не имеет будущего.

Директор ООО «ОКН-проект»

Я. В. Прудников

В последние десятилетия в российском обществе происходит переосмысление роли мест упокоения, нашедшее отражение как в бытовом проявлении, так и в законодательных изменениях. Однако на практике учреждениям, занимающимся вопросами охраны памятников, исследователям и рядовым горожанам приходится сталкиваться с вопросами, не решаемыми в рамках одного профиля и находящимися на стыке компетенций разных специалистов. На основе личного опыта исследователя и сотрудника организации, ответственной за старинное кладбище Таганрога со статусом объекта культурного наследия, я пришла к выводу о необходимости площадки для обсуждения актуальных вопросов разноплановыми специалистами, чья деятельность так или иначе пересекается с темой кладбищ.

Сама по себе идея не новая, тематические конференции и круглые столы проходили и проходят во многих городах России. В нашем случае основной задачей виделось создание именно региональной площадки и объединение на ней специалистов, владеющих локальной проблематикой, издание сборника материалов по итогам каждого мероприятия и обеспечение их доступности для всех заинтересованных. По результатам двух конференций можно говорить, что со своей задачей площадка успешно справляется, став местом и для научных дискуссий, и для обмена практическим опытом, и для поиска партнеров.

Благодарю руководство Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ) и общества с ограниченной ответственностью «ОКН-проект» за оказанную всестороннюю поддержку в проведении конференции и подготовке настоящего сборника.

Е. А. Алексеенко

С. С. Востриков

РОДОВОЙ НЕКРОПОЛЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ САРМАТСКОЙ ВОЕННОЙ АРИСТОКРАТИИ БЛИЗ НОВОЧЕРКАССКА

В 2021 году археологическими отрядами ООО «ОКН-проект» были проведены охранно-спасательные исследования (раскопки) объектов археологического наследия «Курганный могильник «Черкасов III» (курганы № 1–8, под руководством Прокофьева Р. В.), «Курган «Черкасов V» (курганы № 1–3), «Курганный могильник «Черкасов VI» (курганы № 1–2), «Курганный могильник «Черкасов IX» (курганы № 1–3) и «Курганный могильник «Черкасов X» (курган № 1, под руководством автора) в Аксайском районе Ростовской области.

Памятники расположены на левом берегу реки Тузлов, на водораздельной возвышенности, ограниченной с севера и северо-востока водоточной балкой Сусол, впадающей в реку Грушевку (левый приток реки Тузлов), с юго-востока — долиной речек Грушевка и Тузлов, а с юго-запада — балкой Чеботарева. В геоморфологическом отношении участок проведения работ приурочен к Северо-Приазовской эрозионно-аккумулятивной наклонной равнине на структурах

Приазовской моноклинали, к так называемому Грушевскому плато (расположенному между реками Малым Несветаем, Тузловом и Грушевкой). Эта юго-восточная оконечность плато, представляющая собой мысовидную возвышенность между Тузловом, Грушевкой и балкой Сусол, вероятно, имела некоторое сакральное значение для народов, населявших в прошлом этот регион, судя по количеству оставленных ими погребальных памятников. По гребню этой возвышенности протянулись с западо-северо-запада на востоко-юго-восток десятки курганных насыпей, при постановке на государственный учет разделенных на несколько групп. Это восемь курганов могильника «Черкасов III», один курган могильника «Черкасов X», восемнадцать курганов могильника «Черкасов II», по одному кургану из могильников «Черкасов VII» и «Черкасов VIII», семь курганов группы «Чеботарев VIII», три кургана могильника «Черкасов V», три кургана могильника «Черкасов IX», два кургана могильника «Черкасов VI», шесть курганов могиль-

ника «Черкасов I», двенадцать курганов могильника «Сусол IV» и четыре кургана группы «Сусол I» (рис. 1).

Курганы могильников «Черкасов I», «Черкасов VII» и «Черкасов VIII» были полностью исследованы в 2018 году Дмитриенко М. В. Лишь один курган из исследованных восьми был сооружен в эпоху бронзы, все остальные содержали в основном индивидуальные погребения, огражденные в древности, отнесенные М. В. Дмитриенко к сарматской культуре I века нашей эры [1, с. 88–89]. Как ми-

нимум три погребения (погребение № 1 кургана № 1, погребение № 2 кургана № 4 могильника «Черкасов I», погребение № 1 кургана № 1 могильника «Черкасов VII»), судя по остаткам незамеченных грабителями престижных предметов, бронзовой утвари, наконечников стрел и уздечного набора, а также золотых украшений, принадлежали представителям сарматской военной аристократии. Похожая ситуация наблюдается и для могильника «Черкасов III» — здесь три кургана из восьми (№ 1, 3 и 7) сооружены в эпоху бронзы, четы-

Рис. 1. Ростовская область, Аксайский район. 1 — Курган «Черкасов V»; 2 — курганный могильник «Черкасов IX»; 3 — курганный могильник «Черкасов VI»; 4 — курганный могильник «Черкасов X»; 5 — курганный могильник «Черкасов III»; 6 — курганный могильник «Черкасов I»; 7 — курганный могильник «Черкасов VII»; 8 — курганный могильник «Черкасов VIII»; 9 — курганный могильник «Черкасов II»; 10 — курганная группа «Чеботарев VIII»; 11 — курганный могильник «Сусол IV»; 12 — курганная группа «Сусол I»; 13 — курганный могильник «Обухов I»; 14 — курганный могильник «Обухов II»; 15 — курганный могильник «Веселый II»; 16 — курганный могильник «Грушевский VII»; 17 — курганный могильник «Грушевский VI»; 18 — курганный могильник «Грушевский IV»; 19 — курганный могильник «Чеботарев VI»; ситуационный план расположения на снимке Google Earth (дата съемки: 09.05.2020)

ре (№ 2, 4–6) — в раннем железном веке, в среднесарматское время (тогда же в существующем кургане № 7 совершаются три погребения среднесарматской культуры I–II веков нашей эры), и один курган (№ 8) был возведен над погребением золотоордынского воина XIII–XIV веков [2, с. 49–50]. Здесь также остатки престижных предметов из разрушенных погребений и тайников — бронзовая и серебряная утварь из двух погребений в кургане № 2, погребения № 1 кургана № 4 — свидетельствуют об их принадлежности рядовым членам сообщества.

Исследованные автором курганы могильников «Черкасов V», «Черкасов VI», «Черкасов IX» и «Черкасов X» относятся исключительно к раннему железному веку. Раскопками установлено, что курган № 3 могильника «Черкасов V» и курган № 2 могильника «Черкасов IX» не содержали захоронений, но обнаруженные в пахотном слое многочисленные (535 единиц в первом, 139 — во втором) фрагменты стенок, донец, ручек и венчиков (узкогорлых светлоглиняных амфор типа С (по Д. Б. Шелову) II века нашей эры, красноглиняных амфор типа А I–II веков нашей эры (по Д. Б. Шелову), сероглиняных сосудов, изготовленных в технике «медленного круга» и псевдокосских амфор с двуствольными ручками конца I века до нашей эры — I века нашей эры) [3, с. 141–142; 4, с. 16–21] позволяют считать их поминальными комплексами-тризнами, относящимися, соответственно, к большим курганам могильников «Черкасов V» и «Черкасов IX». Всего в остальных шести курганах было исследовано 7 погребений и 2 ситуации. Кроме кургана № 3 могильника «Черкасов IX», где было обнаружено 2 погребения, все они содержали единственное захоронение. Все погребения, за исключением полностью разрушенно-

го погребения № 1 кургана № 1 могильника «Черкасов IX», культурно-хронологическая атрибуция которого неясна и погребения № 1 кургана № 1 могильника «Черкасов X», речь о котором пойдет ниже, достаточно уверенно можно причислить к кругу памятников кочевнической среднесарматской культуры I–II веков нашей эры.

Из всех комплексов наибольший интерес представляют три погребения разной степени сохранности.

Погребение № 1 кургана № 1 могильника «Черкасов V». Единственное захоронение, расположенное в центральной части кургана, ограблено в древности. В ходе прокопки заполнения грабительской и погребальной ям найдены предметы I века нашей эры, несомненно, происходящие из потревоженной могилы. На разных уровнях, начиная с самых верхних слоев находятся разрозненные кости скелета взрослого мужчины, фрагменты семи литых стеклянных скифосов и канфаров; серебряная зооморфная (пантера, кусающая себя за хвост) ручка небольшого сосуда; остатки трех бронзовых сосудов — таза, кувшина и патеры; небольшая одноручная тонкостенная амфора-кувшин одного из малоазийских центров, фрагменты глазурованного щелочно-свинцовой глазурью глубокого зеленого цвета гончарного кувшина, предположительно, северо-месопотамского/парфянского круга производства; фрагменты аналогично глазурованного темно-оливковой глазурью гончарного кратера, одна из сторон которого была украшена рельефным налепом в виде фигурки воина (?); фрагменты гончарного краснолакового кувшина, плечики которого украшены врезным и прорисованным орнаментом — в нижней части в виде врезной стилизованной ветки с на-

рисованными белой краской маленькими округлыми листочками и четырехлепестковой розеткой, в верхней части — в виде ряда врезных неровных ов, орнаментированных маленькими округлыми точками по краю и крупным кружком в центре каждой овы, прорисованными также белой краской; фрагменты изделий из резной кости; бронзовые позолоченные обкладки деревянного сосуда; бронзовые поясные бляшки; фрагменты железных удил и псалиев; значительное количество нашивок на одежду из золотой фольги (в том числе со следами нитей крепления и фрагментов ткани) различных видов и форм.

Судя по оставленным грабителями находкам, погребение № 1 могло принадлежать статусному представителю среднесарматской военной аристократии I века нашей эры.

К этому же периоду относится и погребение № 2 кургана № 3 могильника «Черкасов IX». Единственное неразграбленное погребение из всех исследованных, совершено в большой квадратной яме, в заполнении были обнаружены железные трехлопастные черешковые наконечники стрел (12 единиц), фрагменты дерева и органического покрова. Погребенный — взрослый мужчина, лежал по диагонали ямы головой на юго-запад, в вытянутом положении на спине, его сопровождал богатый инвентарный набор — длинный железный меч (размеры с хвостовиком 0,95 м), чернолощенная миска, длинный (0,35 м) оселок, портупейная пряжка пирамидальной формы из зуба животного, небольшой железный нож, гончарный краснолаковый кувшинчик-ойнохойя со сливом и золотая античная подвеска-лунница.

Погребение № 1 кургана № 3 могильника «Черкасов IX» было ограблено в

древности. Оно представляло собой узкую прямоугольную могильную яму, ориентированную с севера на юг, с подбоем в западной стенке. Единственное, что можно сказать о позе погребенного, это то, что, возможно, ориентирован он был головой на юг. По определению А. В. Китовой, кости, обнаруженные в погребении, принадлежали женщине 35–45 лет, отмечены дегенеративно-дистрофические изменения, в том числе клиновидная деформация тел позвонков. Среди костей, также, очевидно, перемещенных грабителями, находились два сохранившихся предмета инвентаря: бронзовая ручка таза и лепное лощеное орнаментированное пряслице биконической формы.

Погребение № 1 кургана № 1 могильника «Черкасов X». Курган находился к северо-востоку от других насыпей, несколько поодаль от них. Погребение № 1 располагалось в юго-западном секторе в 4,5 м к юго-западу от центра кургана и представляет собой узкую прямоугольную могильную яму, ориентированную по линии север — юг, с подбоем в западной стенке, с примыкающей к ней в юго-восточной части грабительской воронкой, разрушившей погребение. В северной части камеры лежали лопатка и разрозненные кости рук, в центральной — тазовые кости, в южной — кости ног, так что, вероятно, изначально погребенный был уложен головой на север. В заполнении были обнаружены следующие вещи: бронзовая пряжка; пара бронзовых наконечников ремней; две сферических литых серебряных бусины; тринадцать железных трехлопастных черешковых наконечников стрел; значительное количество мелких минерализованных фрагментов изогнутой проволоки, скобок, гвоздиков, отслоек и фрагментов железных изделий.

На расстоянии 8,2 метра к югу от камеры погребения № 1 было обнаружено компактное скопление (тайник) элементов конского убора (прежде всего, металлических деталей, крепившихся к ремням оголовья): два бронзовых псаля, состоящих из крестовидной основы и прикрепленного к ней колесовидного обода; четыре овальные серебряные подвески; пара серебряных наконечников ремней; две серебряные пряжки с округлой рамкой и прямоугольным щитком; три прямоугольные серебряные пластинки; пять С-видных серебряных скобочек; три круглые серебряные бляшки со стеклянными вставками в напаянных гнездах; массивные литые серебряные уздечные бусы (четыре экземпляра); две бронзовые овальнорамчатые пряжки без язычков с округлыми щитками, бронзовая прямоугольная обойма и литая бронзовая шайба [5, с. 22–45].

Основные признаки погребального комплекса (небольшая курганная насыпь, индивидуальное погребение в узкой подбойной яме с камерой в западной стенке, несомненная изначальная северная ориентировка погребенного) в сочетании с обликом инвентаря предполагают его принадлежность к позднесарматской военной аристократии и позволяют уверенно причислить его к кругу памятников кочевнической позднесарматской культуры II–III веков нашей эры.

Таким образом, очевидно, что по результатам исследования двадцати пяти из более чем шестидесяти известных курганных насыпей, расположенных на этом локальном водоразделе, двадцать сооружены в раннем железном веке (и еще один курган, насыпанный в эпоху средней бронзы, использовался для впускных погребений этой эпохи) и от-

носятся, в основном, к среднесарматской культуре I–II веков нашей эры. Территориальная близость, схожесть деталей погребального обряда и инвентарного комплекса, наличие поминальных комплексов-тризн (курган № 3 «Черкасов V» и курган № 2 «Черкасов IX»), включающих сотни единиц фрагментов амфорной керамики, датируемых от конца I века до нашей эры до II века нашей эры, позволяют говорить о неоднократном и протяженном во времени использовании данного некрополя как места захоронения и поминовения усопших, и функционировании его в качестве одного из родовых или клановых могильников среднесарматской эпохи.

Костные останки из семи погребений были переданы в научную лабораторию «Идентификация объектов биологического происхождения» Академии биологии и биотехнологии ЮФУ для исследования маркеров аутосомной ДНК скелетов. Археологические образцы прошли деконтаминационную обработку для исключения их возможного загрязнения современной ДНК при помощи набора для деконтаминации ДКР (Генотип, Россия). Выделение ДНК производилось фенол-хлороформным методом с последующей концентрацией выделенной ДНК на устройствах Amicon 30K. Генотипирование выделенной ДНК исследуемых образцов проводилось с использованием набора AmpFlSTR Yfiler PCR Reagents «Applied Biosystems» (США) и системы «COrDIS Эксперт» производства «Гордиз» (Россия), генетические определения произведены Арамовой Ольгой Юрьевной, младшим научным сотрудником ЮНЦ РАН, директором ООО «Генотип». Предварительные результаты молекулярно-генетического исследования, представленные лабораторией, приводятся ниже.

1. Не исключается патрилинейное родство между IX К3 Р1 и IX К3 Р2. Вероятность родства по отцовской линии по базе YHRD более 99,99%.

2. STR профили Y-хромосомы IX К3 Р1 и IX К3 Р2 уникальны, но минимальный гаплотип имеет совпадение (табл. 1).

3. По аутосомным STR близкородственное родство (типа «отец-сын» или «брат-брат») между IX К3 Р1 и IX К3 Р2 **не исключается**, но требует дополнительных исследований для последующих расчетов вероятности этого родства.

4. Вероятные Y-гаплогруппы представлены ниже (табл. 2).

Было бы очень заманчиво использовать эти данные молекулярно-генетического анализа для подтверждения тезиса о родовом характере данного некрополя, если бы не некоторые противоречия фактического плана. Согласно определению антрополога, кости из погребения № 1 кургана № 3 могильника «Черкасов IX» принадлежали женщине, а по генетическому анализу половая принадлежность

данного костного материала определяется как мужская. Более того, соседнее погребение в этом кургане (погребение № 2) трактуется как близкородственное. К сожалению, детали погребального обряда скорее противоречат, нежели соответствуют результатам палеогенетических исследований. Погребение № 2 — классический «диагональник», большая квадратная яма, его мужская и воинская принадлежность совершенно очевидны, и результаты антропологических и генетических определений лишь дополняют это. Погребение № 1 отличается и по форме погребального сооружения — узкая прямоугольная яма с подбоем, и по инвентарному набору — наличие среди сохранившихся предметов пряслица скорее подтверждает женский характер погребения, нежели опровергает его. Единственное, что несколько сближает оба погребения, это ориентировка — юго-западная у погребения № 2, и, вероятно, южная, или близкая к южной, у погребения № 1.

Таблица 1. STR профили Y-хромосомы, минимальный гаплотип¹

Популяции	N	DYS19	DYS389I	DYS389II	DYS390	DYS391	DYS392	DYS393
Central Portugal	1	13	14	33	24	10	11	12
Madrid, Central-East Spain	1	13	14	31	24	10	11	12
Santiago de Compostela, Galicia	1	13	14	29	24	10	11	12

Таблица 2. Y-гаплогруппы²

Образцы	Предположительная гаплогруппа	Вероятность	Соответствие, %
IX К3 Р1 – IX К3 Р2	Q M346> YP4004	96.76	21.04
X K1 P1	R1b M269	100	51.04

¹ Предоставлено научной лабораторией.

² Предоставлено научной лабораторией.

Источники и литература

1. Дмитриенко М. В. Отчет о проведении охранно-спасательных археологических раскопок курганных могильников Черкасов I, Черкасов VII, Черкасов VIII и курганов 26, 27, 29–36, 42 в составе курганного могильника Садовый II в Аксайском районе Ростовской области в 2018 г. // Архив ООО «ОКН-проект».
2. Прокофьев Р. В. Технический отчет о проведении охранных научно-исследовательских археологических мероприятий (археологических раскопок) на объекте археологического наследия «курганный могильник Черкасов III» (курганы №1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8), расположенном на земельном участке с кадастровым номером 61:02:0600002:2534 по адресу: Ростовская область, Аксайский район в границах плана земель КСП им. Ленина // Архив ООО «ОКН-проект».
3. Арсеньева Т. М. Усадьбы Танаиса / Т. М. Арсеньева, С. А. Науменко. – М.: Изд-во ИА, 1992. – 231 с.
4. Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры: классификация и хронология // КСИА. – 1978. – № 156. – С. 16–21.
5. Безуглов С. И. Позднесарматский курган близ Новочеркаска / С. И. Безуглов, С. С. Востриков; отв. ред. И. Н. Храпунов // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Т. VIII. – Севастополь: Альбатрос, 2022. – 336 с.

П. С. Качевский

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ И НЕКРОПОЛИ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА ТАГАНРОГА

В административных границах современного города Таганрога в период 1990–1992 годов, благодаря исследованиям сотрудников Таганрогской археологической экспедиции, существовавшей как хозрасчетная организация в составе Таганрогского государственного литературного и историко-архитектурного музея-заповедника (далее — ТГЛИАМЗ), были выявлены и поставлены на государственный учет и наблюдение 19 археологических памятников. Все они приобрели официальный статус объектов историко-культурного наследия регионального значения [1, с. 3–4]. Среди этих памятников культурного наследия есть 8 курганных и грунтовых некрополей, остальные 11 объектов — это памятники, предварительно охарактеризованные по итогам инвентаризации 1990-х годов как поселения, либо как места кратковременного пребывания древнего человека (так называемые «полосы обитания») [1, с. 4–5]. Не исключена вероятность обнаружения и на их территории древних и средневековых погребений, а также участков бескурганных грунтовых некрополей.

Средневековые некрополи и одиночные погребения, выявленные на территории Таганрога, относятся к двум крупным историческим эпохам: периоду господства Хазарского каганата в раннее Средневековье (VIII–X веков, памятники салтово-маяцкой культурно-исторической общности) и к периоду позднесредневековой Золотой Орды (XIII–XIV века). Пока не обнаружены погребальные комплексы и некрополи периода Древней Руси и поздних кочевников — печенегов, торков и половцев (X–XII века), хотя в соседних с Таганрогом сельских районах (Неклиновском, Азовском, Мясниковском) они широко представлены.

Первые научные открытия и полевые исследования средневековых погребальных комплексов в Таганроге начались в 1950-е годы. До этого времени в городской краеведческий музей поступали отдельные артефакты периода Средневековья, случайно обнаруженные местными жителями при проведении земляных работ. Например, в 1940 году из района станции Марцево в музей на хранение передали ранневизантийскую

амфору VIII–X веков. Возможно, эта находка происходила из разрушенного погребения салтово-маяцкой культурно-исторической общности, ставшей этническим ядром Хазарского каганата. Но только в 1952 году под руководством таганрогского краеведа П. Д. Карпуна на пересечении улицы Энгельса и переулка Смирновского было целенаправленно исследовано неограбленное погребение VIII–IX веков, выявленное при проведении строительных работ.

Одинокое погребение взрослого мужчины, скелет которого был помещен в узкую длинную яму и ориентирован головой на запад, сопровождалось вещевым инвентарем: серолощенным гончарным кувшином, типичным для керамики салтово-маяцкой культурно-исторической общности хазарской эпохи, а также глиняной баклажкой. Обряд погребения и набор артефактов типичен для степного (собственно, салтовского) варианта развития культуры Хазарии, носители которого отождествляются рядом археологов, в том числе В. С. Флеровым, с тюрко-булгарскими племенами (оногурами, кутригурами, утригурами и др.) [2]. Вероятно, над погребением существовала небольшая земляная курганная насыпь, что характерно для захоронений раннесредневекового болгарского населения Приазовья. Однако в процессе формирования городской застройки в этой части Таганрога (не позднее первой четверти XIX века) курганная насыпь могла быть с nivelирована для прокладки улиц и переулков, при застройке жилыми домами.

Спустя почти полвека после раскопок П. Д. Карпуна в 2001 году на территории дачного товарищества «Заря» (район «Русское поле», Мариупольское шоссе) на западной окраине Таганрога сотрудниками археологической экспедиции Ростовского отделения Всероссийского

общества охраны памятников истории и культуры П. А. Ларенком, С. В. Мячиным и П. С. Качевским были произведены раскопки интересного и во многом необычного раннесредневекового катакомбного погребения VIII–IX веков [3].

Погребение представляло собой катакомбу глубиной более 3 метров, входной колодец был плотно забит черноземом вперемешку с материковым суглинком. На дне входного колодца выявлен крупный камень, закрывавший дромос — вход в погребальную камеру. На дне камеры обнаружен костяк женщины, возрастом приблизительно 25–30 лет. Череп погребенной имел явные монголоидные расовые признаки. Костяк женщины лежал в вытянутом положении на спине, головой ориентирован на западо-юго-запад [3, с. 96]. Под костяком обнаружено пятно черного тлена от угольной подстилки (подсыпки). При погребенной были обнаружены следующие артефакты:

1. византийская амфора крымского производственного центра (возможно, Херсонес), датируемая первой половиной — серединой IX века, размещавшаяся в ногах костяка;

2. в изголовье — красноглиняная гончарная баклажка «салтовского» типа (VIII–IX веков);

3. рядом с баклажкой стоял лепной глиняный горшок, также характерный для кочевнических погребений хазарского времени;

4. в районе костей таза найдены коррозированные железные наконечники стрел или лезвия небольших ножичков, очень плохой сохранности;

5. у правого предплечья выявлены кости коровы и овцы — вероятно, остатки жертвенной заупокойной пищи, уложенные на деревянное блюдо, совершенно истлевшее;

6. у черепа найдена золотая серьга шарнирного типа, украшенная выгравированным растительным орнаментом.

Этническая принадлежность погребенной женщины остается нерешенной проблемой, поскольку обряд погребения в катакомбе в хазарское время типичен для аланского населения Северного Кавказа и Дона. В то же время аланы отличались от хазар и тюрко-булгар явным преобладанием европеоидного расового типа, а погребенная в данной катакомбе женщина имеет монголоидные расовые черты. Возможно, в данном случае мы фиксируем результаты межкультурного и межэтнического взаимодействия представителей ираноязычных аланских племен и тюркоязычных хазарских или болгарских племен [3, с. 97]. Необычным для статуса средневековой женщины является и факт помещения в ее могилу винной амфоры, баклажки и железных предметов (стрел или ножицков).

Вскоре после открытия данного погребального комплекса началось планомерное изучение исторических некрополей золотоордынского времени. В 2004 году в Таганроге во время проведения археологической учебной практики студентов исторического факультета Таганрогского государственного педагогического института (далее — ТГПИ) [4, с. 14–15], был раскопан курган № 1 в курганном могильнике «Северный-II». Автор научного археологического отчета об этих раскопках П. А. Ларенок отмечал, что курганный некрополь занимал водораздел, образованный изгибом верхнего течения балки Большой Черепахи на северной окраине города Таганрога. Частично курганный некрополь поврежден и застроен очистными сооружениями Таганрогского водоканала. Вне зоны застройки в 2004 году еще оставалась юго-западная часть курганно-

го могильника, представлявшая собой заброшенное пахотное поле, на котором и были предприняты поиски подкурганных погребений. Насыпь кургана № 1 выявлена путем визуальной археологической разведки, ее распаханный контур маркировали разбросанные обломки известняка и песчаника, которые могли быть элементами уничтоженных распашкой советского послевоенного периода надкурганных конструкций (например, кромлеха или иных каменных статуй, изваяний) [4, с. 15].

Курган № 1 сооружен над единственным погребением, совершенным в овальной яме подбойного конструктивного типа. Могильная яма, превышавшая в глубину 2 метра от древней поверхности земли, над которой насыпался курган, располагалась в 3 метра северо-западнее от центра полностью сnivelированной распашкой курганной насыпи. Входной колодец могильного сооружения был ориентирован в широтном направлении с востока на запад. Ниша подбоя находилась в южной стенке в придонной части входного колодца. На дне входного колодца обнаружен скелет лошади, кости которой полностью сохранились в анатомическом порядке. Лошадь положили «на живот», головой на запад. Лошадь домашняя, кобыла, возрастом 3,5–4 года, ее рост в холке достигал 138 см, то есть среднерослая, тонконогая. Определение костей лошади выполнено Ю. Я. Мягковой. Лошадь взнуздана — в зубах находились железные кольчатые двусоставные удила с перегибом [5, с. 17].

По мнению В. А. Ларенок, исследовавшей данный погребальный комплекс, в соответствии с хронологией удил, разработанной Г. А. Федоровым-Давыдовым, такой тип встречается в средневековых памятниках на Юге России, начиная с половецкого периода, то есть с рубежа XI–XII веков. Схожие по конструкции удила, с

широкой втулкой, согласно В. А. Ларенок, были найдены в погребении второй половины XIV века в городе Саратове [5, с. 17].

В восточной части подбойной могилы, вероятно, на крышке гроба после его установки, помещены детали конской упряжи: пара стремян разных типов и, видимо, часть ремней упряжи, от которой сохранились железное распределительное кольцо и подпружные пряжки (одна — с арочной рамкой и подвижным язычком, вторая — с округлой рамкой). По типологии А. Н. Кирпичникова эти стремяна относятся к VII типу, время их широкого распространения относится к XII–XIII веков [5, с. 17–18].

На дне камеры подбоя в гробу лежал скелет мужчины европеоидного расового типа, возраст 35–40 лет (антропологические определения выполнены Е. Ф. Батиевой). Тело вытянуто на спине, черепом костяк ориентирован к западу и юго-западу.

Сопровождающий погребенного мужчину-воина вещевой инвентарь:

1. нож железный, черешковый, однолезвийный;

2. калачевидное железное кресало с кресальным кремнем, широко распространенное в эпоху Средневековья, начиная с XI века;

3. с севера от костяка погребенного мужчины, около железного ножа находились остатки напугтственной пищи — кости свиньи; не установлено, являлось ли животное диким или домашним;

4. каменный оселок — точило для заточки ножей и других железных изделий, сделанный из песчаника; имеет отверстие для подвешивания оселка к поясу [5, с. 18];

5. вток (?) или ворворка (?) — железный конический предмет, свернутый из листа металла, находился к северо-северо-западу от черепа; как отмечают П. А.

и В. А. Ларенок, функциональное предназначение этого предмета непонятно, внешне напоминает вток копья, но может оказаться не деталью оружия воина, а обломком бунчука (знамени или кисти) — украшения конской сбруи [5, с. 18–19];

6. вдоль правой ноги, с юго-юго-востока находились остатки берестяного колчана для стрел; каркас колчана состоял из железных пластинок, снабженных костяными, резными орнаментированными и раскрашенными красной и зеленой краской накладками; орнаментальную композицию на накладках колчана, опираясь на исследования Н. Малиновской, П. А. и В. А. Ларенок разделяют на 6 горизонтальных зон, пять из которых совпадают на всех трех пластинах яруса, а шестая есть только на более длинной центральной пластине [5, с. 21–22; 6, с. 132–175];

7. в колчане обнаружены пять железных наконечников стрел, подобные крупные ромбические наконечники стрел с упором у основания имеют очень широкую датировку, в рамках периода позднего Средневековья и раннего Нового времени, речь идет о XIII–XVIII веках [5, с. 24];

8. у южной стенки подбойной могилы под тленом досок гроба лежала баранья лопатка, поверх которой находился железный нож; по предположению В. А. Ларенок, это материальный след от важного ритуально-магического действия, совершение которого родственниками умершего, или его соплеменниками, связано с древними тюрко-монгольскими традициями культа души умершего воина или шамана [5, с. 24–25].

В. А. Ларенок обоснованно, на наш взгляд, относит погребение 1 в кургане № 1, совершенное в целом по половецкому обряду, к эпохе утверждения в Приазовье господства Золотой Орды (XIII век). Этот процесс был связан с притоком но-

вого кочевого населения из Центральной Азии и Южной Сибири, которое активно взаимодействовало и смешивалось с местными кочевниками — половцами (кипчаками). Черты смешанного этнокультурного облика исследовательница прослеживает и у погребенного мужчины, предполагая, что его социальный статус — воин-шаман [5, с. 33–34].

Несомненно, исторические некрополи на территории Таганрога, относящиеся к эпохам древности и средневековья тесно связаны с поселенческими археологическими памятниками. Прежде всего, это стационарные поселения и кочевья VIII–X веков, выявленные в районе рощи «Дубки», в районе Вальной балки (в селе Михайловке), в районе Приморского парка и к востоку от Центрального

пляжа (поселение «Богудония»), а также золотоордынские поселения XIII–XIV веков, выявленные М. А. Миллером и А. А. Миллером в районе села Петрушино, и Н. Д. Прасловым близ села Комаровка на юго-западной окраине Таганрога [7, с. 42–43; 8, с. 41].

Таким образом, средневековые погребения и некрополи на землях Таганрога начали полноценно исследоваться только в XXI веке. Пока они недостаточно изучены. Актуальной проблемой остается их взаимосвязь с поселениями хазарского и золотоордынского времени, выявленными в ряде районов города Таганрога, но еще не исследованными при раскопках. Не последней является и проблема обеспечения сохранности средневековых исторических некрополей.

Источники и литература

1. Ларенок П. А. Археологические памятники на территории г. Таганрога // Архив ТГЛИАМЗ. Ф. Археологические памятники. Оп. 1. Д. 94.
2. Флеров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарии: (Маяцкий могильник). – Волгоград: Перемена, 1993. – 142 с.
3. Качевский П. С. Новое салтовское погребение на территории города Таганрога // Археологические записки ДАО: материалы VIII Донской археологической конференции «Проблемы археологии и этнической истории Дона и Северного Кавказа» (26–30 ноября 2002 г., Ростов-на-Дону). – Ростов-н/Д., 2005. – С. 96–98.
4. Качевский П. С. Археологические исследования исторического факультета ТГПИ в 2004 году // VII Донские археологические чтения. Сборник докладов. – Ростов/нД., 2005. – С. 14–16.
5. Ларенок В. А. Погребение кочевника-тюрка из могильника Северный-II / В. А. Ларенок, П. А. Ларенок // VII Донские археологические чтения. Сборник докладов. – Ростов/нД., 2005. – С. 16–40.
6. Малиновская Н. В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века: сб. ст. / Отв. ред. А. П. Смирнов и Г. А. Федоров-Давыдов. – М.: Наука, 1974. – С. 132–175.
7. Ларенок П. А. Таганрогский мыс и Порто-Пизано в XI–XIV вв. // Энциклопедия Таганрога. – Ростов/нД.: Ростиздат, 1998. – С. 41–45.
8. Качевский П. С. Новое поселение на территории Таганрога — археологический памятник «Богудония» // Рубикон. Сборник трудов молодых ученых / Под ред. А. Л. Бойко. – Ростов/нД., 2005. – Вып. 37. – С. 55–58.

А. Н. Масловский

ТОПОГРАФИЯ РУССКИХ МОГИЛЬНИКОВ КОНЦА XVII — КОНЦА XVIII ВЕКОВ В АЗОВЕ

За четыре десятилетия регулярных археологических исследований сотрудниками Азовского музея-заповедника на территории Азова были изучены погребальные комплексы эпохи русско-турецких войн конца XVII — конца XVIII веков в рамках 40 раскопов, разбросанных по территории центральной части современного Азова (рис. 1). Краткие упоминания, описания отдельных комплексов и находок в большинстве своем приводятся в информационных статьях по результатам исследований в изданиях Азовского музея [1–20]. В кратком очерке археологии Нового времени в Азове русским могильникам XVIII века посвящен один абзац [21, с. 15]. Немногочисленные тезисные работы, целиком посвященные данной теме, рассматривают исключительно экстраординарные комплексы [22; 23]. Единственной аналитической работой, целиком посвященной погребальным комплексам периода русско-турецких войн, является работа антрополога о могильнике на углу улиц Ленинградской и Щорса [24].

Причина недостаточной изученности темы в том, что основной объект изучения археологов Азова — остатки золо-

тоордынского Азака. С другой стороны, археологические объекты Азова периода русско-турецких войн — сложный для изучения источник с мизерным числом находок и широкими датировками. Для могильников дополнительной сложностью является малая информативность предельно стандартизированного погребального обряда и инвентаря русских могильников Нового времени. Каждый отдельно взятый могильник — скудный источник информации, особенно если его нельзя датировать точно. Учитывая, что русские могильники относятся к нескольким изолированным временным отрезкам, получается смазанная картина усредненного погребального обряда целой страны на протяжении столетнего периода, которую невозможно детализировать. Перед нами не свидетельства жизни конкретной популяции, а в достаточной мере случайная выборка из солдат и рабочих людей, собранных с территории всего государства.

По сравнению с массивом письменных источников, изучение погребальных памятников конца XVII — конца XVIII ве-

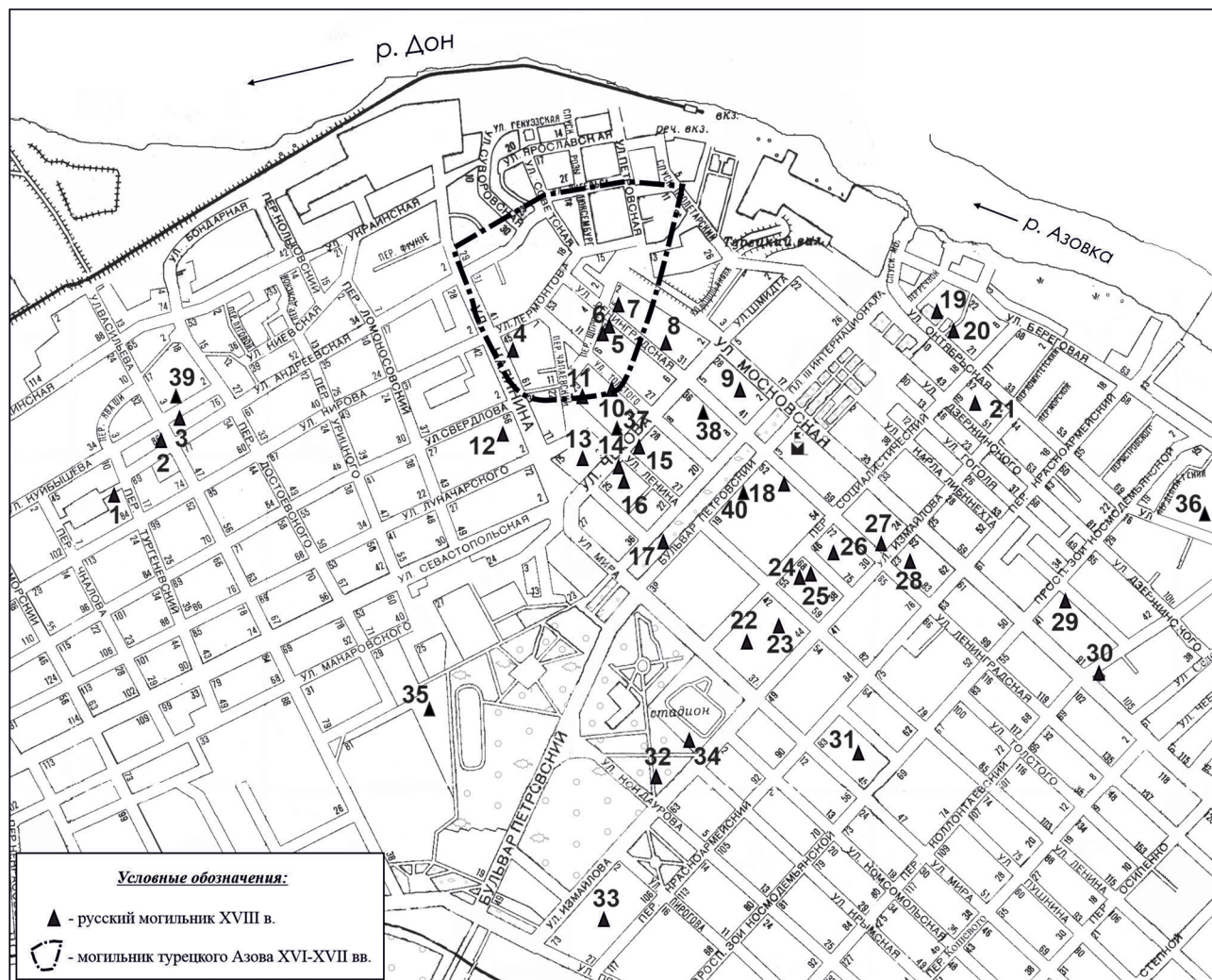

Рис. 1. Карта центральной части города Азова с местоположением, выявленных русских могильников конца XVII – конца XVIII веков

- 1 – ул. Тургенева, 16 (2018); 2 – ул. Васильева, 36 (2017); 3 – ул. Куйбышева, 9 (2020); 4 – ул. Калинина, 47 (2020);
 5 – ул. Щорса, 7 (2007); 6 – ул. Ленинградская, 18–20 (2015); 7 – ул. Ленинградская, 11 (2000); 8 – ул. Ленинградская,
 29 (1987); 9 – ул. Московская, 32 (1993); 10 – ул. Толстого, 20 (2019–2020); 11 – ул. Ленина, 5а (2018–2019);
 12 – ул. Калинина, 60 (2016); 13 – ул. Чехова, 206 (2023); 14 – ул. Чехова, 10 (1989); 15 – ул. Чехова (1988);
 16 – ул. Чехова (1984), Петровский бульвар, 38–22 (2019); 18 – ул. Ленинградская (1981); 19 – ул. Октябрьская, 7
 (2001); 20 – ул. Октябрьская, 11–15 (2006–2008); 21 – ул. Державинского, 49 (2008–2009); 22 – Мира, 35а, Р-III (2018);
 23 – Социалистический, 61а (2006); 24 – Социалистический, 53 (2015); 25 – Толстого, 70 (2005); 26 – Толстого, 67
 (2008); 27 – Ленинградская, 71 (1997); 28 – Ленинградская, 73–75 (1992); 29 – К. Либкнехта 66 (2011);
 30 – Московская, 95 (2006–2007); 31 – ул. Мира, 45, Р-II (2007); 32 – ул. Мира, 4, Р-III (2018);
 33 – пер. Красноармейский, 106 (1990); 34 – ул. Измайлова, 48 (2016); 35 – ул. Васильева, 81в, Р-2 (2014);
 36 – ул. Октябрьская, 81 (2013); 37 – ул. Чехова, 16 (2018); 38 – ул. Ленинградская, 42 (1985);
 39 – ул. Куйбышева, 12 (2009); 40 – ул. Ленинградская, 58 (2019)

Раскопки: 1, 5, 7, 11, 19, 22, 23, 26, 27, 29–32, 37 – А. Н. Масловского; 2 – М. В. Харенко;
 3, 4, 36 – С. М. Гончаровой; 6 – С. А. Кравченко; 8, 15 – И. В. Волкова; 9, 28, 33 – И. В. Гудименко; 10,
 40 – А. П. Минаева, С. М. Гончаровой; 12, 34 – М. Ю. Гончарова; 13, 24 – Н. И. Юдина; 14 – А. Л. Бойко;
 16 – В. И. Перевозчикова; 17 – Д. А. Кубанкина; 18 – В. В. Чалого; 20, 21 – А. Н. Масловского, Э. Б. Широченко;
 25 – М. В. Дмитриенко; 35 – Д. И. Зенюка; 38 – П. А. Ларенка

ков способно добавить небольшой объём новой исторической информации. При этом полноценное введение в оборот погребальных комплексов должно сопровождаться анализом письменных и картографических материалов.

Стоит отметить, что на сегодняшний день накоплен весьма значительный объём данных, в некотором роде уникальный, поскольку нигде в России следы осадных лагерей и временных поселков не изучены на такой большой площади и в таком количестве. Поэтому уже сегодня эти материалы могут служить не только иллюстрацией в музейных экспозициях и монографиях об Азовской крепости, но и выступать как самостоятельный источник, который позволяет рассматривать различные вопросы, связанные с периодом борьбы России за присоединение Азова и в более широком контексте археологии России Нового времени.

Отсутствие аналитических статей по данному вопросу, к сожалению, привело к появлению историографического курьёза [25]. Автор публикации, не пожелав ознакомиться с результатами предшествующих исследований, сочла возможным, на основании наличия нескольких поздних погребений, отнести одно из городских кладбищ золотоордынского Азака к числу русских некрополей XVIII века. Ею было заявлено, что Азак являлся ранее неизвестным могильником. Особенности его погребального обряда, и в частности, положение рук, а также типичный для золотоордынского памятника инвентарь и необычный для армии половозрастной состав погребенных не могли не вызвать у неё недоуменных вопросов [25, с. 60–63]. Её пространственные ответы на них неубедительны, поскольку опираются на единственное спорное утверждение, что все могилы расположены правильными

рядами вместе с погребениями, с крестами и представляют собой попытку подогнать данные под заданный ответ. Нельзя не отметить, что в тексте отчета О. В. Шарова погребения с инвентарём отнесены к золотоордынскому периоду, а значительная часть комплексов не получила точной датировки.

Однако беглый просмотр отчетной документации в архиве Азовского музея позволил бы автору узнать, что примерное «попадание» русских погребений с крестами в ряды золотоордынских погребений на могильниках Азака не является чем-то уникальным. Погребальный обряд большинства погребений отчетливо мусульманский, с выраженным разворотом на кыблу. Его особенности, если ограничиваться Восточной Европой, давно проанализированы археологами, изучающими Волжскую Булгарию и Золотую Орду [26, с. 44–48; 27]. К указанной статье О. В. Кладченко есть ещё ряд других вопросов, требующих отдельной подробной публикации. Например, неверно определен тип серьги из погребения № 38 [25, с. 63, 65], которая вовсе не является серьгой типа «знак вопроса». К XVIII веку среди исследованных в 2020 году погребальных комплексов относится не более 1/5 части.

Между тем, могильник, исследованный в 2020 году, был известен с 2002 года. Он входит во внутреннюю дугу могильников золотоордынского Азака (могильник № 6), опоясывавших центр города [28, с. 335]. Братские же погребения XVIII века с крестами были зафиксированы поблизости от этого могильника ещё в 2001 году [8]. А русский могильник с вполне типичным погребальным обрядом конца XVIII века расположен примерно в 50 метрах к востоку [10, с. 164; 11, с. 190; 12, с. 257; рис. 3.2–6].

Чтобы избежать появления подобных курьёзов в будущем и ввести в научный

оборот накопившиеся материалы, понадобится многолетняя работа, и данная статья является первой в их числе. Она посвящена вопросам топографии и хронологии могильников.

Обращает на себя внимание, что русские могильники XVIII века нередко размещались на территории некрополей золотоордынского Азака или турецкого Азова. Двадцать два из сорока (то есть более половины) учтённых в данной статье мест находок (рис. 1) расположены либо в пределах, либо в непосредственной близости от этих кладбищ. Если захоронения поблизости от крепости сложно было бы разместить вне пределов главного могильника золотоордынского Азака и разросшегося кладбища турецкого Азова (рис. 1), то попадание русских захоронений на периферийные могильники золотоордынского Азака (пересечение улиц Васильева и Куйбышева; улица Васильева, 81в; переулок Красноармейский, 106; улица Мира, 45; улица Московская, 95) вызывает удивление. Возможно, это говорит о том, что в XVIII веке местоположение золотоордынских могильников можно было определить.

Все русские захоронения XVIII века по своим размерам делятся на три группы. Первую составляют захоронения одного-двух человек (улица Чехова, 20б; улица Мира, 45 и 35а; улица Калинина, 60; улица Чехова, 16). Во вторую группу входят небольшие могильники до 10–20 или несколько больше отдельных погребений, либо 1–3 — братских могил (улица К. Либкнехта, 66; переулок Красноармейский, 106; улица Толстого, 70 и переулок Социалистический, 53; улица Ленинградская, 42, 71, 73–75; улица Измайлова, 48; улица Мира, 4, раскоп III). Здесь уже может фиксироваться (но не обязательно и не всегда строго) рядо-

вая планировка. Наконец, третью группу составляют крупные могильники из ста и более индивидуальных и братских захоронений (улица Ленинградская, 18–20; улица Октябрьская, 11–15; улица Дзержинского, 49).

Такая классификация требует существенных оговорок.

1. Размеры многих могильников нам совершенно не ясны, поскольку зафиксированы на краях раскопов или в траншеях (улица Васильева, 81в; Петровский бульвар, 38–22; улица Мира, 4, раскоп III; переулок Социалистический, 61а).

2. Одиночные захоронения могут быть периферийными погребениями крупного могильника, не затронутого нашими исследованиями.

3. Учитывая особенности истории Азова конца XVII–XVIII веков, вполне вероятно, что на одном участке случайно могут оказаться захоронения, не связанные между собой хронологически. Например, на участке по улице Ленинградской, 73–75 одно из погребений с монетами находится на очень значительном удалении от нескольких погребений, сконцентрированных у перекрестка улиц Ленинградской и Измайлова.

4. Неясно, следует ли объединять в один некрополь захоронения, удаленные друг от друга на десятки метров? Этот вопрос особенно актуален для всех захоронений между улицами Московской, Калинина, Лермонтова и Петровским бульваром. Большая их часть рассеяна в пределах обширного городского некрополя, существовавшего непрерывно с конца XIII до конца XVIII века. Их взаимосвязь совсем не очевидна.

Можно с уверенностью говорить, что в ходе исследований выявлена меньшая часть захоронений. Отсюда следует, что при всех вышеуказанных оговорках в Азо-

ве в разные периоды XVIII века одновременно могли функционировать несколько десятков русских могильников. На мой взгляд, это можно объяснить тем, что своё кладбище имело каждое воинское подразделение, ведомство или церковный приход. И топография могильников отражает размещение этих контингентов по территории города. На это указывает и то, что в ряде случаев неподалеку (в пределах от 10 до 50 м) от захоронений встречены другие находки XVIII века. В полной мере топография кладбищ была бы изучена путём детального сопоставления данных археологии и картографических материалов того времени, но это превышает возможности автора.

Также в настоящее время затруднительно исчерпывающее изучение хронологии могильников. Погребальный инвентарь представлен скудно (рис. 2), свыше половины всех комплексов и вовсе его не содержат. Большую его часть составляют кресты нескольких типов (рис. 2.1–8), узкая датировка которых, вероятно, невозможна в принципе. Встречен священнический наперсный крест (рис. 2.2). Для большинства мест захоронений нет никаких других предметов. На втором месте по численности с большим отрывом находятся мелкие литые пуговицы от рубах с крупными ушками шаровидной или биконической формы (рис. 2.15–19) и более крупные сегментовидные полые пуговицы от мундиров. Все остальные категории находок (рис. 2.9–14) являются исключением и не образуют крупных серий. В ряде случаев в погребениях встречены монеты, но всё же они позволяют датировать небольшую часть некрополей.

На настоящий момент топография могильников с разбивкой по хронологическим этапам выглядит следующим образом.

1. Период русского Азова времен Петра I (1696–1714) достоверно представлен только одним, но зато самым большим могильником, который зафиксирован на трёх раскопах (улица Ленинградская, 11 и 18–20; улица Щорса, 7). Число захоронений здесь можно оценить в несколько тысяч. По мнению С. А. Кравченко, проводившей исследования на самом крупном из раскопов, здесь можно выделить два хронологических горизонта [17, с. 126]. На мой взгляд, это нуждается в дополнительных доказательствах. Могильник находится особняком по всем своим характеристикам. Только здесь половозрастной состав захороненных людей близок к нормальной популяции [24]. Очень много (более 50 %) погребений несовершеннолетних и много женских захоронений. Отличается могильник и по инвентарю. В частности, только здесь встречены серьги типичного для России XVII–XVIII веков типа (рис. 2.10), а также тканевые венчики с вышивкой металлическими нитями и бусы [17, с. 127–128]. Кладбище расположено почти вплотную (на расстоянии не более 20–30 м) к рвам новой крепости, отстроенной Петром I. Вероятно, этим временем следовало бы датировать некоторые небольшие могильники и одиночные погребения, но выделение их представляется задачей, на настоящий момент, нерешаемой. Учитывая топографическую привязку данного могильника, можно было бы ожидать выявления синхронных кладбищ поблизости от других бастионов Петровской крепости. К сожалению, целенаправленная проверка такого предположения невозможна.

2. Период русско-турецкой войны (1735–1739) представлен лучше всего, и это касается не только могильников, но

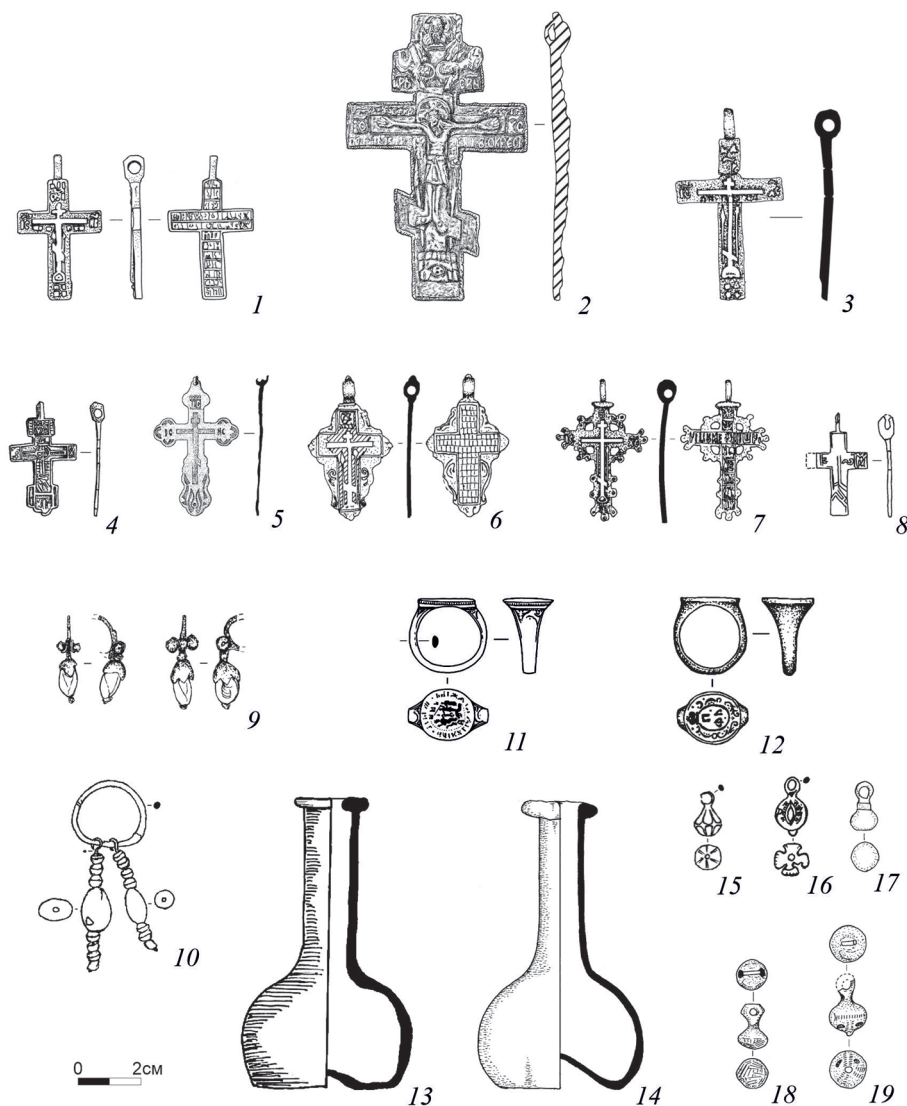

Рис. 2. Инвентарь из русских погребений в городе Азове
конца XVII – конца XVIII веков

1, 3–8 – нательные кресты; 2 – наперсный крест; 9–10 – серьги;
11–12 – серебряные перстни; 13–14 – стеклянные флаконы для миро;
15–19 – пуговицы

1 – ул. Октябрьская, 15 (2008), пог. 139; 2 – ул. Тургенева, 16 (2018), пог. 6;
3 – ул. Дзержинского, 49 (2009), пог. 15; 4 – ул. Октябрьская, 7 (2001), пог. 3;
5 – ул. Мира, 4 (2018), пог. 12; 6 – ул. Дзержинского, 49 (2009), скудельница;
7 – ул. Дзержинского, 49 (2009), пог. 17; 8 – ул. Октябрьская, 7 (2001), пог. 5;
9 – ул. Дзержинского, 49 (2009), пог. 29; 10 – ул. Ленинградская, 18–20 (2015), пог.
61; 11 – ул. К. Либкнехта, 66 (2011), пог. 3; 12 – ул. Дзержинского, 49 (2008), пог. 9;
13 – ул. Дзержинского, 49 (2008), пог. 9; 14 – ул. Дзержинского, 51 (2004), пог. 2;
15 – ул. Ленинградская, 18–20 (2015), пог. 411; 16 – ул. Ленинградская, 18–20
(2015), пог. 392; 17 – ул. Октябрьская, 15 (2008), пог. 148; 18 – ул. Октябрьская, 15
(2008), пог. 138; 19 – ул. Октябрьская, 15 (2008), пог. 141

и осадных и жилых сооружений, и построек. Неясно, отражает такая картина реальность или связана просто с лучшим обеспечением русской армии этого вре-

мени. Монеты Анны Иоанновны обнаружены в захоронениях по адресам: улица Чехова, 10; улица К. Либкнехта, 66; улица Тургенева, 16. Уже эти адреса показывают, что могильники этого периода разбросаны по территории всего Азова. Этим временем следует датировать, по всей видимости, значительную часть братских захоронений, которые можно связывать с эпидемией, охватившей русские войска ближе к концу войны. Вероятно, крупные могильники в это время не возникали, и у каждого подразделения было своё место для захоронений.

3. Несколько загадочным представляется период правления Елизаветы Петровны. Согласно мирному договору, на земле Азова было запрещено селиться. Тем не менее, следы такого поселения, а также сам могильник этого времени зафиксированы археологически. Одно

из погребений на участке по улице Дзержинского 49 сопровождалось двумя монетами этого периода. Здесь отмечены погребения женщин и детей. Некоторые

погребения отличаются своими размерами. Одно из погребений (его не удалось расчистить) было совершено в склепе. Здесь же зафиксирована единственная известная по раскопкам в Азове скудельница. Данный могильник выделяется также по составу погребального инвентаря. В частности, здесь встречены серебряные вещи (рис. 2.7, 2.12), запонки, кипарисовый крест, серьги необычной формы (рис. 2.9) и два стеклянных флакона для миро (рис. 2.13–14). Вероятно, поблизости располагалась церковь. Вероятность отнесения могильника к более позднему периоду, при допущении сильного запаздывания монет в погребении, очень мала, поскольку в конце XVIII века здесь появляется жилая застройка. Одно из сооружений пререзает несколько погребений могильника.

4. Последним периодом является время после начала строительства крепости Азова при Екатерине II (с 1770 года до самого конца XVIII века). Монеты этого времени обнаружены в двух братских захоронениях в переулке Красноармейском 106 и улице Октябрьской 11–15. В обоих случаях они происходят из братских захоронений, вероятно, жертв эпидемии чумы 1770 года. Такой территории

альный разброс указывает, что и в этот период одновременно существовал целый ряд некрополей. Могильник в районе улицы Октябрьской 11–15, вероятно, являлся кладбищем Солдатского форштадта, существовавшим и после окончания русско-турецкой войны. Здесь отмечены погребения, хотя и малочисленные, женщин и детей. С рубежа XVIII–XIX веков начинается история некрополей современного Азова. Возможно, самым поздним среди учтённых в данной работе, является край могильника по улице Васильева 81в, расположенный поблизости от кладбища Азова, функционировавшего с XIX века до 1960-х годов. Но более вероятным представляется случайное соседство этих двух могильников.

В заключении следует ещё раз отметить, что большинство выявленных мест захоронений представляют собой воинские погребения. В них нет погребений детей, и как исключение присутствуют захоронения женщин, в том числе обезглавленных [9, с. 131]. Только три могильника (улица Ленинградская 18–20; улица Дзержинского 49; улица Октябрьская 11–15) являются кладбищами поселения, возникавшего на территории Азова после окончания военных действий.

Источники и литература

1. Ларенок П. А. Об археологических раскопках в зоне строительства здания прокуратуры в г. Азове по ул. Ленинградской, 42 // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1985 г. (тезисы докладов к семинару). – Азов, 1986. – С. 17–19.

2. Волков И. В. Раскопки в городе Азове в 1987 году // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 году (те-

зисы докладов к областному семинару). – Азов, 1988. – С. 9–11.

3. Волков И. В. Охранные раскопки мусульманского могильника в г. Азове // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1988 году (тезисы докладов к семинару). – Азов, 1989. – С. 7–11.

4. Бойко А. Л. Спасательные раскопки в г. Азове в 1989 г. // Историко-археоло-

гические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. – Азов: Азовский краеведческий музей, 1990. – Вып. 9. – С. 3–5.

5. Гудименко И. В. Спасательные раскопки II Азовского археологического отряда на территории г. Азова в 1990 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1990 году. – Азов: Азовский краеведческий музей, 1991. – Вып. 10. – С. 12–14.

6. Масловский А. Н. Работы I Азовского отряда в 1997 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. – Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. – Вып. 15. – С. 133–137.

7. Масловский А. Н. Раскопки в г. Азове в 1999–2000 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. – Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. – Вып. 17. – С. 129–135.

8. Масловский А. Н. Раскопки в Азове // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. – Азов: Азовский краеведческий музей, 2002. – Вып. 18. – С. 212–223.

9. Дмитриенко М. В. Итоги археологических исследований в г. Азове по ул. Толстого, 70 в 2005 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. – Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. – Вып. 22. – С. 126–135.

10. Масловский А. Н. Исследования в Азове, Азовском районе и Ростове в 2006 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. – Азов: Азовский музей-заповедник, 2008. – Вып. 23. – С. 144–188.

11. Масловский А. Н. Археологические исследования в городе Азове и Азовском районе в 2007–2008 годах // Историко-археологические исследования в Азове и на

Нижнем Дону в 2007–2008 гг. – Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2010. – Вып. 24. – С. 182–242.

12. Широченко Э. Б. Археологические исследования в городе Азове в 2008 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. – Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2010. – Вып. 24. – С. 253–259.

13. Широченко Э. Б. Археологические исследования в Азове и разведки в Азовском районе в 2009 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2009 г. – Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2011. – Вып. 25. – С. 164–189.

14. Масловский А. Н. Работы в городе Азове и Аксайском районе Ростовской области в 2011 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2011 г. – Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2013. – Вып. 27. – С. 137–146.

15. Гончарова С. М. Археологические исследования в городе Азове в 2013–2014 гг. / Э. Б. Широченко, М. В. Харенко, М. Ю. Гончаров и др. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 гг. – Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2016. – Вып. 29. – С. 50–126.

16. Зенюк Д. И. Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2013–2014 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 г. – Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2016. – Вып. 29. – С. 163–228.

17. Кравченко С. А. Археологические исследования в г. Азове и Азовском районе в 2015 году // Историко-археологические исследования в Азове и на

Нижнем Дону в 2015–2016 г. – Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2018. – Вып. 30. – С. 122–178.

18. Юдин Н. И. Раскопки в Азове в 2015 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2015–2016 г. – Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2018. – Вып. 30. – С. 183–192.

19. Гончаров М. Ю. Археологические исследования в г. Азове в 2016–2017 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2017 году. – Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2022. – Вып. 31. – С. 58–84.

20. Харенко М. В. Археологические исследования в г. Азове в 2017 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2017 году. – Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2022. – Вып. 31. – С. 112–122.

21. Масловский А. Н. Археология Нового времени (XVII — начало XIX вв.) в г. Азове // Курительные трубки из раскопок османской крепости Азак (по материалам фонда археологии Азовского музея-заповедника). Каталог коллекции. – Азов: Издательство «Голден-Би», Азовский музей-заповедник, 2016. – С. 7–17.

22. Бойко А. Л. Захоронения времени эпидемий XVII–XVIII веков на территории города Азова // Вторая Кубанская археологическая конференция: тезисы докладов. – Краснодар: Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына, 1993. – С. 11.

23. Бойко А. Л. Массовые и «заложные» погребения в Азове XVII–XVIII вв. / А. Л. Бойко, С. В. Черницын // Рубикон: сборник научных работ молодых учёных. – Ростов-на-Дону, 1998. – Вып. 3. – С. 14–20.

24. Батиева Е. Ф. К антропологии населения Азовской крепости XVII–XVIII веков // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2015–2016 г. – Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2018. – Вып. 30. – С. 399–416.

25. Кладченко О. В. Участок кладбища XVIII в. в г. Азове. Результаты работ 2020 г. // Изучение и сохранение исторических некрополей: материалы региональной научно-практической конференции. Таганрог, 27–28 мая 2022 г. – Таганрог: Изд-во ЧОУ ВО ТИУиЭ, 2022. – С. 57–68.

26. Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X–XIII в. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1986. – 159 с.

27. Васильев Д. В. Мусульманский погребальный обряд в Золотой Орде. – Астрахань: Астраханский госуниверситет, 2007. – 201 с.

28. Масловский А. Н. Могильники Азака. История изучения и задачи будущих исследований // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2015–2016 г. – Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2018. – Вып. 30. – С. 318–357.

М. А. Деняев

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В XVII–XVIII ВЕКАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СТАНИЦЕ СТАРОЧЕРКАССКОЙ)

Изучение казачьих некрополей и шире казачья археология в последние годы вызывают все больший интерес со стороны исследователей. Хотя необходимо сразу оговориться, что основные данные по-прежнему нам предоставляют отчеты по итогам проводимых различными организациями охранно-спасательных работ на земельных участках, отводимых под хозяйственное освоение. Тем не менее, изучение некрополей Нового времени все же ведется, и на передний план выходят вопросы систематизации полученного материала, типологии устойчивых признаков.

В 2016 году силами экспедиции ЗАО «ОКН-проект» был выявлен и в значительной степени

исследован некрополь в станице Старочеркасской (рис. 1). Всего было обнаружено 134 погребения. В процессе работ, и особенно при обработке данных, была отмечена локализация выявленных объектов в пределах трех участков, каждому из которых были присущи свои специфические особенности [1].

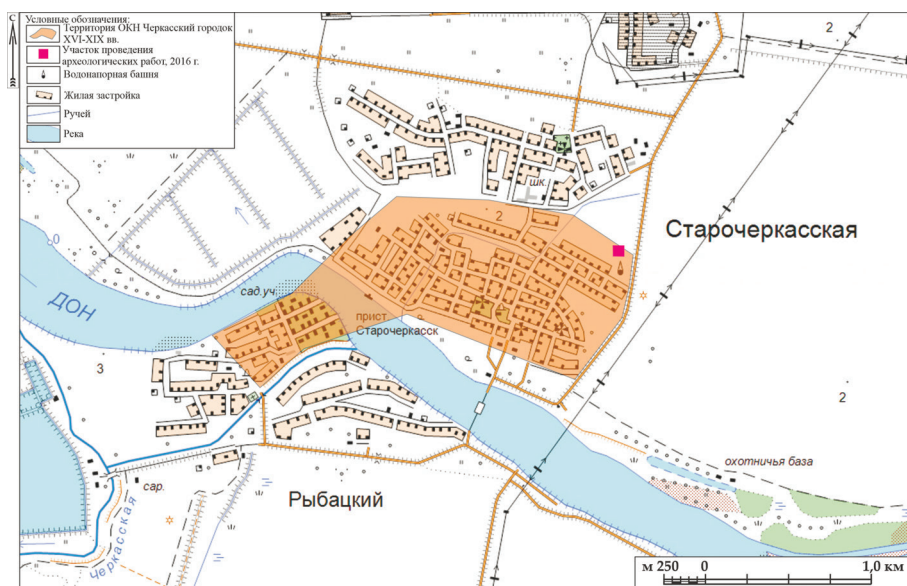

Рис. 1. Ситуационный план расположения объекта культурного наследия «Черкасский городок XVI–XIX вв.»

В настоящей статье будут рассмотрены зафиксированные в ходе проведения археологических исследований южного участка некрополя (наиболее устойчивые признаки погребальной обрядности). Частично эта проблематика была затронута автором в статье, вышедшей по итогам конференции 2023 года [2]. Южный участок, в соответствии с датирующим материалом отнесенный ко второй половине XVII–XVIII векам, в своем составе насчитывал 43 погребения (рис. 2).

Погребение, получившее первый номер, было выявлено еще в ходе дополнительных шурфовочных работ, которые предваряли раскопки. Оно оказалось фактически в центре основной группы погребений, выявленных при изучении пласта 1. Всего при его снятии были обнаружены 26 погребений. При исследовании

пласта 2 были обнаружены 15 погребений. Кроме того, к южному участку нами было отнесено погребение 58, выявленное при изучении раскопа 2. Могильные ямы прослежены в большинстве случаев, кроме трех погребений: 1, 8, 11. Костные останки отсутствовали только в погребении 5, которое представляет собой исключение и с точки зрения особенностей могильной ямы. Вдоль северо-восточной стенки ямы проходит подбой длиной более 2 м. Можно предположить, что погребение 5 относится к более раннему периоду и не связано с основным периодом функционирования некрополя. В планиграфическом отношении в основном наблюдается расположение могил по линии западо-северо-запад — востоко-юго-восток. Несколько могил расположены по линии северо-восток — юго-запад.

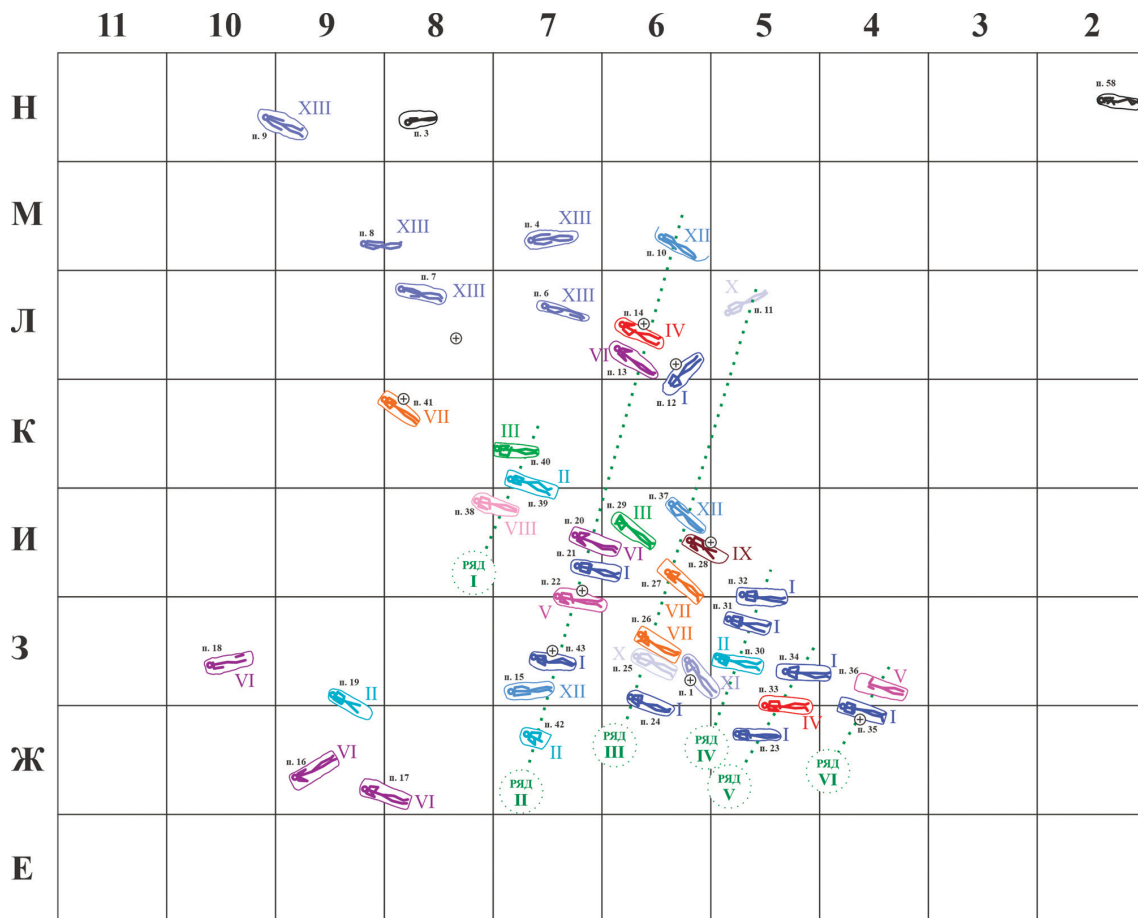

Рис. 2. План расположения погребений южного участка с указанием рядности

Могильные ямы южного участка, с точки зрения формы, можно разделить на два основных вида:

- неправильной (или неровной), овальной (с вариациями: вытянуто-овальной, удлинненно-овальной) в плане формы обнаружены 20 погребений: № 3, 4, 6, 7, 9, 10, 12–15, 19, 22–24, 33, 36, 37, 42, 43, 58);
- неровной прямоугольной, со скругленными углами, в плане формы насчитывается 19 погребений: № 16–18, 20, 21, 25–32, 34, 35, 38–41 (рис. 3).

Как видим, распределение типов почти равное. Интересна следующая особенность. Могильные ямы прямоугольной формы по отношению ко всем исследованным погребениям на всех трех участках некрополя составляют мень-

шинство. Их общее число — 28, из них 19 представлены именно на южном участке.

Необходимо отметить, при исследовании южного участка надмогильные и внутримогильные конструкции не обнаружены. Такая же ситуация наблюдается и на других участках некрополя, кроме единственного случая. В детском погребении западного участка в процессе работ были зафиксированы следы перекрытия могильной ямы поперечными деревянными плашками [1]. Могу предположить, что такие перекрытия существовали и в других погребениях, но по ряду причин не сохранились.

В публикации, посвященной вопросам датировки южного участка, было выделено шесть условных рядов, в которые были

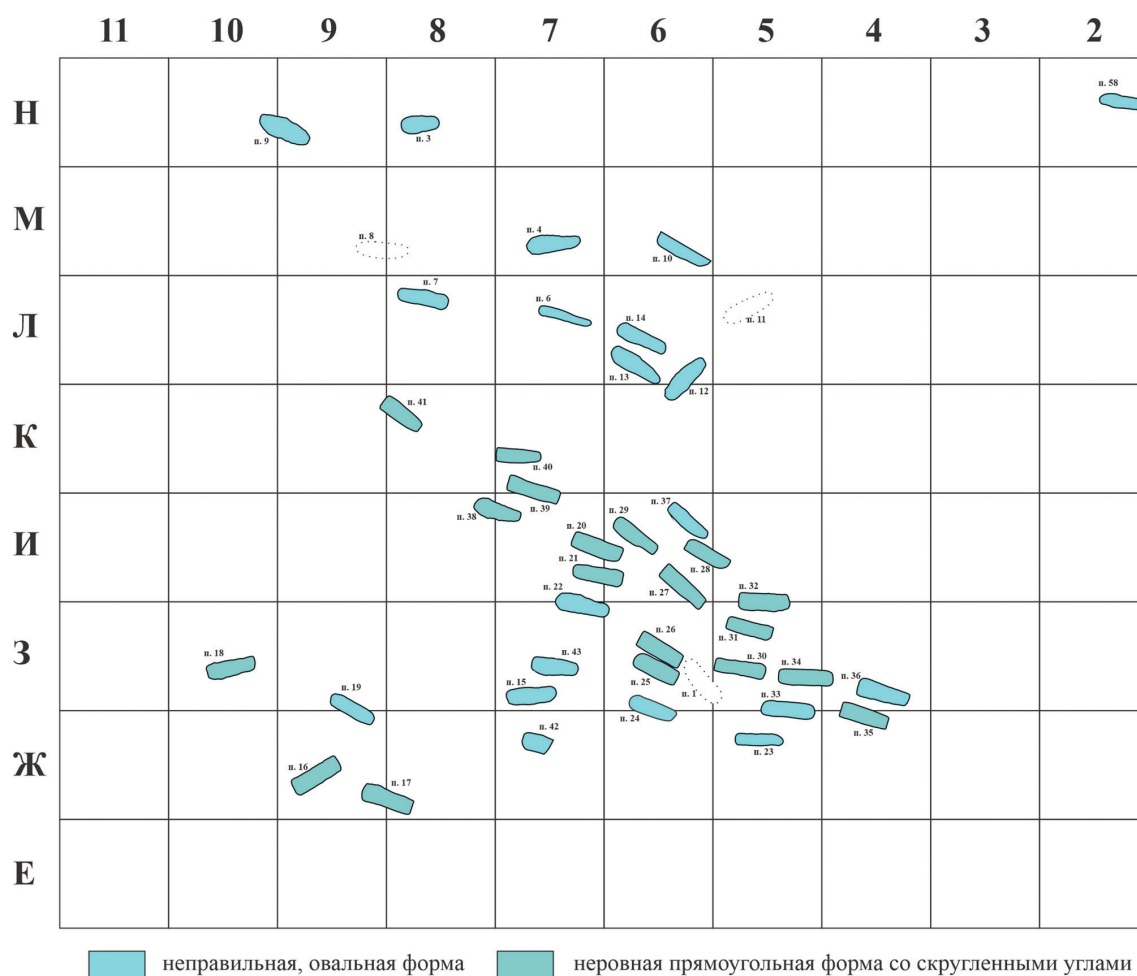

Рис. 3. Типы могильных ям

включены погребения так называемой «регулярной группы» [2]. В рамках настоящей статьи в состав рядов были также включены несколько погребений, расположенных к северо-востоку от участка с максимальной плотностью. Были выделены несколько захоронений в междурядном пространстве. Таким образом, погребения с отмеченной рядностью образуют неправильный многоугольник с осью по линии северо-запад — юго-восток.

Ряды расположены практически параллельно. Кроме нескольких погребений, отнесенных к II и III рядам, могилы размещены с высокой плотностью, что, безусловно, говорит о регулярной погребальной практике на этом участке (табл. 1).

Таблица 1. Рядность погребений¹

Ряд	Погребение
I	38, 39, 40
II	42, 15, 43, 22, 21, 20, 13, 14, 10
III	24, 25, 26, 27, 28, 37, 11
IV	30, 31, 32
V	23, 33, 34
VI	35, 36
Между рядов	1, 29, 12

Таким образом, основную «регулярную» группу составляют 30 погребений. Остальные группы захоронений признаком рядности фактически не обладают.

В целом ориентировка костяков в пределах всего участка выглядит следующим образом (по мере убывания численности):

- на северо-запад (СЗ) — 19 погребений (№ 1, 27, 41, 39, 38, 35, 29, 28, 26, 25, 24, 20, 19, 10, 13, 14, 9, 36, 37);

- на запад (З) — 11 погребений (№ 3, 4, 6, 8, 15, 23, 32, 33, 34, 40, 43);

- на западо-северо-запад (ЗСЗ) — 8 погребений (№ 7, 17, 21, 22, 30, 31, 42, 58);

- на юго-запад (ЮЗ) — 3 погребения (№ 11, 12, 16);

- на западо-юго-запад (ЗЮЗ) — 1 погребение (18).

Отклонение ориентировки оси погребений может быть связано с сезонностью сооружения могильных ям: летом — отклонение к северу, зимой — к югу.

Что касается положения костяков, то в подавляющем большинстве костяки вытянуты на спине (38 погребений). В двух случаях, в погребениях 6 и 43, был зафиксирован небольшой разворот на правый и левый бок соответственно. Костяки в погребениях 3 и 58 располагались на левом боку.

Положение черепа в погребении более вариативно (приводится по мере убывания численности):

- на правой затылочной кости — 11;
- на левой затылочной кости — 11;
- на затылочной кости — 9;
- на затылочной кости с небольшим поворотом вправо — 4;
- на затылочной кости с небольшим поворотом влево — 4.

В трех случаях череп в погребении отсутствовал.

Еще большая вариативность была отмечена в положении рук погребенных (рис. 4). Необходимо отметить, что на южном участке представлено только около трети от всех погребений, исследованных на некрополе, таким образом, анализу была подвергнута не вся выборка. Тем не менее, удалось выделить 13 типов (табл. 2).

¹ Составлено автором.

Таблица 2. Распределение погребений по типам и рядам²

Тип	Погребение	Ряд
I	35, 23, 34, 31, 32, 24, 43, 21, 12*	II, III, IV, V, VI
II	3, 42, 30, 19**	I, II, IV
III	40, 29*	I
IV	33, 14	II, V
V	22, 36	I, VI
VI	20, 13, 16**, 17**, 18**	II, III
VII	26, 27, 41**	III
VIII	38	I
IX	28	III
X	25, 11	III
XI	1*	—
XII	15, 10, 37	II, III
XIII	4**, 6**, 7**, 8**, 9**	—

Примечания к таблице:

* Погребение расположено в междурядном пространстве.

** Погребение расположено вне выделенных рядов.

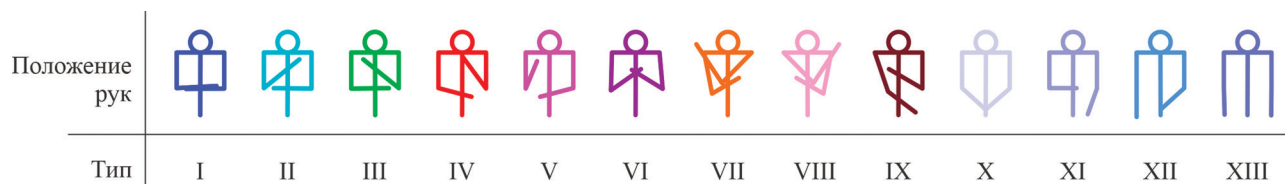

Рис. 4. Типология погребенных в зависимости от положения рук

Таким образом, из 42 погребений (одно погребение не содержало костных останков) типы были выделены для 40.

Перед тем, как перейти к каким-либо выводам, хотелось бы отметить, что разработка типологий, связанных с вариативностью положения рук в православных погребениях Нового времени, ведется давно. Однако в большинстве своем они сформированы в рамках изучения некрополей русского населения

Сибири и Дальнего Востока. Можно указать только на единичные исследования по этой теме в нашем регионе [3].

Учитывая отсутствие внутримогильных конструкций, смещение костей в результате разложения, а также особенности гидрологического режима, связанного с постоянными подтоплениями территории некрополя, можно предположить, что положение останков могло существенно изменяться по сравнению с первоначальным. Вероятно, это относится и к положению рук, зафиксированному в момент исследования. В пользу такого предполо-

² Составлено автором.

жения говорит значительное число погребений, относящихся к I типу, при том, что типы II–III, IV–V, VII–VIII фактически зеркальны друг другу. Последние из них, вероятно, демонстрируют вариант обозначенного выше изменения, тип VIII представлен только одним погребением.

Меньшее число погребений «регулярной» группы отнесено нами к типам IX–XII. Из них типы IX и XI представлены единичными захоронениями.

Исходя из общей картины расположения погребений разных типов в «регулярной» группе, можно сделать еще несколько выводов:

- нет ни одного ряда, в котором представлены погребения только одного типа: в любом случае наблюдается варибельность, хотя в IV–VI рядах имеет место максимальная концентрация захоронений I типа;

- только в двух случаях, в III и IV рядах отмечается взаимно близкое расположение двух погребений одного типа.

Остальные погребальные комплексы не объединены признаком рядности. В первую очередь, это группа из 5 захоронений, находящаяся к северо-северо-западу от основной. Погребения 4, 6–9 отнесены нами по положению рук к XIII типу.

В юго-западной части южного участка некрополя отмечены четыре относительно близко расположенных погребения, отнесенных по положению рук к II и VI типам.

Кроме этого, в «рядность» не включено отдельно расположенное погребение 41. Однако и по положению рук (тип VII), и по наличию в погребении нательного креста, оно безусловно относится к основной группе захоронений.

Рассмотрим погребения 3 и 58. Последнее находится на значительном удалении от остальных комплексов и маркирует, вероятно, северо-восточную границу некрополя. Оба захоронения обладают на-

бором признаков, которые не позволяют на данном этапе однозначно отнести их к конкретной погребальной практике. При сохранении западной ориентировки костяки расположены на левом боку, черепа — на левой височной кости, лицевой частью обращены на север. В целом на территории всего некрополя были выявлены 5 погребений со схожими признаками: два на южном участке, который является предметом рассмотрения этой статьи, а три — в западной части. Из-за указанной специфики эти захоронения в контексте типологии, связанной с положением рук погребенных, не рассматривались.

Отдельно остановлюсь на погребальных комплексах с самым явным признаком вероисповедания — нательными крестами. Всего на территории южного участка были выявлены 9 крестов-тельников, 8 из них являлись непосредственно элементами погребального инвентаря, а один выявлен в межмогильном пространстве при исследовании пласта 1 и по месту обнаружения не связан с каким-либо погребением (рис. 5).

Распределение крестов выглядит следующим образом (табл. 3):

- II ряд — погребения 43, 22, 14;
- III ряд — погребение 28;
- VI ряд — погребение 35;
- участок межрядного пространства между рядами III и IV — погребение 1;
- участок межрядного пространства между рядами II и III — погребение 12;
- участок межмогильного пространства (вне рядности) — погребение 41.

С учетом общих данных по всем участкам некрополя следует отметить, что почти вся коллекция крестов происходит из южной части. На восточном участке кресты отсутствовали, на западном представлены два креста: по одному в погребении и межмогильном пространстве. Счи-

тая погребения с крестами-тельниками в известном смысле эталонными, можно использовать характерные устойчивые признаки этой группы захоронений для установления способа обрядности по остальным комплексам, в которых кресты отсутствовали. Главную роль здесь играет положение рук погребенных. Погребения с крестами-тельниками отнесены к 5 типам по этому признаку. Основное, что объединяет указанные типы — это полное (типы I, IV, V, VII) или частичное (типы IX, XI) расположение рук в верхней части крестика. Можно также предположить, что последние, с учетом вышеуказанных факторов, не являются исходными.

В статье, вышедшей по итогам конференции и посвященной проблемам ранней истории казачества, приводится подробное описание всех крестов, обнаруженных при исследовании южного участка [2]. Кресты обнаруженных типов имели самое широкое распространение и датировку от второй половины XVII вплоть до XIX века [2].

Сделаем некоторые выводы. Подавляющая часть погребений южного участка по совокупности признаков относится к православной погребальной практике. Кроме группы погребений в северо-северо-западной, наиболее разреженной части некрополя. Главным признаком, отличающим эти захоронения от основной «регулярной» группы, является положение рук XIII типа. Руки у погребенных вытянуты, ладони располагаются рядом с

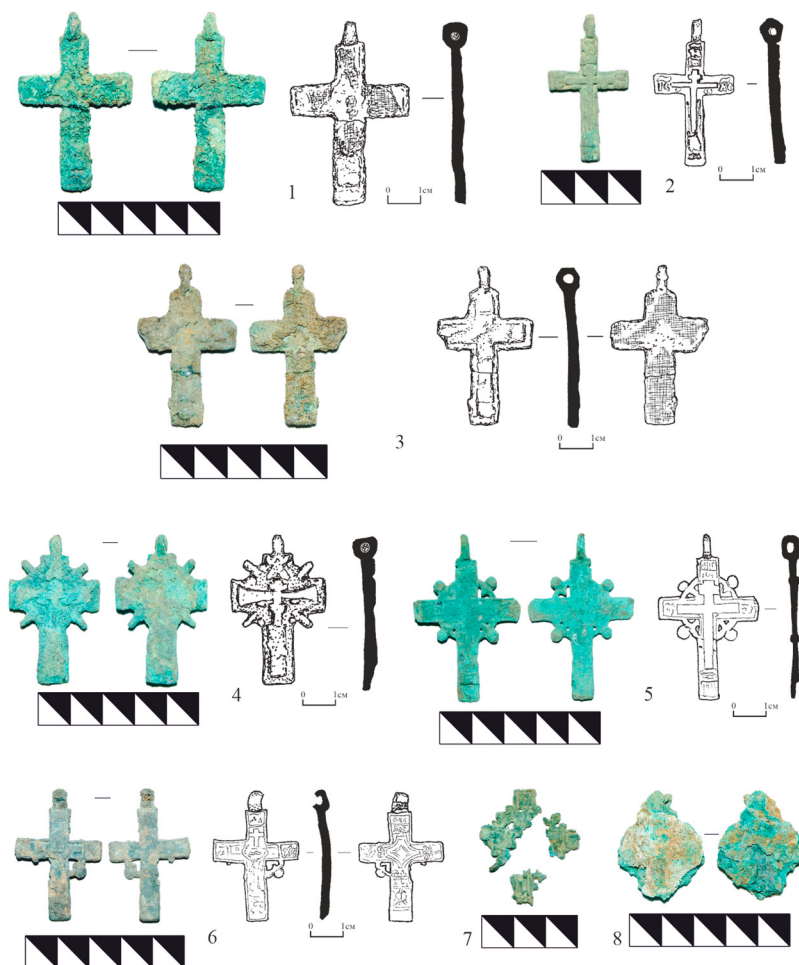

Рис. 5. Нательные кресты

костями таза. Полагаю, что захоронения этого типа предварительно можно отнести к мусульманским.

Как было указано выше, в статье сделана лишь первая попытка типологизации исследованных погребений. Более полной и объективной она станет после систематизации захоронений по всем участкам некрополя, а также после привлечения данных по исследованным ранее кладбищам XVIII–XIX веков в регионе. Работа в этом направлении ведется, хотя связана с трудностями не только из-за большого объема материала, требующего введения в научный оборот, но и низкого качества отчетов до начала 2000-х годов по сравнению с современными требованиями.

Таблица 3. Сводные данные по погребениям с нательными крестами¹

Погребение	Ряд	Ориентировка костяка	Положение костяка	Положение черепа	Тип по положению рук	Погребальный инвентарь
43	II	З	вытянуто на спине, с небольшим разворотом на левый бок	на левой височной кости	I	бронзовый нательный четырехлопастной крест с боковыми X-видными лучами, вписанными в круг, с шариками на концах
22	II	ЗСЗ	вытянуто на спине	на левой височной кости	V	бронзовый нательный четырехлопастной крест с боковыми X-видными лучами
14	II	СЗ	вытянуто на спине	на затылочной кости	IV	бронзовая рамчатая пряжка, бронзовый нательный четырехлопастной крест
28	III	СЗ	вытянуто на спине	на правой височной кости	IX	бронзовый нательный четырехлопастной крест с боковыми X-видными лучами, вписанными в круг, с шариками на концах
35	VI	СЗ	вытянуто на спине	на правой височной кости	I	свинцовый, нательный, четырехлопастной крест
1	между рядами III–IV	СЗ	вытянуто на спине	на затылочной кости	XI	бронзовая рамчатая пряжка, бронзовый нательный четырехлопастной крест
12	между рядами II–III	ЮЗ	вытянуто, на спине	черепа отсутствует	I	бронзовый нательный четырехлопастной крест
41	вне рядов	СЗ	вытянуто на спине	на затылочной кости, с небольшим разворотом вправо	VII	фрагменты бронзового нательного четырехлопастного креста с боковыми X-видными лучами, вписанными в круг, с шариками на концах

¹ Составлено автором.

Источники и литература

1. Деняев М. А. Основные итоги исследований казачьего некрополя Черкасского городка в 2016 году // Изучение и сохранение исторических некрополей: материалы Региональной научно-практической конференции. Таганрог, 27–28 мая 2022 г. – Таганрог : Изд-во ЧОУ ВО ТИУиЭ, 2022. – С. 32–56.
2. Деняев М. А. К вопросу о датировке некрополя Черкасского городка (южный участок) / М. А. Деняев, М. В. Дмитриенко // Проблемы ранней истории казачества: материалы межрегиональной научно-практической конференции Ростов-на-Дону, 14–15 марта 2023 г. – Ростов-на-Дону, 2023. – С. 56–96.
3. Кладченко О. В. Участок кладбища XVIII в. в г. Азове. Результаты работ 2020 года // Изучение и сохранение исторических некрополей: материалы Региональной научно-практической конференции. Таганрог, 27–28 мая 2022 г. – Таганрог : Изд-во ЧОУ ВО ТИУиЭ, 2022. – С. 57–69.

Я. В. Прудников

ПРАВОСЛАВНЫЕ КРЕСТЫ ДОНЕЦКОГО КАЗАЧЬЕГО ГОРОДКА

Целью данной публикации является введение в научный оборот коллекции православных крестов, относящихся к Донецкому казачьему городку, который на рубеже XVII–XVIII веков был самым верхним городком Донских казаков.

Надо отметить, что Донские казачьи городки являются наиболее перспективной категорией позднейших памятников археологии в нашем регионе, подходящей для комплексного исследования. Особенно много таких городков перешло из состояния живого поселения в состояние археологического объекта во время погрома, учинённого Донским казачьим войсками князя В. В. Долгорукого при подавлении Булавинского восстания в 1708 году. Абсолютно точной цифры уничтоженных городков нет, называются 44, 49 и более [1, с. 31, 34, 42; 2, с. 24].

Наше внимание привлёк верховой Донецкий городок, с которым связаны некоторые историографические споры: название, место расположения и дата основания. В настоящий момент, с большой долей вероятности, установлено, что городок был на левом берегу реки Дон

и носил имя Донецкий. В дате основания мы ссылаемся на мнение профессора Н. А. Мининкова, который ссылкой на «скаску» сотника М. Н. Кологривого указал год — 1676 [3, с. 55; 4, с. 87].

Точный день гибели городка нам неизвестен. Так майор В. В. Долгорукий пишет: «С речки Толучеевы с полуночи пошел к Донецкому и пришел 26-го числа октября часу в третьи дни», далее следует описание боя, но был ли он сразу 26 октября, затянулся ли до 27–28 октября не ясно (фрагмент указан с сохранением орфографии оригинала) [5].

Однако известно, что 28 октября 1708 года князь В. В. Долгорукий написал «Доношение... царю Петру Алексеевичу о победе правительственных войск над атаманом-булавином Н. Голым под городком Донецким, о сожжении последнего...». Место написания «Доношения» указано — «От Донецкого» [6, с. 348–349].

В. Н. Королёв даёт дату — 27 октября 1708 года [7, с. 59].

Таким образом, городок Донецкий прекратил своё существование между 26 и 28 октября 1708 года.

На момент гибели городок обороняли около 1000 казаков и бурлаков. Об уничтожении городка князь Долгорукий оставил следующие сведения: было пленено более 300 защитников, кроме «женского полу» из которых 150 повесили, «а донецкого атамана Викулки Колычова брата ево родного Микитку да наказного атамана Тимошку Щербака четвертовали, и поставили на колья» (орфография и пунктуация оригинала сохранены) [6, с. 348–349].

«И Донецкой, и всё их воровское жилище, разорено и выжжено без остатку...» (1708 год — послужной список В. В. Долгорукого за время «донецкого похода» в сентябре — ноябре против атамана Н. Голого) [5].

В последнее время в археологической науке всё большее внимание уделяется памятникам позднейшей археологии, датируемым периодом XVII–XVIII веков. И если письменных источников по этому периоду имеется существенное количество, то к археологическому материалу, происходящему из слоев этого времени, остается ещё много вопросов, связанных, в первую очередь, с точной датировкой и поиском аналогов, поскольку в 1990-е и в начале 2000-х данный материал просто игнорировался и уничтожался «исследователями», теперь же он довольно редко публикуется и также продолжает уничтожаться «чёрными копателями».

Очень часто слои этого времени оказываются сильно разрушенными позднейшими перекопами, фундаментами сооружений, современным техногенным мусором, и закрытых хорошо датированных комплексов обнаруживается очень мало.

В связи с этим исследование памятников с хорошо сохранившимся культурным слоем, находящихся вне пределов

современной застройки и функционирующих непродолжительное время, которое даёт нам чёткие датировки, обретает особую актуальность.

Начало активному изучению этой категории памятников уже положено. Так осенью 2021 года совместным отрядом кафедры археологии ДГТУ, археологической лаборатории ЮНЦ РАН, ООО «ОКН-проект» была проведена визуальная разведка и фотофиксация с использованием беспилотного летающего аппарата и тахеометра Донецкого городка в Петропавловском районе Воронежской области (рис. 1, 2).

Городок был расположен на левом берегу реки Дон. На данный момент остатки Донецкого городка визуализируются на местности в виде возвышения сложной овальной формы, вытянутым по направлению с северо-запада на юго-восток, длиной ориентировочно 220 метров (рис. 3). В направлении с юга на север имеет разную ширину: от 86 метров в западной части, 22 метра — самая узкая часть, расположена в середине памятника; в южной части ширина составляет 47 метров. Перепад высот от подножья памятника до самой высшей точки составляет примерно 1,80 метра. Абсолютные отметки колеблются от 64,72 до 66,44 метра (в Балтийской системе высот 1977 года). Вся территория памятника значительно подвержена техногенному воздействию, сильно изрыта грабительскими раскопками. Окрестности городка местами заболочены, сама территория городка покрыта степной и влаголюбивой растительностью, мелкой порослью лесной растительности.

С запада, северо-запада и, частично, с севера отделён на местности глубокой протокой, выходящей из озера Кривого и уходящей в Дон. Местами протока

оформлена в ров (до 4 метров), отчетливо наблюдаемый на местности [4, с. 101]. Также по протоке растёт высокий лиственный лес. С юга и востока естественных преград нет, искусственный ров не прослеживается.

В процессе разведочных работ был произведен сбор подъемного материала, состоявшего из фрагментов керамики, а также фрагментов поливных и неполивных изразцов [4, с. 101–102].

Летом 2023 года с сотрудниками ООО «ОКН-проект» и ЮНЦ РАН был произведен повторный разведочный выезд на территорию городка (рис. 4–7). В его ходе был установлен контакт с местными жителями, собиравшими подъемный материал на разрушенных участках территории Донецкого городка, длительное время подвергавшегося разграблению. При посредничестве представителей местного казачества часть материалов, происходящих из территории городка, была предоставлена участникам экспедиции, значительное количество находок было передано из музея местной школы.

В коллекцию вошли предметы быта: железные ножи, кочедыки, ложкорезы, шилья, нож-

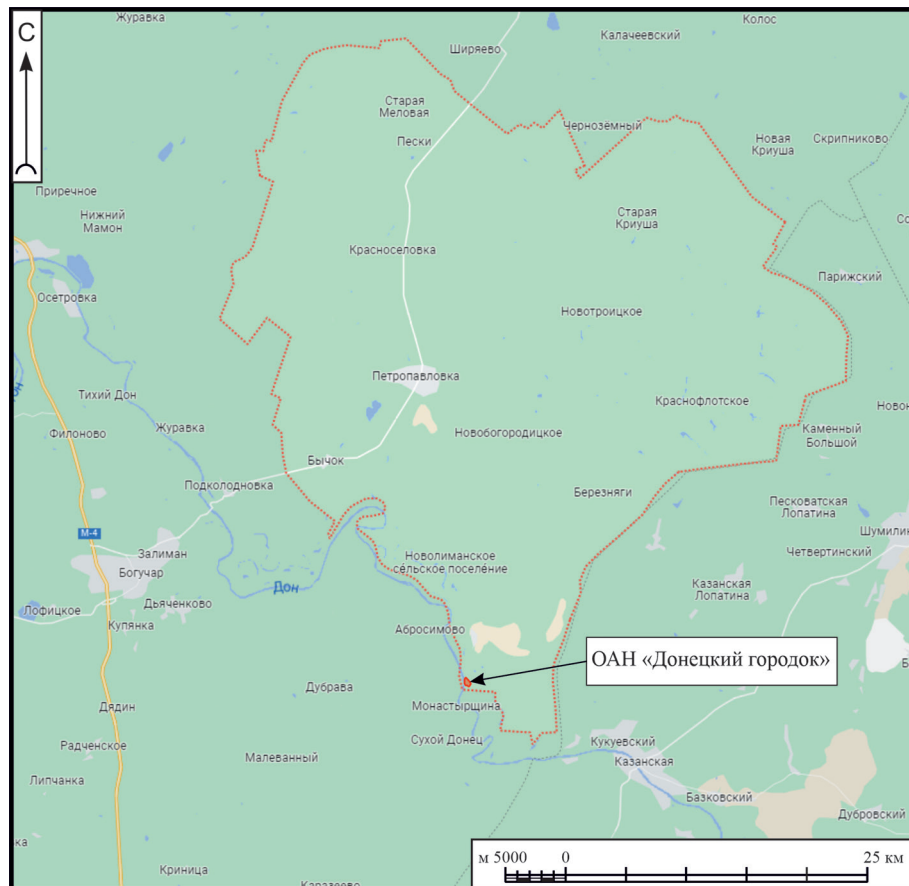

Рис. 1. Расположение объекта археологического наследия (далее — ОАН) «Донецкий городок» в Петропавловском районе Воронежской области

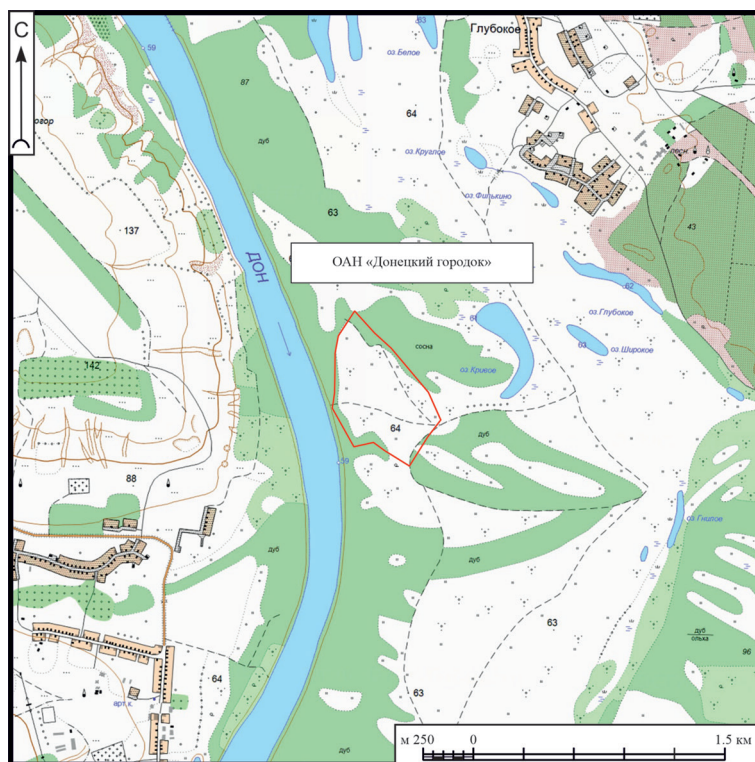

Рис. 2. Зона обследования ОАН «Донецкий городок»

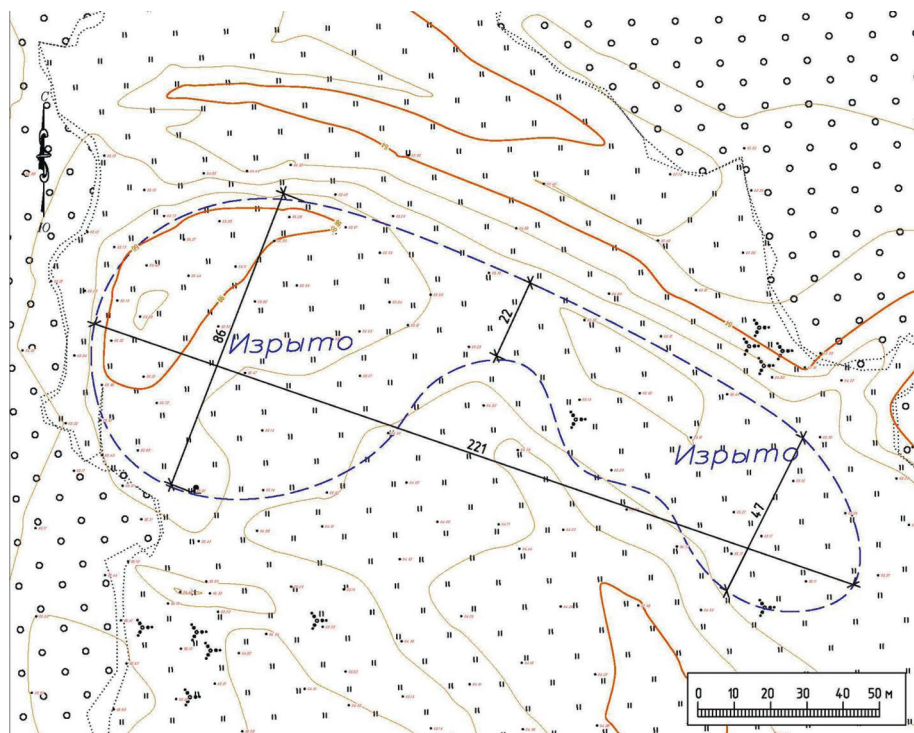

Рис. 3. Топографический план ОАН «Донецкий городок»

Рис. 4. Грабительская яма, вид с севера

ницы, костыли и гвозди. Из украшений можно отметить серебряные и бронзовые серьги, большое количество перстней-печаток, более сотни бронзовых, медных и биллоновых пуговиц-бубенчи-

ков. Также представлены предметы вооружения: фрагменты механизмов ружей и пистолетов, свинцовые пули, железные ядра, однолезвийные наконечники копий, так называемые совни, железный кистень (рис. 8).

Но наиболее интересную категорию находок представляют медные и бронзовые литые кресты как прекрасный этнокультурный маркер, имеющий, кроме того, и эстетическую ценность. Почему именно этнокультурный? По «скаске» Кологривого от 1703 года, городок населяли 88 казаков, чей поимённый список даёт нам исключительно русские имена и фамилии, а также их происхождение из «русских розних городов» [8; 9, с. 279]. Также на момент гибели в городке были казаки с жёнами и детьми атамана Н. Голого, пришедшего с Айдара [5; 6, с. 348–349].

Происхождение же предметов из археологического комплекса, имеющего чёткие временные границы позволит использовать эту коллекцию для датировки новых находок подобного материала. При этом нами

пока не установлены центры производства данных крестов и точные временные рамки их бытования.

Коллекция крестов состоит из 10 экземпляров: как целых, так и фрагментированных. Кресты можно разделить на три категории: нательные (8 единиц), напестольные (1 единица) и 1 фрагмент крупной лопасти креста неопределенного вида.

Все кресты литые, и отлиты они в одноили двусторонних формах в технике высокого и невысокого рельефа.

Типы крестов в коллекции отличаются разнообразием, из восьми экземпляров четыре можно отнести к близким друг другу двум формам: как по виду, так и по орнаментации. Все восемь нательных крестов можно разделить на три группы:

- равноконечные кресты с округлыми лопастями — 2 экземпляра;

- «процветшие» кресты — 5 единиц;

- кресты с прямыми лопастями — 1.

Первая группа представлена двумя очень интересными экземплярами — отлитыми, вероятно, в одной односто-

ронной форме (рис. 9, № 1–2). Лопасты прямые, с округлыми краями, основание нижней лопасти оформлено коротким, выступающим штырьком. Верхняя лопасть оформлена поперечным, плоским

Рис. 5. Протока к северо-западу от ОАН «Донецкий городок», вид с востока

Рис. 6. Вид с юга на ОАН «Донецкий городок»

Рис. 7. Вид с севера на ОАН «Донецкий городок»

ушком трапециевидной формы с округлым, сквозным отверстием. Лицевая сторона креста по краю лопастей украшена невысоким вертикальным бортиком, внутри которого изображены надписи и фигуры христианской символики, выполненные в технике невысокого рельефа. На верхней лопасти расположено погрудное изображение Иисуса Христа, над которым старославян-

Рис. 8. Сборы археологического материала с ОАН «Донецкий городок»

Рис. 9. Два креста энколпиона

Оборотная сторона креста слегка шероховатая, гладкая. Длина крестов — 5,8–6 см, ширина — 4,2 см, толщина — 0,15 см. Один из вышеописанных крестов изготовлен из меди, другой — из бронзы. Уникальность данных крестов состоит в том, что их аналоги датируются как минимум XIV веком, одна из аналогий происходит из раскопок, проведенных на территории города Азова (зал «Азак-Тана», витрина «Религиозные воззрения жителей Азака»). Это редкий тип крестов — энколпионов, или крестов-мощевиков, лицевая сторона которых прикрывалась специальной крышечкой на шарнире, отличительной чертой мощевиков служили специальные штырьки-стопоры на нижней части нижней лопасти. Наиболее ве-

роятной гипотезой наличия на казачьем городке, датированным концом XVII — началом XVIII века крестов такого раннего типа является снятие формы с раннего прототипа, находка которого на данной территории, как показывает аналогия находки из Азова, вполне вероятна.

Вторая группа нательных крестов представлена так называемыми «процветшими» крестами, выполненными в технике высокого рельефа. Группа из пяти экземпляров (№ 4 и 6 — целые, датируются концом XVII — началом XVIII века; № 3, 5, 7 — фрагментированные) отличается чрезвычайным разнообразием форм и размеров: кресты изготовлены из меди и бронзы, отлиты в одно- и двусторонних формах. Основным отличием данной группы является оформление краев лопастей крестов стилизованными «процветшими» трех- и пятилепестковыми розетками (рис. 10, № 3–4), а также украшение лицевой и оборотной сторон крестов стилизованным растительным орнаментом — два экземпляра (рис. 11, № 5–6) или текстами на старославянском языке — один экземпляр (рис. 12, № 7).

Третья группа нательных крестов представлена одним экземпляром — медным небольшим крестом с прямыми лопастями, отлитым в двусторонней форме с невысоким рельефом (рис. 12, № 8). На лицевой части — изображение восьмиконечного старообрядческого креста, на оборотной — надпись «СПАСИ СОХРАНИ», выполненная старославянским шрифтом. Данный тип крестов широко распространен в погребальных комплексах, достаточно уверенно датируемых второй половиной XVII–XVIII века, в частности, из раскопок в городе Азове и станице Старочеркасской [10, с. 258, рис. 6; 11, с. 63, рис. 6, № 2].

Также в коллекции крестов, находится

Рис. 10. Процветшие кресты

Рис. 12. Процветший и прямой кресты

Рис. 11. Процветшие кресты

фрагмент правой лопасти крупного креста со сценой поклонения или молитвы, но из-за сильной фрагментации восстановить сюжет и форму креста невозможно (рис. 13, № 9).

Из крестов, не относящихся к нательным, можно отметить фрагменты крупного сильно оплавленного на престольного креста (вспомним Долгорукого: «...выжжено без остатку...»), изготовленного из бронзы. Из-за сильной фрагментации изображения на лицевой и оборотной сторонах креста установить невозможно, но многочисленные аналогии позволяют восстановить тип креста и изо-

бражения на лицевой стороне (рис. 14, № 10.1–10.2). Интересно, что данный тип напрестольного креста просуществовал довольно длительное время, так как аналогии данного креста происходят из комплексов, датированных поздним XIX веком [12, с. 26, рис. 4].

Нательные кресты, происходящие с территории Донецкого городка объединены одним общим признаком — наличием восьмиконечного креста на лицевой стороне (кроме двух равнолопастных экземпляров, отлитых с древнего образца, на котором фигура Христа распята на самом кресте). Кресты все старообрядческие, что говорит о единой религиозной общности Донских казаков. Отмечено также изображение полумесяца, наложенного на средокрестие, данный вид крестов известен из раскопок комплексов XVIII века в городе Азове [13, с. 123, рис. 3].

Таким образом, коллекция крестов, происходящих с территории Донецкого городка, позволяет значительно дополнить сведения о видах, формах и датировке крестов XVII–XVIII веков.

Во-первых, этому способствует узкая дата существования Донецкого городка — 1676–1708 годы.

Во-вторых, публикация крестов, происходящих из городка, существовавшего всего 32 года, поможет создать группу узко датированных маркеров, позволяющих датировать аналогичные находки в других комплексах, где отсутствуют нумизматические находки.

Кроме того, эти кресты — прекрасный этнокультурный маркер археологического памятника или отдельного погребения.

В связи с планами продолжить исследования Донецкого городка, есть надежда значительно пополнить коллекцию

Рис. 13. Фрагмент лопасти креста

Рис. 14. Фрагменты напрестольного креста

археологического материала, начиная с этого памятника, желательно из непогрешенных комплексов. С большой долей вероятности в ходе исследований будет получен и костный материал из погребений.

Источники и литература

1. Болдырев С. В. Атаман К. А. Булавин. К 250-тилетию начала его борьбы за Волю и Долю Казачью 1707–1957 гг. – Нью-Йорк.: издание Казачьего Американского Народного Союза, 1957. – 53 с.
2. Сватиков С. Г. Россия и Дон. История Донского казачества 1549–1917. – М.: «Центрполиграф», 1924. – 54 с.
3. Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 года). – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1998. – 512 с.
4. Прудников Я. В. Еще раз о расположении и именовании Верхового городка донских казаков XVII–XVIII вв., а именно Донецкого городка // Проблемы ранней истории казачества: материалы межрегиональной научно-практической конференции (14–15 марта 2023 г., Ростов-на-Дону). – Ростов н/Д: Изд-во: ООО «ОКН-проект», 2023. – С. 85–104.
5. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 5. Д. 83. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/17001720/Bulawin/Nov_materialy_vosst_Don/frametext.htm (дата обращения: 02.11.2023).
6. Булавинское восстание (1707–1708). – М: Изд-во Всесоюз. об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. – 527 с.
7. Королев В. Н. Донские казачьи городки. – Ростов-на-Дону: Информационно-издательский центр «Дончак», 2006. – 240 с.
8. Сказки донских казаков о своем происхождении (полностью). – URL: <http://library.kazachiy-hutor.ru/uploads/2016/03/Skazki-donskikh-kazakov-o-svoem-proiskhozhdenii.doc> (дата обращения: 02.11.2023).
9. Разрядный приказ, г. Москва // РГАДА. – URL: http://rgada.info/poisk/index2.php?str=210-opis_76&opisanie=Разрядный%20приказ,%20г.%20Москва.%3Cbr%3EОпись%2076.%20Дела%20разрядные (дата обращения: 02.11.2023).
10. Широченко Э. Б. Археологические исследования в г. Азове в 2008 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. Выпуск 24. – Азов, 2010.
11. Деняев М. А. К вопросу датировки некрополя Черкасского городка (южный участок) / М. А. Деняев, М. В. Дмитриенко // Проблемы ранней истории казачества: материалы межрегиональной научно-практической конференции (14–15 марта 2023 г., Ростов-на-Дону). – Ростов н/Д: Изд-во: ООО «ОКН-проект», 2023. – С. 56–69.
12. Деняев М. А. Погребения XIX – 40-х годов XX века в курганном могильнике Алитуб-IV / М. А. Деняев, И. В. Гудименко // Изучение и сохранение исторических некрополей: материалы региональной научно-практической конференции (27–28 мая 2022 г., Таганрог). – Таганрог: Изд-во ЧОУ ВО ТИУиЭ, 2022. – С. 15–31.
13. Археологические исследования в городе Азове в 2013–2014 годах. Выпуск 29 / С. А. Гончарова, Э. Б. Широченко, М. В. Харенко и др.; отв. ред.: А. А. Горбенко. – Азов, 2016. – 479 с.

И. В. Гудименко

НЕКРОПОЛЬ XVIII ВЕКА В ХУТОРЕ РОГОЖКИНО

В середине – конце 80-х годов XX века в городе Азове и его окрестностях производились масштабные археологические разведки и раскопки, прежде всего, связанные с мелиоративной деятельностью и интенсивным строительством жилых многоэтажных домов. В связи с этим были раскопаны многочисленные археологические памятники различных эпох, как курганы, так и поселения, датирующиеся от эпохи энеолита до позднего средневековья. Наряду с древними поселениями и могильниками исследовались также и позднейшие объекты — это культурные слои и участки некрополей XVIII века, в большинстве своем располагавшиеся на территории города Азова [1, с. 18; 2, с. 11; 3, с. 4], являвшегося в XVIII веке центром борьбы России и Турции в Приазовье.

В связи с тем, что после Русско-турецкой войны (1768–1774) город превращается во внутреннюю крепость Российской империи, вокруг него начинают возникать многочисленные поселения и хутора, заселявшиеся переселенцами из России и, как следствие, начинают формироваться и кладбища.

Несмотря на довольно большое количество населенных пунктов, возникших вокруг Азовской крепости во второй половине XVIII века, некрополи вне территории Азова с достаточной надежностью датирующиеся XVIII веком единичны [4, с. 175].

Одним из наиболее полно исследованных некрополей, датированных XVIII веком и достаточно надежно привязанных к окрестностям Азовской крепости, является кладбище, исследованное в 1986 и 1991 годах на западной окраине хутора Рогожкино.

Хутор Рогожкино Азовского района Ростовской области расположен в низовьях реки Дон, на правом берегу гирла Большая Кутерьма, вытянут вдоль правого берега гирла, длина хутора составляет более 5 километров. По официальным данным хутор основан в 1838 году [5, с. 175], до этого времени упоминаний о существовании на этом месте стационарного поселения не встречается. Хутор расположен на длинном, довольно высоком песчаном прирусловом валу, состоящем из гряды песчаных дюн, в настоящее время практически уничтоженных в результате хозяйственной деятельности

человека, в большей части связанной со строительством рыбообразных прудов в 70–80-е годы XX века.

Поселение и могильник «Рогожкино-Х» располагается на западной окраине хутора Рогожкино, у впадения в гирло Большая Кутерьма ерика Кабачный, на длинной и высокой, единичной песчаной дюне — остатках первого прируслового вала, в треугольнике, образованном руслом гирла и ерика, и окружена болотистой низменностью. Дюна достаточно хорошо защищена с южной стороны болотистым руслом ерика Кабачный, с северной — руслом гирла Большая Кутерьма.

О существовании в дельте Дона, на западной окраине хутора Рогожкино археологических артефактов стало известно еще в 70-е годы XX века, первооткрывателем памятника является житель хутора Рогожкино А. М. Завгородний, сдавший в Азовский краеведческий музей многочисленные фрагменты лепной керамики и амфор, собранных им на разрушенных участках дюны. В 1983 году отряд археологической экспедиции Азовского краеведческого музея под руководством В. В. Чалого произвел первые спасательные раскопки на разрушенных участках дюны, памятник получил наименование «Рогожкино-Х». В процессе раскопок были обнаружены немногочисленные находки III века нашей эры и погребение 4, датированное этим же временем [6, с. 10]. В 1984 году на памятнике были также произведены небольшие раскопочные работы, которые ограничились находками первых веков нашей эры [7, с. 19].

В связи со смертью В. В. Чалого раскопки на поселении и могильнике «Рогожкино-Х» были возобновлены только в 1986 году, опять же, по сигналу А. М. Завгороднего, сообщившего, что при строительстве автодороги Ростов — Рогожкино для

подсыпки обочины строительной техникой ведутся обширные заборы песка из дюны, на которой располагался археологический памятник.

В ноябре 1986 года для исследования разрушенных участков поселения и могильника «Рогожкино-Х» был образован отряд «Дельта», впоследствии на протяжении многих лет производивший раскопки на разрушаемых археологических памятниках в дельте реки Дон, в окрестностях хуторов Обуховка, Дугино и Рогожкино. Основу отряда «Дельта» составляли члены кружка «Юный археолог» при Ростовском Дворце пионеров и школьников.

К моменту начала работ дюна оказалась очень сильно разрушена, особенно ее наиболее возвышенная западная часть, на которой и располагалось скопление археологических объектов. В 1986 году был вскрыт участок общей площадью около 100 квадратных метров, на котором обнаружено и исследовано 17 разновременных погребений, 8 ситуаций и одна хозяйственная яма. Три погребения — 5, 8 и 11 датируются эпохой античности, погребения 1 и 13 датируются эпохой средневековья, золотоордынским периодом. Несколько погребений из-за сильной разрушенности костяков и отсутствия погребального инвентаря датировать было невозможно, остальные девять относятся к XVIII веку, как по труположению, ориентировке, так и по погребальному инвентарю [8, с. 15–16]. В 1987 году на разрушенном участке дюны, на выдувах песка было зафиксировано еще 8 очень сильно разрушенных погребений без инвентаря, представлявших собой скопления разрозненных костей.

Продолжено исследование поселения и могильника «Рогожкино-Х» было только в 1991 году, опять же, по сигналам

лу А. М. Завгороднего, сообщившего о новых разрушениях археологического памятника. На момент прибытия раскопочного отряда экскаватором был вырыт прямоугольный огромный котлован на месте предыдущих раскопок 1993, 1994 и 1996 годов, а с южной стороны от котлована, в 10 метрах от него, была сооружена глубокая скреперная ходка, образовавшаяся в результате выборки песка для строительных нужд. В 1991 году исследовался участок к югу от предыдущих раскопок, между котлованом водоема и скреперной ходкой, так как к этому времени практически вся территория дюны была скрыта в результате неконтролируемых выборок песка или занята огородами.

В процессе раскопок 1991 года было вскрыто 38 квадратных метров поселения и могильника, исследовано четыре погребения и одна ситуация, представленная развалом светлоглиняной античной амфоры. Из четырех погребений два относятся к эпохе средневековья, золотоордынскому периоду, и два погребения датируются XVIII веком [9, с. 18–19].

Таким образом, на поселении и могильнике «Рогожкино-Х» в 1986 и 1991 годах было обнаружено и исследовано 11 погребений, которые по трупоположению, ориентировке и погребальному инвентарю можно датировать XVIII веком (табл. 1).

Из-за того, что песчаная дюна, на которой располагался могильник, состояла из рыхлого сырого речного мелкозернистого песка, сохранность костей погребенных и погребального инвентаря, особенно железных изделий, была очень плохой. Кости были фрагментированы, сильно изъедены песком, железные изделия сильно корродированы и покрыты толстой песчаной коркой, бронзовые изделия окислены и также покрыты толстым

слоем песчаной корки. В связи с очень плохой сохранностью костяков половую принадлежность определить было невозможно. Так как дюна состояла из песка, а культурный слой был представлен очень тонкой сероватой прослойкой, состоявшей из того же песка с незначительной примесью гумуса, проследить могильные ямы при исследовании погребений было чрезвычайно затруднительно. Было зафиксировано четыре могильных ямы: три — полностью, одна — частично.

Костяки в погребениях 2 и 10 располагались в длинных, узких могильных ямах, слегка сужающихся к ногам погребенных, с прямыми углами. В погребении 2 стенки могильной ямы слегка сужались ко дну.

Погребения 31 и 32 были совершены в длинных узких могильных ямах со скругленными углами, в погребении 31 стенки могильной ямы также слегка сужались ко дну. Все погребенные лежали вытянуто, на спине, в семи случаях головами ориентированы на запад, в четырех случаях — на юго-запад. Положение рук погребенных отличается разнообразием — в шести случаях руки располагались на грудной клетке, в одном случае (погребение 6), правая рука была вытянута вдоль туловища, кости кисти левой руки — под левым крылом таза. Если бы не наличие нательного креста в погребении, датировка погребения 6 была бы проблематична. В погребениях 17 и 32 кости кистей рук располагались на крыльях таза.

Погребальный инвентарь не отличался многочисленностью и разнообразием, и включал четыре категории: медные и бронзовые нательные кресты, бронзовая пуговица — бубенчик, железные кованые гвозди и железные ручки от гроба.

Нательных крестов было обнаружено семь экземпляров — что на одиннадцат-

цать погребений довольно много. Кресты можно разделить на три категории.

В погребениях 2 и 7 были найдены медные прямые литые кресты с рельефным изображением восьмиконечных крестов на лицевой части и нечитаемыми текстами молитв на оборотной. В погребении 6 был обнаружен медный литой крест с рельефным изображением четырехконечного креста на лицевой части.

Из погребений 12 и 14 происходят медные литые кресты ромбической формы с изображениями восьмиконечного креста на лицевой и текстами молитв на оборотной частях, а также со следами эмалевого покрытия на лицевой части.

В погребениях 31 и 32 были обнаружены медные нательные кресты ромбической формы, идентичные вышеописанным, но без эмали. Все нательные кресты имеют широчайшие аналогии среди находок XVIII века, происходящих из некрополей этого времени, исследованных на территории Азовской крепости [10, с. 258, рис. 3.6].

В погребении 7, наряду с нательным крестом и железными гвоздями, в районе шейных позвонков была обнаружена бронзовая литая пуговица-бубенчик с петлевидным ушком на верхней части. Подобные пуговицы нередки в погребениях XVIII века, использовались как застежки на рубахах-косоворотках и также имеют многочисленные аналогии из погребений XVIII века с территории города Азова [10, с. 258, рис. 3.3].

Железные гвозди были найдены в четырех погребениях, причем в трех с прослеженными могильными ямами. Расположены гвозди были по периметру могильных ям. Все гвозди однотипные, длинные, длиной до десяти сантиметров, кованые вручную, с четырехгранными, массивными стержнями, сужающимися

к острию. Шляпки гвоздей округлые, массивные, грубо откованные.

В погребении 12, в котором могильная была не прослежена, у плечевых суставов рук и по обе стороны от стоп погребенного располагались железные ручки от гроба. Ручки массивные, кованые, лачевидной формы, округлые в сечении, с выступами для крепления по краям. Обращает на себя внимание отсутствие гвоздей от гроба, возможно, доски крепились деревянными штифтами, либо гроб был выдолблен из цельной деревянной колоды.

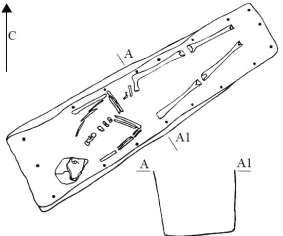
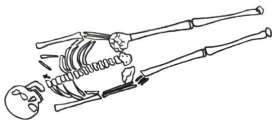
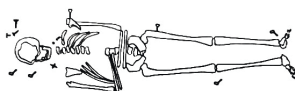
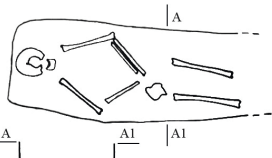
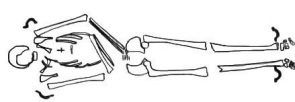
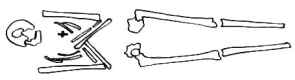

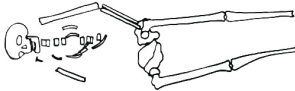
Относительно друг друга погребения XVIII века расположены были беспорядочно, на значительном расстоянии. Наличия рядности прослежено не было, что связано, скорее всего, со значительной рыхлостью дюнного песка, из-за которого следы невысокой могильной насыпи над погребениями быстро исчезали. Нельзя не принять во внимание также значительные подъемы уровня воды в низовьях реки Дон в период ветровых нагонов, что также сказывалось на формировании песчаного массива дюны.

По возрастному составу погребенных, из-за очень плохой сохранности костей информации извлечь удалось немного. С достаточной уверенностью можно утверждать, что в 10 из 11 погребений XVIII века с территории поселения и могильника «Рогожкино-Х» были захоронены взрослые, и только в одном случае, в погребении 10, находился костяк подростка или достаточно молодого человека.

Обращает на себя внимание разницей в ориентировке и положении рук погребенных. Если в первом случае это можно объяснить сезонным расхождением, то разнообразие в положении рук позволяет предположить неустойчивость погребального обряда, возможного при про-

живании на данной территории в период функционирования кладбища разных групп населения из различных регионов Российской Империи.

Таблица 1. Обследованные погребения могильника «Рогожкино-Х» в 1986 году¹

Номер погребения	Труположение и ориентировка	Погребальный инвентарь	Могильная яма
2		Медный крест, железные гвозди	Прямоугольная, с закругленными углами
6		Медный крест	Не прослежена
7		Бронзовая пуговица, медный крест, железные гвозди	Не прослежена
10		Отсутствует	Прямоугольная, с закругленными углами
12		Медный крест, железные ручки гроба	Не прослежена
14		Медный крест	Не прослежена
15		Отсутствует	Не прослежена
16		Отсутствует	Не прослежена
17		Отсутствует	Не прослежена

¹ Составлено автором.

Номер погребения	Труположение и ориентировка	Погребальный инвентарь	Могильная яма
31		Медный крест, железные гвозди	Удлиненно-овальная
32		Медный крест, железные гвозди	Удлиненно-овальная

Источники и литература

1. Ларенок П. А. Об археологических раскопках в зоне строительства здания прокуратуры в г. Азове по ул. Ленинградской, 42 // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1985 году: тезисы докладов к семинару. – Азов, 1986. – 37 с.

2. Волков И. В. Охранные раскопки мусульманского могильника в г. Азове // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 г.: тезисы докладов к семинару. – Азов, 1989. – Вып. 8. – 91 с.

3. Бойко А. Л. Спасательные раскопки в г. Азове в 1989 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. – Азов, 1990. – Вып. 9. – 154 с.

4. Рогудеев В. В. Исследования поселения Колузаево-I в дельте р. Дон // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. – Азов, 2001. – Вып. 17. – 400 с.

5. Донская энциклопедия / Составитель М. П. Астапенко. – Таганрог : Издательство «Айкэн», 2015. – Т. 2. – 551 с.

6. Чалый В. В. Археологические исследования в дельте Дона / В. В. Чалый, А. М. Завгородний // Исследования Азово-

во-Донецкой археологической экспедиции в 1983 г.: тезисы докладов к семинару. – Азов, 1983. – 16 с.

7. Чалый В. В. Археологические исследования в дельте Дона / В. В. Чалый, А. М. Завгородний // Итоги исследований Азово-Донецкой археологической экспедиции Азовского краеведческого музея, Ростовского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. М. А. Суслова и Ростовского областного музея краеведения в 1984 г.: тезисы докладов к семинару. – Азов, 1985. – 24 с.

8. Гудименко И. В. Исследования пункта Рогожкино-X в 1986 г. // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 году: тезисы докладов к областному семинару. – Азов, 1987. – 54 с.

9. Гудименко И. В. Итоги раскопок III Азовского археологического отряда и отряда «Дельта» в 1991 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году. – Вып. 11. – Азов, 1993. – 256 с.

10. Широченко Э. Б. Археологические исследования в городе Азове в 2008 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. – Азов, 2010. – Вып. 24. – 495 с.

Е. Ф. Батиева

НОВЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КРЕПОСТНОГО (ПОТЕРЯННОГО) КЛАДБИЩА XVIII ВЕКА ГОРОДА РОСТОВА-НА-ДОНУ

В 2021–2022 годы экспедицией ООО «Археологическое общество Кубани» под руководством Магиря-Кирсановой А. П. был исследован участок Крепостного кладбища XVIII века, известного также как «Потерянное кладбище» крепости святого Дмитрия Ростовского [1; 2]. Были открыты 109 погребений, большая часть которых была коллективными (93 погребения) и содержала от 2 до 14 скелетов (табл. 1).

Было проведено предварительное антропологическое обследование костных останков из 103 погребений, 2 погребов и одного объекта¹ (всего 474 человека разного возраста и пола). В антропологическую выборку XVIII века были включены 472 человека²: 370 мужчин, 30 женщин, 44 ребенка и 28 взрослых, пол которых не мог быть установлен. Соответственно,

мужчины в выборке составляют 78,4%, женщины — 6,4%, дети — 9,3%.

Меньшая часть погребенных происходит из одиночных могил (14 человек, все мужчины), 35 человек покоились в двойных и тройных погребениях (в том числе 73 мужчины, 3 женщины и 5 детей), и более половины останков было открыто в захоронениях, содержащих более 3-х погребенных (56 человек, в том числе 283 принадлежали мужчинам, 27 — женщинам и 39 — детям). То есть, почти все женские и детские захоронения (89,2% от общего числа женских и детских захоронений) были совершены в братских могилах с числом покойных более трех (табл. 2).

Кроме того, есть разница и в «пространственном» распределении погребенных в захоронениях исследованного участка кладбища. Большая часть женских и детских захоронений происходят из погребений, расположенных на квадратах с 12-го по 20-й (табл. 3; рис. 1). Из погребений этой части участка происходят останки 191 взрослого (в том числе 158 мужчин и

¹ Останки из погребений № 2–6 были изъяты Следственным комитетом, костные останки из погребения 87 утрачены.

² Останки из погребов, по данным автора раскопок, происходят из разрушенных погребений кладбища. Объект 2 не датируется, поэтому в антропологическую выборку XVIII века не включался.

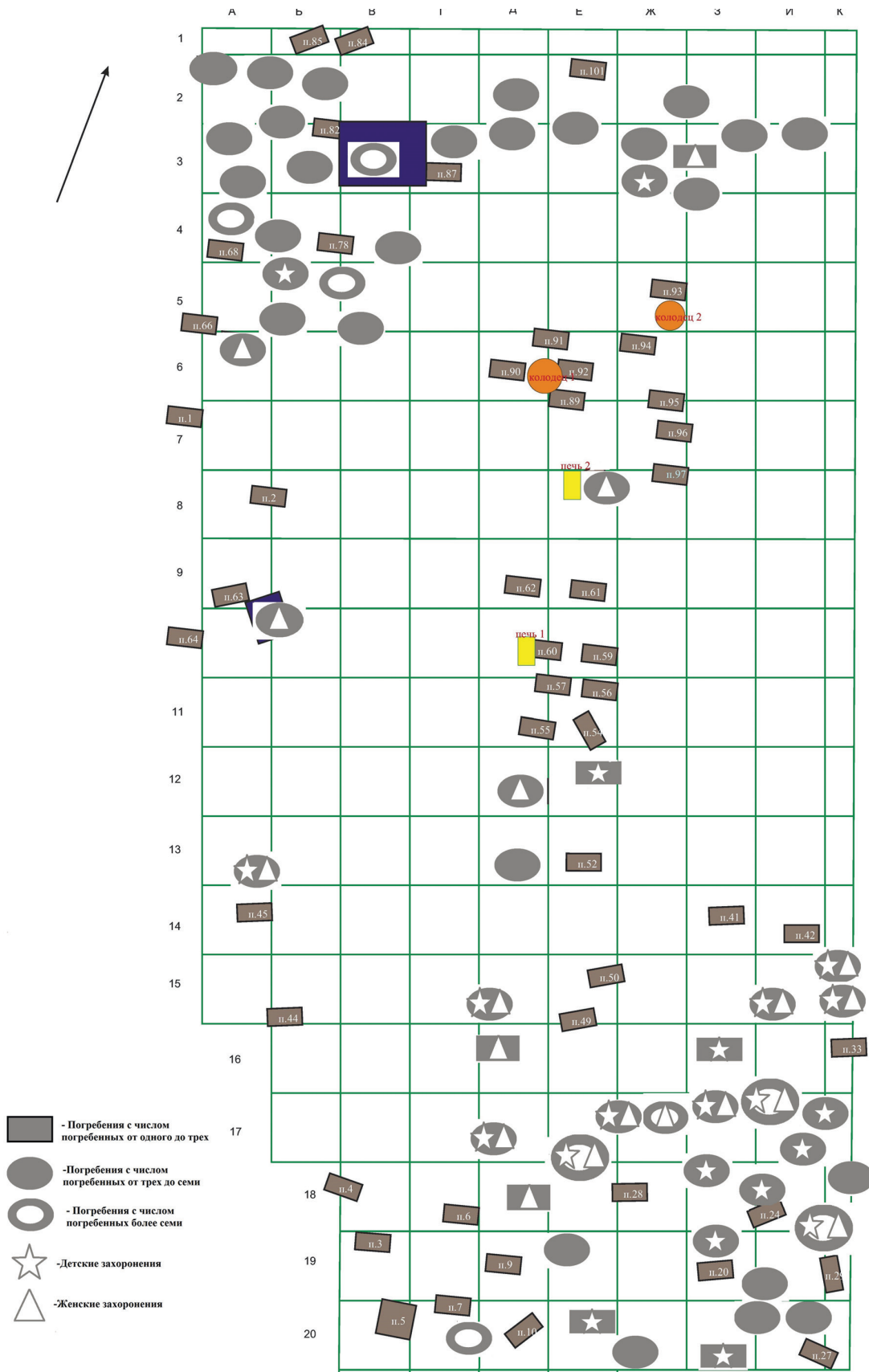

Рис. 1. Распределение погребенных в могилах Крепостного кладбища по квадратам (участок, исследованный в 2021–2022 годах). План расположения исследованных археологических объектов заимствован из [1, рис. 7]

23 женщин) и 37 детей. Мужчины в этой группе составляют 69,3%, женщины — 10,1%, дети — 16,2%.

Надо отметить, что такое неравномерное распределение погребений наблюдалось и на участках Крепостного кладбища, исследованных в 1998 и 2000-е годы [3]. При общем преобладании мужских погребений, на одних участках женских и детских погребений больше (участок 2001 года, до 44,0%), на других они отсутствуют вовсе (1998 и 2000 год) или присутствуют в небольшом количестве (2004 год, 25,8%). Также женские и детские захоронения происходят преимущественно из братских могил с числом покойных более трех (две трети от общего числа женских и детских захоронений).

По-видимому, такая организация погребений в пределах Крепостного кладбища не случайна и связана с различными конкретными обстоятельствами начального периода истории города и строительства крепости. Вполне вероятно, например, что на одних участках хоронили преимущественно гражданское население, а на других — служилое, контингент крепости.

Соответственно, разный половозрастной состав и обстоятельства, сопровождавшие погребения на разных участках кладбища отражаются и на палеодемографических параметрах антропологических выборок из этих участков. В погребениях, исследованных в 2021–2022 годах мужских захоронений еще больше (78,4% от общего числа), чем на участках 1998 и 2000-х годов (суммарно 51,5%). Величина продолжительности жизни еще ниже (27,4 года в целом у взрослых против 28,6 лет в ранее исследованных погребениях), и у мужчин, и у женщин почти не различается (27,3 и 27,1 лет, соответственно). В суммарной же выборке 1998 и 2000-х у муж-

чин средний возраст заметно выше, чем у женщин (29,5 и 28,1 лет соответственно). Наибольшая убыль взрослых в обеих выборках (табл. 4) приходится на возраст до 35 лет (84,3% и 86%).

Как и на ранее исследованных участках, в погребениях, открытых в 2021–2022 годах, боевых травм не зафиксировано, но уровень травматизма определенно выше (табл. 5), особенно по части травм мозгового черепа, больше множественных травм и травм, отягощенных последующим воспалительным процессом. Надо также отметить, что в более поздней выборке намного выше процент встречаемости зубочелюстных патологий (табл. 6), а это указывает на наличие в организме хронического очага инфекции и, как следствие, снижении иммунитета. Частота такого маркера стресса, как кариес, также значительна и выше, чем в более ранней выборке (что тоже указывает на нарушения иммунитета). По-видимому, у жителей крепости, которым принадлежат погребения, открытые в 2021–2022 годах, условия жизни были еще более тяжелыми.

Таким образом, исследование новых материалов из погребений Крепостного кладбища позволяет предположить, что территория кладбища включала в себя участки, весьма различающиеся по составу и состоянию погребенных, а также по жизненным обстоятельствам того времени, в которых они образовались. Дальнейшие специальные антропологические исследования материалов кладбища крепости святого Дмитрия Ростовского, в контексте исторических и археологических данных, позволят больше узнать о происхождении и особенностях жизни различных групп, из которых складывалось население начального периода истории города Ростова-на-Дону.

В предварительном обследовании

костных останков принимала участие сотрудник Египтологического центра РАН Китова А. О. (из погребений № 7, 12, 13, 18, 19, 25, 30–32, 84, 94). Ею был сделан

ряд ценных наблюдений об изменениях на посткраниальном скелете погребенных, связанных со специфическими нагрузками.

Таблица 1. Численность погребенных в могилах Крепостного кладбища (участок, исследованный в 2021–2022 годах)³

Состав погребений		Количество погребенных	Погребения
число погребенных в погребении	число погребений		
1	16	16	кв.а.8-б.8.п.2; кв.в.18.п.4; кв.г.19-г.20.п.7; кв.д.20.п.10; кв.з.18-и.18.п.24; кв.к.16.п.33; кв.з.14.п.41; кв.е.13.п.52; кв.д.11.п.54; кв.е.11.п.56; кв.д.11-е.11.п.57; кв.д.9.п.62; кв.е.6.п.92; кв.ж.6-ж.7.п.95; кв.ж.7.п.96; кв.ж.7-ж.8.п.97
2	22	44	кв.в.19.п.3; кв.д.19.п.9; кв.д.18.п.15; кв.з.20.п.17; кв.з.19.п.20; кв.и.20.п.27; кв.к.19.п.29; кв.б.15.п.44; кв.а.14.п.45; кв.е.15-е16.п.49; кв.е.15.п.50; кв.е.12.п.53; кв.е.10.п.59; кв.е.10.п.60; кв.е.9.п.61; кв.а.9.п.63; кв.б.2-б3.п.82; кв.б.1.п.85; кв.г.3.п.87; кв.д.6.п.90; кв.д.6-е.6.п.91; кв.ж.5.п.93
3	15	45	кв.а.7.п.1; кв.г.18.п.6; кв.е.20.п.12; кв.ж.18.п.28; кв.з.16.п.38; кв.д.16.п.47; кв.д.11-е.11.п.55; кв.а.9.п.64; кв.а.5.п.66; кв.а.4.п.68; кв.б.4-в.4.п.78; кв.в.1.п.84; кв.ж.6.п.94; кв.е.20.п.101; кв.з.3-з.3.п.104
4	13	52	кв.е.19.п.11; кв.з.20-и.20.п.18; кв.з.19-и.19.п.19; кв.и.20.п.26; кв.и.17.п.30; кв.и.14.п.42; кв.к.15.п.43; кв.а.3.п.71; кв.а.2-б.2.п.73; кв.а.2-а.3.б.2-б.3.п.74; кв.б.3.п.81; кв.з.2-з.3.п.100; кв.е.2-е.3.п.107
5	12	60	кв.з.19.п.21; кв.з.17-з.18.п.22; кв.и.18.п.31; кв.и.15.п.39; кв.и.15-к.15.п.40; кв.а.13.п.46; кв.д.13.п.51; кв.а.3.п.70; кв.а.4-б.4.п.75; кв.а.5-б.5.п.76; кв.в.5-в.6.п.80; кв.и.2-и.3.п.99
6	8	48	кв.д.17.п.14; кв.з.18-и.18.п.23; кв.а.2.п.72; кв.е.7-е.8.п.98; кв.ж.2-з.2.п.102; кв.ж.3-з.3.п.103; кв.ж.3.п.105; кв.ж.3.п.106
7	9	63	кв.в.20-г.20.п.5; кв.и.17-к.17.п.32; кв.ж.17.п.37; кв.а.10-б.10.п.65; кв.б.2.п.83; кв.в.4-г.4.п.86; кв.г.3.п.88; кв.д.2.п.108; кв.д.2-д.3.п.109
8	2	16	кв.ж.20.п.13; кв.д.15.п.48
9	3	27	кв.з.17.п.35; кв.б.5.п.77; кв.е.6-е.7.п.89
10	2	20	кв.и.19.п.25; кв.б.5-в.5.п.79
11	2	22	кв.д.12.п.58; кв.а.4.п.69
12	4	48	кв.г.20-д.20.п.8; кв.е.18.п.16; кв.и.17.п.34; кв.а.6.п.67
13	0	0	
14	1	14	кв.ж.17-з.17.п.36
Всего	109	475	

³ Составлено автором.

Таблица 2. Распределение погребенных по полу и возрасту в погребениях
Крепостного кладбища (участок, исследованный в 2021–2022 годах)⁴

Количество погребенных в захоронении	М		Ж		Дети		Взрослые		Взрослые и дети	
	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%
1	14	100,0	0	0,0	0	0,0	14	100,0	14	100,0
2	34	85,0	1	2,5	3	7,5	37	92,5	40	100,0
3	39	86,7	2	4,4	2	4,4	43	95,6	45	100,0
4	43	82,7	3	5,8	2	3,8	50	96,2	52	100,0
5	47	78,3	6	10,0	7	11,7	53	88,3	60	100,0
6	28	58,3	2	4,2	7	14,6	41	85,4	48	100,0
7	42	75,0	4	7,1	7	12,5	49	87,5	56	100,0
8	11	68,8	1	6,3	4	25,0	12	75,0	16	100,0
9	18	66,7	1	3,7	7	25,9	20	74,1	27	100,0
10	25	83,3	2	6,7	1	3,3	29	96,7	30	100,0
11	19	86,4	2	9,1	0	0,0	22	100,0	22	100,0
12	38	79,2	4	8,3	4	8,3	44	91,7	48	100,0
13	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
14	12	85,7	2	14,3	0	0,0	14	100,0	14	100,0
Всего	370	78,4	30	6,4	44	9,3	428	90,7	472	100,0

Таблица 3. Половозрастной состав погребений Крепостного кладбища по квадратам
(участок, исследованный в 2021–2022 годах)⁵

Квадраты	Количество погребений	М	Ж	Дети	Взрослые	Взрослые и дети
1	2	5	0	0	5	5
2	11	51	1	1	55	56
3	10	31	1	2	42	44
4	5	29	0	0	29	29
5	6	33	0	1	33	34
6	7	24	1	3	27	30
7	4	10	1	0	11	11
8	1	0	0	0	0	0
9	4	8	0	0	8	8
10	4	15	3	0	21	21
11	4	6	0	0	6	6
12	2	9	2	1	12	13
13	3	7	3	1	10	11
14	3	4	0	1	6	7
15	7	14	5	8	20	28
16	3	5	1	1	6	7
17	8	40	7	16	48	64
18	8	18	4	5	24	29
19	9	26	1	2	28	30
20	10	35	0	2	37	39
Всего	111	370	30	44	428	472

⁴ Составлено автором.

⁵ Составлено автором.

Таблица 4. Распределение взрослых и детей по возрастам в погребениях Крепостного кладбища (участок, исследованный в 2021–2022 годах)⁶

Возраст в годах	Все погребения					
	Взрослые и дети		М		Ж	
	n	%	n	%	n	%
0–4	10	2,1				
5–9	22	4,7				
10–14	12	2,5				
15–19	82	17,4	70	18,9	3	10,0
20–25	58	12,3	49	13,2	6	20,0
25–30	75	15,9	65	17,6	9	30,0
30–35	161	34,1	135	36,5	11	36,7
35–40	23	4,9	23	6,2	0	0,0
40–50	25	5,3	26	7,0	1	3,3
50+	4	0,8	2	0,5	0	0,0
Всего	472	100,0	370	100,0	30	100,0

Таблица 5. Частота встречаемости травматических повреждений в погребениях Крепостного кладбища⁷

Участки кладбища разных годов раскопок	Травмы мозгового черепа		Травмы лицевого черепа		Травмы верхних конечностей		Травмы нижних конечностей	
	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%
Суммарно 1998, 2000–2001, 2004 годы								
Взрослые	2 (131)	1,5	4 (69)	5,8	5 (76)	6,6	6 (107)	5,6
Мужчины	1 (75)	1,3	3 (43)	7,0	3 (46)	6,5	3 (63)	4,8
Женщины	1 (50)	2,0	1 (23)	3,8	2 (29)	6,9	2 (37)	5,4
2021–2022 годы								
Взрослые	27 (363)	7,4	12 (196)	6,1	46 (400)	11,5	39 (396)	9,8
Мужчины	24 (308)	7,8	11 (167)	6,6	44 (331)	13,3	38 (331)	11,5
Женщины	2 (21)	9,5	0 (9)	0,0	2 (19)	10,5	0 (27)	0,0

Таблица 6. Частота встречаемости некоторых маркеров стресса в погребениях Крепостного кладбища⁸

Участки кладбища разных годов раскопок	Зубочелюстная патология		Прижизненная утрата зубов		Кариес	
	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%
Суммарно 1998, 2000–2001, 2004 годы						
Взрослые	12 (145)	8,3	40 (145)	27,6	44 (145)	30,3
Мужчины	8 (82)	9,8	23 (82)	28,0	28 (82)	34,1
Женщины	4 (69)	6,8	16 (69)	27,1	14 (69)	23,7
2021–2022 годы						
Взрослые	74 (373)	19,8	99 (373)	26,5	138 (373)	37,0
Мужчины	71 (310)	22,9	93 (310)	30,	131 (310)	42,3
Женщины	2 (18)	11,1	5 (18)	27,8	6 (18)	33,3

⁶ Составлено автором.

⁷ Составлено автором.

⁸ Составлено автором.

Источники и литература

1. Технический отчет о проведении полевых археологических исследований (археологических наблюдений) на территории объекта культурного наследия (памятника археологии) «Кладбище «Крепостное» (на площади 2900 кв. м.) по проекту: «Многоквартирный жилой дом с автостоянкой и встроенными помещениями общественного назначения в г. Ростове-на-Дону» : [открытый лист № 2156-2021 от 27 августа 2021 г.] / ООО «Археологическое общество Кубани»; руководитель А. П. Магиря-Кирсанова. – Ростов-на-Дону, 2022. – 295 с.
2. Гармашов А. И. Кладбище 2-ой половины XVIII века («Потерянное» кладбище) [Рукопись]. – Ростов-на-Дону: ГАУК РО «Донское наследие». – 3 с.
3. Батиева Е. Ф. Антропологические исследования погребений Крепостного кладбища 18 в. н. э. (г. Ростов-на-Дону) // Изучение и сохранение исторических некрополей: материалы Региональной научно-практической конференции. Таганрог, 27–28 мая 2022 г. – Таганрог: Изд-во ЧОУ ВО ТИУиЭ, 2022. – С. 10–14.

Д. И. Зенюк, А. А. Нечипорук, А. Н. Овчинников

ВСЕСВЯТСКОЕ КЛАДБИЩЕ ГОРОДА РОСТОВА-НА-ДОНУ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII–XIX ВЕКОВ)

История возникновения Всесвятского кладбища, очевидно, связана с завершением эпидемии чумы, которая бушевала в 1771–1773 годы в некоторых регионах Российской империи, в том числе и в крепости Святого Дмитрия Ростовского. Согласно археологическим данным, жертв эпидемии хоронили на так называемом «Крепостном» кладбище, располагавшемся на северном борту Генеральной балки, с восточной стороны от большой дороги из Ростова в Таганрог¹. Самые поздние монеты, обнаруженные при раскопках этого кладбища, датируются 1771 годом [70].

11 ноября 1771 года² вышел сенатский Указ «О предосторожностях от зарази-

тельной болезни», в котором говорилось: «приказать Губернаторам, чтобы по городам при церквях никого не хоронили, а отвели бы для того особые кладбища за городом на выгонных землях». Это требование объяснялось следующим образом: «<...> прилипчивость сей болезни столь велика, что и по прошествии нескольких лет прикосновением к заражённым телам, или вещам и в земле состоящим, может произвести своё действие заражением вновь прикасающихся³ <...>» [95].

При этом наиболее раннее из обнаруженных упоминаний о Всесвятском кладбище датируется 1785 годом, когда архиепископ Славянский и Херсонский Никифор порекомендовал построить церковь на «общественном городском кладбище» [76, с. 198]. В документе 1786 года оно названо «главным городским» [76, с. 199].

При сопоставлении озвученных данных можно сделать вывод о том, что Всесвятское кладбище появилось после

¹ Выявленный объект археологического наследия «Кладбище «Крепостное»», расположенный в городе Ростове-на-Дону, в границах проспект Семашко — улица Пушкинская — улица Красноармейская — проспект Ворошиловский [99].

² Все даты до 1918 года в статье приводятся в соответствии с юлианским календарём («старый стиль»). Для перевода на григорианский календарь («новый стиль») к датам XVIII века необходимо прибавить 11 дней, к датам XIX века — 12 дней, к датам XX века (до 31.01.1918) — 13 дней. Даты после 31 января 1918 года приводятся в соответствии с григорианским календарём.

³ Здесь и далее орфография в цитируемых источниках изменена в соответствии с нормами современного русского языка, стилистические особенности сохранены.

окончания эпидемии чумы 1771–1773 годов и являлось вторым по хронологии городским кладбищем, связанным с историей Ростова-на-Дону. Оно располагалось на северном борту Генеральной балки, с западной стороны большой дороги из Ростова в Таганрог (то есть напротив уже закрытого «Крепостного» кладбища), в границах участка, ограниченного современными улицей Пушкинской, проспектом Будёновским, улицей Красноармейской и переулком Семашко (рис. 1).

Об истории кладбища в последней четверти XVIII век на данный момент можно судить лишь по двум имеющимся источникам: по «Геометрическому специальному плану...» 1798 года и по информации о строительстве кладбищенской церкви.

Первый Всесвятский храм

Весной 1785 года во время своего визита в крепость Святого Дмитрия Ростовского архиепископ Славянский и Херсонский Никифор⁴ обратил внимание, что на местном кладбище нет «ни церкви, ни усыпальницы» и потому предложил построить её из материалов старой Покровской церкви (на тот момент вместо неё уже была сооружена новая, более вместительная).

⁴ В миру Николай Феотоки (15.02.1731–31.05.1800), греческий и российский богослов и педагог, архиепископ Славянский и Херсонский (с 6.04.1779 по 28.11.1786); архиепископ Астраханский и Ставропольский (с 28.11.1786 по 16.04.1792).

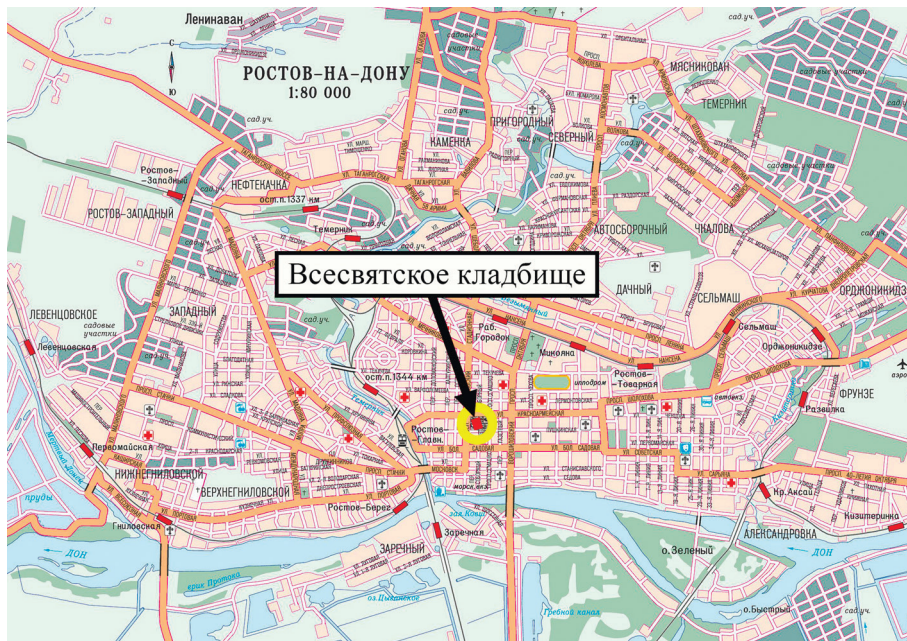

Рис. 1. Месторасположение Покровского кладбища на современной схеме г. Ростова-на-Дону

10 августа 1785 года находившийся в должности обер-коменданта крепости Михаил Афанасьевич Машков сообщил, что на устройство новой церкви собрано немного денег, а старую начали «ломать и перевозить». Будущий храм местное «общество» желало назвать во имя Живоначальной Троицы.

Спустя два месяца 5 октября того же года, М. А. Машков писал Никифору, что церковь перенесена и её устройство на новом месте приближается к концу, однако для этого потребовалась покупка «нового леса на не малую сумму» [76, с. 198]. Поскольку место под церковь на тот момент было ещё не освящено, «Общество» начало сомневаться будет ли получено официальное разрешение на строительство, и, в связи с этим, пожертвования сильно сократились. В своём письме Машков сетовал на то, что, спеша окончить строительство до зимы, он вынужден тратить собственные деньги и потому просил как можно быстрее решить вопрос с освящением места и получением разрешения. Данное обращение

было рассмотрено Славянской духовной Консistorией 17 октября 1785 года и решено положительно.

15 декабря 1785 года протоирей Покровского собора Иван Андреев «освятил на городском кладбище место под церковь и положил закладку на сооружение оной, с переименованием церкви во имя Всех Святых» [76, с. 199]. Возможно, такое название было обусловлено тем, что культ Всех Святых тесно связан с поминовением усопших, от чего церкви на кладбищах часто называли именно Всесвятскими. Этому могла способствовать и традиция называть детей «по святцам» (то есть в честь святого, в день памяти которого они родились): поскольку кладбища являются последним пристанищем для всех людей, то посвящение церкви всем святым выглядит вполне логичным.

К 17 августа 1786 года церковь была полностью отстроена и снабжена необходимыми атрибутами (религиозной утварью, священными облачениями, иконами, книгами, колоколами и др.). 3 сентября 1786 года были выданы благословительная грамота и святой антими́нс⁵.

19 мая 1787 года протоирей Иван Андреев «освятил общественную новостроенную на главном Ростовском кладбище деревянную Всесвятскую церковь и открыл в ней богослужение и священнодействие» [76, с. 200]. Таким образом, от идеи строительства церкви до её освящения прошло 2 года. На 1801 год из ростовских церквей Всехсвятская была единственной кладбищенской. По епар-

⁵ Антими́нс (с греч. «вместопрестоліе») — льняной или шёлковый плат с изображением положения Христа в гроб. Антиминс подписывается архиереем для определённого храма, что означает разрешение совершать в нём литургию. Без антими́нса не может быть совершено таинство причащения даже в церкви; с ним же литургия может совершаться и под открытым небом [77].

хиальной принадлежности она была причислена к крепостной Покровской соборной церкви [75, с. 27, 47–48].

Документов, свидетельствующих об истории церкви в период с 1801 по 1858 год авторами не обнаружено, за исключением упоминания в источнике 1828 года о «кладбище с благолепною⁶ на нём устроенною церковью и при ней караульнею» [4]. В этом же документе (переписка Городской Думы об изменении плана города Ростова н/Д, утверждённого в 1811 году) говорится и о новом кладбище, которое располагалось в границах участка, ограниченного современными улицей Красноармейской, переулком Доломановским, улицей Малюгиной и переулком Халтуринским. Указанная информация позволяет сделать вывод, что новое кладбище было открыто в период с 1811 по 1828 год [103; 4, л. 29об.]. Чтобы избежать путаницы, в настоящей статье авторы будут условно называть его «Новопоселенским», хотя это название более позднее (нами оно впервые встречено в источнике 1890 года [57]). Стоит также отметить, что дата открытия нового кладбища, если такую информацию удастся обнаружить, стала бы хронологической чертой, в соответствии с которой, по сохранившимся метрическим книгам, можно было бы составить список погребённых на старом Всесвятском, поскольку до этого оно было единственным городским некрополем.

На протяжении второй четверти XIX века Новопоселенское существовало параллельно со Всесвятским. В первоначальный период его истории на нём не было «ни церкви» (она была построена в 1860-х годах), «ни караульни» (информация о ней обнаружена в источнике

⁶ Благолепие (устар.) — величественная красота [90, с. 55].

1865 года [12]). В документе 1828 года отмечается возможность предоставления жителям права выбора, на каком из двух названных кладбищ хоронить своих родственников и близких [4, л. 29об.].

В рукописи статьи «Ростов н/Д в прошлом по городским кладбищам» краевед М. Б. Краснянский утверждает, что Всесвятское кладбище «послужило местом упокоения воинов, убитых в Крымскую кампанию» [10, л. 6]. В работе не указывается на основании каких источников был сделан данный вывод, но, можно уверенно предположить, что он исключительно логический: несмотря на наличие уже нового городского кладбища (упомянутого Новопоселенского), старое в 1853–1856 годах было ещё действующим, что позволяло хоронить на нём павших воинов.

Но вернёмся к истории кладбищенской церкви. Согласно исповедным росписям (табл. 1), в середине XIX века число её прихожан, в среднем, составляло 700 человек («купцов, мещан, цеховых и прочих городских обывателей») [3].

Таблица 1. Прихожане кладбищенской церкви в 1859–1865 годах⁷

Год	Общее количество прихожан, чел.	Мужского пола, чел.	Женского пола, чел.
1859	775	379	396
1860	657	322	335
1861	653	316	337
1862	670	323	347
1863	684	335	349
1864	668	332	336
1865	684	338	346

В 1859–1865 годах в церкви во имя Всех

Святых служили: священник Иван Стефанович Кутенко (он будет упоминаться и ниже), дьячѣк Пѣтр Махнович; пономарь Андрей Рекупович.

В 1864 году ветхую Всесвятскую церковь было решено упразднить, а вместо неё на Новопоселенском кладбище построить каменный Молитвенный Дом. Очевидно, это решение было вызвано необходимостью ликвидации не только церкви, но и самого кладбища, поскольку расширяющаяся городская застройка должна была его поглотить. Важно отметить, что это «поглощение» было вызвано не только потребностями жителей в хозяйственном освоении данной территории, но и с необходимостью строго придерживаться «Высочайше утверждённого» плана.

21 декабря 1864 года Благочинный Ростовских церквей обратился в Екатеринославскую Духовную Консисторию с проектным планом Молитвенного Дома на «новом кладбище» (Новопоселенском) и просьбой причислить к нему причт и приход упразднённой церкви. В ответе церковного начальства говорилось: «Молитвенные Дома могут быть сооружаемы на кладбищах, но с тою исключительно целью, чтобы в них отпеваемы были погребения над покойниками и отправляемы <...> положенные церковью поминовения; устраивать же престолы в кладбищенных часовнях и Молитвенных Домах и определять к ним отдельный от прочих церквей приход и причт законом не дозволяется» [13]. Учитывая это, Консистория сообщила о возможности получить разрешение построить Молитвенный дом только на озвученных условиях. Для строительства церковного здания, «в котором могли бы совершаться Божественные Литургии и к которому могли быть причислены в своё время причт и

⁷ Составлено авторами на основе исповедных росписей [3].

прихожане старой Кладбищной церкви», требовалось подготовить и подать в Консисторию следующий пакет документов: проект на новую церковь (а не Молитвенный Дом), акт освидетельствования старой церкви; план местности, на которой планируется строительство; акт о проведении геологических исследований. 14 марта 1865 года на страницах Ведомостей Ростовской н/Д Думы был озвучен вопрос: «что строить на городском кладбище: Молитвенный-ли Дом или Церковь?» [13]. В итоге решили построить церковь.

17 октября 1865 года в местной прессе было опубликовано сообщение под заголовком «Пожар», которое необходимо воспроизвести целиком: «В воскресенье, 3 октября, в 8 часов утра, показался огонь в церкви всех Святых, на старом кладбище. Когда приехала пожарная команда, вся церковь внутри была объята огнём. Пособие пожарной команды было бесполезно. Закоптелые стены старой деревянной церкви, при сильной тяге воздуха в отворённые двери и выбитые окна, в течение часа совершенно сгорели. По дознанию, пожар начался внутри церкви. Церковная утварь, иконостас, образа, книги и облачение — спасены» [14].

Таким образом, Всесвятская церковь простояла на кладбище 80 лет (с 1785 по 1865 год). Интересно отметить, что для её постройки использовался материал Покровского храма, построенного в 1731 году в крепости Святой Анны и в 1762 году перевезённого в крепость Святого Дмитрия Ростовского [75, с. 46; 82, с. 162]. Трудно судить о степени сохранности данного сооружения после этих перемещений, но можно с уверенностью утверждать, что возраст некоторых сгоревших в 1865 году архитектурных деталей составлял 134 года.

Спасённые от пожара религиозные атрибуты были перенесены в «старую (Казанскую) Николаевскую церковь», располагавшуюся на участке в переулке Соборном, 24 (современная нумерация). «Служение в ней происходило не постоянно, а временами. После пожара Старо-кладбищенской церкви с 3 октября 1865 года в этом храме служба шла регулярно вплоть до 26 октября 1868 года, когда вся утварь перенесена была в Новокладбищенскую церковь. С этого времени существование церкви можно считать прекратившимся, так как немного спустя её разобрали» [9].

27 октября 1868 года на городском кладбище (будущем «Новопоселенском») состоялось освящение новой кирпичной церкви во имя Всех Святых, располагавшейся на месте современного Дворца спорта в переулке Халтуринском 101–103 [15; 16; 17, с. 204, стб. 2].

Следует отметить, что в некоторых печатных изданиях конца XX века и в интернет-публикациях первой четверти XXI века Новопоселенское кладбище ошибочно называется «Всесвятским», что не соответствует его историческим названиям и не встречается ни в одном источнике [82, с. 164, стб. 1]. Очевидно, эта путаница связана с расположением на обоих кладбищах церквей во имя Всех Святых, а также с наименованием «старое кладбище», которое в разные периоды использовалось для обоих упомянутых объектов.

Всесвятское кладбище на городских планах

Судя по хранящейся в Государственном архиве Ростовской области (далее — ГАРО) копии «Геометрического специального плана» г. Ростова 1798 года, в то время кладбище имело подквадратную форму

и по периметру было обнесено рвом. Необходимость ограждения была закреплена законодательно: «городские кладбища огораживать заборами, или плетнём, или земляным валом», окапывать «рвами поглубже и пошире» [85]. В восточной части рва имелся проезд, выходящий на дорогу, ведущую из Купеческого форштадта крепости Святого Дмитрия Ростовского в город Таганрог (рис. 2, 3). В экспликации к плану сказано: «<...> под церквями и кладбищем три десятины». На тот момент в городе было 5 церквей, включая саму Всесвятскую, поэтому какова была площадь кладбища в 1798 году остаётся невыясненным [100; 101].

В дальнейшем некрополь был изображён на городском плане 1810 года. На нём он имеет ту же подквадратную форму, однако периметр указан пунктиром, ров и въезд отсутствуют, а в центральной части чётко обозначена Всесвятская церковь (рис. 4) [102]. План 1810 года лёг в основу «Высочайше утверждённого» плана города Ростова 1811 года, на котором кладбище имеет тот же вид с пунктирной границей, но с той лишь разницей, что оно перекрыто расчерченными кварталами проектируемой застройки (рис. 5) [103]. Это означало, что в перспективе его требовалось упразднить, поскольку оно не вписывалось в

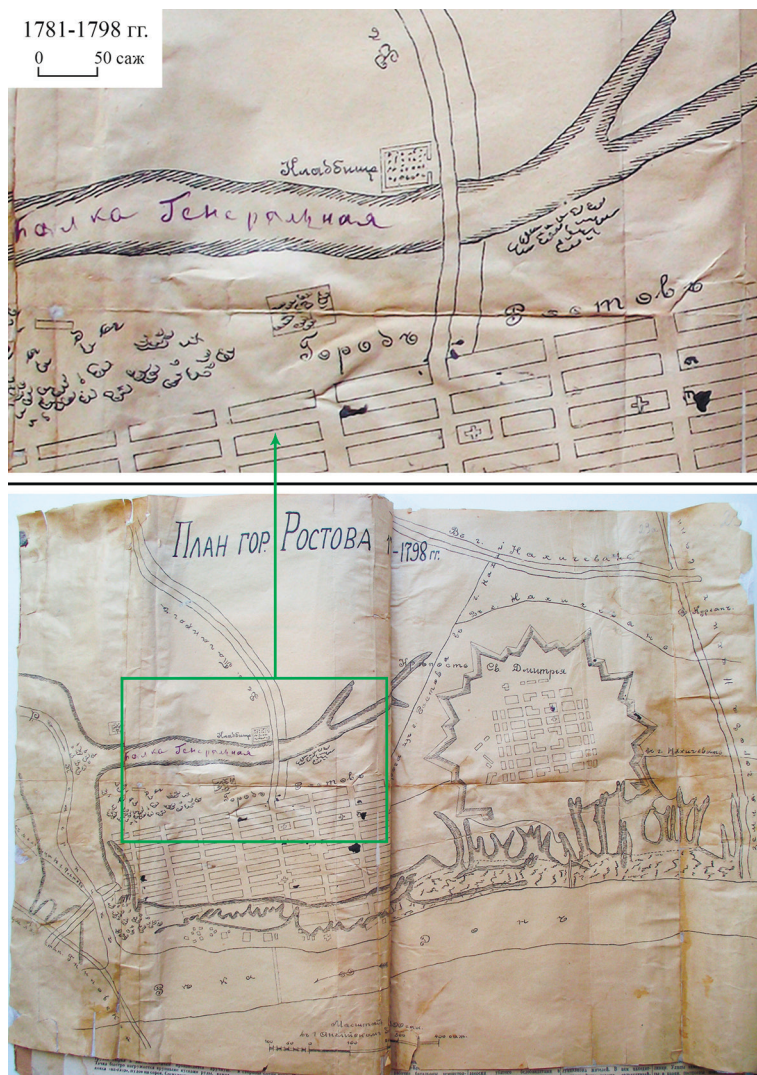

Рис. 2. «План гор. Ростова 1781–1798 гг.»
из фонда М. Б. Краснянского [100]

Рис. 3. Фрагмент Геометрического специального плана г. Ростова и крепости Св. Дмитрия, 1798 г. Копия М. Б. Краснянского с нанесёнными им краеведческими отметками (снята с копии 1874 г.) [101].
Оригинал этого Плана, очевидно, хранится в РГАДА (ф. 1354, оп. 118, ч. 1, д. Р-2 / кр. г.)

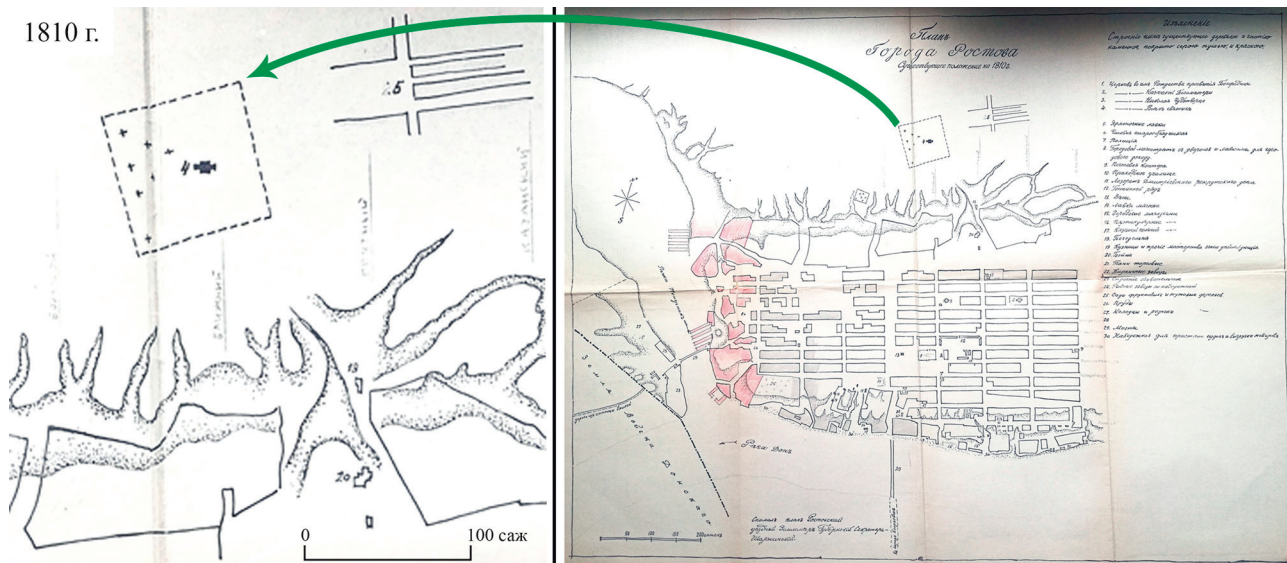

Рис. 4. «План города Ростова. Существующее положение на 1810 г.». Публикуется впервые [102]

будущую застройку, и к тому же не соответствовало нормам действующего законодательства, ограничивавшего возможность функционирования кладбищ в черте города [95; 96; 97; 98]. Под захоронения планом была предусмотрена другая территория. Однако, по факту, погребения на нём совершались ещё несколько десятилетий (очевидно, включая и подзахоронения), хотя их количество и пошло на убыль. Со временем данное кладбище, как того требовал план 1811 года, было частично с nivelировано и вписано в сетку городских улиц. В дальнейшем через него решили проложить улицу Сенную (ныне улицу Максима Горького) и переулок Соборный. Эта ситуация отражена на городском плане 1822 года, на котором кварта-

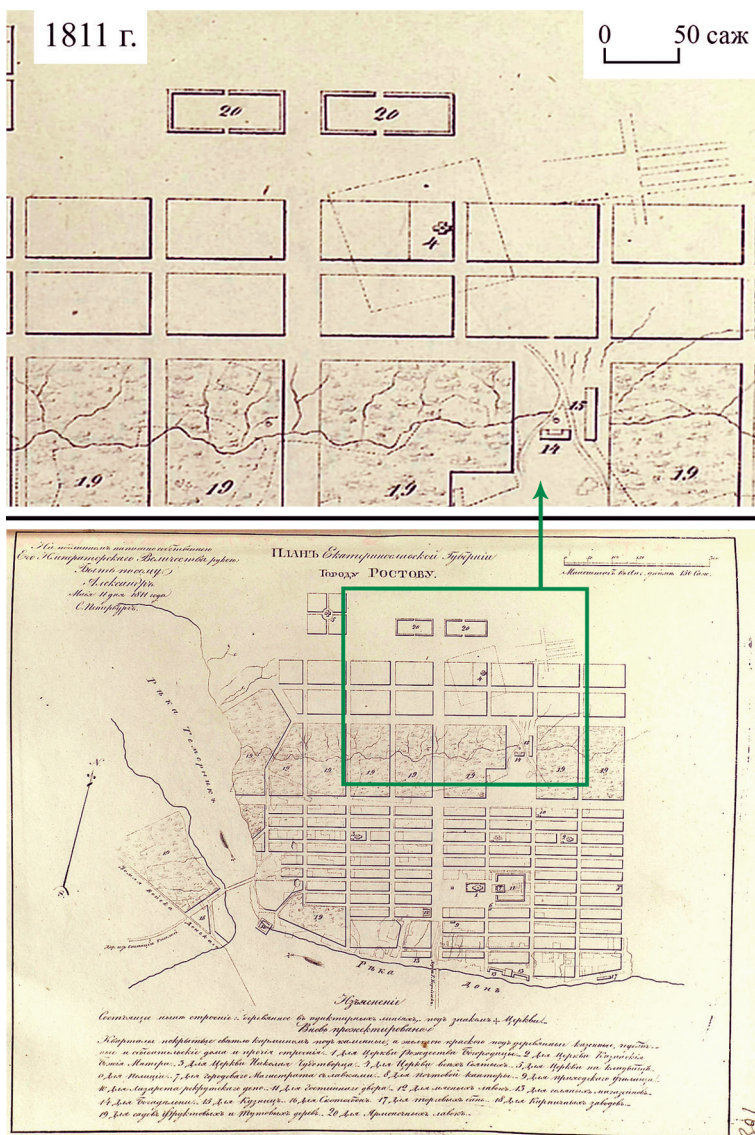

Рис. 5. «Высочайше утверждённый» план г. Ростова, 1811 г.
 «На подлинном написано <...>: Быть по сему. Александр» [103; 109, л. 1]

лы, перекрывающие кладбище, показаны всё ещё как незастроенные (рис. 6) [104]. Этому способствовало и наличие церкви во имя Всех Святых, располагавшейся в его центральной части. Благодаря ей кладбище не было полностью застроено, а на его территории в районе пересече-

ния улицы Сенной и переулка Соборного на городские планы второй половины XIX века изображают небольшую площадь. Эта площадь, не предусмотренная планом 1811 года, возникнув без чье-либо повеления, надолго укрепились в городской планировке и была обозначена на последующем «Высочайше утверждённом» плане города 1845 года (рис. 7). На нём и само кладбище изображено как действующее. Однако его форма несколько видоизменилась: оно стало иметь подпрямоугольную форму со скошенными углами, при этом граница показана сплошной линией, но без деталей (ворот, ограды и пр.). Данным планом была предусмотрена застройка лишь периферийных участков кладбища [105; 109]. Эта ситуация отражена и на плане 1850 года, где, в отличие от предыдущего, изображена фактическая застройка, но само кладбище сохранило свой абрис лишь с западной стороны (рис. 8) [106]. Вместе с тем, на нём дан более четкий контур церкви во имя Всех Святых и показаны две небольшие постройки квадратной формы к западу от неё. Если масштаб указанных построек на плане был отражён точно, то их площадь составляла около 19 м² и около 25 м² соответственно. Одна из построек, по всей видимости, являлась сторожкой («караульня»), указанной в архивном документе 1828 года [4].

При наложении контуров кладбища плана 1845 года на план 1850 года, можно предположить, что его юго-западный

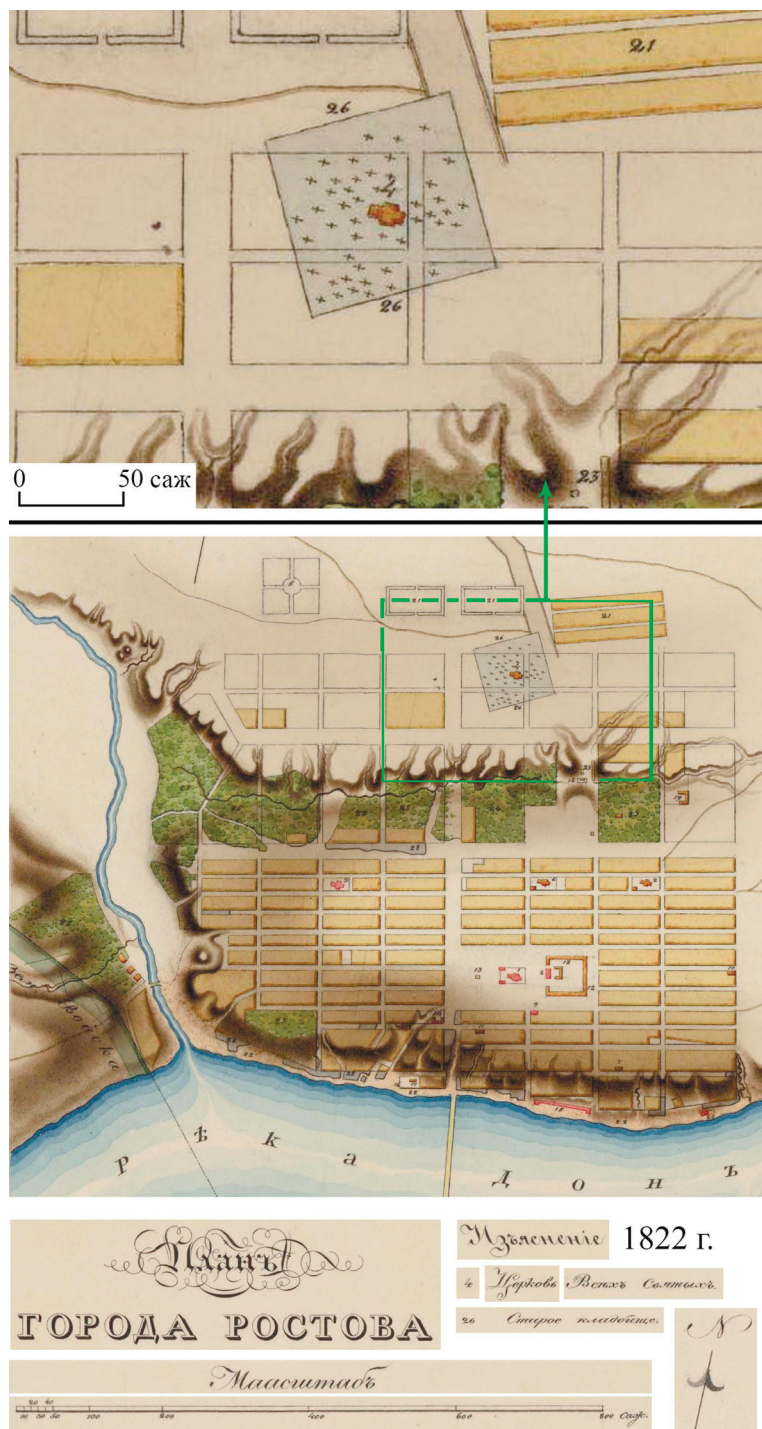
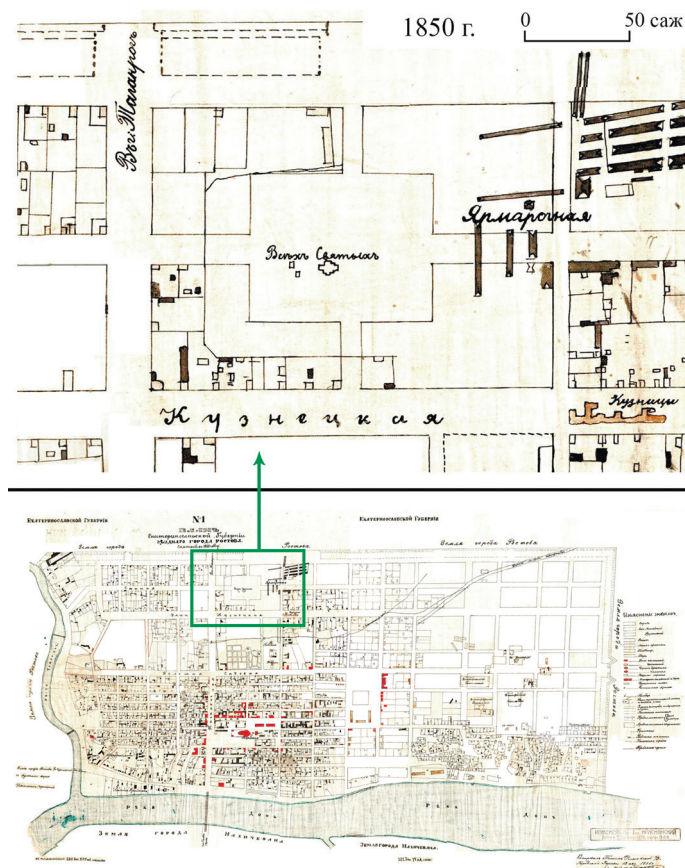

Рис. 6. «План города Ростова», 1822 г.
В печатном издании публикуется впервые [104]

Рис. 7. «Высочайше утверждённый» план г. Ростова н/Д, 1845 г. «На подлинном написано так: Быть по сему. Николай». «Копия с копии. Копия». «План этот рассмотрен техническо-строительным Комитетом по журналу на «[пробел]» ноября 1872 г.» [109, л. 2; 105, л. 2]

угол был спланирован ещё до гибели Всесвятской церкви (рис. 9). Однако уверенно утверждать нельзя, поскольку возможна погрешность в деталях, отображаемых на плане. Более точно можно судить о прорисованных силуэтах улиц внутри кладбища. Поскольку с восточной стороны от него в створе улицы Сенной показаны строения Ярмарки, можно сделать вывод, что в 1850 году эти улицы по-прежнему являлись проектными, но физически отсутствовали (то есть к тому времени надгробия в их границах ещё не спланировали) (рис. 8). Этот вывод подтверждают и кир-

пичные склепы с останками погребённых, обнаруженные в 2012 году по центру улицы Максима Горького (бывшей Сенной) [71]. Но почему город не спешил воплощать в жизнь «Высочайше утверждённый» план, а сооружал ярмарочные постройки посреди планируемых улиц и продолжал хоронить на кладбище, предполагаемом к упразднению? Вероятно, ответ кроется в возможности оспаривать проектные планы, что засвидетельствовано в вышеупомянутом архивном документе [4]. Желание сохранить Всесвятское кладбище прослеживается и в факте сооружения вокруг него кирпичной ограды, которое было осуществлено в 1873–1875

Рис. 8. «План Екатеринославской губернии уездного города Ростова. Снятый в 1850 году». Копия техника Ростовской н/Д Городской Управы М. Б. Краснянского, 12.08.1896 г. [106]

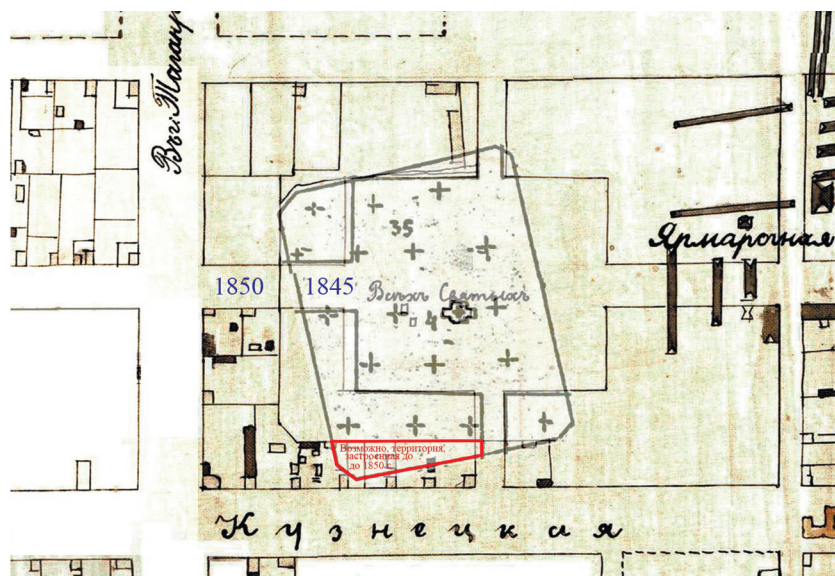

Рис. 9. Наложение контуров кладбища с Плана 1845 г. на План 1850 г. (прозрачность 50%). Выполнено авторами статьи

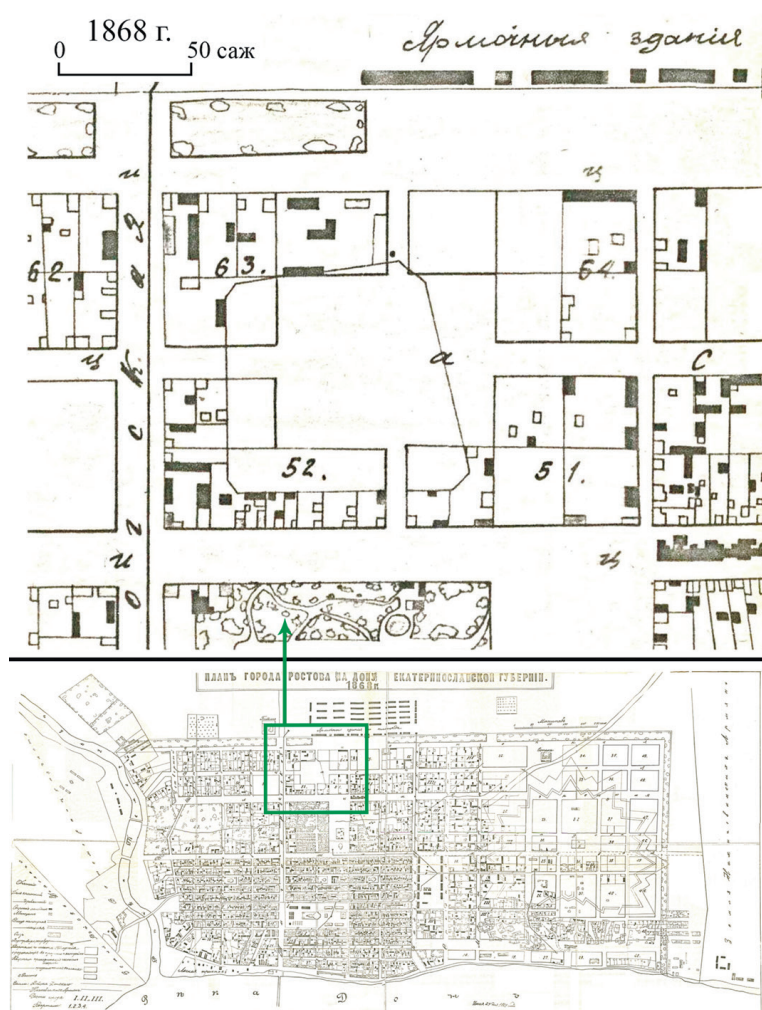

Рис. 10. «План города Ростова {на Дону} Екатеринославской губернии 1868 г.» [109, л. 3; 107]

годах, несмотря на прошествие более 60 лет после утверждения Плана.

Контуры кладбища, близкие к его границам 1845 года, были отмечены и на плане 1868 года (рис. 10) [107; 109].

В процессе настоящего исследования было произведено наложение городских планов 1810, 1811, 1822, 1845, 1850, 1868 годов на современный спутниковый снимок. В результате этого удалось прийти к следующим выводам:

1) Планы 1810, 1811, 1822 годов имеют погрешность: кладбище изображено со смещением к северу. Это неудивительно, поскольку в этой части указанные планы являются проектными (рис. 12).

2) Планы 1845, 1850, 1868 годов отражают фактическое положение кладбища и имеют высокую точность, границы кладбища и обозначение церкви уверено ложатся друг на друга (рис. 13).

3) В 1810–1868 годах площадь кладбища в среднем составляла 4 га (в 1810 — около 3,9 га; в 1811 — около 4,3 га; в 1822 — около 4,5 га; в 1845 — около 4,3 га; в 1868 — около 3,8 га).

4) Территория кладбища была ограничена современными улицей Пушкинской, проспектом Будёновским, улицей Красноармейской и переулком Семашко. Восточная граница пролегает между переулком Соборным и переулком Семашко, ближе к пе-

реулку Соборному.

5) Всесвятская церковь располагалась в юго-западном углу перекрёстка улицы Максима Горького и переулка Соборного (улица Максима Горького, 82/31 в современной нумерации).

На городских планах, датируемых после 1868 года, Всесвятское кладбище уже не фигурирует, незастроенное пространство начинает постепенно уменьшаться и к началу XX века полностью поглощается городом (рис. 11) [108]. При этом, до конца 1880-х годов оно продолжает упоминаться в печатных изданиях под наименованием «Старое кладбище», иногда с приставкой «упразднённое» [20].

Устройство кирпичной ограды в 1870-х годах

Насколько можно судить по имеющимся источникам, непосредственная застройка кладбища началась во второй половине 1870-х годов. Этому предшествовали работы по сооружению кирпичной ограды вокруг него. С данной инициативой 27 февраля 1873 года выступили Илья и Екатерина Шушпановы, а Городская Дума создала для её реализации Ко-

миссию, которая должна была определить, какая территория «могла бы войти в состав ограды». Комиссия состояла из гласных городской думы Н. Л. Мордовцева, Н. А. Яценко, Н. Д. Славовникова [18; 19; 20]. 2 мая 1873 года, внимательно осмотрев объект, они пришли к следующему заключению: 1. «<...> старое кладбище в своё время распределяло могилы без всякого порядка, вследствие чего оно неправильным образом выдвинулось одним концом на юго-запад. Этот единственный выдвинувшийся угол даёт всему кладбищу вид неправильного четырёхугольника и таким образом не подходит под рамку Высочайше утверждённого плана <...>. 2. выдвинувшийся на юго-запад угол кладбища не включать в пространство ограды и вместе с тем, так как на нём имеются несколько могил с надгробными каменными плитами, то оставить его неприкосновенным и развести на нём палисадник, каковой палисадник разбит и на южной свободной стороне, на расстоянии от будущей ограды до противоположных соседних домов, эти палисадники займут те места на южной и западной сторонах, где мог-

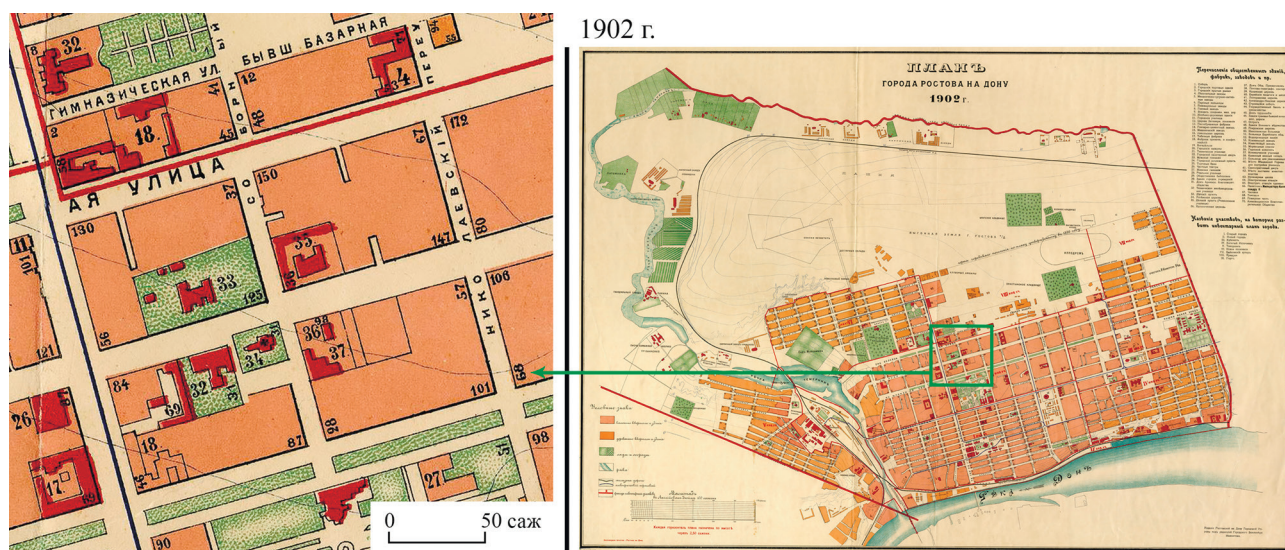

Рис. 11. «План города Ростова на Дону 1902 г.». Под ред. городского землемера Мамонтова [108]

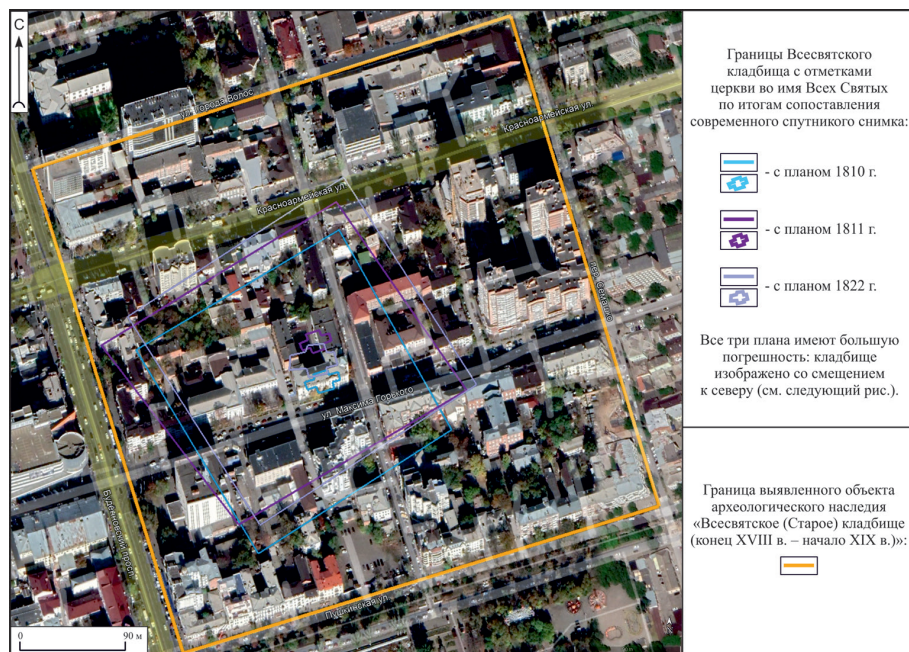

Рис. 12. Результат наложения планов г. Ростова-на-Дону 1810, 1811, 1822 гг. на современный спутниковый снимок поверхности Земли (ресурс Google Earth Pro, 27 октября 2021). Наложения выполнены Д. И. Зенюком

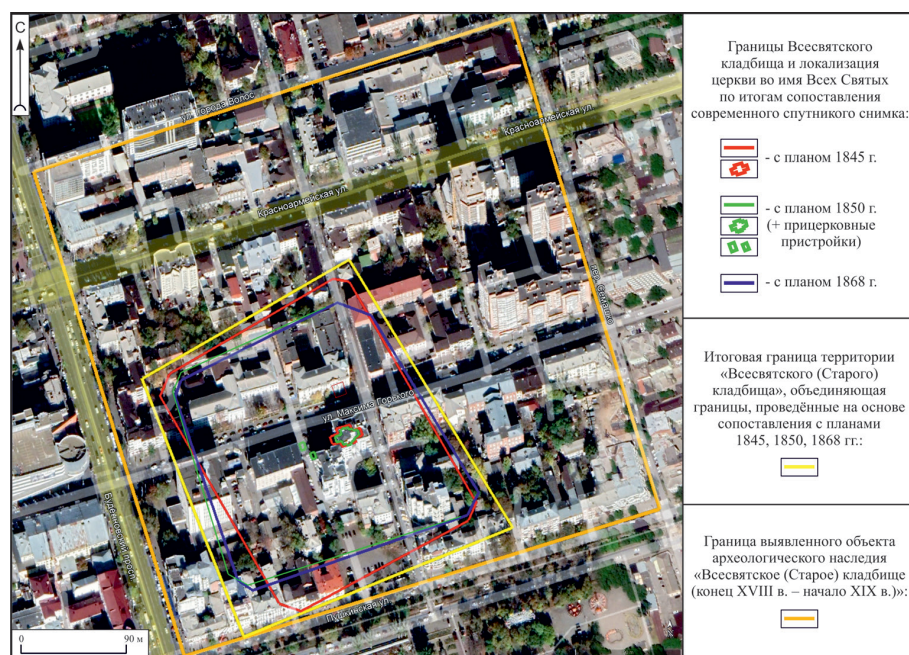

Рис. 13. Результат наложения планов г. Ростова-на-Дону 1845, 1850, 1868 гг. на современный спутниковый снимок поверхности Земли (ресурс Google Earth Pro, 27 октября 2021). Наложения выполнены Д. И. Зенюком

в течение последующих двух лет за счёт частных средств. 64 человека внесли денежные пожертвования в размере от 1 до 200 рублей, собрав тем самым 1487 рублей 64 копейки, а 2 человека помогли строительным материалом (Иван Леванидов предоставил 6000 кирпичей, Яков Василенко — 200 четвертей извести) [22]. 23 марта 1875 года Городской Управой была опубликована благодарность Илье и Екатерине Шушпановым [23; 25] «за благое дело по устройству ограды вокруг старого кладбища с таким успехом ими ведённое», а также просьба «продолжать их полезную деятельность и окончить начатую ими постройку ограды» [23].

Строительство капитальной ограды, казалось бы, должно было защитить кладбище от его уничтожения. И поначалу освоение прилегающей территории, действительно, было ею ограничено. В источнике 1884 года

ли бы впоследствии образоваться узкие и небезопасные для проезжающих ночью переулки» [19].

Строительство ограды осуществлялось

приводится информация о том, что в виде дополнительной компенсации за имение, отчуждённое у Марфы Синчиловой под обустройство Старо-базарной площади, ей

был выделен участок свободной земли, который занимал территорию от заднего двора её нового владения на Кузнецкой улице (современной Пушкинской — авторы) до «кладбищенской ограды»⁸ [42; 43]. Однако 10 мая 1884 года, то есть спустя 9 лет после строительства, Городская Дума называет ограду «полуразрушенной», предписывает её разобрать, а кирпич передать для постройки детского приюта [40].

Застройка кладбища в последней четверти XIX века

Незадолго до полной ликвидации кладбища в местной прессе стали появляться сообщения, показывающие, что городская застройка подошла вплотную к нему.

20 июня 1874 года на заседании Городской Думы было озвучено предложение купца Константина Потоцкого разместить пожарное депо на его участке, «находящемся на Таганрогской улице за Байковским мостом» (юго-восточный угол современных проспекта Будёновского и улицы Максима Горького). За арендную плату 1750 рублей в год он был готов устроить все необходимые помещения и каланчу, для чего ему потребовалось бы «занять часть городской земли, прилегающей к задней части его двора, выходящего на площадь старого кладбища» [21].

На обзорном фото 1874–1875 годов, сделанном с одного из зданий пожарного депо, в юго-западной части кладбища видны те самые «несколько могил

с надгробными каменными плитами» (не более шести), которые были упомянуты Комиссией по сооружению каменной ограды (рис. 14–15). Именно эту территорию, попавшую на фотографию, в 1873 году решили «не включать в пространство ограды», но оставить её «неприкосновенной» и развести там палисадник [19]. Однако этим планам не суждено было сбыться: в связи с бурным городским строительством данная тер-

Рис. 14. Обзорное фото 1874–1875 гг., сделанное с одного из зданий пожарного депо (совр. пр. Буденновский, 50 / ул. М. Горького, 78). Вид с северо-запада. Внизу снимка — единственное известное изображение части Всесвятского кладбища [84]

ритория была вскоре освоена.

19 января 1877 года Городская Дума выдала разрешение на отвод участка земли под усадьбу для священника Михаила Прокоповича: «либо возле старого кладбища, либо возле тюремного замка» [26]. В итоге выбор был сделан в пользу интересующей нас территории, о чём будет говориться ниже.

Фактическое уничтожение кладбища началось, очевидно, в 1877 году, и к 1902 году его территория была по боль-

⁸ Этот участок, очевидно, располагался в смежности с имением Лысенко.

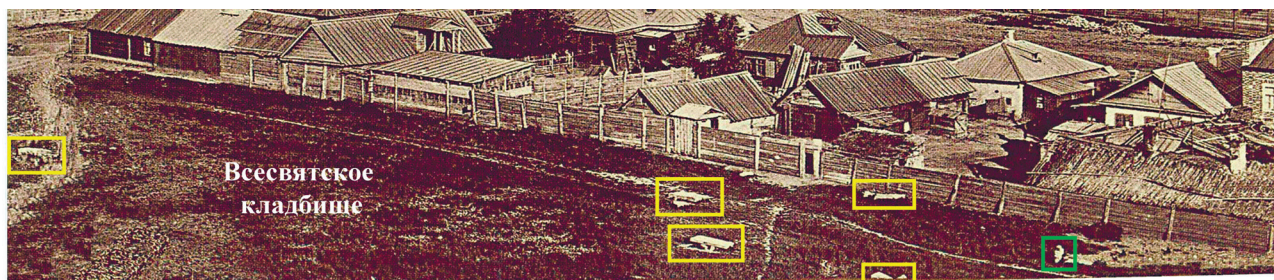

Рис. 15. Южная часть Всесвятского кладбища с обзорной фотографии 1874–1875 гг. Жёлтыми рамками обведены надгробные каменные плиты; зелёными — надгробие в форме креста [84]

шей части освоена (рис. 16). Незастроенных участков оставалось немного, и все они были распределены и закреплены за собственниками.

Известно, что в 1877 году с торгов осуществлялась продажа «пустопорожней земли на старом кладбище» под усадьбную застройку по средней цене около 7 рублей за квадратный сажень (4,55 кв. м)⁹ [35].

12 января 1877 года часть «площади старого кладбища» на северной стороне улицы Сенной (современной улицы Максима Горького) и переулка Соборного была отдана под строительство детского приюта. Выделенный участок имел размеры 110 на 33 сажень (3630 кв. сажень или 1,65 га), располагался по современному адресу: улица Максима Горького, 113–117, и был разделён переулком Соборный. Известно, что на 22 апреля 1886 года к постройке приютских зданий «ещё не приступали». Лишь к 1888 году на основной территории площадью в 2533,34 кв. саж. (1,15 га), находившейся с западной стороны переулка Соборного (улица Максима Горького, 113), были построены здания приюта (рис. 29), оставлен про-

Рис. 16. Ситуационный план упоминаемых в статье объектов (на основе плана г. Ростова-на-Дону 1902 г. [108]).
 Подготовлен авторами статьи

сторный двор и засажен обширный сад. Оставшаяся часть земли, расположенная с восточной стороны переулка Соборный (улица Максима Горького, 117), оставалась приютом неосвоенной, в связи с чем власти решили её вернуть в пользу города и продать. На 24 мая 1888 года были даже назначены торги, однако их сразу же отменили, поскольку поступило предложение о постройке на том месте здания ремесленного училища, да и приют не был согласен с решением об отторжении территории, которую он давно считал своей [47; 55; 108]. Участок по современному адресу: улица М. Горького, 115, детским приютом был застроен лишь в 1909–1910 годах, когда здесь был возведён их Доходный дом, сразу после постройки арендованный частной гимназией Степанова (рис. 17) [69].

В сентябре 1878 года Городская Управа

⁹ Здесь и далее пересчёт в метрическую систему производится из расчёта: 1 кв. сажень = 4,55 кв. м; 1 сажень = 2,13 м, 1 аршин = 0,71 м [90, с. 36, 691].

устанавливает стоимость в 3,5 рубля за квадратный сажень для земли, «прирезаемой от старого кладбища к задней части находящихся по Кузнецкой улице (современной Пушкинской¹⁰ — авторы) дворов». Это касалось десяти земельных участков, владельцы которых были перечислены: Наталья Федосеева, Яков Ласьков, Исай Шмуля, Вдовенко, Василий Мухин, Наталья Васильева, Матвей Мусюжный, Дмитрий Зубович, Евгения Кривенкова, Ефросинья Лысенкова (рис. 8). При этом было огово-

рено первоочередное право приобретения этой земли упомянутыми владельцами; в случае их отказа — соседями; а в случае их отказа, она должна была войти в число свободных городских территорий [27].

9 ноября 1878 года Городская Дума разрешила передать участок «на старом кладбище, близ места, отведённого для детского приюта» под постройку Римско-Католической церкви. Этот участок имел размеры 20 на 20 саженей (400 кв. саженей или 1820 кв. м) и располагался в юго-восточном углу перекрестка современных улицы Максима Горького, 84 и переулка Соборного, 38. Через полтора года 15 мая 1881 состоялось освящение закладки фундаментов этой церкви. Строительство заняло чуть больше года, и 6 августа 1882 она была освящена (рис. 18) [28; 33; 34; 86, с. 157]. В 1883 году на при-

Рис. 17. Строительство доходного дома детского приюта, 1910 г. Сразу после постройки был арендован частной гимназией Степанова (совр. ул. М. Горького, 115). Справа на снимке — дом по совр. адресу ул. М. Горького, 117) [11]. Публикуется впервые

церковной территории были возведены кирпичные здания (двухэтажный дом для причта и службы), а также заложен сад площадью 108 кв. саженей (492 кв. м) [1, л. 41об.].

23 марта 1879 года для постройки Ильёй Степановичем Шушпановым православной церкви город выделил земельный участок на месте, «где было старое кладбище» [29]. Церковь И. С. Шушпанов планировал построить за собственный счёт, кирпичную трёхпрестольную (рис. 19) [31; 65]. Однако осуществить задуманное он не успел, и после его смерти этим делом занялся его сын купец 1-й гильдии Гавриил Ильич Шушпанов (рис. 20) [36]. Церковь была выстроена в память 25-летия царствования в Бозе почившего Императора Александра II и освящена 2 декабря 1889 года во имя Успения Пресвятой Богородицы (рис. 23–26) [1, л. 13, 16; 56; 72]. Она располагалась между упомянутой Римско-Католической церковью и железнодорожным училищем в юго-западном углу пере-

¹⁰ Здесь и далее название современных улиц приводится на основе картографических сопоставлений и списка «Старые названия улиц Ростова», составленного М. Б. Мартиросовой по сведениям краеведа Ю. А. Бибикова [87].

Рис. 18. Римско-Католическая церковь
(угол ул. М. Горького, 84 / пер. Соборный, 38), 1900 г. [73]

Илья Степанович Шушпанов.

Рис. 19. Фотопортрет И. С. Шушпанова [65]

крестка современных улицы Максима Горького, 82 и переулка Соборного, 31. Важно отметить, что Успенскую церковь построили на месте старого Всесвятско-

го храма, о чём можно судить по результатам наложения городских планов 1845 и 1850 годов на современный спутниковый снимок (рис. 13). В 1931 году на данном участке возвели «Профессорский дом», котлованом которого были уничтожены церковные фундаменты. История Успенского храма заслуживает отдельного исследования, выходящего за рамки настоящей статьи.

13 марта 1880 года на заседании Ростовской н/Д Городской Думы вышеупомянутый священник Михаил Прокопович попросил прирезать к его участку пустопорожнюю городскую землю, находящуюся сзади его двора и когда-то являвшуюся частью кладбища (за это он

Гавриил Ильич Шушпанов

Рис. 20. Фотопортрет Г. И. Шушпанова. Из домашнего архива Юлианы Кареевой, г. Москва (потомок Шушпановых)

Ростов на Дону хоронит Гаврилу Ильича Шушпанова.

Рис. 21. Похоронная процессия Г. И. Шушпанова, 5 марта 1901 г. Из домашнего архива Юлианы Кареевой, г. Москва (потомок Шушпановых)

предложил плату в 140 рублей). Дума ответила так: поскольку запрашиваемый земельный участок примыкает к территории «отданной для постройки здания под помещение детского приюта», в начале нужно спросить его попечительство «не найдёт ли оно нужным, чтобы означенный участок земли был отчуждён в собственность приюта» [30]. Мы не знаем каковым было финальное решение городских властей, но тут важно отметить, что в отличие от 1877 года, когда православный священник решил поселиться «воз-

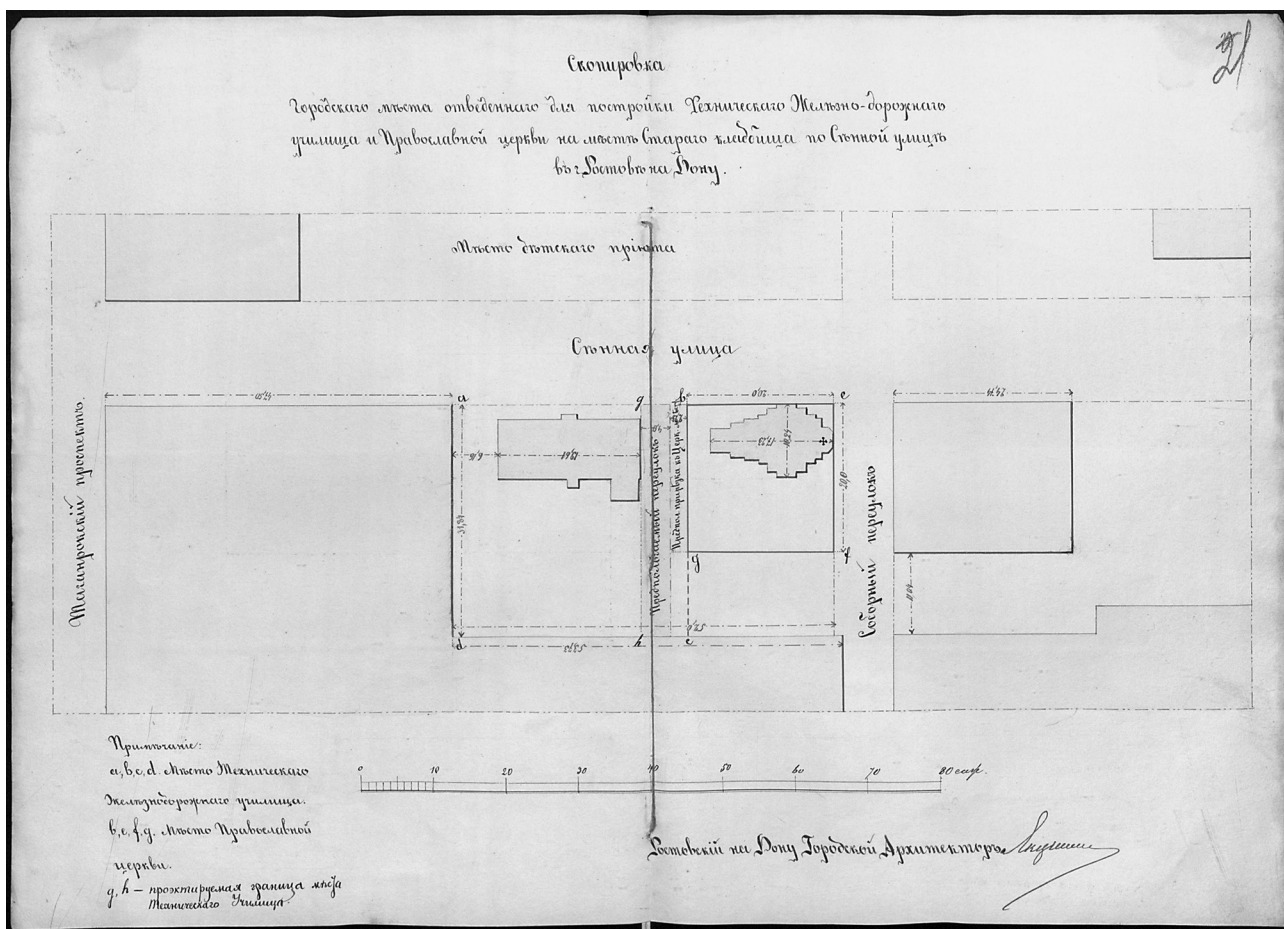

Рис. 22. «Скопировка городского места, отведённого для постройки технического Железно-дорожного училища и Православной церкви на месте Старого кладбища по Сенной улице в г. Ростове-на-Дону» [1, л. 21]. Публикуется впервые. Внизу справа стоит подпись городского архитектора В. И. Якунина, занимавшего эту должность в 1878–1886 гг. [81]

Рис. 23. «Церковь построенная Г. И. Шушпановым во имя «Успения Пресвятой Богородицы»» (угол совр. ул. М. Горького и пер. Соборного). Фото В. Ф. Петрыковского. Лист фотоальбома из фондов ДГПБ, Отдел редкой книги (л. 3). Год съёмки — 1893 [88; 89]. Внизу справа (под церковной оградой) заметна надгробная (?) плита

Рис. 24. Открытка «Ростов на Дону. Торговая школа» (совр. ул. М. Горького, 88). Далее: католическое училище (совр. ул. М. Горького, 86); в глубине следующего участка — Римско-Католическая церковь (совр. ул. М. Горького, 84). Справа — Успенская церковь (совр. ул. М. Горького, 82). Из коллекции А. Н. Овчинникова

риться с наличием на его дворе христианских погребений, а то и быть готовым произвести планировку надмогильных сооружений. Данное наблюдение, как и сам факт застройки Всесвятского кладбища, является иллюстрацией ошибочности распространённого в настоящее время стереотипа о том, что уничтожение некрополей является характерной чертой советского периода.

15 мая 1880 года «на Старом кладбище <...> между <...> пожарным депо и местом, указанным для постройки православной [Успенской] церкви» Городская Дума разрешает выстроить здание технического железнодорожного училища и его мастерских. Для этих целей был передан участок размером 52 на 32 сажени (1664 кв. сажени, 7575 кв. м), располагавшийся напротив детского приюта по современному адресу: улица Максима Горького, 80 [32; 108]. Строительство училища завершилось в сентябре 1884 года, после чего началось возведение ограды вокруг него (рис. 28) [1, л. 16, 16об.].

ле старого кладбища», в 1880 году он уже просит прирезать непосредственно его часть. Логично предположить, что для этого он, как минимум, должен был сми-

когда стены строящейся по соседству Успенской церкви были выведены более чем на половину, оказалось, что для её паперти и подъезда к ней не остаёт-

Рис. 25. «Сад Коммерческого Клуба и Верхняя Часть Города» (фрагмент). Фото В. Ф. Петрыковского. Лист фотоальбома из фондов ДГПБ, отдел редкой книги (л. 18). Год съёмки — 1893 [88; 89]

Рис. 26. Открытка «Ростов н/Д. Общий вид на восток». Подпись чернилами: «13 июня 1903 г.» [78]. В левой части — Успенская церковь. В центральной части: Римско-Католическая церковь (слева) и Дом Общества Взаимопомощи Приказчиков (справа). Внизу справа — участки священника И. С. Кутенко и крестьянина Владимирской губернии И. А. Рыжкова [79, с. 133]

ся места. Данная проблема обсуждалась в течение 1884–1887 годов. В итоге, по предложению Г. И. Шушпанова, от железнодорожного училища была отрезана полоска земли размером 4 на 32,45 сажень (8,52 на 69,11 м) и за этот счёт образован новый переулочек, который отделил церковь от училища (рис. 22). Получившийся проезд был назван переулочком «Александровским», что планировалось отразить на городском плане. Собственник (Министерство Путей Сообщения) согласился уступить часть своей территории без соответствующей компенсации при условии, что оз-

наченный переулочек «останется навсегда свободным» и, следовательно, окна железнодорожного училища не будут застроены [1, л. 16об.–17об., 21; 41; 44; 45; 46; 52]. Любопытно отметить, что название переулочка не прижилось и до недавнего времени оно являлось неизвестным историческим топонимом¹¹.

Таким образом, в период с 1884 по 1887 год было приложено немало усилий для урегулирования территории между

¹¹ Топоним — название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулочка, проезда, бульвара, набережной. Вид урбанонима [91].

тремя вышеупомянутыми учреждениями: Римско-Католической церковью, Успенской церковью и железнодорожным училищем. Эти труды учитывали интересы означенных учреждений и были направлены на гармоничное и удобное их взаиморасположение. В местной прессе и архивных документах сохранилась информация и о других решениях, принятых городскими властями с той же целью:

- отклонить ходатайство о прирезке дополнительного земельного участка к территории Римско-Католической церкви (16 марта 1884 года) [38, с. 2, стб. 1];

- проработать вопросы об отделении железнодорожного училища от Успенской церкви брандмауэром¹² и о переносе двора Римско-Католической церкви «на другую сторону» (27 марта 1884 года) [1, л. 41; 39, с. 2, стб. 2];

- согласиться с представителями Римско-Католической церкви о невозможности переноса их двора, в связи с имеющимися на нём каменными постройками и садом, общей стоимостью в 6000 рублей, а также с отсутствием подходящей территории и денежных средств для их предполагаемого перемещения (12 марта — 23 мая 1887 года);

- согласиться с начальником железнодорожного училища о невозможности заложить в училище окна, выходящие к строящейся Успенской церкви, и разделить эти два учреждения оградой, в связи с имеющимися на этот счёт юридическими препятствиями (26 марта — 23 мая 1887 года) [1, л. 41–42об.].

19 июля 1886 года для постройки арестного дома Ростовская уездная земская управа просит выделить земельный участок «на старом кладбище, близ Католической церкви». 23 сентября Городская дума в этом отказывает, сославшись на имеющуюся идею обустройства там сквера с братской могилой, а также тем неопределённым положением, «в какое поставлено Ростовское земство» в связи с присоединением Ростовского уезда к Области Войска Донского [50].

В конце января 1888 года с южной стороны от Успенской церкви, с целью «урегулирования Соборного переулка и площади Старого кладбища», к имению крестьянина Владимирской губернии Ивана Александрова Рыжкова был прирезан участок земли площадью 39,10 кв. сажень (178 кв. м), по цене 3 рубля за кв. сажень [53, с. 61–62]. Подворье И. А. Рыжкова располагалось на месте современного дома по адресу: переулок Соборный, 29. В дальнейшем он просил прирезать ещё два участка, находящихся к западу и северу от

У входа в 1-й участок.

Фот. любителя И. Долматовского.

Рис. 27. Дом Общества Взаимопомощи Приказчиков (совр. пер. Соборный, 36). Подпись: «У входа в 1-й участок. Фот. любителя И. Долматовского» [68]. Слева — здание католической школы; справа — дом Е. Ф. Наумовой. [79, с. 152]

¹² Брандмауэр — стена из негорючего материала, разделяющая смежные строения в противопожарных целях [90, с. 63].

Рис. 28. Здание технического железнодорожного училища в 1930-х гг. (совр. ул. М. Горького, 80). На заднем плане «Профессорский дом», построенный на месте снесённой Успенской церкви (совр. ул. М. Горького, 82) [83]

его усадьбы: в 1888 году — участок в смежности с железнодорожным училищем; в 1900 — участок в смежности с Успенской церковью. По обоим прошениям было отказано в связи с тем, что эти участки могли потребоваться «для надобностей строящейся церкви», что в итоге и произошло.

12 мая 1888 года Городская Дума передала Г. И. Шушпанову земельный участок вблизи Успенской церкви для строительства на нём церковно-причтового дома. Этот участок имел размеры 3,6 на 17 саженей (61,20 кв. саженей или 278,6 кв. м) и располагался по современному адресу: переулок Соборный, 31а, между железнодорожным училищем, вышеупомянутой прирезкой И. А. Рыжкова и усадьбой священника первой Всесвятской церкви Ивана Стефановича Кутенко (рис. 16) [54; 61].

3 мая 1895 года Обществу Взаимопомощи Приказчиков был выделен земельный участок рядом с католической школой, по современному адресу: переулку Соборному, 36. На территории размером 9 на 25 саженей (225 кв. саженей или 1024 кв. м) планировалось выстроить здание для училища, читальни и Правления этого Общества (рис. 27) [58; 108].

8 марта 1902 года Городская Дума удовлетворила ходатайство причта Успенской церкви о предоставлении территории, прилегающей к её южной ограде, для строительства там церковно-приходской школы. Участок размером около 23,5 на 5,56 саженей (130,27 кв. саженей или 593 кв. м) с северной стороны был ограничен церковью, с восточной — переулком Соборным, с южной — именем И. А. Рыжкова; с западной — железнодорожным училищем (рис. 16). Между именем Ивана Рыжкова и запланированной церковно-приходской школой был оставлен проезд шириной в 6 саженей (12,78 м). Ещё один проезд, шириной в 4 сажени (8,52 м) был оставлен между его именем и железнодорожным училищем. В вышедшей на следующий день газетной заметке отмечалось, что указанный земельный участок был выделен в связи с тем, что священник Успенской церкви Константин Молчанов «настаивал на отводе места, составляющего часть церковного погоста» [66; 67].

Проект мемориала

Настолько активная застройка бывшего кладбища не могла не смущать общественность. От многих жителей города,

Рис. 29. Здание бывшего детского приюта в 1950 г. (ул. М. Горького, 113) [80]

родственники которых здесь покоились, поступали «жалобы и неудовольствия».

Эти чувства разделял и городской голова Андрей Матвеевич Байков, который 22 апреля 1886 года заявил следующее: «жалобам этим, как вытекающим из весьма законного чувства уважения к памяти близких, нельзя отказать в справедливости, тем более, что память многих из покоящихся на кладбище первых граждан, основателей Ростова, должна быть священна и для всего Общества. Поэтому было бы желательно почтить память их достойным образом».

В связи с этими мыслями на заседании Городской Думы он озвучил идею, возникшую в частных беседах: собрать кости погребённых «в одну общую, так сказать, братскую могилу с постановкой приличного над ней памятника и с устройством вокруг неё, на всём пространстве кладбища, сквера». По его мнению, это было бы «достойной данью уважения признательного потомства памяти основателей города Ростова». Для реализации этой задумки предполагалось использовать территорию, отведённую под детский приют, поскольку постройка его зданий на тот момент (22.04.1886) ещё не началась.

Городская Дума согласилась с озвученным предложением и для возможности его реализации учредила Комиссию, которая должна была проработать этот вопрос, подыскать другой участок для детского приюта и прийти к соглашению с его Попечительством. В эту Комиссию вошли: председатель Шушпанов Г. И., члены Кушнарёв Я. С., Панченко И. С., Солодов Ф. Н., Максимов П. Р. [47; 49].

В вышедшей по горячим следам газетной заметке постановление «образовать Комиссию» преподносилось как решённый факт: «место близ строящей-

ся Г. И. Шушпановым церкви, где было самое старое кладбище — оставить незастроенным; превратить в сквер, засадить; испросить разрешение, в середину его перенести останки первых устроителей Ростова и соорудить общую гробницу». В этой же заметке приводились и планы, не отражённые в других источниках: «Раз в год над этой могилой служить соборне и всенародно панихиду об успокоении душ тех, кто первые населяли Ростов, предвидя его широкую будущность». При этом отдельный акцент делался на значимости задуманного проекта для формирования благоприятной городской среды: «Устройство скверов [и] умножение их числа можно только приветствовать, так как обогащение городских насаждений и растительности имеет важное гигиеническое значение» [48].

В конце января 1888 года полномочия Комиссии по «устройству на Старом кладбище братской могилы» были продлены, её состав не изменился [53, с. 78].

Поскольку нам известно, что к 8 июня 1888 года приютские здания были «с удобством размещены» на первоначально задуманном месте, можно сделать вывод о том, что соглашение с Попечительством детского приюта о его переводе на новое место достигнуто не было, из-за чего проект обустройства мемориала реализовать не удалось [55].

Последние погребения на территории бывшего кладбища

Поиск информации о Всесвятском кладбище усложняется следующими факторами:

1) Утратой метрических книг кладбищенской церкви за 1787–1865 годы. В ГАРО имеются лишь метрики второй Всесвятской церкви за 1889, 1895, 1906 годы, но она располагалась на другом кладбище [2; 5; 6].

2) Отсутствием точных сведений о времени открытия Новопоселенского кладбища. Наличие такой информации позволило бы отнести к Всесвятскому кладбищу все более ранние записи о погребениях на общественном кладбище в сохранившихся метрических книгах других церквей.

3) Отсутствием в Ростове н/Ддо 1863 года периодических печатных изданий [93].

4) Уничтожением документов городской думы за период с 1805 по 1840 год «весом приблизительно до 50 пудов (819 кг — авторы) <...> по 2 р. 40 к. за пуд¹³». М. Б. Краснянский по этому поводу писал: «часть архива, благодаря невежеству бывш. гор. головы Кузьмина в 1883 г., распродана с торгов на обёртку донских селёдок» [37, с. 2, стб. 3; 10, л. 4].

На момент написания настоящей статьи, в распоряжении авторов были два источника с информацией о погребениях, расположенных на территории Всесвятского кладбища. Оба описываемых события датируются периодом после его упразднения и связаны с Успенской церковью.

7 июня 1887 года в газете «Ведомости Ростовской на Дону Городской Управы» было напечатано следующее Объявление: «В ограде новостроящейся на Старом кладбище церкви находятся несколько могил. Покорнейше прошу родственников покойников, похороненных в этих могилах, если они желают, оправить¹⁴ эти могилы, иначе они будут сглажены. Благочинный церковей 1-го Ростовского на-Дону Округа Ф. Руднев» [51].

Таким образом нам становится известно, что в границы земельного участ-

ка Успенской церкви попало некоторое количество погребений Всесвятского кладбища, за которыми к 1887 году ухаживать перестали. Помимо этого, данная публикация интересна ещё и тем, что она указывает на отсутствие в то время религиозных и моральных препятствий для расчистки прицерковной территории от заброшенных могил.

***

5 марта 1901 года «в ограде при Успенской церкви» был похоронен Г. И. Шушпанов, скончавшийся 2 марта в 23:30 [62; 63]. На следующий день в газете «Приазовский Край» был напечатан большой некролог, в котором содержалось описание похоронной процессии, упоминание деталей погребального обряда и указание месторасположения данного захоронения. Поскольку всё это имеет важное историко-археологическое значение, считаем необходимым ниже привести объёмную цитату с пропусками биографических сведений.

«Вчера было предано земле тело потомственного почётного гражданина Гавриила Ильича Шушпанова. К 10 час. утра в квартиру Г. И. собрались родственники и друзья покойного и масса лиц, знавших его. Тело, лежавшее на утопавшем в венках столе, около которого выстроены были ученики старших классов мужской классической гимназии <...>, было положено в гроб. Священниками из Соборной, Успенской, Александро-Невской, гимназической и кладбищенской церковей совершена была панихида, а затем гроб был перенесён в городской собор, где соборне была отслужена литургия и панихида. После богослужения священником гимназической церкви о. Лаврентием Добромыс-

¹³ Пуд — старая русская мера веса, равная 16,38 кг [90, с. 629].

¹⁴ Оправить — привести в надлежащий вид, в порядок [90, с. 454].

ловым было сказано прочувствованное¹⁵ слово, где он охарактеризовал покойного Г. И., как видного благотворителя <...>. Говорили также и некоторые священники других церквей. Около часа дня траурная процессия медленно тронулась из собора по загруженным многочисленной толпой улицам (см. рис. 21 — авторы). Процессия открывалась святостями и крестом, затем воспитанники старших классов на шести бархатных подушках несли знаки отличия покойного.

Далее ученики гимназии несли венки от разных лиц и учреждений.

За венками служащие цементного завода и фабрики Асмолова несли крышку гроба; далее следовал соединённый хор Соборной и Успенской церквей, духовенство и, наконец, на руках служащих на фабрике Асмолова и на цементном заводе был несён роскошный цинковый гроб, в котором лежало тело Г. И., одетого в мундир ведомства мин. нар. просвещения.

За гробом следовали многочисленная толпа знакомых и знавших покойного и затянутая флёрот траурная карета, где сидели жена и дочери. Сзади следовала погребальная колесница. Процессия, замыкавшаяся вереницей экипажей и громадной толпой народа, прошла по Соборному переулку, Б. Садовой ул., Таганрогскому проспекту и Скобелевской улице к сооружённой на средства покойного Г. И. Успенской церкви. Дорогой процессия несколько раз останавливалась для совершения краткой литии¹⁶. По прибытии в Успенскую церковь гроб был внесён во храм. Здесь настоятель его о. Константин Молчанов сказал краткую речь и за-

тем после прощания гроб был вынесен в церковную ограду и поставлен у восточной стены храма, около раскрытых дверей склепа. После совершения краткого молитвословия певчие пропели «Вечную память», гроб был запаян и опущен в склеп.

На гроб возложено было до 50 венков. Между ними находились венки от городского общественного управления, от коммерческого клуба, от нахичеванского благотворительного общества, от акционерного общества печатного и издательского дела, от греческой колонии, от прихожан Успенской церкви, от прихожан нахичеванской св. Александра Невского церкви, от коллегии учителей мужской гимназии, от правления купеческого банка, несколько венков от учеников разных классов мужской классической гимназии, от попечительного совета Екатерининской женской гимназии, венки от служащих на фабрике Асмолова и на цементном заводе, серебряные от жены и дочерей и масса венков от друзей и знакомых Г. И.» [64].

Далее в заметке приводятся подробные биографические сведения о покойном, в которых указывалось, что «исключительно на его средства» была сооружена церковь Успения Божией Матери. Именно это обстоятельство и дало юридическую возможность осуществить захоронение в черте города: согласно Указу Синода от 12 апреля 1833 года погребение гражданских лиц «при церквях, находящихся в селениях» допускалось в исключительных случаях, только с разрешения епархиального архиерея «и по самым уважительным причинам, как то: в благодарность создавшему храм своим иждивением, или обезпечившему содержание причта и при том имевшему житие благозаконное и кончину не постыдную» [94].

Мы не можем утверждать, что в ограде Успенской церкви были похоронены и ро-

¹⁵ Прочувствованный — исполненный искренних и добрых чувств (Прочувствованная речь).

¹⁶ Лития — в том числе: заупокойная служба, которая короче, чем панихида.

дители Гавриила Ильича, однако некоторые основания для этого были: как выше уже упоминалось, в 1879–1880 годы Илья Степанович Шушпанов являлся инициатором постройки этой церкви, а за несколько лет до того, в 1873–1875 годах, он и его супруга Екатерина Фёдоровна занимались обустройством кирпичной ограды вокруг Всесвятского кладбища.

В 1928 году Успенскую церковь закрыли и к 1930 году снесли. После этого уже ни что не напоминало о существовании кладбища и оно, как и многие другие, было вычеркнуто из истории города [7; 92]. В 1930–1931 годах на этом месте был построен «Профессорский дом» (переулок Соборный, 31), котлованом которого была уничтожена и могила Г. И. Шушпанова: линия восточного фасада дома соответствует линии церковной ограды, что означает полное уничтожение как фундаментов алтарной части храма, так и расположенного за ней прицерковного некрополя.

Изучение Всесвятского кладбища в 1900–1941 годах

В 1900 году в газете «Приазовский край» выходит статья под названием «В прошлом Ростова», состоящая из двух частей, в конце которых стоит подпись: «Пимен Ростовский» (очевидно, псевдоним). Публикация является воспоминаниями местного жителя, которые датируются 1880 годом, повествование начинается с восклицаний, дающих понять, что автор не был в родном городе ровно 20 лет [59]. В завершении этой статьи приводятся интересные сведения о внешнем виде Всесвятского кладбища и царившей там атмосфере, которые имеет смысл привести полностью.

«Выше по [Николаевскому] переулку (современному Семашко — авторы), за

Кузнецкой улицей (современной Пушкинской — авторы), тянулись уже совсем убойные, чисто грабительские места. Старое кладбище, которое теперь не узнать, покрытое Успенской церковью, католическим храмом и техническим училищем, — служило гнездом ночных громил, пользовавшихся им как собственной квартирой. Горе обывателю, имевшему неосторожность пройти здесь после сумерек, хотя и днём не совсем было безопасно. Полиция чувствовала себя бессильной и смотрела на обитателей старого кладбища сквозь пальцы. Могилы и памятники хотя и были, но в разрушенном виде. С восточной стороны торчали полуобвалившиеся кладбищенские ворота и часть стены. Вся эта кладбищенская площадка с обвалившимися и полуразрушенными могильными памятниками носила характер исторического городка, представляющего археологический интерес. Если бы она притом содержалась в опрятности, то не лишена была бы поэтичности, особенно в лунные ночи, но я уже сказал, что на старом кладбище царила ужасная мерзость и грязь. Там, по преданию, похоронен один из Садомцевых, подаривший городу всю ему принадлежавшую площадь теперешнего городского сада (современного парка Максима Горького — авторы)» [60].

Как мы могли заметить, в приведённой статье впервые подчёркивается историко-археологическое значение Всесвятского кладбища. Этот зарождающийся интерес нашёл своё воплощение в подъёмном материале, представленном в экспозиции Ростовского-на-Дону городского музея и опубликованном в его каталоге за 1912 год:

«Старый Ростов на Дону 1797–1862 гг.
Витрина 7. Отделение С.

1. Верхняя часть человеческого черепа. Найдена на месте старого городского кладбища, бывшего на уг. Сенной ул. и Соборного пер.

2. Человеческий череп. Найден там же.

3. Верхняя часть человеческого черепа. Найдена там-же» [74].

Хранитель ростовского музея, горный инженер и краевед М. Б. Краснянский в 1910–1930-х годах изучал ростовские кладбища и написал две статьи с упоминанием интересующего нас некрополя:

· в 1917 году — «Ростов на Дону в прошлом по городским кладбищам» (в соавторстве с А. Т. Парецким) [8] (см. приложение № 1);

· в 1939–1941 годы — «Ростов н/Д в прошлом по городским кладбищам» (в соавторстве с начальником архивного отдела НКВД) [10] (см. приложение № 2).

***

На протяжении последующих 70 лет о Всесвятском кладбище было забыто.

Лишь в 2012 году после визуального обследования, проведённого специалистами ГАУК РО «Донское наследие» по проекту реконструкции улицы Максима Горького, оно было включено в список выявленных объектов культурного наследия под наименованием «Всесвятское (Старое) кладбище (конец XVIII в. – начало XIX в.)». При этом территория данного памятника археологии была утверждена в границах улица Пушкинская — проспект Будёновский — улица Города Волос — переулок Соборный. Таким образом, состоящая на охране территория кладбища в 4 раза превышает его фактические размеры (18 вместо 4,5 га). Данное противоречие было обусловлено погрешностью отображения кладбища в использованном для определения его границ плане города Ростова 1811 года и, вероятно,

стремлением вписать объект в сетку современных улиц (рис. 5, 12–13).

В дальнейшем на территории памятника проводились немногочисленные археологические исследования, информация о которых должна стать основой для будущих публикаций.

Приложение № 1.

Из рукописи статьи М. Б. Краснянского и А. Т. Парецкого «Ростов на Дону в прошлом по городским кладбищам» [рукопись, 1917 г.] [8]

Пятое кладбище г. Ростова н/Д.

Когда открыто было пятое кладбище на углу Соборного переулка и Романовской улицы (первоначально улица эта называлась Тургеневской, потом Сенной¹⁷), а теперь Романовской) за Генеральной балкой — сведений не сохранилось, но на плане, Высочайше утверждённом в 1811 году для города Ростова, кладбище это показано к закрытию (очень возможно, что упомянутое это кладбище было открыто в 1760–1780 гг. на совместные средства Доломановского и Купеческого форштадтов). К сожалению, с 5-го кладбища надгробных плит у нас нет не сохранилось, а собрано несколько костяков, откопанных в разное время при планировке Романовской улицы. Черепа эти подобраны и сохраняются в Ростовском н/Д Городском Музее. Упомянутое кладбище одно время около 50-ти лет пустовало и в последствии было разбито под кварталы и также застроено, как застроены были первые четыре кладбища. В последнее время ростовский купец Г. И. Шушпанов на месте

¹⁷ Уточнение: современная улица Максима Горького первоначально называлась Сенной (до 1885 года); с 1885 по 1895 год — Тургеневской; с 1895 по 1913 год — Сенной; с 1913 по 1917 год — Романовской; с 1917 до 1936 года — снова Сенной, после чего получила современное название [87].

5-го кладбища выстроил на свои личные средства Успенскую церковь, которая и теперь существует.

Шестое кладбище г. Ростова н/Д.

Шестым по счёту кладбищем является Старое кладбище, ныне ещё не затронутое функционирующее и находящееся в Новом Поселении. Когда это кладбище открыто — сведений не сохранилось, но историк Покровской церкви Л. Крещановский на стран. 17 ой своего труда (изд. 3 ье) говорит, что вслед за устройством крепости Св. Дмитрия сюда на второй год существования крепости, в 1762 году, была перенесена из крепости Св. Анны небольшая деревянная церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, которая, в свою очередь, с устройством в крепости новой, более обширной церкви, была в 1785 году перенесена на кладбище с наименованием «Всех Святых»¹⁸. Мы пробовали на кладбище разыскивать плиты этого времени, но таковых не нашли, хотя упомянутое кладбище это по плану города в 1811 году уже значилось. за чертой города. Очень может быть, что шестое кладбище начало функционировать с 1785 года, но надгробных памятников того времени мы не нашли не сохранилось¹⁹ <...>.

Приложение № 2.

Из рукописи статьи М. Б. Краснян-

¹⁸ Описывая историю Новопоселенского кладбища, авторы ошибочно полагают, что первая Всесвятская церковь была устроена на нём, а не на Всесвятском (по их классификации — «Пятом») кладбище. Эта путаница вызвана наличием на Новопоселенском кладбище второй Всесвятской церкви.

¹⁹ 1785 год — это год постройки первой церкви во имя Всех Святых на Всесвятском кладбище, однако Новопоселенское кладбище несколько моложе, и потому надгробий последней четверти XVIII века на нём быть не могло.

ского и неустановленного начальника архивного отдела НКВД, ст. л-та Вал...(?) «Ростов н/Д в прошлом по городским кладбищам» [«для газ. «Молота»], без даты (1939–1941 гг.)] [10]

Пятое кладбище расположено на углу просп. Семанжэ Подбельского (современного переулка Соборного — авторы) и ул. М. Горького, где была когда-то шушпановская церковь с оградой, а теперь высится 5^{ти} этажный дом инженерно-технических работников. Упомянутое кладбище послужило местом упокоения воинов, убитых в Крымскую кампанию. Здесь тоже возможны случаи неравномерной осадки зданий с трещинами.

Источники и литература

Архивные документы

1. Дело об устранении предстоящих неудобств и стеснений для строящейся в г. Ростове на старом кладбище православной церкви в память царствования Императора Александра II (9.08.1883–30.12.1888) // ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2655. Л. 13, 16–17об, 21, 41–42об.

2. Метрические книги Всесвятской (кладбищенской) церкви г. Ростова-на-Дону за 1895 г. // ГАРО. Ф. 226. Оп. 20. Д. 7.

3. Исповедные росписи Ростовской Всесвятской церкви за 1859–1870 гг. // ГАРО. Ф. 226. Оп. 21. Д. 8. Л. 13об., 14, 27об., 28, 39об., 40, 53об., 54, 67об., 68, 78об., 79, 90об., 91.

4. Переписка с Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором и Ростовской городской думой об изменении плана г. Ростова, утверждённого в 1811 г. от 9.02.1828 г. // ГАРО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 192. Л. 29–29об.

5. Метрические книги Всесвятской (кладбищенской) церкви г. Ростова-

ва-на-Дону за 1889 г. (об умерших) // ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 1294.

6. Метрические книги Всесвятской (кладбищенской) церкви г. Ростова-на-Дону за 1906 г. // ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 1304.

7. О закрытии Успенской церкви // ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 57. Л. 61, 61об., 95.

8. Краснянский М. Б., Парецкий А. Т. «Ростов на Дону в прошлом по городским кладбищам» [рукопись]. 1917 г. // ГАРО. Ф. Р-2577. Оп. 2. Д. 6. Л. 11–13.

9. «Ростовские на-Дону Храмы». Без указания авторства. Без даты [не ранее 1897 г., не позднее 1905 г.] // ГАРО. Ф. Р-2613. Оп. 1. Д. 17. Л. 108.

10. Краснянский М. Б. [в соавторстве с неустановленным начальником архивного отдела НКВД, ст. л-том Вал...(?)]. «Ростов н/Д в прошлом по городским кладбищам» [рукопись «для газ. «Молота»]. Без даты (1939–1941) // ГАРО. Ф. Р-2613. Оп. 1. Д. 244. Л. 4, 6.

11. Доходный дом детского приюта в процессе строительства, 1910 г. (сразу после постройки был арендован частной гимназией Степанова). [Фото] // ГАРО. Ф. Р-4459. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

Периодическая печать

12. Расход // Ведомости Ростовской (на Дону) Городской Думы. – 1865. – 21 фев. – № 6. – С. 39 (стб. 3). – ГАРО. Библиотека.

13. О постройке молитвенного дома на Новом кладбище // Ведомости Ростовской (на Дону) Городской Думы. – 1865. – 14 мар. – № 11. – С. 51 (стб. 2–3). – ГАРО. Библиотека.

14. Пожар // Ведомости Ростовской (на Дону) Городской Думы. – 1865. – 17 окт. – № 42. – С. 182 (стб. 3). – ГАРО. Библиотека.

15. Освящение кладбищенской церкви // Ведомости Ростовской (на Дону) Го-

родской Думы. – 1868. – 20 окт. – № 43. – С. 195 (стб. 3).

16. Освящение кладбищенской церкви // Ведомости Ростовской (на Дону) Городской Думы. – 1868. – 27 окт. – № 44. – С. 199 (стб. 2).

17. Освящение кладбищенской церкви // Ведомости Ростовской (на Дону) Городской Думы. – 1868. – 3 нояб. – № 45. – С. 204 (стб. 2).

18. Журналы Ростовской (на Дону) Городской Думы. Заседания февраля 27-го дня 1873 года // Ведомости Ростовской на Дону Городской Управы. – 1873. – 10 июн. – № 23. – С. 2 (стб. 3).

19. Журнал Ростовской на Дону Городской Думы. Заседания мая 2 дня 1873 года // Ведомости Ростовской на Дону Городской Управы. – 1873. – 9 сен. – № 36. – С. (стб. 2).

20. Сведения о состоянии городского хозяйства, благоустройства и о деятельности Общественного управления города Ростова (на Дону) за 1873 год // Ведомости Ростовской на Дону Городской Управы. – 1874. – 21 апр. – № 16. – С. 1 (стб. 4), 2 (стб. 1, 3).

21. Журнал Ростовской н/Д. Городской Думы. Заседания июня 20 дня 1874 года // Ведомости Ростовской на Дону Городской Управы. – 1874. – 8 сен. – № 36. – С. 1 (стб. 3).

22. От Ростовской Городской Управы // Ведомости Ростовской на Дону Городской Управы. – 1875. – 2 фев. – № 5. – С. 1 (стб. 4), 2 (стб. 1).

23. Журнал Ростовской н/Д. Городской Думы. Заседания января 5 дня 1875 года // Ведомости Ростовской на Дону Городской Управы. – 1875. – 23 мар. – № 12. – С. 1 (стб. 2–4).

24. Журнал Ростовской н/Д. Городской Думы. Заседания января 5 дня 1875 года // Ведомости Ростовской на Дону

Городской Управы. – 1875. – 23 мар. – № 12. – С. 1 (стб. 2–4).

25. Сведения о состоянии город. хозяйства, благоустройства и о деятельности Городского Общественного управления г. Ростова на Дону за 1875 год // Ведомости Ростовской на Дону Городской Управы. – 1876. – 6 июн. – № 23. – С. 2 (стб. 2). – ГАРО. Библиотека.

26. Журнал Ростовской на Дону Городской Думы. Заседания 19 января 1877 года // Ведомости Ростовской на Дону Городской Управы. – 1877. – 27 фев. – № 9. – С. 3 (стб. 2).

27. Журнал Ростовской на-Дону Городской Думы. Заседания 28 сентября 1878 г. // Ведомости Ростовской на Дону Городской Управы. – 1878. – 29 окт. – № 44. – С. 1 (стб. 4), 2 (стб. 1).

28. Журнал Ростовской на-Дону Городской Думы. Заседания 9 ноября 1878 г. // Ведомости Ростовской на-Дону Городской Управы. – 1878. – 10 дек. – № 50. – С. 1 (стб. 14).

29. Заседания 23 марта 1879 г. // Журналы заседаний Ростовской на-Дону Городской Думы за 1879 год. – Ростов н/Д : Тип. И. А. Тер-Абрамиан, 1880. – С. 92.

30. Заседания 13 марта 1880 г. // Журналы заседаний Ростовской на-Дону Городской Думы за 1880 год. – Ростов н/Д : Тип. И. А. Тер-Абрамиан, 1881. – С. 53г–54д. – URL: <https://vivaldi.dspl.ru/bv0000109/view/?#page=60> (дата обращения: 01.10.2023).

31. Заседания 29 апреля 1880 г. // Журналы заседаний Ростовской на-Дону Городской Думы за 1880 год. – Ростов н/Д : Тип. И. А. Тер-Абрамиан, 1881. – С. 119.

32. Журнал № 15, заседания 15 мая 1880 г. // Журналы заседаний Ростовской на-Дону Городской Думы за 1880 год. – Ростов н/Д : Тип. И. А. Тер-Абрамиан, 1881. – С. 123–124.

33. Извещение [о закладке на старом кладбище фундаментов католической церкви] // Донская пчела. – 1881. – 14 мая. – № 34. – С. 1 (стб. 1–2).

34. Освящение католической церкви // Донская пчела. – 1882. – 1 авг. – № 57. – С. 2 (стб. 3).

35. Журнал Ростовской на-Дону Городской Думы. Заседания 15 октября 1882 г. // Ведомости Ростовской на-Дону Городской Управы. – 1882. – 31 окт. – № 44. – С. 1 (стб. 4), 2 (стб. 1).

36. Журнал № 16, заседания 29 июля 1883 г. // Журналы Ростовской на-Дону Городской Думы за 1883 год. – Ростов н/Д: Тип. И. А. Тер-Абрамиан, 1884. – С. 114.

37. Журнал Ростовской на-Дону Городской Думы. Заседания 7 декабря 1883 г. // Ведомости Ростовской на-Дону Городской Управы. – 1884. – 8 янв. – № 2. – С. 2 (стб. 3).

38. Журнал Ростовской на-Дону Городской Думы. Заседания 16 марта 1884 г. // Ведомости Ростовской на-Дону Городской Управы. – 1884. – 1 апр. – № 14. – С. 2 (стб. 1).

39. Журнал Ростовской на-Дону Городской Думы. Заседания 27 марта 1884 г. // Ведомости Ростовской на-Дону Городской Управы. – 1884. – 15 апр. – № 16. – С. 2 (стб. 2).

40. Журнал Ростовской на-Дону Городской Думы. Заседания 10 мая 1884 года // Ведомости Ростовской на-Дону Городской Управы. – 1884. – 17 июн. – № 25. – С. 2 (стб. 3).

41. Журнал Городской Думы. Заседания 5 сентября 1884 года // Ведомости Ростовской на-Дону Городской Управы. – 1884. – 23 сент. – № 39. – С. 3 (стб. 4), 4 (стб. 1).

42. Журнал Городской Думы. Заседания 2 октября 1884 года // Ведомости Ростовской на-Дону Городской Управы. – 1884. – 14 окт. – № 42. – С. 3 (стб. 3–4).

43. Журнал Городской Думы. Заседания 3 декабря 1884 года // Ведомости Ростовской на-Дону Городской Управы. – 1884. – 16 дек. – № 51. – С. 3 (стб. 4).

44. Журнал № 8, заседания 4 апреля 1885 г. // Журналы Ростовской на-Дону Городской Думы за 1885 год. – С. 85–87.

45. Журнал Городской Думы № 8. Заседание 4 апреля 1885 г. // Ведомости Ростовской на Дону Городской Управы. – 1885. – 28 апр. – № 17. – С. 3 (стб. 1–2).

46. Журнал № 20, заседание 31 октября 1885 г. // Журналы Ростовской на-Дону Городской Думы за 1885 год. – С. 289–290.

47. Журнал № 8, заседание 22 апреля 1886 г. // Журналы Ростовской на-Дону Городской Думы за 1886 год. – Ростов н/Д: Тип. Холева, 1886. – С. 134–135.

48. Новый сквер // Донская пчела. – 1886. – 4 мая. – № 32. – С. 4 (стб. 2).

49. Журнал № 13, заседание 19 июня 1886 г. // Журналы Ростовской на-Дону Городской Думы за 1886 год. – Ростов н/Д: Тип. Холева, 1886. – С. 220.

50. Журнал № 15, заседание 23 сентября 1886 г. // Журналы Ростовской на-Дону Городской Думы за 1886 год. – Ростов н/Д: Тип. Холева, 1886. – С. 265–266.

51. Объявление [о приведении в порядок могил в ограде строящейся на старом кладбище церкви] // Ведомости Ростовской на Дону Городской Управы. – 1887. – 7 июн. – № 23. – С. 8 (стб. 2).

52. Журнал № 26, заседание 15 декабря 1887 г. // Журналы Ростовской на-Дону Городской Думы за 1887 год. – С. 392.

53. Журнал № 5, заседания 28–29 января 1888 г. // Журналы Ростовской на-Дону Городской Управы за 1888 год. – С. 61–62, 77–78.

54. Журнал № 14, заседание 12 мая 1888 г. // Журналы Ростовской на-Дону Городской Управы за 1888 год. – С. 264.

55. Журнал № 17, заседание 8 июня 1888 г. // Журналы Ростовской на-Дону Го-

родской Управы за 1888 год. – С. 313–315.

56. Дополнение к журналу Городской Думы № 28, заседания 12 декабря 1889 г. № 29 // Ведомости Ростовской на-Дону Городской Управы. – 1890. – 21 янв. – № 3. – С. 1 (стб. 3).

57. Журнал № 13, заседание 23 мая 1890 г. // Журналы Ростовской на-Дону Городской Думы за 1890 год. – С. 185.

58. Журнал № 8, заседание 3 мая 1895 г. // Журналы Ростовской на Дону Городской Думы за 1895 год. – Ростов н/Д: Типо-литография С. Арутюнова, А. Ковалева, Е. Кундури, 1896. – С. 109–110.

59. Пимен Ростовский. В прошлом Ростова (отрывки из воспоминаний). Ч. I // Приазовский край. – 1900. – 21 мая. – № 133. – С. 2 (стб. 1).

60. Пимен Ростовский. В прошлом Ростова (отрывки из воспоминаний). Ч. II // Приазовский край. – 1900. – 2 июл. – № 173. – С. 3 (стб. 7).

61. Журнал № 24, заседание 19 июня 1900 г. // Журналы Ростовской на Дону Городской Думы за 1900 год. – С. 257 // ГАРО. Библиотека. Инв. № 5071.

62. Некролог Г. И. Шушпанову // Приазовский край. – 1901. – 4 мар. – № 59. – С. 1.

63. Некролог Г. И. Шушпанову // Приазовский край. – 1901. – 5 мар. – № 60. – С. 1.

64. Без автора. Г. И. Шушпанов [некролог] // Приазовский край. – 1901. – 6 мар. – № 61. – С. 2 (стб. 6–7).

65. Илья Степанович Шушпанов // Южный Телеграф. – 1903. – 1 янв. – № 123. – С. 8 (стб. 1).

66. Журнал № 15, заседания 8 марта 1902 г. // Журналы Ростовской на Дону Городской Думы за 1902 год. – С. 217–218.

67. Заседание думы // Приазовский край. – 1902. – 9 мар. – № 64. – С. 2 (стб. 7).

68. Долматовский И. У входа в 1-й участок // Южная Речь. – 1907. – 28 янв. – № 1. – С. 5 (стб. 1–2).

69. Деспотов Г. Г. Новый доходный дом Ростовского н-Д. детского приюта ведомства учреждений Императрицы Марии // Южный Телеграф. – 1910. – 26 сент. – № 2753. – С. 4 (стб. 7–8).

70. Оленев А. В самом центре Ростова нашим археологам вдруг улыбнулись скелеты / А. Оленев // Вечерний Ростов – 2002. – 14 фев.

71. Оленев А. Улица М. Горького: вскрытие старинных склепов [интернет-версия статьи, напечатанной в газете «Вечерний Ростов» от 30 октября 2012 г.] / А. Оленев // Ростовский словарь : [сайт]. – 2013. – 3 янв. – URL: <https://rslovar.com/ulica-m-gorkogo-vskrytie-starinnyh-s/> (дата обращения: 01.10.2023).

Печатные источники

72. Вся Область Войска Донского на 1899 год. Адрес-календарная, торгово-промышленная, справочная книга / сос. Д. С. Нейфельд. – Ростов-на-Дону: Изд. А. И. Тер-Абрамиан, 1899. – Стб. 480.

73. Вся Область Войска Донского на 1900 год. Книга администрации, промышленности и торговли / под ред. Д. С. Нейфельд. – Ростов-на-Дону : Изд. А. И. Тер-Абрамиан, 1900. – Стб. 319–320 (вкладыш № 2).

74. Каталог Ростовского на Дону городского музея / под ред. А. М. Ильина. – Ростов н/Д.: Правление Рост. н/Д. о-ва истории, древностей и природы, 1912. – С. 43–44.

75. Крещановский Л. Историческая записка о Покровской церкви в Ростове на Дону. – Изд. 3-е / Л. Крещановский. – Ростов н/Д : Тип. Донского Акционерного общества печатного и издательского дела, 1907. – С. 27, 46–48.

76. [Макаревский А. Г. (епископ Феодосий)]. Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской Епархии. Церкви и приходы прошедше-

го XVIII столетия. Вып. 2 / А. Г. Макаревский. – Екатеринослав : Тип. Я. М. Чаусского, 1880. – С. 197–200.

77. Никольский К. Об антиминсах Православной Российской Церкви / К. Никольский. – Санкт-Петербург : Тип. Якова Трея, 1872. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Nikolskij/ob-antiminsah-pravoslavnoj-russkoj-tserkvi/ (дата обращения : 01.10.2023).

78. Открытка «Ростов н/Д. Общий вид на восток» – Подпись чернилами: «13 июня 1903 г.». – Тонкий картон, фототипия. – Размер: 14x9 см // ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения». – РОМК КП 11016/64. – ИГПО-413. – Номер в Госкаталоге: 15781685. – URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=15901665> (дата обращения: 01.10.2023).

79. Оценка недвижимых имуществ г. Ростова на-Дону для раскладки государственного налога и других сборов на 1904 год. – С. 133, 152.

80. Фотография «Здание железнодорожного техникума». – Ростов-на-Дону, 1950. – Фотобумага матовая. – Размер: 14,2 x 23,1 см // ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения». – РОМК КП 21841/72. – Фо-2967. – Номер в Госкаталоге: 23404752. – URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=23546099> (дата обращения: 01.10.2023).

Литература

81. Волошинова Л. Ф. Зодчий ростовской эпохи «строительной горячки» / Л. Ф. Волошинова // Донской временник. Год 2021-й. Вып. 29-й. – Ростов-на-Дону: Дон. гос. публ. б-ка, 2020. – С. 84, 87. – URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m19/2/art.aspx?art_id=1813 (дата обращения: 01.10.2023).

82. Всесвятская церковь, «кладбищенская», «на Старом кладбище» // Сидо-

ров В. С. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону : [в 6 т.] Т. 4. Великий курган — Гурвич / Сидоров В. С. — Ростов н/Д : Изд во «Гефест», 1996. — С. 160–166.

83. История техникума. От Ростовского технического училища до техникума РГУПС // Ростовский государственный университет путей сообщения : [сайт]. — Ростов-на-Дону, 1930-е гг. — URL: <https://www.rgups.ru/university/struktura-i-organy-upravleniia-1632/uchebnye-podrazdeleniia/tekhnikum-rgups-549/o-tekhnikume/istoriia-tekhnikuma/> (дата обращения: 01.10.2023).

84. Исторические и археологические памятники г. Ростова на Дону (Ростову 200 лет). Альбом. — Ростов н/Д : Отдел культпросветработы Ростовского на Дону Горисполкома, 1949 // РРО ВООПИиК. Архив. — Л. 35.

85. Колева Г. Ю. Город и его некрополи // Вестник Тюменского государственного университета. — 2012. — № 2. — С. 109.

86. Малаховский Е. И. Храмы и культовые сооружения Ростова-на-Дону, утраченные и существующие / Е. И. Малаховский. — Ростов н/Д : Изд-во «NB», 2006. — С. 35–36, 58–62, 157.

87. Старые названия улиц Ростова: переименования улиц Ростова-на-Дону по сведениям краеведа Ю. А. Бибилова // Ростовские улицы: исторический справочник / Донская государственная публичная библиотека; сост. М. Б. Мартиросова. — Ростов-на-Дону, 2020. — URL: <http://donvrem.dspl.ru/archPlaceArtText.aspx?pid=12&id=2818> (дата обращения: 01.10.2023).

88. Овчинников А. Н. Фотоальбом В. Ф. Петрыковского — личное мнение (часть 1-я) / А. Н. Овчинников // Ростовский берег: [сайт]. — 2021. — URL: http://www.rostovbereg.ru/publ/rostov_so_vsekh_storon/fotoalbom_v_f_petrykovskogo_lichnoe_mnenie/1-1-0-670 (дата обращения: 01.10.2023).

89. Овчинников А. Н. Фотоальбом В. Ф. Петрыковского — личное мнение (часть 2-я) / А. Н. Овчинников // Ростовский берег: [сайт]. — 2021. — URL: http://www.rostovbereg.ru/publ/rostov_so_vsekh_storon/fotoalbom_v_f_petrykovskogo_lichnoe_mnenie_chast_2_ja/1-1-0-671 (дата обращения: 01.10.2023).

90. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — Изд. 23-е. — Москва : Русский язык, 1991. — С. 36, 55, 63, 275, 454, 626, 629, 691.

91. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — Изд. 2-е / Н. В. Подольская. — Москва : Наука, 1988. — С. 52.

92. Табунщикова Л. В. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920–1930-е годы. Сборник документов / Л. В. Табунщикова, А. В. Шадрина [научн. редактор Л. В. Мининкова]. — Ростов-на-Дону, 2013. — С. 405.

93. Что прошло в печать [без автора] // Журнал «Кто главный»: [сайт]. — URL: https://kg-rostov.ru/history/made_on_don/chto-proshlo-v-pechat/ (дата обращения: 01.10.2023).

94. Нормативные акты

94. Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода (1721–1901 г. включительно) и гражданских законов, относящихся к духовному ведомству православного исповедания / Сост. С. В. Калашников. — Изд. Третье. — Санкт-Петербург : Изд. И. Л. Тузова, 1902. — С. 317 (§ 1584).

95. Закон № 13696 от 11.11.1771 г. «О предосторожностях от заразительной болезни» // Полное собрание законов Рос-

сийской Империи, с 1649 года [собрание первое]. Т. XIX (1770–1774 гг.). – Санкт-Петербург : Тип. II отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – С. 371.

96. Закон № 13724 от 24.12.1771 г. «О сношении Губернаторов и Воевод с Духовными Правительствами по отводу мест для кладбищ и построения церквей» // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года [собрание первое]. Т. XIX (1770–1774 гг.). – Санкт-Петербург : Тип. II отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – С. 409.

97. Закон № 13803 от 19.05.1772 г. «Об учреждении кладбищ в удобных местах, расстоянием от последнего городского жилья не ближе 600 сажень» // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года [собрание первое]. Т. XIX (1770–1774 гг.). – Санкт-Петербург : Тип. II отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – С. 500.

98. Закон № 13901 от 1.11.1772 г. «О заведении кладбищ при всех городах на иждивении купечества и градских жителей» // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года [собрание первое]. Т. XIX (1770–1774 гг.). – Санкт-Петербург : Тип. II отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – С. 621.

99. Перечень выявленных объектов археологического наследия, расположенных на территории Ростовской области [по состоянию на 25 мая 2023 г.] // Комитет по охране объектов культурного наследия Ростовской области : [официальный сайт]. – URL: <https://okn.donland.ru/documents/active/156445> (дата обращения: 01.10.2023).

Историческая картография

100. «План гор. Ростова 1781–1798 гг.» из фонда М. Б. Краснянского (ГАРО. Ф. Р-2613) // Архив авторов (дешифрат).

101. Геометрический специальный план Новороссийской, что ныне Екатеринославской губернии города Ростов с выгонною землею и крепостью Святого Дмитрия, 1798 г. Копия М. Б. Краснянского с нанесёнными им краеведческими отметками (снята с копии 1874 года) // ГАРО. Ф. Р-2613. Оп. 1. Д. 18.

102. План города Ростова. Существующее положение на 1810 г. – Изображение (картографическое) : непосредственное // ГАРО. Ф. Р-2613. Оп. 1. Д. 218.

103. План Екатеринославской губернии городу Ростову. На подлинном написано собственною Его Императорского Величества рукою: Быть по сему. Александр. Мая 11 дня 1811 года. С. Петербург // Полное собрание законов Российской Империи (собрание первое). Книга чертежей и рисунков (Планы городов). – Санкт-Петербург : Тип. II отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1839. – План № 108.

104. План города Ростова [1822 г.] // Национальная электронная библиотека : [сайт]. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_009995111 (дата обращения: 01.10.2023). – [ФГБУ «Российская государственная библиотека»].

105. Копия с копии Высочайше утверждённого плана города Ростова-на-Дону 1845 года с правками 1872 года // ГАРО. Ф. Р-2613. Оп. 1. Д. 135. Л. 2.

106. План Екатеринославской губернии уездного города Ростова. Снятый в 1850 году. Копия техника Ростовской н/Д Городской Управы М. Б. Краснянского, 12.08.1896 г. // ГАРО. Библиотека.

107. План города Ростова {на Дону} Екатеринославской губернии 1868 г. (синька) // ГАРО. Ф. Р-2613. Оп. 1. Д. 218.

108. План города Ростова на Дону 1902 г. / под ред. городского землемера Мамонтова. Ростов н/Д : Изд. Городской Управы, акционерная печатня, 1902 // Это

место : [сайт]. – URL: http://www.etomesto.ru/view.php?map=rostov-na-donu_staraya-karta&key=1&x=39.708128&y=47.225136 (дата обращения: 01.10.2023).

109. Рекало. Е. Г. Памятник истории и культуры I пол. XIX в. — б. Торговый дом П. Р. Максимова (г. Ростов-на-Дону, ул. Станиславского, 60/21 пр. Семашко). Научно-проектная документация. Историко-архивные исследования. Том II. / Е. Г. Рекало, Ю. Н. Солнышкин, В. П. Грудев. — Ростов-на-Дону : Северо-Кавказский филиал проектного института «Спецпроектреставрация», 1995 // РРО ВООПИиК. Архив. — Иконографические приложения, л. 1 (план 1811 г.), л. 2 (план 1845/1872 г.), л. 3 (план 1868 г.). — Шифр : 584-I-95.

Список фондов ГАРО

Фонд № 46 — Атаманская канцелярия (Канцелярия войскового наказного атамана) [1625–1920].

Фонд № 226 — Донская духовная консистория, г. Новочеркасск [1790–1927].

Фонд № 579 — Канцелярия Таганрогского градоначальника г. Таганрог [1803–1919].

Фонд № 803 — Метрические книги церквей Области войска Донского.

Фонд № Р-1798 — Донской Окружной Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов [1924–1930].

Фонд № Р-2577 — Органы управления музейным делом и подведомственные им учреждения [1810–1944].

Фонд № Р-2613 — Краснянский Михаил Борисович (1873–1944), инженер-геолог, краевед [1743–1993].

Фонд № Р-4459 — Попов Василий Васильевич (1884–1930), гражданский инженер, архитектор [1904–1972].

Е. И. Митина

СВЕРХДОРОГИЕ КУПЕЧЕСКИЕ НАДГРОБИЯ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ ОБЩЕСТВОМ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКАХ

На протяжении XIX века пространство кладбища являлось ритуализированным пространством памяти [1, с. 427–429], местом, предназначенным не только для поминаения усопших, но и для формирования памяти о человеке. Надгробный памятник, установленный в этом пространстве, становится одной из важнейших форм памяти об усопшем и позволяет лицам, устанавливающим его, сформировать определенный нарратив о человеке. Надгробие могло выражать различные интересы близких усопшего: демонстрация достижений покойного, выражение внутрисемейной конкуренции, выражение скорби [1, с. 429–431]. Таким образом, надгробие становится формой диалога между родственниками усопшего и современниками либо потомками (зачастую это подчеркивается и в эпитафиях на надгробиях: обращением к родственникам или к «прохожему»). В рамках построения этого нарратива лица, устанавливающие надгробия, могли прибегать к различным средствам: текстуальным (стихотворные, простран-

ные прозаические эпитафии, указание на различные этапы жизни или обстоятельства смерти усопшего, выходящие за рамки стандартного формулярного текста) [10, с. 8], визуальным (изображения на надгробии, материал и общая форма надгробия, общая композиция семейного захоронения и др.), что может сказываться на итоговой стоимости мемориала.

Однако важно отметить, что общественное восприятие дорогих надгробий не всегда в полной мере соответствовало целям, которые преследовались авторами надгробия. Стремление к простоте в захоронении закрепилось в европейской культуре к началу XVIII века [1, с. 278–280]. Арьес, анализируя частные (расположенные вне кладбищенского пространства) погребения во Франции в XVIII веке, приводит материалы общественных дискуссий на эту тему, которые показывают, что устройство «самых роскошных» надгробных памятников в этот период было возможно, однако общественно более приемлемыми являлись простые надгробия [1, с. 415–416].

Показательными в этом плане являются надгробия купца и мореплавателя Григория Ивановича Шелихова (1747–1795; написание фамилии (Шелихов и Шелехов) в литературе) в Иркутске и купца Филиппа Дмитриевича Котопули (1814–1867) в Таганроге. Надгробия, установленные в самом начале (памятник Г. И. Шелихову установлен в 1800 году) и в середине XIX века, объединяет то, что их высокая стоимость была известна: в случае памятника Г. И. Шелихову стоимость указана на постаменте надгробия и составляет 11 670 рублей; стоимость надгробия Ф. Д. Котопули оценивалась современниками в дискуссии в прессе в 30 тысяч рублей. Оба надгробия, расположенные на некрополях, удаленных от столиц Российской империи, заметно выделяются на общем фоне и своим размером, и декоративным оформлением. Памятник Г. И. Шелихова представляет собой мраморный обелиск высотой около 5 метров, со всех четырех сторон украшенный мраморными и бронзовыми барельефами, представляющими собой портрет усопшего, портрет императрицы Екатерины II, гирлянды и маски, символы скорби и предметы, демонстрирующие род деятельности Г. И. Шелихова: карты и инструменты мореплавателя. На надгробии также расположены несколько прозаических и поэтических эпитафий. Надгробие Ф. Д. Котопули — облицованный белым мрамором склеп, увенчанный скульптурной композицией (ангел с крестом) и украшенный медальоном, гирляндами и колоннами. Высота надгробия — около 7 метров [4]. Оба надгробия вызвали общественную дискуссию, связанную с их пышным оформлением и высокой стоимостью.

Установка памятника Г. И. Шелихову в Иркутске в 1800 году вызвала конфликт

родственников и церкви: служители церкви были резко против установки на территории Знаменского монастыря в Иркутске, где в 1795 году был похоронен Г. И. Шелихов, надгробия, отличавшегося значительным размером и богатым декоративным оформлением. Среди аргументов против установки надгробия отмечается и его стоимость: по словам митрополита Вениамина, она составляет «до двенадцати тысяч» [2]. Для разрешения этого конфликта и установки надгробия потребовалось позволение Павла I. Важно отметить, что информацию о памятнике императору доносил генерал-прокурор П. Х. Обольянинов, который опирался не на информацию, поданную митрополитом Вениамином, а на письма зятя Г. И. Шелихова Н. П. Резанова. Тот, в свою очередь, указывает, что «мавзолей ничего более не представляет, как обелиск на пьедестале из разных екатеринбургских мраморов» [2], а также указывает более низкую стоимость надгробия: он пишет, что памятник «стоит семье нашей до 10 000 рублей» [2]. Дискуссия об установке памятника, а также необходимость вмешательства императора демонстрируют, что сверхдорогое надгробие не соответствует сложившемуся к началу XIX века «стандарту».

Несоответствие общепринятым нормам, в свою очередь, порождает вопросы о причинах такого поведения. Роскошное надгробие, установленное женой усопшего Н. А. Шелиховой, становится одной из причин возникновения версии о его убийстве женой: эта версия возникает еще в XIX веке [13, с. 73] и оказывается устойчивой [2; 11]. Богатое декоративное оформление и стоимость надгробия воспринимаются как стремление «загладить вину» и скрыть истинное отношение к усопшему [2; 11]. Общественная

дискуссия, развернувшаяся вокруг надгробия Ф. Д. Котопули, демонстрирует также двоякое восприятие стоимости надгробия. С одной стороны, в прессе отмечается «искренняя любовь», заставившая жену усопшего установить такое надгробие; с другой стороны, отмечается, что памятник требует реставрации, которую не обеспечивает вдова усопшего. Это трактуется как неискренность и недолговечность чувств вдовы [6].

Общим мотивом в случаях надгробия Г. И. Шелихова и Ф. Д. Котопули оказывается и то, что стоимость памятника известна. Нарушением общепринятых стандартов становятся не только затраты на памятник, но и артикуляция этих затрат. В случае с памятником Г. И. Шелихову становится важно проследить описание этого монумента в различных источниках: так, в описании памятника в «Сыне Отечества» за 1839 год отмечено, что на надгробии указана его стоимость [9], то в более поздних текстах эта информация отделялась от описания памятника или не упоминалась [3, с. 4; 5, с. 248–249]. В этом отношении важным мотивом становится трата большой суммы денег на благотворительность, а не надгробие. Это характерно для общеевропейской традиции [1, с. 278–280], и тема благотворительности появляется и в дискуссии по поводу надгробия Ф. Д. Котопули [6, 8]; необходимо отметить, что в случае с надгробием Г. И. Шелихова взнос на строительство ограды монастыря, где он был похоронен, становится одним из аргументов в пользу установки этого памятника [2]. В случае с общественным обсуждением надгробия Ф. Д. Котопули его высокая стоимость оценивается негативно; в противоположность этому, отмечается, что, если бы эти деньги были потраче-

ны на благотворительность, это стало бы «вечным памятником» [6].

Необходимо также отметить прагматическую составляющую обсуждения установки сверхдорогих надгробий: согласно «Уставу медицинской полиции» [12, с. 32], уход за территорией кладбища ложился на «обывателей города» (можно предположить, что в эту группу входят как родственники усопших, так и различные благотворительные и попечительские организации; важно отметить, что уход за кладбищем, согласно «Уставу», не был обязанностью ни церкви, ни городских властей). В случае с надгробием Г. И. Шелихова работы по уходу за памятником легли частично на плечи церкви, частично городской управы [7]. Дискуссия в прессе относительно памятника Ф. Д. Котопули могла быть также обоснована необходимостью выделения денег на реставрацию надгробия. В одной из заметок, посвященных этому памятнику, вполне прямо указывается на неучастие родственников усопшего в уходе за надгробием [6].

Пространство кладбища в XIX веке воспринимается как ритуализированное, а значит, всем актерам, находящимся в этом пространстве, предписывается определенное поведение. Несмотря на то, что круг задач по мемориализации усопшего, стоящих перед лицами, устанавливающими надгробие, может быть очень широк, им приписываются определенные стандарты поведения, выражающиеся в том числе в оформлении надгробия. Сверхдорогие надгробия не соответствуют общепринятым нормам по целому ряду критериев: это и визуальный код (размер, оформление), и общепринятая установка на стремление в простоте в захоронении и трате денег на благотворительность как средство фик-

сации памяти. Немаловажными представляются также расходы на поддержание этого надгробия. Нарушение этих стандартов воспринимается как вызов обществу и часто трактуется негативно.

Источники и литература

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. – М.: Прогресс-академия, 1992. – 526 с.

2. Гаращенко А. Н. Памятник Г. И. Шелихову: новые материалы // Иркутску 350 лет — история и современность: материалы всероссийской научно-практической конференции «Сибиряковские чтения» (12–13 октября 2011 г., Иркутск). – Иркутск: Отгиск, 2011. – С. 228–238.

3. Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества / под ред. Е. И. Ламанского. – СПб., 1856. – Кн. 1. – Ч. 3. – 220 с.

4. Кукушин В. С. История архитектуры Нижнего Дона и Приазовья. – Ростов-на-Дону: ГинГо, 1996. – 275 с. – URL: <http://architecture.artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000005/st020.shtml> (дата обращения: 18.08.2023).

5. Материалы к «Русском провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича / подг. изд. И. Д. Шилова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. – Т. 2. – 591 с.

6. Несколько слов о таганрогском христианском кладбище // Старое кладбище Таганрога. – URL: <https://vivaldi.nlr.ru/ap000051588/view/?#page=4> (дата обращения: 18.08.2023).

7. О памятнике Г. И. Шелехову в Иркутске // Городской музей Г. И. Шелехова. Ка-

Примечания

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

талог лекций. – URL: <http://www.shelmuz.irkutsk.ru/> (дата обращения: 18.08.2023).

8. Об аварийном состоянии склепа-часовни на могиле Ф. Д. Котополи // Старое кладбище Таганрога. – URL: <https://vivaldi.dspl.ru/pn0005556/view#page=6> (дата обращения: 18.08.2023).

9. Памятник Г. И. Шелихова // Сын Отечества. – 1839. – № 7. – С. 21.

10. Пежемский Д. В. Новый этап в изучении русской погребальной культуры XVIII–XX вв. // Историческая память молодого человека: способы формирования и пути сохранения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (21–23 мая 2021 г.). – М.: Российский православный университет святого Иоанна Богослова, 2021.

11. Радченко Ю. «Колумбу Росскому...» // Панорама искусств'78. – М.: Советский художник, 1979. – С. 340–351.

12. Рябченко А. Е. Устав медицинской полиции. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1892. – 539 с. – URL: Национальная электронная библиотека. Доступ по ссылке: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003548290/ (дата обращения: 18.08.2023).

13. Штейнгель В. И. Сочинения и письма. – Иркутск: Восточносибирское книжное издательство, 1985. – Т. 1. – 612 с.

А. А. Нечипорук

УТРАЧЕННОЕ ЗАТЕМЕРНИЦКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ ГОРОДА РОСТОВА-НА-ДОНУ: ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ОХРАНА

Жизнь мертвых продолжается в памяти живых.

— Цицерон

Затемерницкое кладбище располагалось на западной окраине города, на высокой коренной террасе правого берега реки Темерник (рис. 1, 2)¹. История его возникновения связана с Затемерницким поселением, изначально именовавшимся Бессовестной слободкой [21, с. 61]. Такое имя поселение получило в связи с тем, что образовалось самовольно на захваченных городских землях в середине XIX века. Толчком к его росту и развитию стала отмена крепостного права и начало строительства на территории города в 1864 году Владикавказской железной дороги и главных железнодорожных мастерских, что спровоцировало значительный приток бедного населения из других губерний. В этой связи встал вопрос об

открытию отдельного кладбища для проживающих в поселении, поскольку доставлять умерших на городское кладбище для большинства, в силу многих причин, было делом крайне затруднительным. В результате 31 октября 1866 года место под Затемерницкое кладбище было размечено городским топографом [3, с. 184]. Отведенный участок имел размеры 90 на 80 саженей (192 на 170 м).

Отдельно стоит остановиться на истории церкви, которую предполагалось построить на кладбище. Идея об ее закладке появилась вместе с решением об отводе земли на эти нужды в 1866 году. Изначально проект предполагал строительство молитвенного дома, «с обыкновенною крышей и маленькою посреди ея главою» [2, с. 179]. Однако, после начала ее строительства по выраженному многими жителями поселения пожеланию церковь

---

¹ Автор выражает искреннюю благодарность А. Н. Овчинникову и Е. Студеникиной за помощь в подготовке статьи.

А. А. Нечипорук

Утраченное Затемерницкое христианское кладбище
города Ростова-на-Дону: история, археология, охрана

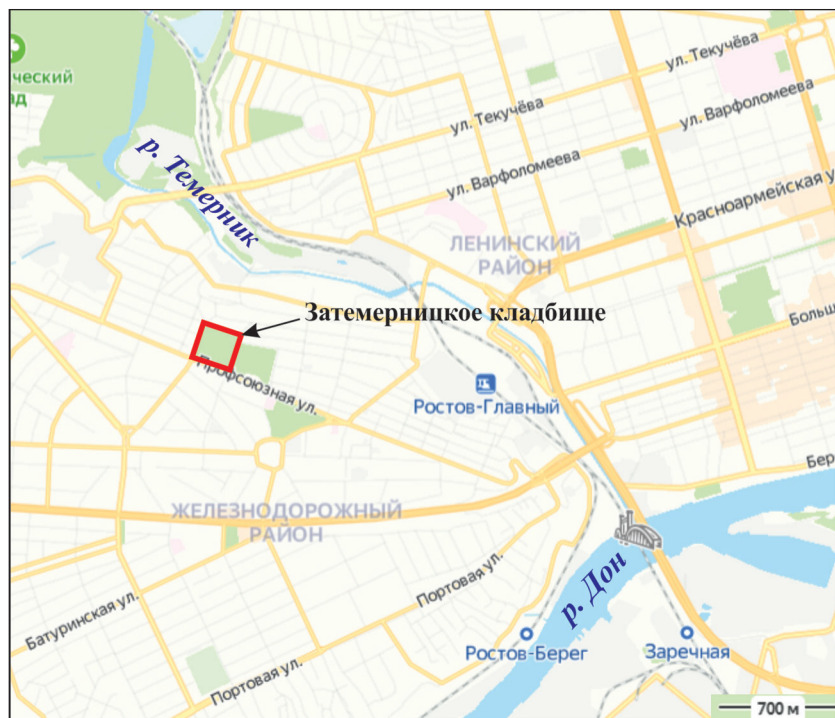

Рис. 1. Месторасположение Затемерницкого кладбища на современной схеме города Ростова-на-Дону. Основа взята с сервиса ЯндексКарты

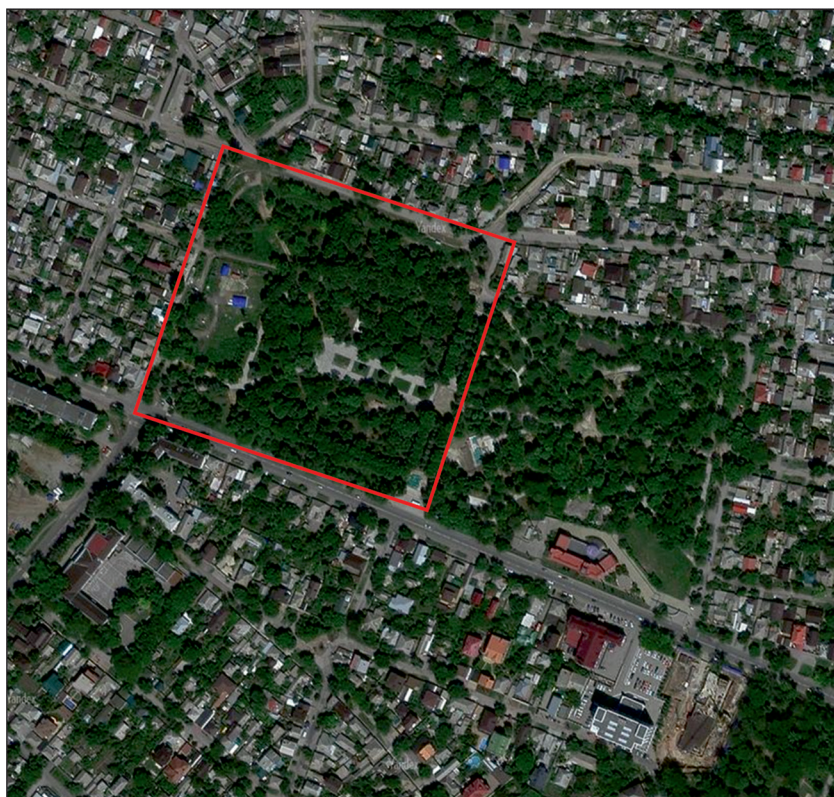

Рис. 2. Затемерницкое кладбище на спутниковом снимке города Ростова-на-Дону. Основа взята с сервиса Google Earth, 11 июня 2021 года

хотели видеть полноценной, со всеми необходимыми атрибутами. В связи с этим строитель церкви городской голова А. М. Байков приостановил строительство до весны следующего года. Но строительство, по всей видимости, так и не было продолжено. А. М. Байков в 1869 году был вынужден уйти со своего поста, а место для церкви было выбрано другое, на небольшой площади возле главных железнодорожных мастерских Владикавказской железной дороги. В 1872–1873 годах на этой площади была построена Иоанно-Предтеченская церковь, а позже возле нее появился Темерницкий базар [24, с. 99]. Тем не менее, место, отведенное на кладбище под строительство церкви оставалось не занятым могилами вплоть до конца XIX века, видимо, из расчета, что она все же будет построена [5, с. 1–2]. В начале XX века недалеко от кладбища, на Церковной площади, началось строительство Троицкой церкви [26, с. 2], что, вероятно, позволило окончательно отказаться от идеи строительства таковой непосредственно на его территории.

В 1880 году Городской Думой было создано Попечительство по заведыванию городскими кладбищами,

в которое вошли гласные Д. А. Шапошников (председатель), С. А. Богуславский, Ф. Л. Старков и состоящие в списке избирателей И. С. Шушпанов, А. К. Горащенко и К. А. Маслов [10, с. 39]. Им было поручено принять в свое ведение городские кладбища, выработать правила и порядок, необходимые для приведения их в благоустроенный вид, а затем представить свои предложения на утверждение Думы. Однако основные усилия Попечительства были направлены на благоустройство главного городского христианского кладбища возле Нового поселения, а прочие оставались без должного внимания. В результате старостой Иоанно-Предтеченской церкви М. Я. Горбенко в 1890 году было предложено образовать отдельное попечительство «по улучшению Затемерницкого кладбища» [11, с. 285]. По решению Думы предложение было одобрено и в том же году это попечительство под председательством М. Я. Горбенко было создано. В состав попечительства также входили священник Иоанно-Предтеченской церкви А. Федоров, М. П. Шахов, А. С. Самохвалов, Ф. Ф. Половников и Д. В. Ровеньков [11, с. 285]. Его создание позволило вплотную заняться благоустройством кладбища, которое до этого даже не было огорожено, из-за чего домашние животные беспрепятственно бродили по его территории и портили могилы и кресты над ними [11, с. 178]. В связи с этим городской голова И. С. Леванидов предложил предоставить попечительству в бесплатное пользование на 3 года каменоломни, находящейся в пользовании причта Иоанно-Предтеченской церкви, для ломки и продажи камня, средства от которой пошли бы на строительство ограды [11, с. 178].

В 1893 году в состав Попечительства были избраны М. Я. Горбенко (председатель), М. И. Сафонов, А. П. Плугаты-

рев, С. А. Богуславский [12, с. 104, 110]. Благодаря их стараниям и при всех сложностях удавалось содержать кладбище в относительном порядке. Городской голова Е. Н. Хмельницкий на заседании Городской Думы отдельно обратил внимание на «прекрасное состояние Затемерницкого кладбища, в какое оно приведено заботами и усердием М. Я. Горбенко при участии члена Попечительства гласного М. И. Сафонова» и предложил вынести им за это благодарность [12, с. 275]. Для дальнейшего поддержания должного состояния кладбища М. Я. Горбенко обратился с заявлением в Городскую Управу о выделении из кладбищенских сумм на эти цели 500 рублей [12, с. 275]. Параллельно с этим встал вопрос и о расширении кладбища [12, с. 155–156]. Городским архитектором Дорошенко по поручению Управы был снят его план с указанием прирезки мерой 2,625 кв. саженей (11 950 кв. м). Думой данное решение было одобрено.

Для дальнейшего упорядочения кладбища и производящихся захоронений 23 ноября 1893 года Попечительство представило на утверждение Городской Думы план его разбивки на 4 квартала и выработанную таксу на отвод места под могилы и склепы [12, с. 370]. Городская Дума утвердила план и установила следующую таксу (см. табл. 1).

Для осуществления последующей деятельности Попечительства Городская Дума предложила ему руководствоваться правилами, утвержденными для упорядочения кладбища в Новом поселении от 8 февраля 1885 года [12, с. 372].

При приведении в исполнение постановления Думы 1893 года жители Затемерницкого поселения заявили о слишком высоких ценах за места под

Таблица 1. Тарифы за места на Затемерницком кладбище, утвержденные Городской Думой 23 ноября 1893 года [12, с. 370]

	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал
Место под ограду, цена за кв. аршин	2 р. 50 к.	1 р. 75 к.	1 р. 50 к.	1 р.
Место под могилу большую, цена за кв. аршин	5 р.	3 р. 50 к.	2 р. 50 к.	1 р. 75 к.
Место под могилу малую, цена за кв. аршин	1 р. 75 к.	1 р. 50 к.	1 р.	75 к.

могилы. Попечительство признало это и в марте 1894 года пересмотрело расценки [5, с. 1–2]. Дума утвердила это решение.

В 1897 году состоялись очередные выборы членов Попечительства по заведыванию городским кладбищем в Затемерницком поселении. Председателем вновь был избран М. Я. Горбенко, а членами стали Ф. И. Мыльцин, И. М. Сафонов и А. П. Плугатырев [13, с. 247].

Позже Попечительство было преобразовано в Исполнительную комиссию по заведыванию городским кладбищем в Затемерницком поселении с увеличением состава [14, с. 448]. На выборах 1901 года на следующее четырехлетие в ее состав были избраны М. Я. Горбенко, Ф. И. Мыльцин, П. С. Потрясаев, М. Г. Мартынов, А. П. Плугатырев, М. К. Козлов, А. А. Власенко, В. Г. Лиждвой и И. П. Люс [14, с. 448]. В 1902 году ее председателем был избран М. Я. Горбенко [15, с. 292–293]. В том же году М. Г. Мартынов и Ф. И. Мыльцин подали заявления в Думу с просьбой об освобождении их от обязанностей членов исполнительной комиссии [15, с. 626–627, 754–755]. Сама комиссия, несмотря на увеличение состава, оказалась малоэффективной. Почти за год своего существования она ни разу не собиралась ни для заседаний, ни для осмотра состояния и благоустройства кладбища [27, с. 2]. Первое ее собрание состоялось лишь в начале сентября 1902 года, на котором были рас-

смотрены разные хозяйственные вопросы, в том числе и о замощении дороги, ведущей к кладбищу [28, с. 2]. На следующем собрании 9 сентября был рассмотрен вопрос об установлении новой расценки за места, отводимые под могилы и памятники, по которому большинство членов высказалось за необходимость сохранения прежних [29, с. 2]. Кроме того, обсуждался вопрос о том, в каком направлении нужно вести мостовую к кладбищу.

На выборах в Комиссию в 1905 году были избраны М. Я. Горбенко, А. П. Плугатырев, М. К. Козлов, П. С. Потрясаев и И. П. Люс [16, с. 395–397]. Спустя 2 года постоянный член и председатель Комиссии М. Я. Горбенко подал в Думу заявление с просьбой об освобождении его от этой должности [17, с. 42]. На его место был избран М. К. Козлов, а кандидатом на случай отказа последнего стал А. П. Плугатырев [17, с. 76]. Однако сначала первый [17, с. 190], а затем и второй [18, с. 179] кандидат отказались от этой должности, в результате чего председателем был избран П. С. Потрясаев [18, с. 291]. После этого П. С. Потрясаев неоднократно переизбирался на должность председателя Комиссии [20, с. 216–217].

Кладбищем заведовал смотритель, которого избирало сначала попечительство, а затем пришедшая ему на смену комиссия [4, с. 3]. В его обязанности входило решение текущих хозяйственных вопросов,

связанных с благоустройством, ведение финансовой отчетности, обеспечение тишины и порядка, отвод мест под могилы и контроль за их надлежащим приготовлением. Кроме того, при кладбище были могильщики [32, с. 3], которые находились в подчинении смотрителя.

В 1910 году комиссия по заведыванию за благоустройством Затемерницкого кладбища ходатайствовала перед Городской Думой об увеличении площади кладбища за счет выделения городской земли между его западной границей и восточной межей хутора Олимпиадовского [19, с. 826]. Такое обращение было вызвано тем, что наиболее дешевые места на кладбище к тому моменту были израсходованы. Комиссией по урегулированию городского поселения за вычетом земли под скотопрогонную дорогу было предложено прирезать к западной границе кладбища 1,936 кв. сажень. Однако после осмотра местности оказалось, что прирезать возможно лишь 1,764 кв. сажени [19, с. 1189]. Тем не менее, вопрос о прирезке, ввиду отсутствия соглашения города с Товариществом И. С. Панченко об урегулировании взаимных земельных отношений, так и остался открытым [19, с. 1191]. Вернулись к этому вопросу лишь в 1919 году в связи с увеличением населения и, как следствие, количества смертей. Городская кладбищенская комиссия приняла решение расширить кладбище на 1,800 кв. сажень, увеличив при этом стоимость мест, отводимых под могилы и ограды [25, с. 4].

Во время революционных событий Затемерницкое кладбище попало в зону столкновения противоборствующих сторон. В начале декабря 1917 года на его территории укрылись красноармейцы, ведя стрельбу по приближающимся казачьим соединениям [31, с. 3]. В ответ по

ним был открыт огонь, в том числе из артиллерийских орудий.

В советское время кладбище стало именоваться Темерницким или же Ленгородским (по названию поселения — Ленгородок) и в отличие от других исторических некрополей не было упразднено в 1920–1930-х годах. Особым постановлением от 9 мая 1923 года Затемерницкое кладбище стало одним из тех, на которых предписывалось производить захоронения умерших от холеры [7, с. 72]. При этом кладбищенский комитет обязан был снабдить могильщиков спецодеждой и запасом дезинфицирующих средств, а холерный участок отгородить от общей части кладбища.

Последние захоронения, по всей видимости, были устроены на кладбище в 1940-е годы. Закрыто оно было в послевоенное время, а в 1960-х годах его территорию спланировали и присоединили к Ленгородскому парку (парк имени Собино), располагавшемуся восточнее кладбища. На нем была оборудована парковая зона, а из захоронений была оставлена лишь могила революционера Анатолия Собино (рис. 3), а также братская могила революционеров-бомбистов (рис. 4). Обе они представляют историческую и краеведческую ценность.

Анатолий Собино (1884–1905) — настоящее имя Виталий Иосифович Сабинин, погиб 14 декабря в Ростове-на-Дону на баррикадах во время революционных событий 1905 года [23, с. 122]. Был похоронен на Затемерницком кладбище. Мраморный обелиск на пьедестале был установлен позже, скорее всего, к 20-летию тех событий — в 1925 году. На лицевой стороне памятника выгравирована надпись: «Здесь похоронен / верный сын рабочего класса / руководитель боевой дружины бомбистов / в дни декабрьского вооруженного восстания /

Рис. 3. Надгробие А. Собино (В. Сабинин) на территории современного парка. Фото автора, ноябрь 2019 года

Рис. 4. Обелиск в память о погибших революционерах-бомбистах на территории современного парка. Фото автора, ноябрь 2019 года

рабочих в Ростове на Дону в 1905 году / Анатолий Собино / (Виталий Сабинин) / павший на баррикаде смертью храбрых / 14.XII–1905 года». На боковых гранях пьедестала нанесены две эпитафии: «Вечная память / молодому ростовскому большевику / бесстрашно сложившему голову / в жестоких боях рабочих масс в 1905 г. / против ненавистного царского / самодержавия» и «Пускай ты умер! / Но в песне смелых / И сильных духом / Всегда ты будешь / Живым примером / Призывом гордым / К свободе, к свету!».

Второй мраморный обелиск поставлен на братской могиле двух революционеров.

Надпись на памятнике: «От / рабочих и служащих / ростовских / мастерских / имени тов. Ленина. / смелым борцам / революции / Тов. Самойлову В. М. род. 1891 г. / Тов. Логинову Н. И. род. 1898 г. / трагически погибшим / 2-го сентября 1920 г. / от взрыва бомбы в / ячейке мастерских. / Спите стойкие сильные, / беззаветно преданные делу / рабочих и крестьян / память о вас долго будет / жить среди рабочих / память в день / 8-ми летия октября». Ниже указана дата — 1925 год.

До недавнего времени из старых до-революционных надгробий на кладбище находилось чудом уцелевшее основание

одного из них, располагавшееся неподалеку от паркета, который ограждал центральную часть парка до реконструкции, проведенной в 2018–2019 годах (рис. 5). Оно было выполнено из черного лабрадорита (?), а на боковых гранях в рамках располагались надписи: «Господи прими духъ / ихъ съ миромъ» и «Отъ любящей / жены и матери». Судьба остальных надгробий автору не известна. Можно предположить, что они были пущены на хозяйственные нужды. К примеру, ливневая траншея вдоль трамвайного пути, проходящего с западной стороны кладбища, облицована разнородными камнями, часть из которых может быть связана с надгробиями. С подобным случаем вторичного использования надгробного памятника можно связать недавнее обнаружение в подвале одного из частных домовладений по улице Батуринской надгробия, некогда стоявшего на могиле Семена Сабина, брата того самого революционера Анатолия Собино [8]. Оно имеет достаточно типовую форму в виде аналая. На лицевой стороне высечен следующий текст: «Здѣсь покоит/ся прахъ убит. 2 го апреля 1918 (?) г. / Семень / Иосиповичъ / Собинин / отъ твоей доро/гой жены / от дорогой дочери».

По имеющимся материалам известно крайне мало имен тех, кто был погребен на Затемерницком кладбище. Такую информацию могут значительно допол-

нить метрические книги, изучение которых выходит за рамки данной статьи. В Государственном архиве Ростовской области хранятся несколько таких книг ближайшей к кладбищу Иоанно-Предтеченской церкви, в ведении которой оно находилось. В изученной автором части дореволюционных печатных изданий встречен лишь один некролог, в котором упоминалось это кладбище. В нем значится М. Г. Маслинов, скончавшийся 12 октября 1904 года [30, с. 1]. Такое редкое упоминание кладбища в основном связано с тем, что на территории этой городской окраины проживало по большей

Рис. 5. Основание надгробия, ранее находившееся на территории современного парка. Фото пользователя ankol1, 2014 год [22]

А. А. Нечипорук

Утраченное Затемерницкое христианское кладбище
города Ростова-на-Дону: история, археология, охрана

части небогатое население, которое не в состоянии было позволить себе излишнюю роскошь в виде газетного некролога.

На данный момент неизвестно ни одного плана самого кладбища, что не позволяет полноценно судить о его структуре и планировке. На доступных нам городских планах Затемерницкое кладбище впервые было изображено лишь на плане 1898 года (рис. 6). Далее оно фигурирует уже на всех последующих, вплоть до 1941 года (рис. 7–9). Согласно данным планам, кладбище на всем протяжении своего существования имело подквадратную форму в границах, определенных в 1866 году с учетом прирезки 1893 года. На начало XX века площадь кладбища по сведениям городской управы составляло площадь 3 десятины 1468 кв. сажень (3,95 га) [9, л. 35].

Кроме того, очень мало информации содержится и в имеющихся письменных источниках о кладбище. Отсутствие видовых фотоматериалов не позволяет представить облик кладбища в целом и отдельных могил в частности. На этом фоне исключительную ценность имеет единственный обзорный аэрофотоснимок, датированный 1918 годом (рис. 10). Он даёт нам общее представление о том, какие изменения произошли с кладбищем на момент съемки, а также позволяет вычислить точную ориентацию некоторых объектов и дорожек на его тер-

Рис. 6. Фрагмент плана города Ростова-на-Дону 1898 года [6]

Рис. 7. Фрагмент плана города Ростова-на-Дону 1902 года [36]

Рис. 8. Фрагмент плана города Ростова-на-Дону и Нахичевани 1917 года [37]

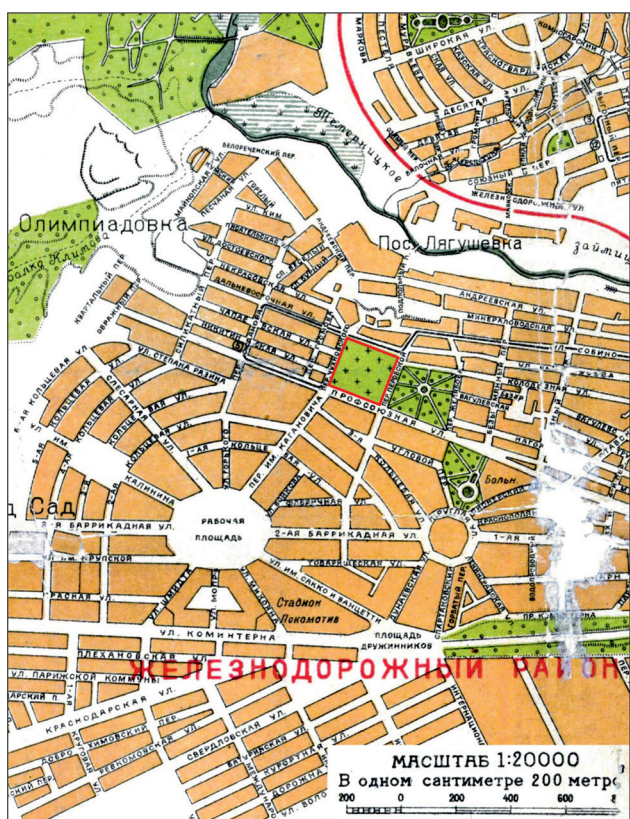

Рис. 9. Фрагмент схематического плана города Ростова-на-Дону 1939 года [38]

тировке не учли, что парк расположен на бывшем кладбище. Надо отметить, что человеческие останки оказывались на поверхности при прокладке коммуникаций и ранее. Однако на этот раз, учитывая большой размах проводимых работ и их значимость, история получила общественный резонанс. Строительные работы были приостановлены, а о находках уведомили администрацию и Комитет по охране памятников культурного наследия, а также полицию. Останки изъяли для проведения судебно-медицинской экспертизы. Комитет по охране объектов культурного наследия Ростовской области выдал резолюцию, что возобновить работы по реконструкции парка можно не раньше, чем будет проведена государственная историко-культурная экспертиза (далее — ГИКЭ). Археологические исслед-

Рис. 10. Фрагмент аэрофотоснимка 1918 года [39]

дования были выполнены сотрудниками ООО «ЦРСП» под руководством Б. К. Волынца [22, с. 31], а акт ГИКЭ был подготовлен А. В. Ерохиным (город Липецк) [1, с. 1–6]. Несмотря на констатацию факта наличия в прошлом на данном участке кладбища, оно, вопреки методическим требованиям², не было признано археологическим памятником. В тексте отчета Б. К. Волынца сказано следующее: «В ходе анализа архивного материала установлено, что на Западной части (от переулка Перовской) в начале XX века располагалось христианское кладбище» [22, с. 25]. Данная формулировка не вызвала возражений ни у эксперта, ни у Комитета по охране объектов культурного наследия Ростовской области. В итоге строительные работы были продолжены. В ходе их проведения и несколько позже отдельные человеческие кости (рис. 11) и фрагменты надгробий были обнаружены автором на территории парка (рис. 12). При этом исчезло основание надгробия с надписями, описанное выше. Еще один гранитный блок из основания другого надгробия был, вероятно, извлечен из грунта и перемещен на северную окраину парка (рис. 13). Автором было направлено обращение в Комитет по охране объектов культурного

Рис. 11. Кости из разрушенных погребений на территории современного парка. Фото автора, ноябрь 2019 года и март 2020 года

наследия Ростовской области с просьбой внести кладбище в перечень выявленных объектов культурного (археологического) наследия. На что был получен отказ [33].

В 2022 году при рытье котлована под фундамент церкви в северо-западной части парка был разрушен еще один участок бывшего Затемерницкого кладбища. Работы проведены без согласования в органе охраны памятников, что привело к утрате погребений. Человеческие останки вместе с фрагментами гробов были

² Согласно методике, к археологическим относятся объекты, возраст которых превышает столетний рубеж.

Рис. 12. Фрагменты надгробий на территории современного парка. Фото автора, январь 2020 года и октябрь 2023 года

Рис. 13. Гранитный блок разрушенного надгробного памятника на территории современного парка. Фото автора, март 2020 года

вывезены вместе с грунтом. Автору удалось произвести лишь фотофиксацию остатков захоронений, видневшихся в бортах котлована, а также разрозненных костей на отвалах. Среди них была найдена сильно потертая монета «3 копейки» 1874 года. По факту случившегося автором повторно было направлено обращение в Комитет по охране объектов культурного наследия Ростовской области с просьбой внести кладбище в перечень выявленных объектов культурного (археологического) наследия. На что в очередной раз был получен отказ, но застройщику было выдано предписание о приостановке работ [34].

Подводя итог, следует отметить, что несмотря на поздние хронологические рамки Затемерницкого кладбища, которые, казалось, предполагают наличие достаточной информации об объекте, все же остаются вопросы, связанные с его историей, топографией, внешним обликом, устройством и планировкой, количеством захоронений, особенностями погребального и поминального обряда и др.

Не решенным остается вопрос о месте произведения захоронений в Затемерницком поселении до 1866 года, когда было открыто кладбище. Предпринимаемые первые шаги в изучении этого исторического памятника должны способствовать в будущем получению ответов на поставленные вопросы и заложить основу для более углубленной исследовательской работы.

Важно подчеркнуть, что Затемерницкое кладбище является не только объектом историческим, но и археологическим. Этот статус необходимо закрепить за ним юридически, включив в перечень выявленных объектов археологического

наследия. Меры административного характера нужно дополнить инициативами активистов с использованием возможностей и ресурсов общественных организаций и муниципальных служб.

Источники и литература

1. Акт государственной историко-культурной экспертизы документации, обосновывающей наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, на земельном участке, отводимом под строительство объекта: «Парк культуры и отдыха им. Собино» в г. Ростов-на-Дону / руководитель А. В. Ерохин. – Липецк, 2019. – 6 с.
2. Ведомости Ростовской-на-Дону Городской Думы. – 1866. – 30 окт. – № 44.
3. Ведомости Ростовской-на-Дону Городской Думы. – 1866. – 6 нояб. – № 45.
4. Ведомости Ростовской-на-Дону Городской Думы. – 1885. – 27 янв. – № 4.
5. Ведомости Ростовской-на-Дону Городской Управы. – 1894. – 14 авг. – № 33.
6. Весь Ростов н./Д на 1898 год. Адрес-календарь, торгово-промышленная справочная книга / Издатель А. И. Тер-Абрамиан. – Ростов : типо-литография И. А. Тер-Абрамиан, 1898. – 380 с.
7. Весь Ростов-на-Дону на 1925 год. – Ростов-на-Дону : Издание Донисполкома, 1925. – 570 с.
8. В Ростове на тротуар вынесли надгробие исторического захоронения // Яндекс Дзен : [контентная платформа]. – URL: <https://dzen.ru/a/ZQmMAxuHzVMwHCJZ> (дата обращения: 27.09.2023).
9. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-2577. Оп. 2. Д. 190.
10. Журналы Ростовской на-Дону Городской Думы за 1880 год. – 1881. – 7 мар. – № 8.
11. Журналы Ростовской на-Дону Городской Думы за 1890 год. – 1891. – № 11. – С. 178; № 21. – С. 285.
12. Журналы Ростовской на-Дону Городской Думы за 1893 год. – 1894. – № 5. – С. 104, 110; № 7. – С. 155–156; № 13. – С. 275; № 21. – С. 370–372.
13. Журналы Ростовской на-Дону Городской Думы за 1897 год. – 1898. – 9 окт. – № 22.
14. Журналы Ростовской на-Дону Городской Думы за 1901 год. – 1902. – 29 сен. – № 36.
15. Журналы Ростовской на-Дону Городской Думы за 1902 год. – 1903. – № 22. – С. 292–293; № 55. – С. 626–627; № 60. – С. 754–755.
16. Журналы Ростовской на-Дону Городской Думы за 1905 год. – 1906. – 25 окт. – № 56.
17. Журналы Ростовской на-Дону Городской Думы за 1907 год. – 1908. – № 4. – С. 42; № 10. – С. 76; № 25. – С. 190.
18. Журналы Ростовской на-Дону Городской Думы за 1908 год. – 1908. – № 16. – С. 179; № 21. – С. 291.
19. Журналы Ростовской на-Дону Городской Думы за 1910 год. – 1911. – № 46. – С. 826; № 64. – С. 1189, 1191.
20. Журналы Ростовской на-Дону Городской Думы за 1914 год. – 1915. – 7 фев. – № 10.
21. Ильин А. М. История города Ростова-на-Дону. – Ростов-на-Дону : паровая типография С. Я. Авакова, 1910. – 154 с.

22. Камни парка Собино // Живой журнал пользователя ankol1 : [сайт]. – URL: <https://ankol1.livejournal.com/71639.html?thread=761559> (дата обращения: 30.08.2023).
23. Крамаров Г. М. Вооруженное восстание в Ростове-на-Дону (декабрь 1905 года) // Вопросы истории. – № 12. – 1966.
24. Малаховский Е. И. Храмы и культовые сооружения Ростова-на-Дону, утраченные и существующие. – Ростов-на-Дону: Издательство, 2012. – 312 с.
25. Местная хроника // Вечернее время. – 1919. – 8 нояб. – № 407.
26. Местная хроника // Приазовский край. – 1901. – 1 мая. – № 114.
27. Местная хроника // Приазовский край. – 1902. – 24 авг. – № 224.
28. Местная хроника // Приазовский край. – 1902. – 5 сен. – № 236.
29. Местная хроника // Приазовский край. – 1902. – 11 сен. – № 241.
30. Местная хроника // Приазовский край. – 1904. – 13 окт. – № 271.
31. Местная хроника // Приазовский край. – 1917. – 5 дек. – № 285.
32. Местная хроника // Южный телеграф. – 1909. – 1 дек. – № 2475.
33. Ответ Комитета по охране объектов культурного наследия Ростовской области от 07.04.2020 г. № 20/1-1621 : [из личной переписки автора].
34. Ответ Комитета по охране объектов культурного наследия Ростовской области от 27.10.2022 г. № 20/1-9057 : [из личной переписки автора].
35. Отчёт о выполнении научно-исследовательских работ (разведок) с проведением мероприятий, с целью выявления наличия (отсутствия) объектов культурного наследия, на объекте «Парк культуры и отдыха им. Собино» : [открытый лист № 0463-2019 от 22.04.2019] / ООО «ЦРСП»; руководитель Б. К. Волынец. – Саратов, 2019. – 67 с.
36. План города Ростова-на-Дону 1902 г. // Издание Ростовской на Дону Городской Управы / под ред. городского землемера Мамонтова. – URL: https://www.etomesto.ru/map-rostov-na-donu_staraya-karta/?ysclid=llxeoe15ai459947956 (дата обращения: 30.08.2023).
37. План города Ростова и Нахичевани на Дону. Издание Южного Военно-топографического отдела по данным 1917 г. и рекогносцировке 1921 года // Литография Южного Военно-топографического отдела. – URL: https://www.etomesto.ru/map-rostov-na-donu_1917-1921/?ysclid=llxewvk4dv48723467 (дата обращения: 30.08.2023).
38. План города Ростова на Дону, составленного ростовской на Дону геодезической конторой по состоянию на 1-ое января 1939 года // Издание геодезической конторы ростовского на Дону Горкомхоза / отв. ред. А. Н. Мокиенко. – URL: https://www.etomesto.ru/map-rostov-na-donu_1939-plan/?ysclid=llxfnq2w4q579384220 (дата обращения: 30.08.2023).
39. Brennende Ziegelei westlich Rostow // SMU Libraries Digital Collections : [сайт]. – URL: <https://flickr.com/photos/41131493@N06/8616751187> (дата обращения: 30.08.2023).

С. А. Черцова

К ИСТОРИИ ЗАХОРОНЕНИЙ В ОГРАДЕ СОБОРНОЙ УСПЕНСКОЙ ЦЕРКВИ ПОСАДА АЗОВ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

В последнее время все чаще поднимается тема храмов двух минувших столетий. И мы вновь возвращаемся к истории этих церквей. История изучения некрополя XIX — начала XX века в ограде Азовской Успенской церкви — тема объемная и интересная. За период изучения накоплен достаточный материал, поэтому можно подводить некоторые итоги.

Поскольку вопрос о некрополе в ограде церкви является только частью большой темы об истории церкви, в этом повествовании, по мнению автора, стоит только обрисовать общий контур и дать краткий исторический обзор по теме.

Успенская церковь была построена в Солдатском форштадте Азовской крепости в

1771 году деревянным зданием. В документах она значится как «приходская гарнизонная». Согласно источникам, располагалась она «вне крепости за валом» [79, с. 203]. Место расположения этой церкви на картах 1790 года (рис. 1) [30] и 1797 года (рис. 2) [29] находится в кварталах современной улицы Дзержинского и переулка

Рис. 1. План Азовской крепости... сочиненный при Азовской инженерной команде Февраля 22 Дня 1790 года [30]

Измайлова. В этой части города археологи периодически находят фрагменты погребений XVIII века. Возможно, это останки похороненных в ограде церкви. Но систематические данные и факты из документальных источников по теме первой деревянной церкви отсутствуют.

В 1834 году в Азове случился сильнейший пожар, в результате которого сгорело 68 домов, 12 лавок и «церковь Успения Пресвятой Богородицы» [42, л. 6]. Этот же источник повествует, что на 1846 год в посаде Азов существовали «две каменные церкви» [43, л. 14]. Каменную церковь, вместо сгоревшей деревянной, возвели не в Солдатском форштадте, а на другом месте. Один источник сообщает, что церковь была построена в 1845 году

[93, с. 361]. Другой источник повествует, что церковь каменным зданием была возведена в 1847 году на Базарной площади посада Азов [83, с. 192]. Эту же дату приводит и третий источник. Церковь «каменная 4-престольная с каменной колокольней» была построена в 1847 году на средства прихожан [92, с. 897]. Но интересным фактом является то, что церковь хотели перенести из Солдатского форштадта еще задолго до момента пожара. Был подготовлен проект строительства церкви еще в 1832–1834 годы, но на новом месте (рис. 3) [87]. Согласно этому проекту, церковь должна была разместиться на пересечении улицы Московской и Петровского проспекта, но не на площади. По неизвестным автору причи-

Рис. 2. Генеральный план Азовской крепости... сочинен для представления в чертежную Его Императорского Величества в 1797 году [29]

Рис. 3. План посада Азова Области Войска Донского с обозначением и описанием мест и зданий, существующих и предполагаемых к постройке. 1832 год. Из фондов Российского государственного исторического архива (Отдельный оттиск, б. м., б. и.)

нам этот план не был утвержден. Новая церковь Успения Божьей Матери каменным зданием была построена в центре, на Базарной площади посада Азов, как уже упоминалось, в 1847 году [83, с. 192]. О том, что церковь была построена на Базарной площади, свидетельствует и план 1847 года (рис. 4) [86].

Появление новой церкви становится условным началом для устройства в последствие церковного некрополя (рис. 5). Основным источником по поиску лиц, погребенных в ограде церкви в означенный период, являются Метрические книги Соборной Успенской церкви посада Азов. К сожалению, Метрические книги церковью посада Азов середины XIX века, хранящиеся в Государственном Архиве Ростовской области (далее — ГАРО) еди-

ничны. Сохранилась только одна книга Азовской Соборной Успенской церкви за 1848 год [39]. Книги за каждый год сохранились лишь с 70-х годов XIX века. Исследуя эти книги, автором статьи был составлен список лиц, похороненных в ограде Соборной церкви Успения Божьей Матери в посаде Азов. Эти данные о захоронениях в ограде церкви относятся к началу XX века:

1. Браиловский Н. И. — священник Успенской церкви (1901) [62, л. 162об., 163];
2. Тиммерман Л. В. — благотворительница, дворянского происхождения (1905) [64, л. 128об., 129];
3. Стефановский И. Н. — чиновник Министерства Народного Просвещения, директор Азовской мужской прогимназии (1906) [65, л. 164об., 165];

4. Руссо А. Г. — негоциант (торговец) греческого происхождения (1914) [71, л. 148об., 149];

5. Воздвиженский А. В. — священник, настоятель Успенской церкви (1915) [72, л. 160об., 161];

6. Безклубов Ф. — священник Успенской церкви (1917) [73, л. 141об., 142].

Первое захоронение начала XX века в ограде Азовской Соборной Успенской церкви было совершено в 1901 году. По документальным сведениям, погребение принадлежало священнику Соборной Успенской церкви Николаю Ивановичу Браиловскому. Согласно метрической записи, он родился в 1831 (?) году [62, л. 162об., 163]. О священнике Бра-

Рис. 4. План Азовской крепости с окрестностями ее, состоящей Екатеринославской губернии в Ростовском уезде, снятый с натуры. 1847 г. (Отдельный оттиск, б. м., б. и.)

Рис. 5. Соборная Успенская церковь в Азове [33, с. 395–396]

иловском известно очень немного. По имеющимся сведениям, он «окончил курс Богословских наук» и служил в Соборной Успенской церкви посада Азов в 70-90-е годы XIX века [14, с. 639]. В метрических записях Азовской Соборной Успенской церкви священник Николай Браиловский встречается с 1874 года [44, л. 3об., 4]. Более ранних книг Метрических книг Соборной Успенской церкви, к сожалению, не сохранилось. В Епархиальных Ведомостях Екатеринославской губернии на 1878 год в списках священников, назначенных «произносить проповеди собственного сочинения», значится и Николай Браиловский [15, с. 422]. Он также указан в «списках священнических проповедей собственного сочинения» и на 1887 год [16, с. 216]. Согласно источникам, он прослужил в Соборной Успенской церкви посада Азов три десятилетия. Более ранних сведений, раскрывающих его деятельность на пользу церкви, пока не обнаружено. На 1901 год — заштатный священник, совершал по необходимости обряды крещения, венчания, отпевания и пр. [62, л. 162об., 163].

В семье Николая Браиловского были дети:

- Татьяна — дочь, девица [45, л. 163об, 164];
- Иван — потомственный почетный гражданин [49, л. 11об., 12];
- Сергей — потомственный почетный гражданин [50, л. 68об., 69];
- Гавриил — потомственный почетный гражданин [69, л. 129об., 130].

Г. Н. Браиловский был достаточно известным человеком в Азове на рубеже XIX–XX веков (рис. 6). На 1914 год он был членом Азовской Городской Управы [36, л. 5]. В 1916 году он стал «исправля-

Рис. 6. Г. Н. Браиловский с сыном. 1916–1917 годы.
Из архива семьи

ющим должность» Городского Головы посада Азов [38, л. 1]. В его ведение входили самые хлопотные вопросы: призрение семей мужчин, мобилизованных в армию, прием просителей и предоставление торговых помещений, распорядок на Азовском базаре и постройка военных барачков [40, л. 13]. Он был одним из первых «пожалователей» в Азовский музей «Древностей, природы и наглядных пособий». Г. Браиловский подарил в 1917 году в создаваемый музей географические карты [17, с. 61]. Гавриил Николаевич умер от тифа в Азове в феврале 1920 года в возрасте 58 лет [32, л. 168об., 169].

Семья священника Н. Браиловского проживала в Азове в доме (рис. 7) на углу улицы Александровской (ныне Дзержинского) и Мельничного переулка (ныне Измайлова). Дом был построен в 1891 году (рис. 8). Перед своей кончиной Николай Иванович Браиловский подписал духовное завещание, хранящееся в семейном архиве, по которому «имение, состоящее в дворовом месте и постройках — двухэтажном каменном доме, одноэтажном саманном флигеле, двух сараях и погребе» он завещал родному сыну Потомственному Почетному Гражданину Гавриилу Николаевичу Браиловскому (рис. 9). На территории усадьбы, по воспоминаниям старожилов, располагался Никольский храм из красного кирпича. Часть населения, живущая за Кирсановой балкой, направляясь в рыночные дни на Базарную площадь, непременно посещала ее. Эти свиде-

Рис. 7. Дом Н. Браиловского по улице Александровской (ныне Дзержинского). 2023 год. Фото В. Троенко

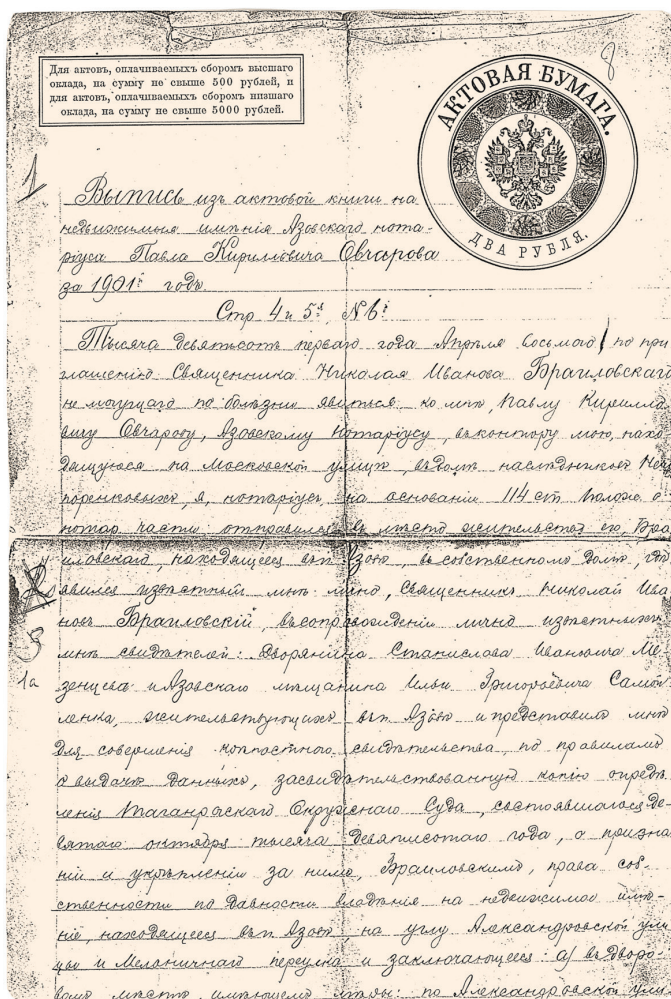

Рис. 8. Выпись из Акттовой книги на имение Н. И. Браиловского. 1901 год. Копия из семейного архива

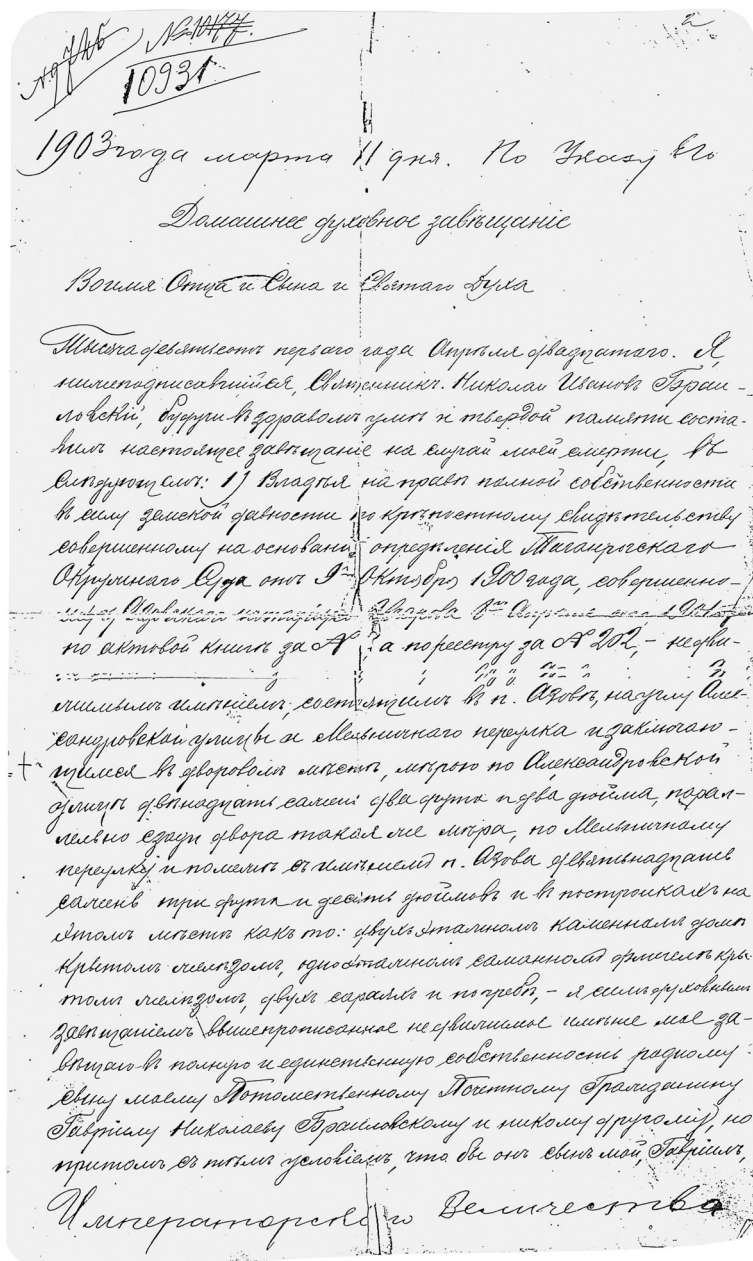

Рис. 9. Духовное завещание Н. Браиловского. 1900 год.
Копия оригинала документа из архива семьи

ния подтверждают имеющиеся архивные данные. Согласно материалам архива Бюро технической инвентаризации (далее — БТИ) города Азова, церковь (или часовня, точно неизвестно) стояла в левом углу усадьбы. Местоположение ее в документах именовалось «Площадь Культа» [31]. Храм на территории домовладения не сохранился, но дом священника существует и сегодня.

Священник Успенской церкви посада Азов Николай Иванович Браиловский умер в возрасте 70 лет 29 апреля 1901 года, о чем есть запись в Метрической книге. Он был похоронен 1 мая 1901 года в ограде Азовской Соборной Успенской церкви, за речение в службе и особые заслуги на благо церкви «с согласия Епархиального Начальства» [62, л. 162об., 163]. Прямые потомки Браиловских живут и сегодня в Азове.

Следующее захоронение в ограде Успенской церкви было произведено, согласно метрическим записям в 1905 году [64, л. 128об., 129]. Дворянка Лариса Тиммерман, согласно имеющейся записи, родилась в 1839(?) году, была женой отставного военного и проживала в своем имении селе Павловка. После смерти мужа в 90-е годы XIX века она продала свои земли в округе и переехала на жительство в Азов. Она приобрела в Азове бывшее «имение купца Самойловича», располагавшееся на углу улицы Лесной (ныне Ленина) и переулка Горлового (ныне Зои Космодемьянской) [35, л. 11]. Средства с продажи земли она положила в

Городской Общественный банк и жила на проценты с капитала. Детей не имела, с родственниками отношений не поддерживала, поэтому жертвовала при жизни свои средства на благотворительные нужды города.

После переезда в Азов Л. Тиммерман стала Попечительницей Азовской женской прогимназии. Она тратила личные средства на женское образование в Азо-

ве. Здание женской гимназии, сохранившееся до настоящего времени, было построено в начале XX века на пожертвования, в том числе и Ларисы Тиммерман (рис. 10). Лариса Васильевна еще при жизни получила звания Почетной Попечительницы Азовской женской прогимназии и пожизненного Члена Общества Вспомоществования учащимся (рис. 11) [97, с. 21], о чем свидетельствуют дипломы, хранящиеся в фондах Азовского музея-заповедника (рис. 12). Примечательно, что в этих документах есть подписи двух лиц, похороненных в последствие, в ограде Успенской церкви-Антоня Руссо и Алексея Воздвиженского (рис. 13) [22]. По завещанию своей матери, оставившей средства на благотворительные цели, Тиммерман оплачивала несколько коек в старой больнице на Чеховской улице (ныне Чехова), поскольку места в больнице были платные [98, с. 19].

В 1903 году Л. Тиммерман после смерти завещала свою усадьбу в пользу города. Согласно духовному завещанию Ларисы Васильевны после ее кончины, принадлежащее ей домовладение по улице Лесной переходило в собственность города для использования под лечебницу (для приема), больницу (для стаци-

Рис. 10. Здание Азовской женской гимназии. Начало XX века [101]

Рис. 11. Диплом Л. В. Тиммерман. 1892 год [22]

Рис. 12. Папка для документов Л. В. Тиммерман. Конец XIX века [101]

Рис. 13. Диплом Л. В. Тиммерман. 1895 год [23]

она), богадельню для стариков и безродных людей. Благотворительница завещала сумму в 17 000 рублей, на проценты с капитала которого должны были оплачиваться 5 копеек «имени Тиммерман» (рис. 14). Капитал находился в Ростовском банке, а проценты с него ежегодно шли на содержание этих больничных мест [41, л. 2, 9]. Лариса Тиммерман также увековечила память о своей матери, которая завещала ей капитал в 10 000 рублей на богоугодные дела. Проценты с этой суммы ежегодно должны были раздаваться бедным и нищим жителям Азова к празднику Рождества Христова [89, с. 4].

В своей завещании она также оставила сумму с капитала на стипендию двум ученицам, родители которых не могли платить за учебу в женской гимназии. Сумма в 5000 рублей по воле завещательницы полностью поступала в распоряжение Попечительного Совета гимназии. На проценты от этой сум-

мы должны были содержаться две ученицы женской гимназии. Самым крупным был капитал в 30 000 рублей, на ежегодно получаемые с него проценты должно было содержаться училище, носящее имя Тиммерман [37, л. 22].

Но, оставим официальную хронику... Что же помнили о ней ее современники?! Лариса Тиммерман была женщина с характером. Неслучайно в Азове ее называли «Тиммерманша». Яркий эпизод, произошедший в начале XX века очень живо вос-

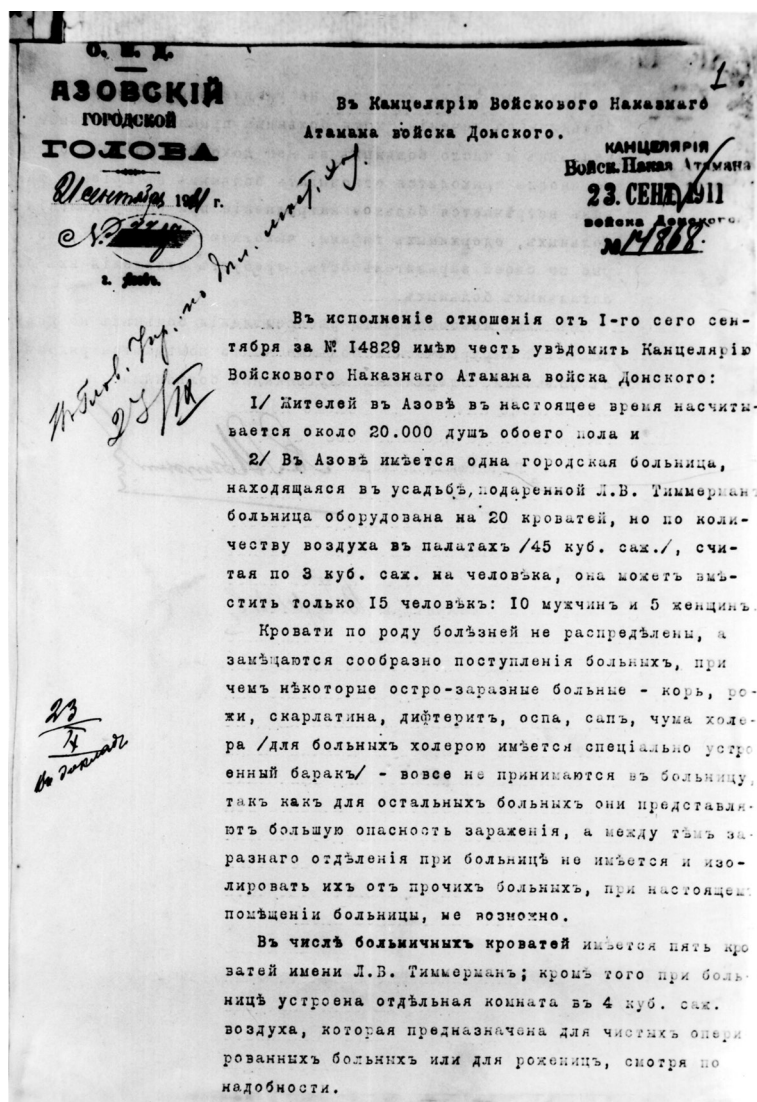

Рис. 14. Документ о больнице в имени Л. Тиммерман. 1911 год [102]

производит реальную историю. В феврале 1911 году праздновали 50-летие отмены крепостного права в России. В Азове и окружающих селах также отмечали это событие. В местной прессе писали: «18 февраля в 10 часов утра в местной Успенской церкви будет панихида о Царе-Освободителе Александре II, а на следующий день — 19 февраля в 9 часов утра в той же церкви молебствие» [1, с. 3]. В приходских церквях в округе Азова тоже проводились службы 19 февраля. Так, в приходской церкви села Пешково, в память «освобождения крестьян от позорного ига», при большом стечении местных и окрестных крестьян, была отслужена панихида по Царю-Освободителю, а затем молебен в память избавления крестьян от крепостной зависимости. На молебне присутствовали крестьяне, бывшие крепостные известной азовской благотворительницы Тиммерман. Многие крестьяне держали в руках портреты Царя-Освободителя. Далее, для четкого понимания, приводим по тексту: «На выходе из церкви я заметил старуху («Дела благотворительницы» — примечание автора), державшую перед собой портрет Царя-Освободителя и горько рыдавшую. Слезы катились по ее старческим щекам. Я подошел к плачущей старушке и спросил кто она. Оказалось, что это была бывшая горничная Тиммерман. На вопрос, чего она плачет, объяснила, что «жизнь у нашей барыни» была несладка. Нас пороли очень часто розгами без всякого повода. Барыня наша... не тем ее помянуть, Царствие Небесное, выдрала меня за то, что я купавши ее любимую собаку, поставила на пол не завернув в простыню. Барыня заметила это по отношению к ее любимой собаке и приказала меня отправить на конюшню, а там сделали свое дело и жестоко избili розгами. В другой раз били меня по при-

казу той же барыни за то, что я пила чай с сахаром, хотя я сахар покупала за свои собственные деньги, а у барыни, вообще, чай был без сахара. А когда царская весть дошла до нас, мы ожили и просили больше нас не драть. Барыня рассердилась и велела из нас многих избить, но ей это не удалось. После такой неудачи наша барыня слегла в постель и целый месяц бредила, делая распоряжения драть и драть, а я все это время ухаживала за ней. И вот с объявлением царской воли мы стали освобождаться от позора, когда нас меняли на собак. Старуха осенила себя крестным знаменем и поцеловала портрет Царя-Освободителя» [2, с. 3]. Воспоминания очевидцев и современников четко характеризуют личность человека и нередко противоречат официальной хронике.

Л. Тиммерман перед своей кончиной болела, ездила по святым местам и скончалась в Киеве. Согласно метрической записи: «Лариса Васильевна Тиммерман, потомственная дворянка, умерла 2 апреля 1905 года от паралича в возрасте 66 лет. Похоронена 7 апреля 1905 года, согласно заверению Его Преосвященства Епископа Екатеринославского и Таганрогского по телеграфу № 965, в ограде Успенской церкви. Утверждено указом Екатеринославской Духовной Консистории от 16 мая 1905 года за № 10991» [64, л. 128об., 129]. Похороны были пышными и запомнились многим. Прощание проходило в новом здании женской гимназии, попечительницей которой она была в последние годы. В день похорон Петровский проспект от женской гимназии к улице Московской устлали коврами и цветами, по которым и следовала похоронная процессия до Соборной церкви. Прошло несколько лет. В 1912 году в газете «Голос Приазовья» была заметка:

«Сиротливо, без креста и без памятника стоит могила щедрой жертвователнице Л. В. Тиммерман». В 1914 году Городской Думой были утверждены расходы на приобретение и установку памятника на могиле. Также было принято ежегодно на средства города в Соборной церкви служить панихиду по благотворительнице Л. Тиммерман [95, с. 3]. Фрагмент этого памятника с надписью располагается сегодня на Петровской площади, на месте, где его установили еще в начале XX века. Надпись гласит: «Признательное Азовское Городское Общество щедрой благотворительнице Ларисе Васильевне Тиммерман. 2 апреля 1905 г.» (рис. 15).

Следующее захоронение начала XX века в ограде Соборной Успенской церкви было совершено в 1906 году. Это погребение принадлежало И. Н. Стефановскому, директору Азовской прогимназии (рис. 16). На сегодняшний день существуют современные публикации об этом человеке, поскольку он служил не только в Азове. С ними можно познакомиться при желании читателя. Но, по мнению автора статьи, в данной работе стоит сосредоточиться на азовском периоде его деятельности. При написании этой части статьи будут ис-

Рис. 15. Надгробная плита Л. В. Тиммерман на Петровской площади в Азове. 2019 год

Рис. 16. Стефановский Иван Николаевич. Начало XX века [78, с. 147]

пользованы, в том числе, и материалы, хранящиеся в фондах Азовского музея-заповедника. Согласно дореволюционному сборнику, посвященному жертвам революции 1905–1906 года, И. Стефановский происходил, как прежде писали, «из духовного звания» [78, с. 147]. Образование получил в Каменец-Подольской духовной семинарии, позже окончил историко-филологический факультет Императорского Харьковского Университета в 1879 году. В этом же году получил назначение в Белгородскую «Его Королевского Величества Герцога Эдинбургского» гимназию учителем русского языка и словесности. Здесь он прослу-

жил более 20 лет, одновременно преподавал и в женской гимназии. Затем Стефановский был назначен инспектором Лебедянской 4-классной прогимназии Тамбовской губернии, откуда был переведен в Азовскую мужскую прогимназию. Трудями Стефановского, согласно данному сборнику, Азовская прогимназия была преобразована сначала в 6-классную прогимназию, а затем и в 7-классную гимназию (рис. 17). Будучи директором мужской прогимназии и председателем педагогического совета Азовской женской гимназии, он «принимал деятельное участие в постройке мужской и женской гимназий, помещавшихся в наемных», мало приспособленных для учебных целей зданиях. На это строительство была потрачена выделенная «субсидия от правительства». И. Н. Стефановский, во многом, «содействовал успешному окончанию постройки собственных зданий для названных заведений», для чего был «сбран по частной подписке значительный капитал» [78, с. 148]. Стоит заметить, что по другим источникам, сбором средств на учебные здания занимался мировой судья и бывший Городской Голова посада Азов Ф. П. Калита [3, с. 1]. Далее, соглас-

но тексту указанного сборника, в посаде Азов в 1905 году «началось освободительное движение, которое не замедлило распространиться как на учеников, так и на учительскую среду» [78, с. 149]. «Смутная пора, пагубно отразившаяся на многих сторонах общественной и государственной жизни, и в среде учебно-воспитательной породила новые веяния». Как описывают здесь современники: «Среди учителей нашлись лица, которые, из-за личных выгод» и на волне общественных настроений, «начали возбуждать своих товарищей по службе к неповиновению распоряжениям начальства». «Потворствуя самым нелепыми требованиям революционной молодежи, возымели намерение захватить бразды правления в свои руки. Когда же это не удалось, и дело могло принять неприятный для них оборот», случилась данная трагедия. Стоит критически относиться к данному источнику, поскольку идея написания сборника — желание «воспеть» жертв революции 1905–1906 годов в России. По факту, еще весной 1906 года в прессе было опубликовано открытое письмо бывших преподавателей и преподавательниц Азовских мужской и женской гимназий, уволенных

«за якобы» (согласно тексту) организацию ученического движения. Письмо адресовано было директору И. Н. Стефановскому. В нем говорилось: «...Своей отставкой мы хотели... выразить наш протест против произвола учебной администрации, который делает невозможной живую и плодотворную работу педагога». Письмо подписали преподаватели: Байков, Барач, Веснинская, Губарев, Зо-

Рис. 17. Здание Азовской мужской гимназии. Начало XX века [103]

лотарев, Котелевец, Максимов, Мешков, Надхина, Петрова, Яклицкий, Сурина [88, с. 3]. Стоит особо отметить фразу: «...против произвола учебной администрации», которая четко дает оценку происходящим событиям. Необходимо также отметить, что под увольнение попали практически два десятка учителей. Отставка такого количества преподавателей Азовской мужской и женской гимназий — это увольнение, практически, полного состава учителей в данных учреждениях Азова. Это грозило тем, что эти молодые люди оказались на грани голодной смерти. Вакантных мест в других учебных заведениях — начальных городских училищах не было, тем более для такого количества нуждающихся.

Газета «Приазовский край» очень подробно на протяжении нескольких месяцев описывала разыгравшуюся в Азове трагедию. Но, суть истории заключается в следующем... По распоряжению И. Стефановского еще в конце 1905 года получили отставку учителя азовских гимназий и старшекласники-гимназисты. На протяжении длительного времени вопрос не решался. Учителя печатали обращение в прессу. Но вопрос опять не решался. Участник революционной группы социал-демократ В. Макаревич в начале нового 1906–1907 учебного года отправился с письменным ультиматумом к директору гимназии для решения данного вопроса. В последствие в кабинете директора была найдена записка, которая была написана рукой убийцы. В ней «был выставлен ультиматум о возвращении на службу уволенных учителей и принятии в открывшийся 7-й класс всех тех учеников, которые состояли ранее воспитанниками шестого класса, но были уволены зимой прошлого года в момент возникновения брожения среди гимназистов старших

классов». Принять всех уволенных ранее и воспитанников г. Стефановский не нашел возможным, по его объяснению, по причине тесноты помещения» [90, с. 4]. Получив отказ, вероятно, в категоричной форме, В. Макаревич выстрелом из револьвера убил директора гимназии И. Стефановского (рис. 18). Нужно учитывать, в какое время происходят описываемые события, и как они разрешаются в данный период истории. На допросе арестованный социал-демократ сказал, что «убийство Стефановского им было совершено за отказ его принять обратно на службу уволенных ранее учителей, отличавшихся крайне средним революционным направлением» [28]. В прессе причиной трагического происшествия было «предположение о том, что убийство имеет какую-нибудь связь с уходом в прошлом году семнадцати преподавателей из двух местных гимназий, так как выход этот явился протестом на одно распоряжение учебного округа» [90, с. 4].

Макаревич был под наблюдением охранного отделения до описываемых событий. По материалам Департамента полиции Министерства Внутренних Дел, Владимир Макаревич состоял в числе членов революционной группы в городе Азове, «проживающий по Аптечной улице № 7, в квартире Щепниной» (рис. 19) [26]. За ним велась слежка, и 2 сентября 1906 года была предпринята попытка ареста. Но по месту проживания он не был обнаружен. По документам данного ведомства позднее было выяснено, что Владимир Алексеевич Макаревич, в действительности Сергей Яновский, имеющий нелегальные документы» [28]. Таким образом, из разных источников свидетельствуют явные причины этого трагического происшествия. По расследованию дела, учителя Азовской гим-

назии были «раскассированы по другим учебным заведениям, а преступник был судим и приговорен к смертной казни» [78, с. 150]. Согласно этому печатному сборнику И. Н. Стефановский прослужил «на ниве образования» 27 лет и погиб в возрасте 50 лет. Согласно метрической записи: «Директор Азовской 7-классной прогимназии Статский Советник Иван Николаевич Стефановский убит 12 сентября 1906 года в возрасте 51 года при исполнении служебных обязанностей в здании прогимназии». О совершении обряда отпевания и месте погребения «по телеграфному разрешению Преосвященнейшего Епископа Симеона протоиереем Алексием Воздвиженским благочинным... и диаконом Никандром Верецким. Похоронен 15 сентября в церковной ограде Азовской Соборной Успенской церкви» [65, л. 164об., 165].

В фондах Азовского музея-заповедника хранится документ с подписью директора Азовской мужской прогимназии И. Н. Стефановского, датированный 10 мая 1906 года, — «Свидетельство Говорову А. Ф. на звание учителя начальных училищ, выданное Педагогическим советом Азовской мужской прогимназии» (рис. 20) [24].

Следующее захоронение в ограде церкви было совершено в 1914 году и связано с именем Антона Георгиеви-

организуется покушение, причем в станице Каменской будтобы находится три исполнителя максималиста. Ввиду этого в станицу Каменскую были командированы служащие Отделения Ловышев и Горбачев; причем установить лиц, виновных на себя исполнение террористического акта, не удалось.

9 сего Сентября выстрелом из револьвера ранен в спину Подесаулков Денис Сизов, прибывший по частным делам из станицы Константиновской в этот-же день. Можно полагать, что покушение это совершено на романовской подкладке, но отнюдь не на политической. Предположение это основано на следующих данных: Сизов прибыв в г. Ростов на Дону с своей сожительницей, с которой и имел выстрел во время покушения, причем муж ее проживает в г. Ростов на Дону.

12 Сентября в посаде Азове выстрелами из револьвера убит директор Азовской мужской прогимназии Стефанович. Убийца задержан. Он оказался упомянутым в предложениях Департамента Полиции от 27 Июля, 5 Августа и 13 Сентября с.г. за № 12271, 13157 и 16559 Владимиром Андреевичем Макаревичем, он-же "Владимир" и "Сергей". Макаревич лицо нелегальное и вероятно он будет Сергеем Яковлевичем. Обстоятельство это отчасти подтверждается полученным агентурным путем письмом от родной сестры Виктории Яновской, причем выражение в письме "как ты разговариваешь, как же ты глухой" вполне устанавливает, что письмо это относится действительно к нему, так как он глухой и при разговоре щепелькает. Копия письма к сему прилагается. При допросе Макаревич назвал себя социал-демократом и заявил, что убийство Стефановича им совершено за отказ его принять обратно на службу уволенных ранее учителей, отличавшихся крайне вредным революционным направлением. О выяснении личности Макаревича 8 Августа было сообщено Помощнику Начальника Донского Областного Тандарского Управления в Ростовском Округе, с просьбой произвести затѣм ликвидацию связей его. Подполковник Карпов включил его в ликвидацию, произведенную им в г. Азове 2 Сентября, но Макаревич не был обнаружен на жительстве и не арестован.

По агентурным указаниям агитация в пользу железнодорожной забастовки в последнее время значительно ослабла изъятием из желѣз-

Рис. 18. Сведения по Донскому Охранному отделению с сообщением об убийстве в Азове социал-демократом Макаревичем. 12.09.1906 года [28]

ча Руссо (1848(?)-1914). Он в посаде Азов был известным человеком. Руссо появился в 80-е годы XIX века в Азове, был «негоциантом-торговцем» греческого происхождения, выходцем с острова Санторина [48, л. 25об., 26]. Санторин(и) — это каменистый вулканический остров в Эгейском море. Отсутствие плодородной земли и других возможностей толкало местных жителей искать возможностей за предела-

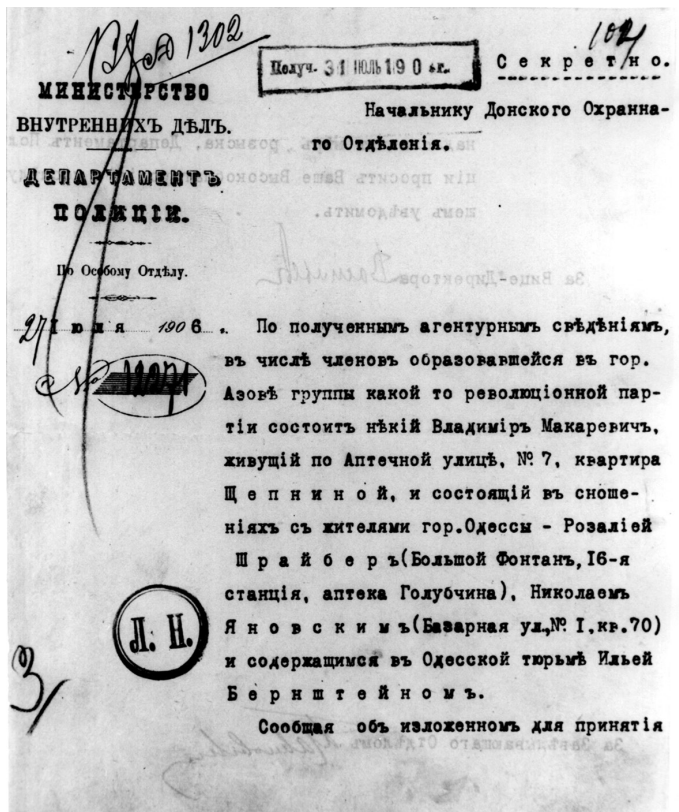

Рис. 19. Предписание начальнику Донского
Охранного отделения в отношении Владимира
Макаревича. 1906 год [26]

ми острова. В Азове и Приазовье в пореформенный период начинается активное заселение свободных земель. С развитием капитализма с середины XIX века на юге России развивается торговля и зарождающаяся промышленность. В Приазовье был простор для торговли, в чем греки-негоцианты здесь преуспели. В этот период в Азове встречается по Метрическим книгам достаточное количество переселенцев с острова Санторина, в том числе по фамилии Руссо. В 80-е годы XIX века Антон Руссо и его брат Иван встречаются в торговых документах, как владельцы торговли зерном (рис. 21) [27]. Его имя встречается и в Метрических книгах. Женой его была Мария Рухлетта Эммануиловна, урожденная Деймези, по происхождению — гречанка. В семье 22 июня 1886 года родилась дочь Мария [51, 460б., 47]. Руссо занимался торговлей зерном, имел хлебные ссыпки в Азове и был экспортером зерна за границу. На территории его частных владений размещалась в начале XX века чулочная фабрика Серебрякова в Азове (рис. 22) [4]. К началу XX века Руссо был уже, как писали местные газеты, «миллионером» [77, с. 4]. Он владел имением на улице Лесной в посаде Азов, имением на углу улицы Московской и Петровского проспекта, имел большое количество амбаров зерновых в районе улиц Лесной и Гимназической [34, л. 34]. В на-

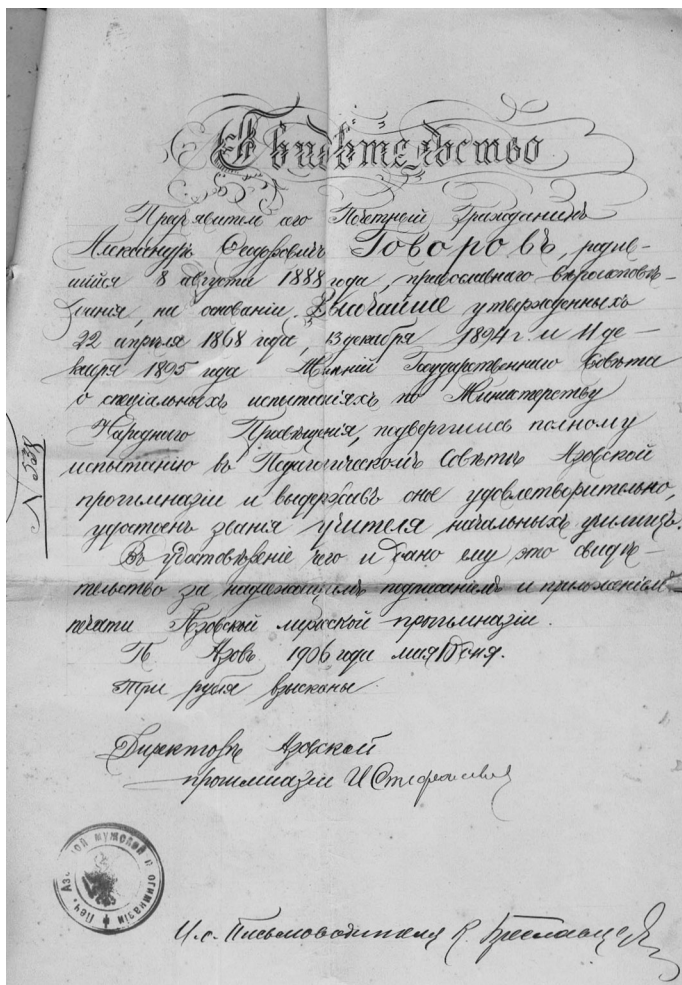

Рис. 20. Свидетельство А. Ф. Говорова с
подписью И. Н. Стефановского [24]

чале XX века в Азове было несколько зерноторговых фирм, в том числе «Антон Руссо» и «Иван Руссо» (рис. 23) [82, с. 171]. Он был не только зерноторговцем, но и основным экспортером зерна за границу в Азове. В 1907 году фирмой «Антон Руссо» из местного порта было вывезено пшеницы, ржи, ячменя всего 2 867 050 пудов [82, с. 172]. В округе Азова крестьяне сбывали зерно «амбарщикам или агентам-сводчикам», которые перехватывали крестьянские подводы по пути к железнодорожной станции и торговому порту, и вынуждали продавать зерно оптом [82, с. 124]. Так действовали и приказчики Руссо, скупая за бесценок у селян зерно. Он пользовался недоброй славой в Азове, «как человек очень жадный, нечистый на руку, за что горожане его не любили» [94, с. 5].

К этому времени Антон Георгиевич отправил жену в Италию, в пансион для содержания и лечения. О судьбе дочери,

Частный Алфавитъ
Лицамъ производящимъ Торговлю и промыслы
въ посаде Азове въ 1888 году по Гильдейскимъ документамъ.

№ по списку	Имя (фамилия) Торговца	№ по списку
1	Михайловичъ Григорій Александровичъ	26
2	Майорова Анна Григорьевна	15
3	Тимофеева Вера Павловна	27
4	Гавалова Анна Павловна	22
5	Груцкий Павел Павловичъ	24
6	Михайловичъ Николай Павловичъ	9
7	Михайловичъ Павел Павловичъ	13
8	Роскошниковъ Павел Павловичъ	28
9	Кураковъ Александр Павловичъ	21
10	Александровъ Александр Павловичъ	1
11	Мельниковъ Степан Павловичъ	11
12	Михайловичъ Николай Павловичъ	23
13	Михайловичъ Александр Павловичъ	25
14	Михайловичъ Павел Павловичъ	7
15	Роскошниковъ Степан Павловичъ	3
16	Руссо Иван Павловичъ	20
17	Руссо Антон Павловичъ	14
18	Витманенко Иван Павловичъ	5
19	Ворова Анна Павловна	8
20	Соловьевъ Павел Павловичъ	10
21	Соловьевъ Павел Павловичъ	12

Рис. 21. Частный алфавит лицам, производящим торговлю и промыслы по гильдейским документам в посаде Азов в 1888 году [21]

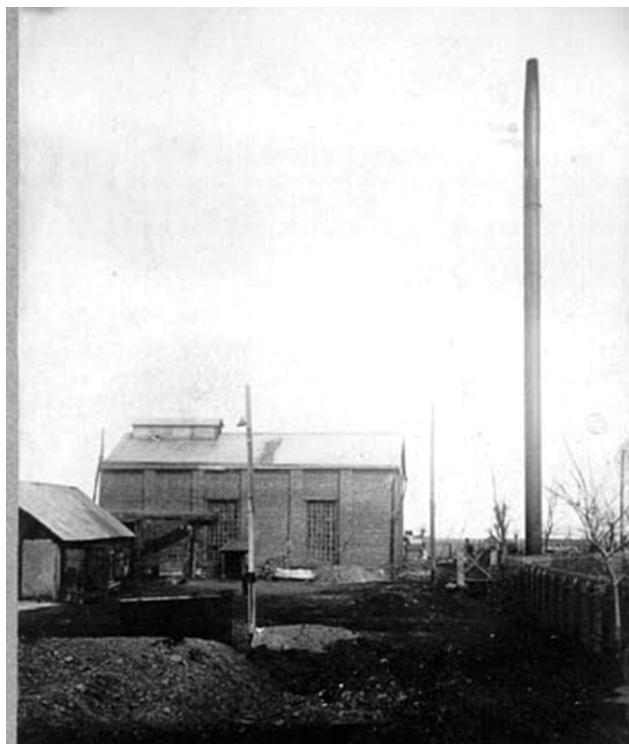

Рис. 22. Котельная Азовской чулочной фабрики в бывшем имени Руссо. 1930 год [4]

<p>Мука. Баевский И. П. Кашенко-Затвеев С. Ф. Гомзинский Я. Е.</p> <p>Ростовское н/Д. отд. ХАРЬНОВСКАГО МАШИНОСТРОИТЕЛЬНАГО ЗАВОДА ДЛЯ УСТРОЙСТВА (Бельгийское товарищество) Большая Садовая, № 25. Телефон № 27.</p> <p>Шелковые сита настоящих шведских и русских.</p> <p>Обувь. Бельзеръ, Н. А. Малова М. Л.</p> <p>Пенька. Клочковъ Е. Е. Рашутинъ Д. Я.</p> <p>Пивоваренный заводъ. Котелевщъ Е. Ф.</p> <p>Калинкинскій пивной складъ Ростовъ н/Д., Николаевскій пер., 44.</p> <p>Ренсковые погреба. Крючковъ И. В. Его же. Серлифъ Е. И.</p> <p>Типография. Александровъ И. Я.</p>	<p>Трактеры. Валуевъ В. М. Гивуевъ М. Г. Горбовъ Д. К. Завяловъ М. Т. Куликовскій С. В. Михрабовъ М. М. Саркисовъ К. С. Тимофьевъ З. П.</p> <p>Фотография. Гутмахеръ</p> <p>Южно-Ростовское центральное ДЕЛО ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ А. М. ШАВИНЕРА въ Ростовъ на-Дону, Николаевскій пер. Фонографы для семейнаго развлечения — истинное наслаждение для каждого семейства — дешево.</p> <p>Хлѣбъ — зерно. Гнидосыровъ С. А. Гнидосыровъ В. А. Гавала М. Ф. Грунскій В. Ф. Занявъ А. Г. Краса Х. Ф. Мочалинъ А. М. Мочалинъ П. М. Пастушенко П. И. Росовъ С. Г. Руссо И. Е. Руссо А. Е. Чижовъ Е. М. Сивоконевъ В. С. Самойловичъ Л. Н. Соколовъ П. И. Сыроватскій В. Ф. Сиховъ Г. И. Штернфельдъ М. И. Шапиро А. Г.</p>
---	---

Рис. 23. Торгово-промышленный указатель посада Азов на 1900 год [104]

к моменту развязки трагической истории, ничего не было известно. Был июнь 1914 года. По материалам местной прессы, его шурин, брат жены, Иван Эммануилович Деймези был управляющим у А. Руссо. Деймези слыл человеком сердечным и благожелательным, именно он предлагал и убеждал Антона Георгиевича участвовать во многих благотворительных делах. А подобных дел было достаточно. Антон Руссо был членом Правления общества вспомоществования воспитанникам Азовской прогимназии, членом совета Азовской Общественной библиотеки, помогал церкви [23]. На родине его считали «патриотом, строящим больницы и храмы» [77, с. 4].

Со временем между родственниками стало возникать непонимание. Они были слишком разными людьми. Жесткий и предприимчивый Руссо, «деликатнейший» и порядочный Деймези. Зять работал у Руссо, как родственник, за небольшое жалованье и жил в его доме, не требуя многого. В начале XX века Антон Георгиевич отправил на лечение жену на родину в Италию, посылал мелкие деньги на содержание в пансионе. Когда женщине потребовалась операция, он отказал в помощи. Это и стало основной размовкой между родственниками. Трагедия случилась в июне 1914 года в Азове. При разговоре между родственниками в доме Руссо произошел конфликт, в результате которого хозяин в резкой форме выгнал

зятя со службы и из дома. Вечером в коммерческом клубе Городского Сада Иван Эммануилович Деймези встретил Антона Руссо с женщиной в ресторане. Руссо, как всегда, вел себя демонстративно и резко. Деймези подошел к столику, выстрелил в него из револьвера и попросил арестовать его. Жители Азова сочувствовали Деймези. Но суд приговорил его к 18 годам каторжных работ. Антона Руссо похоронили в ограде Соборной церкви посада Азов. Запись в Метрической книге: «Антон Георгиевич Руссо, греческо-подданный Негоциант. Убит огнестрельным оружием 18 июня 1914 года в возрасте 66 лет (рис. 24). Похоронен 20 июня 1914 года причтом Азовской Соборной Успенской церкви по разрешению Преосвященнейшего Епископа Агипита в церковной соборной ограде» [71, л. 148об., 149].

В 1915 году было совершено следующее захоронение. Оно принадлежало Алексею Васильевичу Воздвиженскому (рис. 25).

Отца обозначив		Месяц и день	Возраст, имя, отчество и фамилия умершего	В каком месте	Кто исполнял и прощал	Кто совершил погребение и где погребен
Июнь	18	20	Трехклассный-подданный Негоциант Антон Георгиевич Руссо. Убит огнестрельным оружием 18 июня 1914 года в возрасте 66 лет.	Азов	Протоиерей Александр Купчин	По разрешению Преосвященнейшего Епископа Агипита в церковной соборной ограде.

Рис. 24. Метрическая запись о смерти А. Руссо. 1914 год [71]

Священник Воздвиженский (1841(?)–1915) родился, согласно метрическим записям, в 1841 (?) году [72, л. 161об., 162]. Согласно другому источнику, он был 1843 года рождения [93, с. 361]. После получения духовного образования он был назначен на должность священника церкви Покрова Святой Богородицы в городе Екатеринославе (1863). «По прибытию в Азов, он на несколько трехлетий был избран Духовенством округа на должность Благочинного», а позже он был «призван на пастырское дело в должности наставника — Законоучителя Азовских мужской и женской прогимназий, а потом и настоятелем Азовской Соборной Успенской церкви». После смерти настоятеля Азовской Соборной Успенской церкви Александра Филлипова в 1879 году стал настоятелем этого храма [46, л. 262об., 263; 75, л. 4]. Он получил звание протоиерея с 1880 года [93, с. 361]. В этой должности он прослужил до своей смерти в 1915 году. Священник с 1863 года, протоиерей с 1895 года, в Азове с 1877 года. Согласно этому источнику, родился в 1842 году [92, с. 897].

Женой Алексея Воздвиженского была Мария Лаврентьевна Мальчевская [59, л. 30об., 31]. Она умерла в Азове 19 марта 1911 в возрасте 63 лет от гриппа и была похоронена на городском кладбище [68, л. 144об., 145]. В семье священника воспитывалось много детей, ниже приводятся краткие сведения о них.

Афанасий Алексеевич родился в 1867 (?) году [54, л. 101об., 102], почетный гражданин [53, л. 116об., 117], бывший учитель Азовской Успенской церковно-приходской школы [54, л. 101об., 102], диакон Александро-Невской церкви [55, л. 176об., 177], священник Успенской церкви (1896). Жена Мария Яковлевна Евлановская — дочь титулярного советника,

Свящ. о. Алексѣй Воздвиженскій,
законоучитель азовской мужской гимназіи.

*Рис. 25. Священник Алексей Воздвиженский.
Начало XX века [105, с. 156]*

родилась в 1871 году [54, л. 101об., 102].

Екатерина Алексеевна родилась в 1871(?) году. Муж Могилевский Лаврентий Никифорович — псаломщик Успенской церкви, окончивший курс в Екатеринославской Духовной семинарии, родился в 1870 году [57, л. 161об., 162].

Иулия (Юлия) Алексеевна родилась в 1876 году, муж Поляков Иван Андреевич — казак города Новочеркаска, родился в 1872 году [66, л. 110об., 111].

Петр Алексеевич родился в 1878 году, скончался от дифтерита в возрасте 13 лет [55, л. 262об., 263].

Ольга Алексеевна родилась в 1886 году, умерла в возрасте 1 месяца [51, л. 162об., 163].

Мария Алексеевна родилась в 1887 году, умерла в возрасте 1 месяца [52, л. 150об., 151].

Александр Алексеевич родился в 1888 году, умер в возрасте 2 месяцев [53, л. 167об., 168].

Аполлинария Алексеевна родилась в 1880 году [47, л. 126об., 127], классная наставница в Азовской женской гимназии [84, с. 134], надзирательница в женской гимназии [85, с. 130].

Анна Алексеевна родилась в 1891 году [55, л. 155об., 156], учительница Азовского Николаевского двухклассного училища [85, с. 155].

Большая семья священника владела имением в Азове по улице Петербургской 93 (ныне Ленинградская 27), по оценке имущества, стоимостью 1500 рублей. Кроме того, у священника была квартира в Корниловском переулке № 14 в Азове [100, с. 2].

Алексей Воздвиженский встречается в записях Метрических книг Азовской Соборной Успенской церкви еще в 1870-е годы. Он значился преподавателем мужской и женской прогимназий в Азове. Но, как уже упоминалось выше, после смерти настоятеля храма он в 1880 году получил назначение на вакантную должность. Нужно заметить, что к этому времени в данной церкви уже более полутора десятка лет служил священником Николай Иванович Браиловский.

Оценивая заслуги Алексея Воздвиженского «на поприще служения церкви и учебно-воспитательного дела в 1903 году Городской Думой, было решено учредить специальную премию его имени в Азовской мужской прогимназии, законоучителем которой он служил». Стипендия имени Протоиерея отца Алексея Воздвиженского была учреждена с тем, чтобы «один из воспитанников из местных жителей, преимущественно духовного зва-

ния, содержался на средства города» [74, л. 5]. В следующем году Воздвиженский получил орден Святого Владимира 4 степени. [93, с. 361]. К 50-летию юбилею «пастырской службы» А. Воздвиженский был награжден орденом князя Владимира 3 степени [91, с. 208].

Протоиерей Воздвиженский, помимо священнических обязанностей, был членом различных Азовских обществ — Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Азовской гимназии, Благотворительного общества, Комитета Попечительства о народной трезвости, Азовской Общественной библиотеки [33, с. 395–396]. В период своей службы в этом храме Алексей Воздвиженский освещал прибытие первого поезда в Азов 6 декабря 1910 года [76, с. 2].

Но существует и неофициальная хроника... Современники писали и вспоминали о нем не очень лестно... «О священнике Воздвиженском по Азову ходили разные истории, рисовавшие его как человека далеко не пастырского нрава — грубого, злого, нетерпимого. Людям, которых он недолюбливал, когда они подходили к нему в церкви под благословение, совал свой наперстный крест с такой силой, что разбивал им лицо в кровь» [18, с. 23]. По воспоминаниям М. А. Макаровского: «Воздвиженский преподавал «Закон Божий» в мужской и женской гимназиях. Он невзлюбил гимназистку Зину Жолткевич только по отцу (он был церковнослужителем). Из-за двойки по «Закону Божьему» ее оставили в классе на второй год. В конце второго года Воздвиженский поставил ей опять двойку. Осенью Зина сдавала переэкзаменовку, и снова двойка. Доведенная до отчаяния «девушка, тут же, в здании женской гимназии, отравилась карболовой кислотой и в мучениях умерла» [18, с. 21]. В

1909–1910 учебном году в законоучителя Воздвиженского стреляли гимназисты-старшеклассники Фомин и Прокопенко за то, что «он изводил их своими насмешками и издевательствами». Ранение оказалось легким и после нескольких месяцев разбирательств гимназистов отпустили из-под стражи (рис. 26) [18, с. 20].

По воспоминаниям современника А. Водолазского, лично знавшего А. Воздвиженского: «Он преподавал Закон Божий в Азовской мужской и женской прогимназиях и был протоиереем. Высокий, с благообразным лицом, он казался достаточно благочестивым. Но по существу был иезуитом» [20, с. 18]. Для понимания значения этого слова, употребляемого в переносном значении это — «хитрец, лицемер, лжец». В иных энциклопедических пояснениях так называют «лукавого, притворного, проницательного человека, который считает, что все средства хороши, если они помогут достичь его цели». По мнению людей, знавших Воздвиженского, общение с ним было не очень приятным. «Если священник говорил с кем-то, то казалось, что его глаза насквозь сверлят собеседника» [20, с. 18].

Кроме того, Воздвиженский был инициатором еврейского погрома в Азове в 1905 году. Приводим полностью текст воспоминаний: «Анатолий Самойлович, брат известного революционера и исследователя Арктики Рудольфа Самойловича, в то время был владельцем типографии в Азове, которая, с его разрешения, неоднократно использовалась Донским комитетом РСДРП для печатания прокламаций в крупных тиражах. Это было неоценимой услугой для того времени. И вот А. Самойлович 13 августа 1905 года обра-

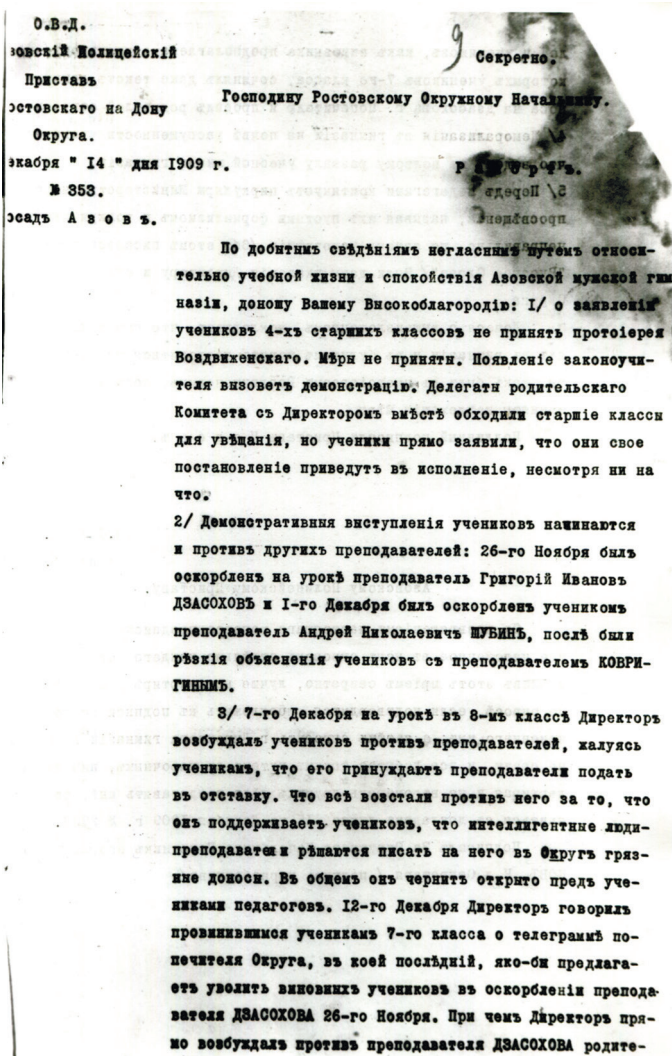

Рис. 26. Документ о волнениях в Азовской гимназии. 1909 год [106]

тился ко мне с просьбой сделать все возможное, чтобы предотвратить погром, вдохновителем которого являлся протоиерей Воздвиженский. Один факт появления рабочей дружины в Азове отрезвляюще подействовал на темных дельцов, лишив их сознания беззаконности» [19, с. 8]. Революционерами были предприняты меры, и трагедии не случилось. Факт причастности к этому событию А. Воздвиженского встречается в нескольких источниках, тем самым подтверждая его подлинность.

Протоиерей Алексей Воздвиженский согласно метрической записи: «Умер

23 октября 1915 года от прободения язвы желудка (рис. 27). Умер скоропостижно в возрасте 74 лет. Похоронен 25 мая 1915 года на общем кладбище». По верху этой записи написано: «В ограде Успенской церкви» [72, л. 161об., 162].

Последний из известных лиц, похороненных в ограде Успенской церкви в начале XX века, был священник Федор Иванович Безлюбов. Он родился в 1864 (?) году, окончил курс Екатеринославской Духовной семинарии. С 1886 года был в должности диакона, с 1887 — священником, законоучителем. В Успенской церкви посада Азов служил с 1890 года. Получил скуфью как награду в 1902 году. Жена Анна Безлюбова родилась в 1870 (?) году. Дети на 1908 год: «мужского пола — 20, 15, 12; женского пола — 19, 8, и 3 лет» [92, с. 897]. Согласно другому источнику Ф. Безлюбов родился в 1862 году, с 1885-го служил псаломщиком, с 1887 — священником. Получил камилавку как награду в 1909 году. На 1913 год в семье «7 детей — 1 пристроен, 6 учатся». Казенное жалование получал — 147 рублей [93, с. 361].

Согласно Метрическим книгам Успенской церкви, жена священника — Безлюбова Анна Матфеевна. Она была восприемницей (крестной) у внука Алексея Воздвиженского [55, 177об., 178].

В фондах Азовского музея-заповедника хранится документ «Выпись из Метрической книги о венчании за 1905 год, выданная Успенской церковью посада Азов от 24.11.1911 г.» (рис. 28). Таинство венчания совершал священник Федор Безлюбов. Этот документ с подписью священника Ф. Безлюбова [25].

По архивным источникам в семье священника были дети:

- Мария (1890), умерла в возрасте 3 лет [57, л. 96об., 97];
- Евгений (1892) [56, л. 7об., 8];
- Владимир (1894) [58, л. 51об., 52];
- Надежда (1896), умерла от скарлатины в 4,5 года [61, л. 167об., 168];
- Серафима (1898) [60, л. 57об., 58];
- Павел (1903) [63, л. 78об., 79];
- Медия Феодоровна встречается в архивных документах [70, л. 18об., 19];

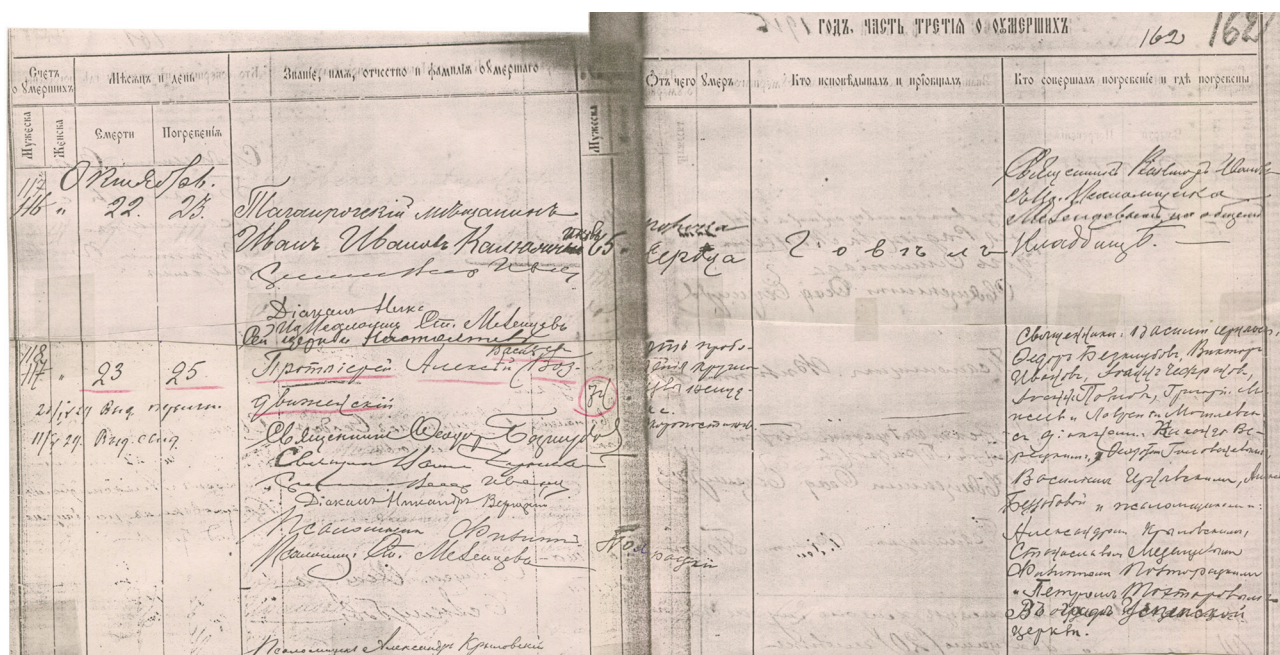

Рис. 27. Метрическая запись о смерти А. Воздвиженского. 1915 год [72]

· в иных источниках указана дочь Лидия Феодоровна Безклубова [67, л. 46об., 47], учительница 1-го городского приходского училища [85, с. 162].

Большая семья проживала в Азове в доме по улице Лесной, 32, (ранее Тиммермановской, ныне Ленина, 52). Домовладение стоимостью в 875 рублей приобретено в 1896 году [81, с. 7].

Федор Безклубов, помимо священнических обязанностей, преподавал Закон Божий в начальных училищах в Азове, в начале XX века — в двухклассном Николаевском училище [85, с. 155]. В фондах Азовского музея-заповедника хранится «Свидетельство об окончании Азовского Николаевского училища за 1901 г.» с подписью законоучителя Ф. Безклубова (рис. 29) [21]. Преподавал священник и в Низшей Ремесленной школе в Азове [85, с. 145].

Священник Безклубов к 1917 году прослужил почти 30 лет в Успенской церкви, пока его не «одолел тяжелый недуг». Местные газеты писали: «Утром 24 мая, после продолжительной и тяжелой болезни скончался священник Успенской церкви Ф. Безклубов, прослуживший в Азове много лет» (рис. 30) [13, л. 4].

Священник Успенской церкви посада Азов Феодор Иванович Безклубов, согласно метрической записи: «Умер 23 мая 1917 г. от чахотки в возрасте 56 лет. Похоронен 25 мая 1917 г. в ограде церкви. Совершали погребение священ-

Рис. 28. Выпись из Метрической книги о венчании за 1905 год, с подписью священника Ф. Безклубова. 1911 год [25]

Рис. 29. Свидетельство об окончании Николаевского сельского училища. 1901 год [21]

ники Василий Чернявский и Виктор Иванов с диаконом Никандром Верецкими и псаломщиком Филиппом Полторацким» (рис. 31) [73, л. 141об., 142]. Необходимо отметить, что в Государственном архиве Ростовской области (далее — ГАРО) хранятся две Метрические книги Соборной Успенской церкви посада Азов за 1917 год: книга № 36 и книга № 37. Книги в церквях писались в двух экземплярах. Одна отправлялась в Епархию,

Рис. 30. Некролог о смерти священника Ф. Безклубова [13]

три священника, диакон и три псаломщика» [14, с. 639]. Имена этих священников: Н. Браиловский, А. Воздвиженский, Ф. Безклубов. Анализируя имеющиеся документальные сведения, можно прийти к выводу, что все три священника, служившие в церкви несколько десятилетий в период с конца XIX — начала XX века, были похоронены в ограде Соборной Успенской церкви посада Азов.

Стоит отметить еще один факт. После смерти А. Воздвиженского, в Успенскую церковь для пополнения штата был переведен священник Александро-Невской церкви посада Азов Василий Васильевич Чернявский [72, л. 160об., 161]. С конца 1915 года он слу-

другая оставалась в церкви для делопроизводства. Но, в 1917 году в связи с революционными событиями экземпляр для Епархии, видимо, остался в церкви. В книге № 36 есть место захоронения, а в книге № 37 оно срезано при переплете книги в 1943 году.

При Азовской Успенской церкви с конца XIX века «по штату было положено

Рис. 31. Метрическая запись о смерти Ф. Безклубова. 1917 год [73]

№	Имя	Дата	Содержание
62	Мана	15. 17.	Азовский штатский священник Николай Бугров
63		20. 21.	Азовский штатский священник Иван Стефанович
64		20. 21.	Азовский штатский священник Николай Стефанович
65		24. 25.	Азовский штатский священник Иван Стефанович
66		28. 29.	Священник Успенской церкви в посаде Азовском Василий Васильевич Чернявский

№	Имя	Дата	Содержание
67			Священник Успенской церкви в посаде Азовском Василий Васильевич Чернявский
68			Священник Успенской церкви в посаде Азовском Василий Васильевич Чернявский
69			Священник Успенской церкви в посаде Азовском Василий Васильевич Чернявский

жил в Успенской церкви до своей кончины в 1919 году. В это время в Азове свирепствовал эпидемия тифа. Он умер 5 мая 1919 года в возрасте 52 лет от тифа. Но в метрической записи значится, что он был похоронен на общем кладбище [32, л. 100об., 101]. Рассмотрение возможных причин — тема для будущих исследований.

Документальные сведения о лицах, похороненных в ограде Соборной Успенской церкви, можно подтвердить фактами, воспоминаниями очевидцев и археологическими находками.

Первое известное упоминание о найденном склепе относится к послевоенному периоду. При проведении строительных работ на площади III Интернационала (прежде — Базарная, ныне — Петровская площадь) был найден склеп с останками священника, облачением и утварью. В Азове в этот период проживали потомки священника Николая Браиловского. Внук священника привел своего сына, со словами, что их предок был похоронен в ограде церкви. Детали этого события в 2003 году автору статьи поведал правнук Н. Браиловского Игорь Альбертович Браиловский (родился в 1960 году).

Следующее упоминание о найденном погребении относится к 60-м годам XX века. При проведении ремонтно-технических работ на площади III Интернационала был найден склеп с женским погребением. В этот период Азовский Историко-Краеведческий музей располагался в помещении на этой площади. Заведующая историческим отделом Кожанова Н. Ф. была приглашена для осмотра. Нина Федоровна утверждала, что погребение принадлежало азовской дворянке Л. В. Тиммерман. Женщина была одета в одежду, соответствующую периоду, в руках держала деревянный крест. По воспо-

минаниям сотрудницы музея, гроб помещался на высоких ножках. Стены склепа были побелены известью. Воспоминаниями, подтверждающими эти факты, поделился с автором хирург-травматолог Азовской больницы Устинов Сергей Викторович. Он тоже оказался свидетелем этого события, но добавил, что в склепе была небольшая ниша, и в погребении был найден маленький сосудик. Эти воспоминания словесные и документально не оформлены, но их стоит учитывать, так как они подтверждают и дополняют уже имеющиеся архивные сведения.

Находки последующего склепа имеют фактическое подтверждение. В 1978 году при благоустройстве центральной площади в Азове был найден склеп. Это событие на многие годы породило множество легенд. В спасательных раскопках участвовали сотрудники Азовского музея Н. М. Фомичев и Г. С. Бейсов. Находки поступили в фонды музея. В найденном склепе был обнаружен гроб с человеческими останками. Гроб стоял на ножках в виде львиных лап. На крышке лежал головной убор и шпага в кожаных ножнах. Ножны полуистлели, и в фонды музея поступила шпага с металлической верхней частью ножен без кожаных деталей (рис. 32) [6]. Шпага имеет бронзовый с позолотой эфес, гарду и темляк серебристого цвета. В верхней части шпаги изображен малый герб Российской империи. Металлический клинок плохо сохранился (общая длина шпаги составляет 74 см, длина клинка — 62 см). В фонды музея поступил и деревянный крест с размером 16 x 10 см, возможно, кипарисовый, который находился внутри гроба (рис. 33) [9].

Человеческие останки напоминали мумифицированное тело. Внутри гроба был

Рис. 32. Шпага с золочением из раскопок склепа в 1978 году [6]

обнаружен фрагмент аптечного флакона (рис. 34) [10]. Тело было одето в белую сорочку, мундир и брюки темного цвета. На мундире располагались 12 бронзовых с золочением пуговиц диаметром 2 см. На пуговицах — герб Области Войска Донского (далее — ОВД, рис. 35) [12]. Также в фонды музея поступила накладка на запонку из перламутра диаметром 8 мм (рис. 35) [11]. Ворот и обшлага рукавов мундира были с шитьем. В кармане мундира была найдена серебряная монета достоинством 10 копеек 1906 года (рис. 36) [7]. Низкопробные серебряные монеты достоинством 10 копеек 48 пробы чеканились с 1867 года, 500-й пробы — с 1885 года. Такие монеты были в ходу до 1917 года.

На теле имелись: золотой четырехконечный крест (рис. 33), ладанка на шнурке, крест нательный золотой. Нательный крест выполнен из золота 583-й пробы, его высота — 38 мм, ширина — 23 мм, общий вес — 2,6 г. На нем нанесены две маркировки: одна — изготовителя, вторая — пробирного комитета. Клеймо в горизонтальном прямоугольнике «ИВ» указывает на мастерскую Ивана Васильева в Москве, существовавшую в 1908–1917 годах. Изображение женской головы в кошке и греческой буквы в виде полового треугольника со шрифтом 56 — клеймо для золотых изделий менее 8,5 г Московского окружного пробирного Управления в 1908–1926 годах [5].

Ладанка из темно-коричневого бархата, обшита тонким коричневым шнуром в виде плетеной косички, и крепилась на таком же шнурке (рис. 34). На ладанке

Рис. 33. Крест деревянный [9] и крест золотой [5] из раскопок склепа в 1978 году

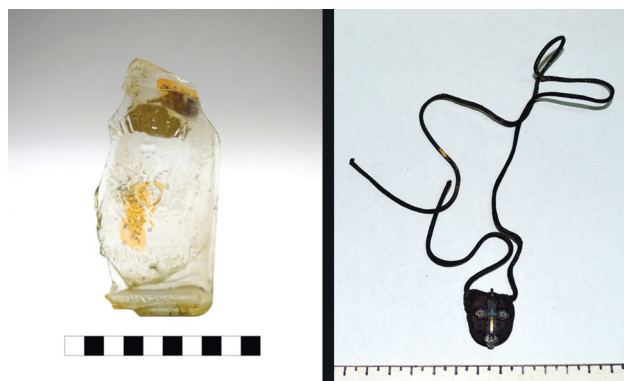

Рис. 34. Фрагмент аптечного флакона [10] и ладанка [8] из раскопок в 1978 году

Рис. 35. Накладка на запонку из перламутра [11] и пуговица с гербом [12] из раскопок в 1978 году

Рис. 36. Монета серебряная из раскопок в 1978 году [7]

пришит с лицевой стороны серебряный крест. Проба серебряного креста — 875, вес составляет 0,6 г. Общий вес — 2,6 г. Общий размер составляет 25 x 20 мм [8]. Совмещение клейм на золотом кресте и серебряной монете позволяют датировать погребение периодом с 1908 по 1917 год. По имеющимся данным Метрических книг Азовской Соборной Успенской церкви погребение можно датировать 1914 годом. Последнее погребение перед начальной датой относится к 1906, следующее — к 1914 году. Останки, очевидно, принадлежали Антону Руссо. Дополнительным подтверждением этих фактов может служить наличие предметов и одеяния в погребении.

Головной убор, шпага с гербовым щитом, так называемое «мундирное платье», пуговицы с гербом позволяют говорить о том, что похороненный состоял на государственной службе, являлся чиновником или относился к определен-

ной группе людей, которым положен был «виц-мундир», головной убор и шпага. Указом от 1827 года в Российской империи были установлены четыре категории лиц, пользовавшихся правом государственной службы, в том числе купцы 1-й гильдии [80, с. 88]. Наглядным выражением принадлежности к государственной службе была форменная одежда, в особенности, главный ее элемент — мундир [99, с. 22]. Парадный мундир надевался, если надо было участвовать в заседаниях, посещать присутственные места [80, с. 136]. С 1824 года в России купцам 1-й гильдии разрешили носить шпагу. Купцы были «в цене» и признавались «особым классом почетных людей в государстве» [80, с. 123]. Конкретных документов или других точных сведений о том, что Антон Руссо был купцом 1-й гильдии, не имеется. Но, косвенные сведения и объемы оборотных капиталов могут свидетельствовать об этом. При совмещении всех данных и фактов, можно с достаточной долей уверенности предположить, что погребение, найденное в 1978 году в Азове на площади III Интернационала (ныне Петровской), принадлежит Антону Руссо, погибшему в 1914 году.

Последнее погребение на площади было найдено в 2008 году. Традиционно при проведении ремонтных работ на Петровской площади был найден склеп с останками человека (рис. 37). Погребение принадлежало священнику. В нем были найдены детали облачения священнослужителя в золотисто-зеленом цвете: фрагменты фелони, епитрахили, поручей, пояса, набедренника, тонкой прозрачной ткани и покрывала квадратной формы — воздуха, которым накрывали лицо священника [96, с. 17]. Других деталей церковного одеяния найдено не было. В погребении не был найден кре-

Рис. 37. Раскопки склепа на площади. Вид с юго-запада.
2008 год. Фото А. Масловского

ста. Предположительно крест был кипарисовый, привезенный из святых мест, что прежде практиковалось. В большинстве случаев деревянные кресты в погребениях не сохраняются. В руки священнику, как правило, вкладывалось Евангелие. Это Евангелие из погребения имело оклад желтого металла с резной поверхностью в виде ангелов (рис. 38). Оно сохранилось очень плохо, буквально рассыпалось в прах, а листы со временем спрессовались и получили вид толстых кусков керамики. Шрифт Евангелия был выполнен в темно-коричневом цвете, так как прежде использовались натуральные краски — сурик и охра. В погребении находилось также кадило (рис. 39). Возможно, это предмет церковной утвари, которым пользовался сам священник во время службы. Идентификация останков проводилась методом визуального осмотра, при отсутствии антропологической и генетической экспертиз. Сотрудники музея обследовали обнаруженные останки. По имеющимся на момент нахождения погребения сведениям, по визуальному осмотру и методом исключения, можно было предположить, что найденные

останки принадлежат священнику Николаю Ивановичу Браиловскому. Из священников, похороненных в ограде, Н. Браиловский умер по старости, А. Воздвиженский, по свидетельствам современников, был высокого роста и умер от прободения язвы желудка, Ф. Безклубов — от туберкулеза. По размеру костяка, состоянию зубов и сохранности костей, из имеющегося списка священников, похороненных в ограде, наиболее вероятным, посчитали священника Н. И. Браиловского, скончавшегося в 1901 году от старости.

Это предположение, со временем, можно подтвердить или опровергнуть, в случае возможной будущей экспертизы. Останки священника и найденные дета-

Рис. 38. Накладка на Евангелие. Начало XX века.
Фото А. Масловского. 2008 год

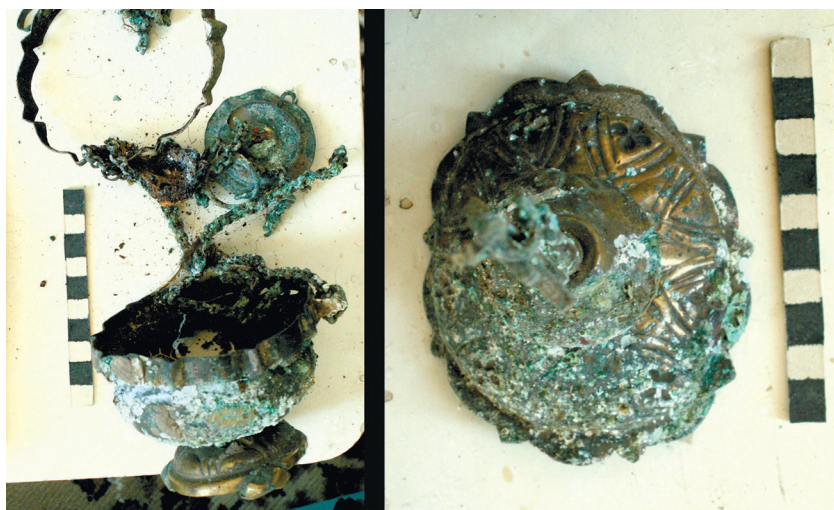

Рис. 39. Кадило. Начало XX века. Фото А. Масловского. 2008 год

ли облачения и церковной утвари «были преданы земле» при перезахоронении в Азове у подножия храма Азовской иконы Божьей Матери в 2008 году.

Нужно сразу отметить, что официально до 2013 года находки и захоронения XIX — начала XX века не считались предметом

археологии. По этой причине найденные захоронения не были археологически достаточно оформлены. Тем не менее, собранный краеведческий материал дает определенную четкую картину.

Таким образом, если суммировать все имеющиеся сведения и факты, можно предположить, что в будущем могут открыться еще два захоронения — священника и гражданского лица. Очевидно, что он был похоронен в форме чиновника Министерства Народного Просвещения.

Источники и литература

№ 13.

2. Азовский Вестник. — 1911. — 20 фев. — № 21.

3. Альбом городских голов Российской империи. — [Санкт-Петербург]: Изд. Морского благотворительного общества, 1903 (Лештуковская Паровая Скоропечатня П. О. Явлонского). — 326 с.

4. Котельная Азовской чулочной фабрики в бывшем имении Руссо. 1930 г. // Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник имени А. А. Горбенко (далее — АМЗ). № КП-8375/ОФ-216.

5. Крест золотой // АМЗ. № КП-15522.

6. Шпага с золочением // АМЗ. № КП-15523.

7. Монета // АМЗ. № КП-15524.

8. Ладанка // АМЗ. № КП-15524-3.

9. Крест деревянный // АМЗ. № КП-15525-1.

10. Фрагмент стеклянного сосуда // АМЗ. № КП-15525-2.

1. Азовский Вестник. — 1911. — 17 фев. —

11. Накладка на запонку из перламутра // АМЗ. № КП-15525-4.

12. Пуговица с гербом // АМЗ. № КП-15525/5-16.

13. К Делу. — 1917. — 25 мая. — № 2 // АМЗ. № КП-16522/11/ПИ1-6048/11.

14. Екатеринославские Епархиальные Ведомости. — 1914. — 1 дек. — № 34 // АМЗ. № КП-17286/4/ПИ2-95.

15. Епархиальные Ведомости Екатеринославской губернии. — 1878. — 15 нояб. — № 22 // АМЗ. № КП-17286/16/ПИ2-95.

16. Екатеринославские Епархиальные Ведомости. — 1887. — 15 июл. — № 14 // АМЗ. № КП-17286/33/ПИ2-95.

17. Отчет Общества «Народное Просвещение» за 1917 г. — Азов, 1918 // АМЗ. № КП-19538/ОПИ2-1293.

18. Биография М. А. Макаровского, написанная А. А. Макаровским // АМЗ. № КП-22200/89/ОПИ1-7238.
19. А. Т. Водолазский. Вооруженное восстание в Ростове-на-Дону в 1905 г. (Из воспоминаний участника). – М., 1933 // АМЗ. № КП-23735/ОПИ2-4724.
20. А. Водолазский. Навстречу поколениям... – Ростов-на-Дону, 1969 // АМЗ. Инв. № 470к.
21. Свидетельство об окончании Николаевского сельского училища, 1901 г. // АМЗ. № КП-27405/8/ПИ1-9314.
22. Диплом Л. В. Тиммерман, 1892 г. // АМЗ. № КП-28985/ПИ1-13344.
23. Диплом Л. В. Тиммерман, 1895 г. // АМЗ. № КП-28985/ПИ1-13344.
24. Свидетельство Говорову А. Ф. на звание учителя начальных училищ, выданное Педагогическим советом Азовской мужской прогимназии // АМЗ. № КП-29541/3/ПИ1-14391.
25. Выпись из Метрической книги о венчании за 1905 г., выданная Успенской церковью посада Азов от 24 ноября 1911 г. // АМЗ. № КП-29541/17/ПИ1-14405.
26. Предписание начальнику Донского Охранного отделения о принятии мер в отношении Владимира Макаревича, члена Азовской группы РСДРП, 27 августа 1906 г. // АМЗ. № КВФ-9875/ОПИ1-2285.
27. Частный алфавит лицам, производящим торговлю и промыслы по гильдейским документам в посаде Азове в 1888 г. // АМЗ. № КВФ-10181-22/ПИ1-2714/а.
28. Сведения наблюдения по Донскому Охранному отделению с сообщением об убийстве в Азове социал-демократом Макаревичем, 12 сентября 1906 г. // АМЗ. № КВФ-КВФ-9875/ОПИ1-2868.
29. «Генеральный план Азовской крепости... сочинен для представления в чертежные Его Императорские Величества в 1797 г.» // АМЗ. № КВФ-13092-24(2).
30. «План Азовской крепости... сочиненный при Азовской инженерной команде Февраля 22 Дня 1790 г.» // АМЗ. № КВФ-13092-32.
31. Архив БТИ города Азова. Д. № 4–10 (117) на муниципализированное домовладение по ул. Дзержинского № 45–47.
32. Архив отдела записи актов гражданского состояния города Азова. Метрическая книга Соборной Успенской церкви посада Азов за 1919–1920 гг.
33. Вся Область Войска Донского (далее — ОВД) и Северный Кавказ на 1904 год. – Ростов-на-Дону: Издание А. И. Тер-Абрамиан, 1904. – 100 с., 1274 стб.
34. ГАРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1183.
35. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3558.
36. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3680.
37. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3726.
38. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 4017.
39. ГАРО. Ф. 226. Оп. 20. Д. 27.
40. ГАРО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 10.
41. ГАРО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 105.
42. ГАРО. Ф. 787. Оп. 1. Д. 29.
43. ГАРО. Ф. 787. Оп. 1. Д. 44.
44. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 27.
45. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 18.
46. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 28.
47. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 29.
48. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 30.
49. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 31.
50. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 32.
51. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 33.
52. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 34.
53. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 35.
54. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 36.
55. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 37.
56. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 38.
57. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 39.
58. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 40.
59. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 41.
60. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 44.

61. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 46.
62. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 47.
63. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 49.
64. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 1061.
65. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 1235.
66. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 1935.
67. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 2025.
68. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 2244.
69. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 2357.
70. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 2464.
71. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 2652.
72. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 2845.
73. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 3190.
74. ГАРО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 1.
75. ГАРО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1.
76. Голос Приазовья. – 1910. – 12 дек. – № 94.
77. Голос Приазовья. – 1914. – 29 июн. – № 324.
78. Книга русской скорби. – Санкт-Петербург: издание Русского нар. союза им. Михаила Архангела, 1911. – Т. 7. – 236 с.
79. Материалы к статистическому описанию Екатеринославской Епархии. Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. Ростовский уезд. – Екатеринослав: тип. Я. М. Чаусского, 1880. – Выпуск 2. – 373 с.
80. Мурашев Г. А. Титулы, чины, награды. – М: АСТ, 2004. – 367 с.
81. Оценка недвижимых имуществ для раскладки земских и оценочного в доход города сборов на 1913 г. – Азов, 1913.
82. Азов — древнейший порт России // Очерки истории Азова. – Азов: Азов. краевед. музей, 2003. – Вып. 7. – 559 с.
83. Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1864 год. – Екатеринослав: Тип. Я. Чаусского, 1864. – 323 с.
84. Памятная книжка Области Войска Донского на 1908 год. – Новочеркасск: Обл. В. Д. стат. ком., 1908. – 646 с.
85. Памятная книжка Области Войска Донского на 1912 год. – Новочеркасск: Обл. В. Д. стат. ком., 1912. – 726 с.
86. План Азовской крепости с окрестностями ее, состоящей Екатеринославской губернии в Ростовском уезде, снятый с натуры. 1847 год // Президентская библиотека. – URL: <https://www.prilib.ru/item/433415> (дата обращения: 10.10.2023).
87. План посада Азова с обозначением и описанием мест и зданий, существующих и предполагаемых к постройке». 1832 год // Президентская библиотека. – URL: <https://www.prilib.ru/item/3575842> (дата обращения: 10.10.2023).
88. Приазовский край. – 1906. – 1 мар. – № 197.
89. Приазовский край. – 1915. – 17 апр. – № 400.
90. Приазовский край. – 1906. – 19 сент. – № 247.
91. Синодик кавалеров ордена князя Владимира. – СПб, 2015.
92. Справочная книга Екатеринославской Епархии за 1908 г. – Екатеринослав: Изд. Екатеринослав. дух. консистории, 1908. – 1103 с.
93. Справочная книга Екатеринославской Епархии за 1913 г. – Екатеринослав, 1914.
94. Темлякова Л. Люди XX века // Читай-Теленеделя. – 2000. – 20 сент. – № 38.
95. Фоменко В. Т. Щедрой благотворительнице // Приазовье. – 1991. – 6 нояб. – № 177.
96. Черцова С. К вопросу о захоронении в ограде Успенской церкви. Священник Браиловский // Читай-Теленеделя. – 2008. – 5 авг. – № 32.
97. Черцова С. А. Благотворители Азовские в XIX — нач. XX вв. // Азовский край. – 2021. – № 17.
98. Черцова С. А. К вопросу об истории Больничного комплекса в Азове // Азовский край. – 2022. – № 18.

99. Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, орден в Российской империи – Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1991. – 222 с.
100. Эхо Азова. – 1914. – 28 фев. – № 24.
101. АМЗ. № КП-28983.
102. АМЗ. № КВФ-10181-31.
103. АМЗ. № ОФ-23911.
104. АМЗ. № КВФ 1404-1.
105. Очерки истории Азова // Крепость и посад Азов (конец XVII — нач. XX в.) / Л. Б. Перепечаева. – Азов: Азов. краевед. музей, 1995. – Вып. 3. – 179 с.
106. АМЗ. № КВФ-9881.

Ю. Т. Лейбенсон, А. В. Лейбенсон

БАХЧИСАРАЙСКИЕ ХРИСТИАНСКИЕ НЕКРОПОЛИ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ: ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ

Гражданские некрополи Бахчисарая XIX — начала XX веков представляют собой настоящую историю маленького южного провинциального городка в камне. Их памятники отражают социальный и этнический состав христианского населения города, его ценности и вкусы. Речь идет о Первом гражданском некрополе Бахчисарая (по ул. Партизанской) и некрополе в Русской слободке. Первый комплекс возник не позднее 1810-х годов, при этом кладбище является действующим по сей день. Несмотря на уникальность некрополя, как объект историко-культурного наследия охраняется лишь один памятник — склеп-часовня семьи Михайли (1889). Существование некрополя в Русской слободке, как принято считать, берет начало от братской могилы воинов Крымской войны, умерших в госпитале на территории Ханского дворца (о возможной датировке комплекса первой половиной XIX века скажем далее). Кладбище функционировало до 1920-х годов включительно. К 1930–1960 годам относятся лишь отдельные немногочисленные захоронения

родственников тех, кто упокоился здесь ранее. Единственный охраняемый объект историко-культурного наследия — часовня архангела Михаила над братской могилой (построена в 1895 году), архитектурно перекликающаяся со Свято-Никольским храмом на братском кладбище Северной стороны Севастополя.

Несмотря на значение некрополей — по крайней мере, для региональной истории — кладбища поразительно мало исследовались.

Два памятника Первого гражданского некрополя 1920-х годов описал Р. Я. Якобсон: это надгробия выходцев из Трапезунда, выполненные в виде крестово-купольных храмов [2]. Общий обзор памятников Первого гражданского некрополя подготовил в 2016 году В. Н. Борисов, но его интересовали преимущественно памятники советского периода [1].

Относительно братского захоронения в 2019 году произошел настоящий прорыв, когда в Центре хранения страхового фонда города Ялуторовска (Тюменская область) были обнаружены метрические

книги с именами участников Крымской войны, погребенных в Бахчисарае [6]. Это примерно 10% от общего количества упокоившихся в братской могиле. Сейчас имена воинов высечены на гранитных плитах при входе на кладбище (инициатива РВИО, РГО и фонда «Православный Крым», при содействии Ф. Конюхова).

Интересно, что некрополь в Русской слободке был воспет в полотнах художников и кинофильмах советского периода.

На картинах А. В. Куприна «Скалы в Русской слободке» (1930) и В. К. Яновского «Часовня на кладбище в Русской слободке города Бахчисарая» (1955) запечатлены отдельные памятники кладбища (рис. 1).

В фильме «Грозные ночи», снятом Ялтинской киностудией в 1960 году, некрополь в Русской слободке выступает как одно из мест ожесточенных партизанских боев Великой Отечественной войны.

В кадр попали старые ворота кладбища и находящийся при входе памятник П. Ф. Музакиди (рис. 2) — выходцу из Трапезунда (без даты, вероятно, начало XX века).

Несмотря на эпизодические всплески внимания к старым бахчисарайским некрополям, систематического их исследования не проводилось. Поэтому в 2021–2023 авторами были проведены эпиграфические работы, имевшие целью фиксацию и исследование всех сохранившихся памятников дореволюционной эпохи (точнее — до середины 1920-х, поскольку и в течение нескольких лет после победы Советской власти на крымских некрополях ставили памятники в дореволюционном стиле, порой даже с дореволюционной орфографией).

По итогам работ был составлен каталог, включающий фотографии всех выявленных памятников и тексты эпитафий (при необходимости — с переводами). Памятники в каталоге

Рис. 1. В. К. Яновский «Часовня на кладбище в Русской слободке города Бахчисарая». 1955 год

расположены в хронологическом порядке, что позволяет проследить историю некрополей. Уже в самом начале исследований удалось выявить нижнюю хронологическую границу существования Первого гражданского кладбища: не позднее 1810-х годов, поскольку наиболее ранние обнаруженные памятники относились к 1813 и 1814 [4].

Всего на Первом гражданском кладбище Бахчисарая 79 дореволюционных памятников. К 1810-м годам относятся 2 памятника, к 1820-м — 5, к 1830-м — 3, к 1840-м — 4, к 1850-м — 8, к 1860-м — 9, к 1870-м — 9, к 1880-м — 14, к 1890-м — 10, к 1900-м — 2, к 1910-м — 7, к 1920-м — 2. Памятников без даты, однако по типу надгробного памятника явно относящиеся к дореволюционным, насчитывается 4. Остальные памятники — советского и современного периодов. Поскольку некрополь является действующим, предполагаем, что часть памятников XIX века могла оказаться перекрыта более поздними.

В Русской слободке обнаружен 261 памятник с сохранившейся эпиграфикой интересующего нас периода. Это 23 памятника без даты, но по стилю оформления и эпитафии дореволюционных. К 1830-м годам относится 2 памятника, к 1840-м — 1, к 1850-м — 22, к 1860-м — 11, к 1870-м — 22, к 1880-м — 61, к 1890-м — 35, к 1900-м — 50, к 1910-м — 31, к 1920-м — 3. Обнаруженные надгробия 1830-х годов (крестообразные, с эпитафиями на греческом языке) дают возможность предварительной передатировки комплекса Рус-

Рис. 2. Кадр из фильма «Грозные ночи». 1960 год

ской слободки. Однако, нужно учитывать, что эти памятники найдены не *in situ*. Напротив, массивная плита 1848 года (рельефный крест, греческая эпитафия) вряд ли была перемещена из другого места (например, с уже действовавшего Первого гражданского кладбища). Поэтому мы полагаем, что ранний некрополь Русской слободки возник еще в первой половине XIX века, до Крымской войны.

Следует сказать и о фрагментах памятников, анэпиграфных надгробиях (в ряде случаев надпись имелась, однако была полностью сбита). Их количество на обоих некрополях — не менее половины от числа надгробий с надписью. Однако в ходе работ 2021–2023 годов зафиксированы были не все, их строгий учет — дело дальнейшего исследования.

Интересны типы памятников. Наиболее ранние — крестообразные (так называемый «мальтийский крест»).

С середины 1850-х и вплоть до 1920-х годов самым распространенным типом памятника становится массивная горизонтально лежащая плита из местного известняка, на верхней плоскости которой помещено рельефное изображение

креста. Этот, казалось бы, простой мотив, резчики старались разнообразить изображениями цветов, вырастающих из креста, гирлянд на кресте, ростков у подножия креста, книги и чаши, орудий страстей Христовых. На двух таких плитах (1902 и 1906) — подписи мастеров-изготовителей: Э. Хатулова и И. Бузакиди (рис. 3).

На некоторых плитах, верней на их плоскости, вырезали четыре угловых углубления. После дождя углубления за-

полняются водой, сюда прилетают пить птицы. Такая особенность может быть связана с погребальной культурой других народов Крыма (в том числе караимов) [5, с. 34]. В некоторых памятниках — крестообразных и плитовых — вырезали и ниши для светильников или свечей, что характерно и для более ранних греческих и татарских надгробий XVI–XVIII веков (аналоги: некрополи в Керменчике/Высоком, Шурах/Кудрино Бахчисарайского

района). В последней четверти XIX — начале XX века появляются стелы в виде аналая (с раскрытой книгой на верхней части), «дерева скорби».

Интересны греческие памятники в виде крестово-купольных храмов — на Первом гражданском кладбище таких надгробий два, они поставлены в 1918 и 1924 году соответственно выходцам из Трапезунда. Частично разрушенное, без надписи, но полностью аналогичное надгробие есть и на некрополе в Русской слободке. Здесь же, возле часовни архангела Михаила, находится поставленный в 1905 году памятник в виде фронтальной части храма — рельефно оформлен вход с колоннами и фронтом. Характерно, что этот памятник также по-

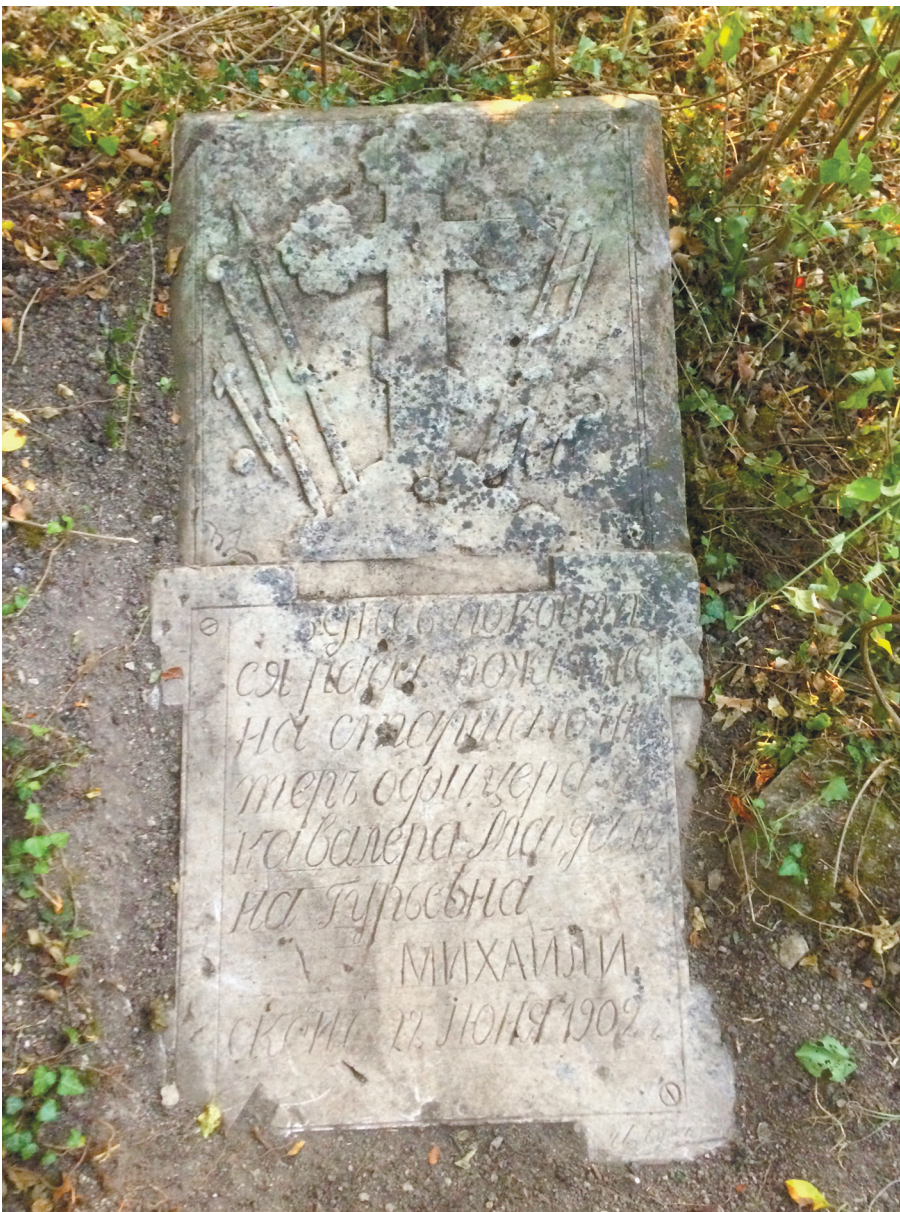

Рис. 3. Надгробие 1902 года с рельефным изображением страстей Христовых и подписью И. Бузакиди. Русская слободка Бахчисарая. Современное состояние. Фото авторов

ставлен греку — под ним покоится Х. Захаропуло (ум. 1877) Еще более ценны эпитафии, прочитанные на памятниках. Здесь отражены военно-политическая, социальная жизнь Бахчисарая XIX — начала XX века, вкусы и запросы его обитателей.

Язык эпитафий — греческий и русский, в одном лишь случае встречаем плохо сохранившуюся эпитафию, начинающуюся с немецкого текста «[Hier ruht] in Gott...», но далее все равно продолжающуюся на русском языке: «Здесь покоится прахъ / Рабъ Божій / Петра Иосифовича...». Греческое население, служившее в армии и взаимодействующее с русскоязычными жителями Крыма, неизбежно перенимало некоторые черты языка и ономастики: так, одно из воинских званий передавалось как «οἰνδερ ὀφικιάλος καὶ καβαλέρος», а фамилия, в 1846 передававшаяся как «ΤΙΜΗ», на соседнем памятнике 1848 года записана вперемежку русскими и греческими буквами — «ΝΤΗΜΗΣΗΦ» (в конце XIX века их родственники записаны в русскоязычных эпитафиях как Демишovy или Демишовы).

Важнейшими памятниками являются индивидуальные захоронения времен Крымской войны, в том числе, служащих Греческого Балаклавского батальона. Греческий пехотный батальон создан в 1779 году, преобразован в Балаклавский в 1797, просуществовал до 1859. Его воины принимали участие и в Крымской войне. В 1854–1855, наряду с братским захоронением, в Русской слободке появляется не менее 15 индивидуальных памятников (воинам, их женам, детям), на Первом гражданском обнаружено всего 2 захоронения этого периода. Разумеется, участников Крымской войны, переживших ее события, хоронили здесь и позднее.

Приведем обнаруженные нами эпитафии воинов Балаклавского батальона и

участников Крымской войны (тексты приводятся в оригинальной орфографии).

На Первом гражданском:

1. «INBI / NK KA/ ENΘΑΔΕ ΚΥΤΕΤΕ Ο ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ / ΘΕΟΥ ANTONION TENED ΓΙΟΣ/ΠΡΑΠΟΡΙ 3 ΙΚΟΣ / ΟΥ ΓΡΕΚΙΚΟΥ / ΠΑΤΑΛΙΟΝΙΟΥ ΕΓΕΝΙΘΙ· 1797 / ΓΕΝΑΡΙΟΥ 14 ΕΝΤΑΦΙΑΣΘΗ 15 / ΤΟΥ Ε·1835 / ΑΠΡΙΛΗΝΟΥ 25».

Перевод с греческого: «И(исус).Н(азорей).Ц(арь).И(удейский) побеждает. Здесь покоится раб Божий Антонион, сын Тенед(и) прапорщик 3 (роты) Греческого батальона. Родился 14 января 1797. Скончался 15 (?) в г. 1835, 25 апреля».

2. «Здѣсь покоится тѣло / Бала: баталіона редавой / Дмитрія сынъ Самніонинъ Іго / Ноября скончалось 1855 го: / Отъ роду Ему 25 годъ».

3. «Упокой / Господи душу у= / сопшаго Михаила сина / Маркова п[ер]вого отстав: / ной штабсь капитанъ Ба: / Ба: скончавшагося 1857 / 10 октября 23 дня на / 76 году отъ роду».

4. «Бомбардиръ / севастопольской / обороны / 1854–1855 г. / Іоанн / Самсоновичъ / Поцуевъ / умеръ 25 октября 1889 г. / от роду 90 лѣтъ / мир праху твоему / от сына».

На некрополе в Русской слободке:

1. «Здѣсь покоится прахъ Раба / Божья юнкера Литовскаго / полка Григорія Козынецъ / Скончавшагося 15 Августа 1855 года».

2. Рядом с надгробием Г. Козынца находится крестообразный памятник, который по типу, тексту и шрифту эпитафии также уверенно можно отнести к периоду Крымской войны: «Здѣсь покоится прахъ / юнкерьъ гусарскаго полка И / вана Ивановича Черемисинова / на 17 году отъ рожденія».

3. «ENΘΑΔΕ ΚΗΤΕΤΑΙ / Ω ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΘΕΟΥ ΚΟΖ / ΜΑΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΝΗΣΗ /

ΡΙΟΣ ΟΥΝΔΕΡ.ΟΦΙΚΗΝΑΛΟΣ / ΚΕ ΚΑΒΑΛΕ-
ΡΟΣ ΤΟΥ ΓΡΕΚΙ. / ΚΟΥ-ΜΠΑΤΑΛΙΟΝΙΟΥ
ΕΓΕΝΙΘΗ / 1833 ΝΟΕΜΒΡΗΟΥ ΕΚΗ / ΜΗΘΗ
1855 ΙΟΥΛΙΟΥ 14».

Перевод с греческого: «Здесь покоится раб Божий Козма Дмитриевич Нисириос, унтер-офицер и кавалер Греческого батальона. Родился в ноябре 1833, скончался 14 июля 1855».

4. «Здѣсь покоится оста / вной рядовой Балаклавс. / Баталіона Іоаннъ Дими / тріевъ Кроитири сконч. / 1877 г. марта 3 отъ / роду 89».

Наверняка, этот список нужно продолжить, однако ряд эпитафий этого периода прямо не указывает на участие покойного в Крымской войне. И, разумеется, не каждый греческий текст 1850-х годов упоминает службу в Греческом батальоне. Тем интереснее представляется дальнейшее исследование просопографии некрополя, оно должно быть вполне перспективным при привлечении дополнительных источников.

Более поздние эпитафии также иногда содержат указание на военную должность или чин покойного: рядовой, поручик, капитан, унтер-офицер и кавалер (и в эпитафии на русском языке), кондуктор флота. Отмечались гражданские чины, начиная с титулярного советника (14 класс, самый нижний). Упомянуты губернский секретарь (12 класс), коллежский асессор (вариант в одной из эпитафий: «чиновник 8 класса»). Отмечали и представителей правоохранительных органов: городских и приставов Бахчисарайской полиции. В эпитафии Варваре Палтацевой (возможно, Полтавцевой), упокоившейся в 1906 году, не забыли написать, что она — «мать пристова» (именно с такой орфографией; памятник Русской слободки).

В двух эпитафиях Русской слободки указана принадлежность к церковнослу-

жителям или членам их семей. Это эпитафия священнику Василию Феодори (ум. 1925; служил, в том числе, в Аутке, где познакомился и дружески общался с А. П. Чеховым [2, с. 224; 7, с. 53]) и «жене діакона Бахчисар. Собора» (по-видимому, Никольского) Клеопатре Филатовне Николиполити (ум. 1893). Иногда отмечалась принадлежность к мещанам (Бахчисарая, а в двух случаях — Севастополя) или просто — «жителям» Бахчисарая (например: «Здѣсь погребено тело / Параскови Орловской / Бахчисарайской житѣльки / Предавшей душу свою въ руки / Божии лѣтъ 25 в 1852 г.»). Указаны и другие места, откуда происходили покойные, что особенно характерно для греческих эпитафий (встречаются в надписях упоминания Трапезунда, острова Хиос, малоазийских и македонских деревень) [3]. Уникальный случай — памятник в Русской слободке беженцу из Минской губернии периода Первой мировой войны: «ЗДѢСЬ ПОКОНТСЯ ЮННІЙ ОТРОКЪ МНХАНЛЪ НВАНОВЪ КОНДА РОДНВШАГОСЯ 1901 ГОД. СΚΟΝΧΑΒΣΑΓΟΣЯ 1916=ГОДА 4 МАЯ ОТЬ РОДУ 15 ЛѢТЪ БЪЖЕНЕЦЪ МННСΚΟΝ ГУΒΕΡΝΗ ΝΟΒΟΓΡΥДСΚΟ ГО УЪЗДА СЕЛЮБСΚΟЙ ВОЛОСТН ДЕРЕВНН ГЕРДОВΚΝ».

Интересны и немногочисленные эпитафии с указанием причин смерти. Например, несчастный случай на охоте языком судебного протокола описывает эпитафия на крестообразном памятнике 1882 года: «скончался от выстрела, произведенного из охотничьего ружья нечаянно его товарищем-другом». Рядом с этим захоронением — миниатюрное (вероятнее всего, детское) надгробие, которое содержит короткий текст: «Миръ праху / Василию / Скон. 1900 / 14 мар. / Отъ угару» (оба памятника — в некрополе Русской слободки).

Отчетливо прослеживается по материалам памятников высокий дореволюционный уровень детской смертности. В эпитафиях детям до 7 лет они часто названы младенцами; кроме того, к детским относятся все миниатюрные памятники, выполненные в виде плит или саркофагов, по образцу «взрослых» надгробий, но по размеру меньше их в два или даже три раза. В эпитафиях младенцам далеко не всегда указана фамилия, особенно если они погребены на семейном участке. Одного упокоившегося в Русской слободке ребенка даже не успели окрестить, поэтому эпитафия не содержит имени: «Господи / Прими душу / младѣнца». На Первом гражданском некрополе Бахчисарая памятники маленьким детям составляют почти пятую часть, на некрополе в Русской слободке — почти четверть.

Отличительная особенность языка эпитафий — не только лаконичность и обилие орфографических погрешностей (как заметил читатель, и в русскоязычных, и в греческих текстах). С середины XIX века в текстах бахчисарайских надгробий используются шаблонные, часто наивные, но трогательные стихотворные строфы. Неизменной популярностью пользовалась одностишие Н. М. Карамзина: «Покойся, милый прах, до радостного утра!..». Также часто варьировалась строфа из стихотворения П. Сумарокова «Эпитафия самому себе»: «Прохожий, не топчи мой прах, я уже дома, а ты в гостях». В Бахчисарае она имела варианты: «Друзья не наступайте мой прах», «друзья не топчите мой прах» и даже «подружки не наступайте мой прах».

Часто встречалась эпитафия, одним из бахчисарайских вариантов которой был:

Покойся милый другъ
Въ объятіяхъ нѣбесныхъ
Самъ Богъ возвалъ тебя

Къ блаженству душъ
Безъсмертныхъ.

Наиболее популярной в последней четверти XIX — начале XX века стала эпитафия: «Тебя уж нет / Тебя не стало / Прощай любимая моя / Как розы цвет ты вдруг увяла / И тихо горько плачу я». В различных вариантах «любимая моя» при необходимости заменялась на «любимая жена», «любимая сестра», в одном случае даже «любимый муж». Эти бесхитростные стихи оказались востребованными и в новую эпоху: так, на Первом гражданском кладбище на участке XIX века позднее были установлены надгробия середины XX века. На одном из них видим ту же эпитафию.

Несмотря на разное время появления рассмотренных нами некрополей Бахчисарая, в период после Крымской войны их памятники очень сходны. Здесь находили последний приют члены одних и тех же семейств. Поэтому оба комплекса необходимо рассматривать в совокупности. Очень важно, чтобы вопросы сохранения памятников также касались обоих некрополей. Самое простое, что сейчас можно выполнить силами отдельных исследователей, это уже проведенная фиксация памятников с эпитафиями, затем дальнейшая работа по составлению топографического плана некрополей и архивные разыскания. Что до сохранения памятников бахчисарайских некрополей, эта работа проводится сейчас усилиями волонтеров. Усилить ее возможно грамотной популяризацией и изменением статуса объекта — охраняться законом должны не отдельные памятники, а весь комплекс захоронений дореволюционного периода.

Источники и литература

1. Борисов В. Н. Захоронения героев народного сопротивления немецко-румынской оккупации 1941–1944 годов и первой обороны г. Севастополя 1854–1855 годов на городском кладбище в г. Бахчисарае по ул. Партизанская (По материалам натуральных и архивных исследований): в 2-х т. – Бахчисарай, 2016. – 31+65 с.
2. Доненко Н. Н. Новомученики Феодосии. – Симферополь: Н. Орианда, 2015. – 318 с.
3. Лейбенсон Ю. Т. Иммиграция греков в Россию в XIX — начале XX века (по материалам некрополей Бахчисарая) // Таврические студии. – 2021. – № 27. – С. 64–70.
4. Лейбенсон Ю. Т. Памятники XIX — начала XX века на двух старых бахчисарайских кладбищах // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. – 2021. – № 3. – Т. 7 (73). – С. 72–86.
5. Липунов И. Караимское кладбище в Иосафатовой долине / И. Липунов, М. Кизилев. – Симферополь: Салта, 2017. – 264 с.
6. Мозилова Н. Бессмертный полк императора Николая I: тысячи героев обороны Севастополя обрели свои имена // Сайт Российского географического общества. – URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/bessmertnyu-polk-imperatora-nikolaya-i-tysyachi-geroevoborony-sevastopolya-obreli-svoi> (дата обращения: 06.05.2023).
7. Ханило А. В. Чехов в Ялте. – Симферополь: Н. Орианда, 2016. – 192 с.
8. Yakobson A. L. A propos des relations entre les régions littorales au Nord et au Sud de la Mer Noire // *Bizantinoslavica*. 1981. T. XLII. Fasc. 1. P. 43–51.

С. А. Шпагин

ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА РОСТОВА-НА-ДОНУ И ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИИ «ЕВРЕЙСКОГО КЛАДБИЩА»

Проблема смерти, переход в «Царство мертвых» и соответствующие представления о связях усопших с миром живых порождали не только ритуалы похорон, но и формировали память, закреплённую и в практиках создания некрополей.

Специфика отношения евреев к «отеческим гробам» заключается, прежде всего, в том, что они лишились своего отечества и оказались в изгнании, рассеянии — галуте, диаспоре. Проживание в нееврейской среде, частая смена территории и условий проживания оказали большое влияние на отношение евреев к местам захоронений и облик некрополей. Главной центроостремительной силой еврейской диаспоры оставался иудаизм — вера, закон, ставший в христианской и исламской среде и религией. Есть общие элементы обустройства и содержания еврейских кладбищ [20]. Главный из них — еврейские кладбища. Располагались они отдельно от христианских и мусульманских или же в районе компактного проживания евреев, либо за чертой города. Ивритское на-

звание кладбища — бейт олам и бейт альмин (на арамейском) — «дом вечности», бейт хаим — «дом жизни», бейт кварот — «дом могил».

Сами погребения, при некоторых различиях, могли иметь и общие черты. Чаще всего — вертикальная, а не горизонтальная плита. Она может быть высокой, может носить форму «домика» (в различные наименования еврейского кладбища входит слово «бейт» — дом). Иудаизм запрещает делать изображения человека, так что традиционно используется в качестве гравировки надгробия растительный или животный орнамент. Информация о захоронённом человеке ограничивалась либо возрастом, либо датой смерти, без упоминания даты рождения. Металлическая ограда — позднейшее нововведение. Покойного укладывали ногами в сторону Иерусалима, соответственно, все захоронения имели общую ориентацию.

Еврейское кладбище имеет физические границы, которые отделяют кладбище от его окружения, делая его священным для евреев.

Еврейское кладбище считается освященной землей, где соблюдаются еврейские погребальные обряды и обычаи.

Еврейское кладбище принадлежит еврейской общине, правила и положения которой регулируются должным образом уполномоченным советом директоров для целей еврейского кладбища.

На еврейском кладбище разрешены только еврейские символы.

Только еврейское духовенство или миряне могут совершать отпевание или любую другую религиозную службу на еврейском кладбище.

Фонды постоянного ухода находятся в ведении еврейского кладбища и предназначены для ухода за ним.

Кладбище закрыто в Шаббат и все еврейские праздники [20].

Специфика Еврейского кладбища в Ростове-на-Дону как раз и демонстрирует результат противоречивой истории евреев региона — от ассимиляции до возрождения и отход от перечисленных выше требований.

Применительно к еврейским кладбищам Ростова-на-Дону, имеется в виду, что речь идет об ашкеназийской традиции [9; 13] и общине, испытывающей сильное влияние особенностей истории евреев на Дону.

Наиболее полно история евреев Дона изложена в книге Евгения Вениаминовича Мовшовича [11]. Ему же принадлежит и статья конкретно о еврейских кладбищах Ростова-на-Дону [12], так что большинство публикаций по истории евреев города, почти дословно пересказывают его текст [2]. Это относится и к еврейским ресурсам — сайт Еврейской общины [10], и связанному с общиной сайту, посвященному Холокосту на Дону [5]. Факты по истории евреев Дона собраны в книге М. А. Гонтмахера [1].

Регион являлся перекрестком древних цивилизаций, затем — своеобразным фронтиром на южных рубежах России. Соответственно, евреи присутствовали здесь в «обозе» других народов, исторических образований без наличия общины. Так что этот период истории евреев оставил лишь археологические и косвенные данные о присутствии здесь в разное время евреев, никак не связанных с историей общины. Здесь нет масштабных захоронений, как это имеет место в Крыму, на Украине, в Литве, Беларуси.

Особенности истории евреев и вытекающая судьба всех старых еврейских кладбищ начинается с включения в 1888 году Ростовского уезда Екатеринославской губернии в состав Области Войска Донского (ОВД). Смысл в том, что в состав войсковой административной единицы вошло фактически еврейское местечко из черты оседлости. Таким образом, евреи, вместе с существовавшими на тот момент кладбищами, оказались в той части Российской империи, где им было запрещено находиться. Потребовался специальный указ, разрешавший им остаться здесь на законных основаниях.

Недооцененная дата в истории евреев города — 1915 год. Неудачи русской армии на фронте Первой мировой войны привели к выселению евреев из прифронтной полосы западных губерний вглубь империи. И Ростов-на-Дону оказался удобным местом для переселения сюда евреев, хотя сама черта еврейской оседлости уже начинает размываться.

Развал империи, беженцы, революции и Гражданская война, протекавшая специфически на Дону, оказали существенное влияние на жизни и смерти евреев.

Установление советской власти на Дону и процессы советизации евреев региона окончательно сформировали

особенности евреев Ростова, Таганрога и Новочеркасска — их самоассимиляцию и советизацию.

Процессы рассказывания, индустриализация и культурная революция сделали эти города юга СССР весьма привлекательными для евреев соседних регионов. Ростов стал своеобразным аэродромом подскока для карьерного роста евреев. Это привело к определенной ротации еврейского населения города. Для значительной части евреев важнее были проблемы жизни, а не смерти и заботы о еврейских могилах. Значительная советизация, ротация еврейского населения, привели к ослаблению традиционной еврейской жизни, что и сказалось на относительно безболезненном расставании с иудаизмом, синагогами и молельными домами как символами буржуазного прошлого. И яркий пример — уничтожение на тот момент уже «старых» еврейских кладбищ, что нарушало первое требование к характеру еврейского кладбища — святость и, соответственно, нерушимость его территории. Второй серьезный удар по характеру еврейских кладбищ — практическое свертывание общинной жизни, и, следовательно, контроля за поддержанием еврейского характера кладбищ.

В попытках ликвидировать религиозную жизнь евреев сложно обвинить только не еврейский сегмент советской власти или перегибы местного руководства. В значительной степени это результат действий Евсекции и самоассимиляции в форме советизации евреев СССР и особенно, Ростова-на-Дону. При всех сожалениях по поводу уничтожения кладбищ, в том числе и еврейских, это типичный процесс для динамично развивавшегося процесса урбанизации провинциального города, дополненный особенностями времени и составом руководства страны

и региона. Особенности формирования исторического центра города, определенные естественные ограничения для его роста, делают понятной фразу «Ростов-на-костях» [15].

С 1867 по 1923 в центральной части города, и главное, важной с точки зрения и транспортной, и градостроительной логистики, находилось еврейское кладбище. Его закрытие означало исчезновение еврейских и вообще кладбищ в открытом публичном пространстве города и открытием в 1922 году «нового» еврейского кладбища, примыкающего к Татарскому по адресу: ул. Текучева, 153–157. Отсюда и несколько необычное название Еврейско-татарское кладбище [4], иногда называемое и Татарско-еврейское [18]. Известный ростовский историк Сергей Кисин использует термин «иудейские кладбища» [8]. В публикациях местных журналистов часто встречается разнобой в написании этого кладбища. Но в Публичной кадастровой карте оно фигурирует как Еврейское кладбище с кадастровым номером 61:44:0040203:36, хотя далее используется и название Еврейско-Татарское кладбище площадью 45 177 кв. м [3].

Таким образом, все основные особенности рассматриваемого Еврейского (Еврейско-Татарского) кладбища вытекают из времени его открытия и последующего характера еврейского населения. Ныне существующее (закрытое, но допускающее подзахоронения) кладбище открылось одновременно с закрытием одного из крупных и старых кладбищ практически в центре города через 2 года после разгрома квазигосударства Всевеликое Войско Донское, не большевистской («Белой», казачьей) территориально-административной единицы, на территории которого продолжалась традиционная

жизнь евреев. Иными словами, уже по факту рождения — это «советизированное» кладбище для ассимилированного советского еврейства. Соответственно, захоронения проходили без соблюдения многих требований. Более того, евреи хоронили своих умерших родственников и близких и на других кладбищах. Мотивы могли быть разными, в том числе захоронения ветеранов войны и труда, смешанные семьи и т. д.

После открытия в 1972 году Северного кладбища Еврейское закрыли, но выделили два квартала для еврейской общины. В сентябре 1997 года оно было открыто для подзахоронений и частично для новых захоронений. Возможно, это было связано с определенным возрождением еврейской национально-культурной деятельности в целом, вниманием руководства Ростовской общины к новым запросам евреев и возможной спонсорской помощи.

Отмеченные выше особенности истории евреев Дона и возрождение традиционной светской и религиозной жизни сказались на отношении к Еврейскому кладбищу не только со стороны евреев, но и со стороны администрации города.

Сегодня ситуация на Еврейско-Татарском кладбище выглядит следующим образом. По поручению руководителя Ростовской еврейской религиозной общины (РЕРО) Михаила Потапова, автор данной статьи подключился к процессу описания реального положения на кладбище. По предварительной оценке, количество захоронений должно составлять порядка 8 000 могил. Последующая оценка показала, что с учетом следов утраченных надгробий, это число явно больше.

Можно предположить, что к 1922 году изменился возрастной и социальный состав ростовских евреев. А это значит, что

захоронения 1920–1940-х годов оформлены с относительным соблюдением еврейской традиции. К тому же, ослабление религиозной жизни в стране, и особенно в Ростове-на-Дону, в условиях более поздней советизации и активностью Евсекции, приводило к более масштабному обращению родственников умерших на другие, по факту уже не христианские, а гражданские кладбища. Уже не встречаются надгробия в форме упомянутых выше домиков (исключение — семья Ревичей). Растительной и животной символикой уже нет. Её нет и на могилах ростовских раввинов — Авраама-Хаима Беньяминовича-Исара Каценеленбогена (ум. 1932) и Шая-Меера Зусмановича (Зусиловича) Ароновича (ум. 1960). Не часто, но встречаются эпитафии на иврите, изображение Маген Давида. Редко, но есть традиционное написание времени ухода из жизни: на таком-то году жизни, в таком-то возрасте или указание только даты смерти.

Визуально можно установить резкий переход от соблюдения относительной традиции захоронений и соблюдения элементарной логики кладбища к хаотичным практикам. Возможно, это было связано с некоторым возрождением еврейской жизни в освобожденном от немецких оккупантов Ростове-на-Дону. В конце 1940-х и в 1960-е годы первое послевоенное поколение евреев города в Еврейском кладбище видело островок иудаизма в атеистической среде. С учетом осознания трагедии Холокоста, пусть и медленно, но такой процесс длился некоторое время, и кладбище было практически единственным местом, на котором можно было приобщиться к вере предков. В 1944 году была зарегистрирована еврейская община, однако, захоронений 1940-х очень мало. Хотя оккупанты не

тронули Еврейское кладбище, несмотря на массовое уничтожение евреев города, не выявлено памятников с датами смерти 1941–1944 годов. Обнаружено всего лишь несколько кенотафов, причем, по имеющимся на них информации, они не связаны с трагедией в Змиёвской балке 11 августа 1942 года.

Помимо хаотичного расположения могил, что исключает традиционную ориентацию покойного ногами в сторону Иерусалима, бросается в глаза результат ассимиляции и советизации евреев, хоронивших своих еврейских родственников на Еврейском кладбище. Значительная часть могил оформлена в универсальном формате — стандартное надгробие, фотография умершего, даты жизни и смерти, не предусмотренные еврейской традицией описания, металлическая ограда и разросшиеся кусты, и деревья, дорогие мраморные символические памятники. На могилах, после посещения их родственниками, остаются не камни, как требует традиция, а цветы.

Хотя в Публичной кадастровой карте указано: «Межевание проведено» [3], стена, ранее отделявшая Татарское кладбище от Еврейского, давно разрушена и в конце территории граница между ними размыта. Речь идет не просто об открытости территории, но о нахождении нескольких еврейских захоронений на территории Татарского кладбища.

При закрытии кладбища для новых захоронений евреев, странным выглядят могилы неевреев с христианской символикой и свежее двойное захоронение армянской пары.

Склеп 5-го Любавичского Ребе Шолом-Дов-Бера Шнеерсона, делает Ро-

стов-на-Дону и соответственно его Еврейское кладбище местом поклонения. Еще одним таким важным местом является Мемориал на Змиёвской балке. И это актуализирует для общины и ответственности города проблему не только паломничества, но и организованного посещения туристами и ростовчанами таких памятных мест [14; 16]. При всей дискуссионности этой проблемы, понятие «тёмный туризм» и его аналоги давно присутствует в публичном пространстве [19]. В современной турецкой историографии имеется свой термин «Печальный туризм (Üzüntü Turizmin)» [21]. Не менее упоминаемым является надгробие юной революционерки Этель (Елены) Борко. Одно из последних семейных подзахоронений — основателя Ростовской Ассоциации содействия еврейской культуре (РАСЕК) Михаила Гельфера и его жены Аси.

Трудно объяснимым является захоронение русского генерал-майора Колосова М. В., похороненного в самом начале Еврейского кладбища в 1969 году. Если его могилу никто не посещает, то ростовская светская интеллигенция в памятные даты приходит на могилы университетских преподавателей-евреев. И совсем не еврейская традиция ростовской университетской интеллигенции — «ритуальное» посещение могилы Бориса Габриловича, писавшего в студенческие годы стихи и рано ушедшего из жизни.

В последние годы еврейская община прилагает большие усилия по уходу за Еврейским кладбищем. Ведь в некотором смысле, старые кладбища можно сравнивать с мемориальной библиотекой и архивом.

Источники и литература

1. Гонтмахер М. А. Евреи на Донской земле. История. Факты. Биографии. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Ростов н/Д: Ростиздат, 2007. – 857 с.
2. Еврейское кладбище [Электронный ресурс]: Википедия. Свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Еврейское_кладбище (дата обращения: 28.07.2023).
3. Публичная кадастровая карта [Электронный ресурс]. – URL: <https://pkk.rosreestr.ru/#/search/47.23906654203785,39.72158734760696/18/@4drigpy4u?text=47.239003%2039.721598&type=1&inPoint=true&opened=61%3A44%3A40203%3A36> (дата обращения: 15.06.2023).
4. Еврейско-татарское кладбище // Orgsprav.com. Справочник организаций СНГ. – URL: <https://rostov-na-donu.orgsprav.com/kladbischa/1619242.html> (дата обращения: 15.06.2023).
5. Еврейские кладбища Ростова-на-Дону. Холокост. – URL: <https://www.holocaust.su/jewish-cemeteries> (дата обращения: 28.07.2023).
6. Еврейско-татарское кладбище [Электронный ресурс]: Википедия. Свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Еврейско-татарское_кладбище (дата обращения: 28.07.2023).
7. История еврейской общины Ростова-на-Дону до Холокоста. – URL: <https://www.holocaust.su/before-the-holocaust> (дата обращения: 15.06.2023).
8. Кисин С. Новогодняя прогулка по забытым кладбищам Ростова // Нахаловка Ростовская. – 2018. – 27 декабря. – URL: <https://dzen.ru/a/XCTRiLxPXgCqpU5t> (дата обращения: 15.06.2023).
9. Кладбища // Иудаизм и евреи. – URL: <https://toldot.com/life/cemetery/> (дата обращения: 15.06.2023).
10. Кладбища. Еврейские кладбища Ростова // Ростовская Еврейская община. – URL: https://www.evreirostov.ru/templates/articlecco_cdo/aid/1625051/jewish/page.htm (дата обращения: 15.06.2023).
11. Мовшович Е. В. Очерки истории евреев на Дону. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Ростов-на-Дону: ЗАО «Книга», 2011. – 336 с.
12. Мовшович Е. В. Еврейские кладбища Ростова-на-Дону — исторические памятники // Донской временник. – URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m16/5/art.aspx?art_id=318 (дата обращения: 15.06.2023).
13. Надгробия на еврейских могилах [Электронный ресурс]: Википедия. Свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Надгробия_на_еврейских_могилах (дата обращения: 28.07.2023).
14. Оленев А. Еврейские кладбища Ростова-на-Дону: действующее и снесенные // Ростовский словарь. – 2015. – 26 июля. – URL: <https://rslovar.com/evrejskie-kladbishha-rostova-na-donu-de/> (дата обращения: 28.07.2023).
15. «Ростов-на-костях»: в центре города расположены массовые захоронения чумных // Панорама. – URL: <https://www.panram.ru/news/gorod/rostov-na-kostyakh-v-tsentre-goroda-raspolozheny-massovye-zakhoroneniya-chumnykh/> (дата обращения: 15.06.2023).
16. Семибратова Е. Старое еврейское кладбище Ростова // О Ростове и не только. – 2020. – 9 декабря. – URL: <https://dzen.ru/a/X9BaNJ0PvCm6KFrc> (дата обращения: 15.06.2023).
17. Советская власть и евреи Дона // Холокост. – URL: <https://www.holocaust.su/soviet-union> (дата обращения: 15.06.2023).

18. Татарско-Еврейское кладбище в Ростове-на-Дону // KINF.RU – онлайн-справочник компаний и организаций. – URL: <https://kinf.ru/rostov-na-donu/kladbischa/tatarsko-evreyskoe-kladbische-357913459> (дата обращения: 15.06.2023).

19. Тёмный туризм [Электронный ресурс]: Википедия. Свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Тёмный_туризм (дата обращения: 26.07.2023).

20. What Makes A Jewish Cemetery Jewish? // International Jewish Cemetery

Project. – URL: <https://iajgscemetery.org/instructions/what-makes-a-cemetery-jewish/> (дата обращения: 28.07.2023).

21. Karaman, Sebahattin, Dinç, Orhan “İÇ TURİZM VE DATÇA YÖRESİNDE BİR UYGULAMA”. *Sosyal ve Beşeri Bilimler Dergisi* 14 / 2 (Aralık 2022): 146–179. – URL: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/sobiadsbd/issue/70645/1026066> (дата обращения: 15.06.2023). – DOI: <https://doi.org/10.55978/sobiadsbd.1026066>.

А. А. Чаплыгин

ПРИЦЕРКОВНЫЙ НЕКРОПОЛЬ В СТАНИЦЕ ТЕМИЖБЕКСКОЙ

В Краснодарском крае в станице Темижбекской (рис. 1) находится церковь Михаила Архангела. Храм был заложен в 1813 году, и с момента закладки храма в станицу почти сразу назначили священника [1]. Для данного периода истории является характерным производство захоронений значимых персон на территории вокруг храма. Так, на территории у церкви сохранились несколько памятников, свидетельствующих о возможном наличии здесь некрополя.

Сохранившиеся надгробия и сам некрополь вызывают интерес ввиду полной его неизученности. Сохранность отдельных памятников, несмотря на утраты, позволяет понять локальные особенности надгробных сооружений, наличие оригинальных надгробных надписей XIX столетия, стремительно исчезающих от времени и рук человека, может дать сведения о похороненных людях. Изучение памятника может дать новые сведения об истории станицы и традициях линейного казачества Кубани.

В работе использовались визуальные методы исследования, фотосъёмка, картографирование объектов с привязкой к ближайшим памятникам архитектуры и иным объектам, опросы устных информаторов, некоторые архивные данные. Отмечу, что памятник не является объектом культурного наследия. На момент написания статьи, по словам настоятеля храма протоиерея Сергия Федоренко [3], работы по включению храма в реестр культурного наследия Краснодарского

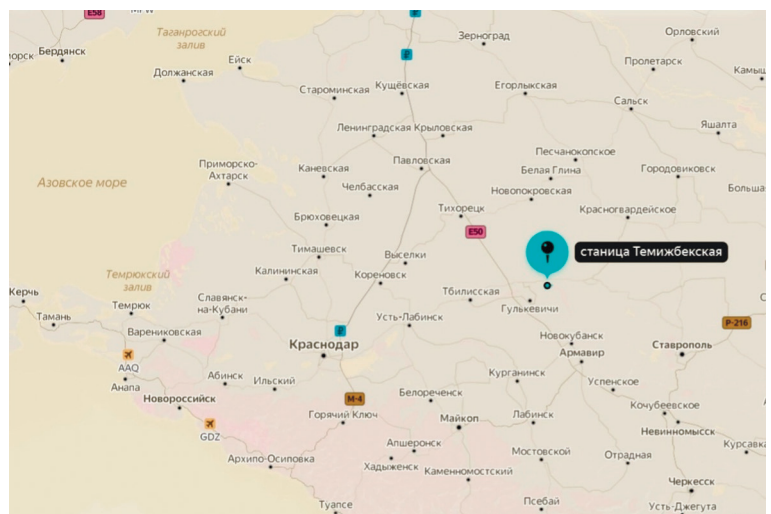

Рис. 1. Местоположение станицы Темижбекской на карте. Изображение подготовлено на основе сервиса Яндекс.Карты

края только начались, ранее объект не изучался. Поскольку при проведении обмеров автор не использовал высокоточные измерительные приборы, размеры в данной публикации даются как примерные.

Сохранившиеся надгробия находятся в восточном секторе двора (рис. 2), за алтарной частью церкви. Одно надгробие расположено непосредственно за алтарём в нескольких метрах, две другие находятся чуть дальше, юго-восточнее первого надгробия.

Говоря о фотосъёмке, стоит отметить, что использовалась методика, описанная в работе Беляева Л. А. «Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии» [5], при которой фотографируя, исследователь отмечает на карте углы фотосъёмки, что помогает при восстановлении памятника последующими исследователями. Автор приводит карту с отмеченными местами фотосъёмки (рис. 3) и сами фотографии объектов съёмки (рис. 14–18).

При непосредственном рассмотрении объекта № 1 (надгробие, рис. 4) в глаза бросается его небольшой размер. Надгробие имеет трапециевидную форму, сверху изображён крест. Крест выпуклый, традиционный православный, восьмиконечный. Памятник каменный, длина — около 125 см, высота — 10–15 см. На памятнике имелись надписи.

Согласно данным, полученным от устного местного жителя станицы Михаила Чернова [2], под этим памятником похоронен первый священник храма Яков Попов. Любопытно, что священника казаки выбрали себе

Восточная часть двора храма Архангела Михаила

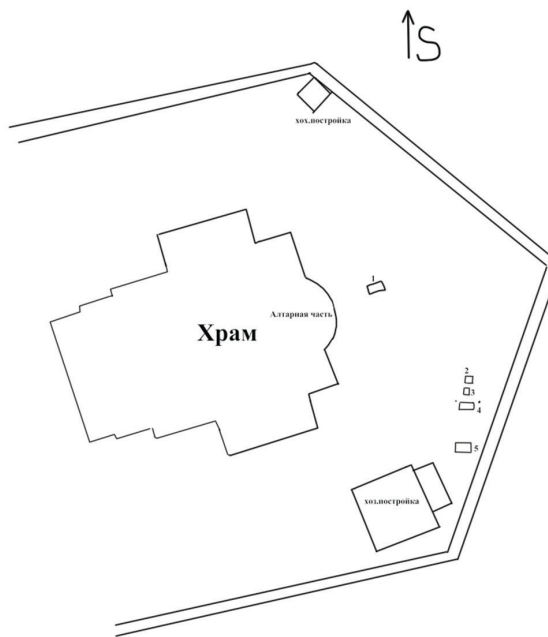

Рис. 2. Карта восточной части двора храма Архангела-Михаила в станице Темижбекской. Рисунок автора

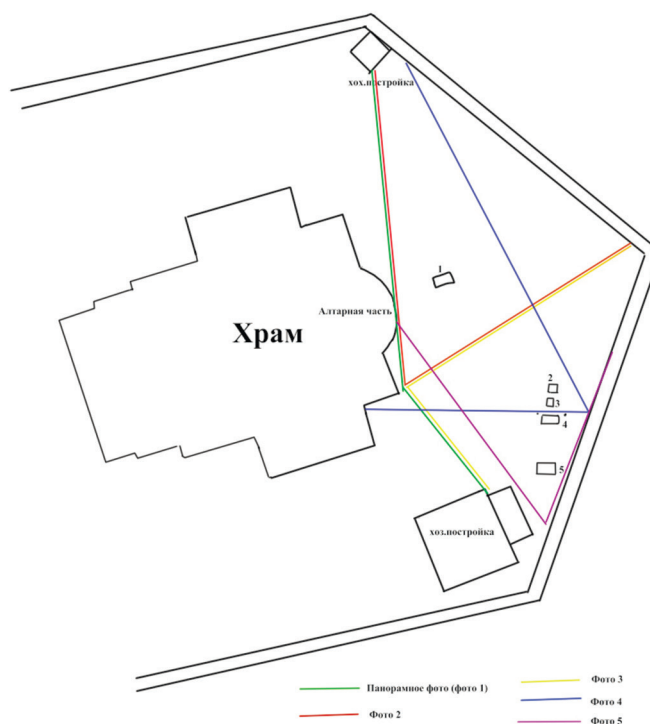

Рис. 3. Карта с отмеченными местами фотосъёмки. Рисунок автора

сами, и в письме епископу Астраханскому и Кавказскому Гаю обратились

с просьбой рукоположить в священство дьячка Якова Попова [1].

Объекты номер 2 и 3 ранее представляли собой единое надгробие и располагались в другом месте, однако в какой-то момент перемещены в храмовый двор [2]. Сейчас эти блоки расположены в 13 метрах юго-восточнее надгробия № 1. Очевидно, сверху размещался крест, но он не сохранился. На рисунке 8 представлен вид сверху объекта № 3, где в центре видно специальное углубление, в которое крепился утраченный крест.

Объект № 2 составлял основание для объекта № 3. Каменный блок квадратной формы со стороной 60–70 см имеет высоту примерно 30 см (рис. 5). Есть несколько небольших сколов, вероятно, возникших в процессе демонтажа и перемещения.

Объект № 3 представляет собой основной блок памятника, на котором имеются выбитые надписи с информацией о покойном (рис. 6–8). Надпись плохо сохранилась, есть крупные сколы, однако по фрагментам надписи и по воспоминаниям устных информаторов, надпись была следующего содержания: «Георгий Тимофеевич Овсянников», далее дата рождения и дата смерти: «3 октября 1907 года». Выше надписи есть место для фотографии, которая не сохранилась. С обратной стороны памятника имеется выемка, предназначенная для лампад и свечей. Сверху —

Рис. 4. Объект № 1.
Фото автора

технологическая выемка для крепления креста. Надгробие имеет характерную форму для конца XIX — начала XX века. Часть рассматриваемого блока от памятника также имеет большой скол. Высота блока около 133 см, ширина — 50–55 см. По углам имелись пилястры, сверху — форма крыши.

Объект № 4 представляет собой каменный памятник с выпуклым шестиконечным крестом. Надпись имелась, однако на момент исследования читается лишь «здесь покоится... Михаила...». В изображении креста отсутствует нижняя черта, но есть две поперечных (рис. 9–10). В длину объект № 4 составляет около 130 см, в ширину — 51 см, в высоту — 23 см. Под каменным блоком с западной стороны подложены камни и кирпичи.

Об объекте № 5 никаких объективных сведений, кроме устных источников, нет. Местные жители называют это надгробие «атаманской могилой», веро-

Рис. 5. Объекты № 2 и 3. Фото автора

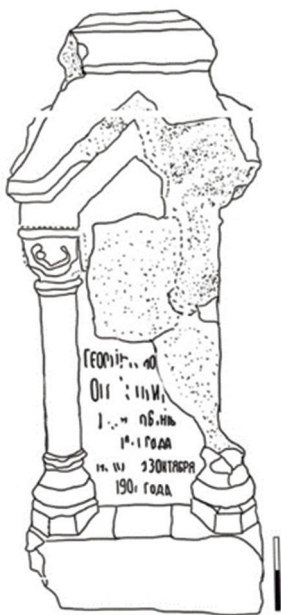

Рис. 6. Объекты № 2 и 3, лицевая часть. Рисунок автора

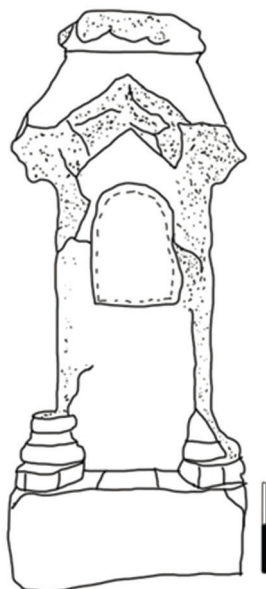

Рис. 7. Объекты № 2 и 3, обратная сторона. Рисунок автора

Рис. 8. Вид сверху на объект № 3. Рисунок автора

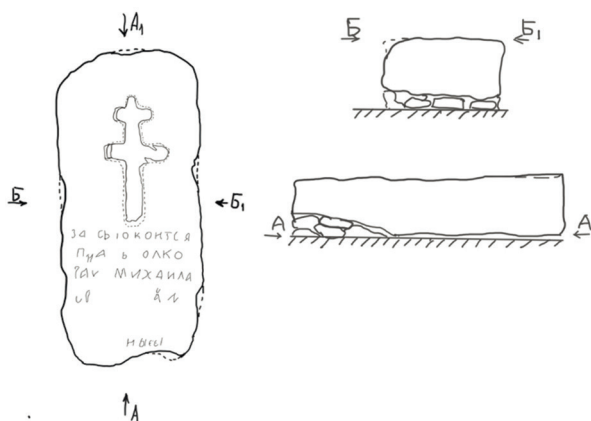

Рис. 9. Объект № 4. Рисунок автора

Рис. 10. Объект № 4. Фото автора

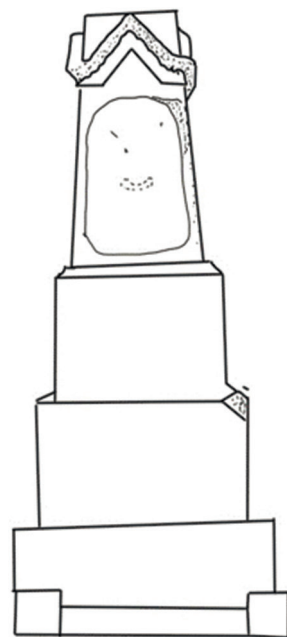

Рис. 11. Объект № 5. Рисунок автора

ятно делая заключение из того, что она находится не за алтарём, а в дальней части двора. Возможен и то, что когда-то читались надписи, из которых люди и почерпнули эту информацию. Сам объект представляет собой памятник с гробничкой из лежащих каменных (?) блоков по контуру могилы, а также обелиск высотой около 2 метров. Наверху, вероятно, был крест, но к настоящему времени он утрачен. Форма памятника позволяет датировать его по аналогии с надгробиями кладбищ региона концом XIX — началом XX века. Сравнивая объект № 5, и надгробие, состоявшее из объектов № 2 и 3, следует отметить простоту и лаконичность первого (рис. 11–12).

Фотография, найденная в личном архиве семьи местного жителя А. Чаплыгина, навела автора на мысль, что станичники могли памятники либо целенаправленно прятать, либо, следуя сложившейся в советский период практике, использовать в хозяйстве. Найденная фотография — аэрофотоснимок, сделан-

Рис. 12. Объект № 5.
Фото автора

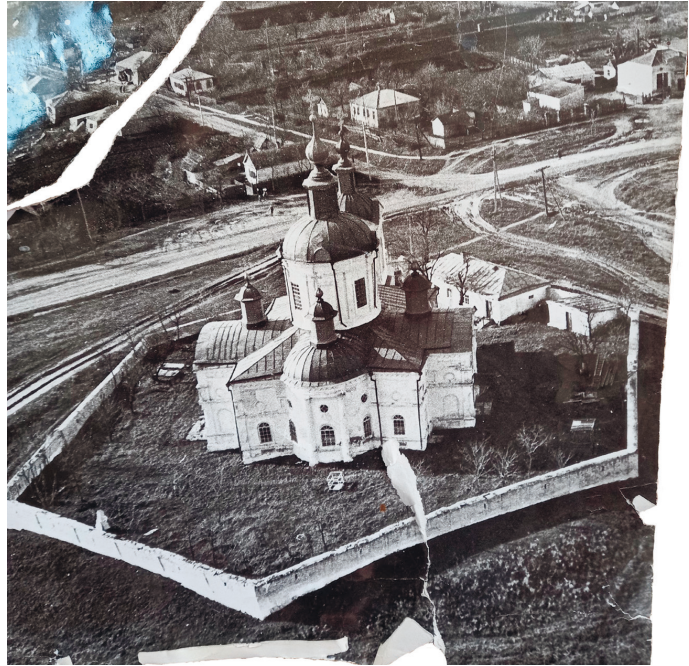

Рис. 13. Аэрофотоснимок 1980-х годов.
Из коллекции А. Чаплыгина

ный в 1980-е годы. На нём видно, что памятники отсутствуют (рис. 13). В станице есть несколько историй, связанных с сакральными находками. Например, во время строительных работ на месте храма святого Николая Чудотворца местными жителями на территории кладбища был найден крест, являвшийся навершием купола этого храма. В станице известен случай, когда икона служила доской в хозяйственной постройке во дворе частного дома.

Следует подчеркнуть, что наличие захоронений под описанными выше памятниками подтверждается приходским священником отцом Сергием Федоренко. Однако достоверно утверждать о наличии на церковном дворе захоронений возможно лишь при проведении археологических или хотя бы георадарных исследованиях, потребности в которых руководство храма в настоящий момент не видит.

Таким образом, в ходе проделанной автором работы описаны надгробия, расположенные в подворье храма Михаила Архангела станицы Темиж-

Рис. 14. Вид на предполагаемый некрополь.
Фото автора

Рис. 15. Вид на предполагаемый некрополь.
Фото автора

Рис. 16. Вид на предполагаемый некрополь.
Фото автора

Рис. 17. Вид на объекты № 2 и 3. Фото автора

Рис. 18. Вид на объект № 5. Фото автора

бекской, проведен анализ информации, свидетельствующей о вероятности наличия за алтарной частью захоронений дореволюционного периода. Представленные памятники можно датировать периодом с первой половины XIX века вплоть до начала XX века. Такой широкий диапазон дат обусловлен невозможностью считывания дат с надгробий, а также популярностью форм надгробий на протяжении нескольких десятилетий. В любом случае, захоронение человека при храме — показатель социального статуса и признания персональных заслуг перед храмом, станицей или страной.

Источники и литература

1. Архивная справка № 1501-20 от 14.02.2012 // Агентство по делам архивов Астраханской области ГКУ Астраханской области «Государственный архив Астраханской области».

2. Респондент: Михаил Чернов, 1948 г. р. Интервьюер: А. Чаплыгин. Место проведения: Краснодарский край, Кавказский район, ст. Темижбекская, 16.10.2022 г. Продолжительность 20 мин.

3. Респондент: иерей Сергей Федоренко 1966 г. р. Интервьюер: А. Чаплыгин. Место проведения: Краснодарский край, Кавказский район, ст. Темижбекская, 16.10.2022 г. Продолжительность 17 мин.

4. Респондент: Александр Чаплыгин, 1971 г. р. Интервьюер: А. Чаплыгин. Место проведения: Краснодарский край, Кавказский район, ст. Темижбекская, 16.10.2022 г. Продолжительность 27 мин.

5. Беляев Л. А. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. – Москва : Институт археологии РАН, 2011. – 56 с.

6. Колосова И. И. История формирования культуры захоронений русского государства в X — начале XX века / И. И. Колосова, А. Б. Медведева // Вестник ТГАСУ. – 2014. – № 3 (44).

В. Ю. Мартыненко

ШАХТИНСКОЕ ГОРОДСКОЕ КЛАДБИЩЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Некрополи всегда манили людей: атмосфера этих мест способствует ощущению покоя и умиротворения, позволяет не только окунуться в свои мысли, но и задуматься о вечном. А читая надписи на надгробьях, еще и заочно познакомиться с людьми, жившими когда-то. Конечно, наибольший интерес вызывают столичные некрополи: там находятся могилы известных политиков, военачальников, литераторов, актеров, имена и жизнь которых зачастую окутаны мистикой и легендами. Но и провинциальные кладбища порой хранят интересные истории, тесно переплетающиеся с историей территорий их нахождения. Не стало исключением и кладбище города Шахты Ростовской области.

История возникновения города Шахты — в недавнем прошлом центра угольной промышленности Дона — начинается с момента появления на территории современного города хуторов казаков Попова и Власова, которые начали разработку залежей каменного угля (начало XIX века). Широкие улицы и про-

спекты города берут начало от зеленого кольца пригородных поселков. По сути, город всегда состоял из группы хаотично разбросанных небольших поселков, расположенных непосредственно у шахт. При каждом из них существовало и свое кладбище. Поселки до 30-х годов XX века в состав города не входили. И только с расширением городской черты и выделением города в самостоятельную административную единицу комиссия при президиуме Всероссийского центрального исполнительного комитета «...предусматривала включение в черту города усадебных земель ряда поселков, чтобы проект отвода городу необходимых земель и связанные с этим отводом вопросы о компенсации сельскому населению были уточнены в землеустроительном порядке» [2, л. 7].

Ограниченность территории города зонами обрушения, речками Атюхта и Грушевка, балками, железнодорожной магистралью с запада, железнодорожной веткой (Власовское кольцо), опоясывающей весь город подъездными путями

к шахтам, размещение существующих шахт и сложившаяся уже сетка улиц включала множественность вариантов планировочного решения графика проектной организации города.

Учитывая специфические условия планировки города и экономические факторы его перспективного развития, проектом планировки предусматривалась схема расселения, заключающаяся в организации центрального селитебного массива и трех крупных селитебных районов: северного, восточного и западного, составляющих с центральным селитебным массивом единый комплекс [3, л. 25].

Факторами, способствующими развитию центрального селитебного массива в соответствии с градостроительным планом начала 1930-х годов, стали:

- кольцевое расположение шахт вокруг центрального селитебного массива,
- санитарно-гигиенические преимущества этой территории,
- сравнительно более спокойный рельеф местности,
- центральное расположение лучшей части города, являющейся общественно-политическим, хозяйственным, административно-культурным и учебным центром для всех поселков [3, л. 25].

Можно предположить, что в связи с этим и встал вопрос переноса городского кладбища теперь уже не с окраинной, а центральной части города в западную его часть, к поселку шахты «Нежданная» (в просторечии с этих пор кладбище так и именуется — Неждановское).

В одной из своих статей местный краевед, заместитель председателя городского исторического общества Новиков С. А. указывает на то, что «по преданию, первое кладбище Александровск-Грушев-

ского поселения¹ было где-то в районе контейнерной станции, в самом начале Парковой улицы². Следы его местонахождения сейчас установить трудно, они безвозвратно утеряны. А до 1930 года кладбище располагалось в самом центре города, на месте, которым в настоящее время является парк культуры и отдыха. Трудно представить, что все пространство парка между аллеями представляло собой лес крестов и скопление могильных плит <...>. Это городское кладбище отмечено на трехверстной военной топографической карте Российской империи 1879 года. Со временем кладбище было закрыто, его территория использована для расширения городского парка. С тех далеких времен сохранился только старинный склеп — фамильная усыпальница известного городского купца Баранова» [1].

Действительно, до революции и в первые годы после нее городское кладбище располагалось на окраине города, рядом со Степной улицей (в настоящее время — улица Шевченко в центре города). Не только Новиков С. А., но и другие городские краеведы в своих статьях отмечали, что закрыто оно было в 1930 году, у кого-то встречается — в 1930-е годы. К сожалению, установить точную дату уже нет возможности, так как документы, связанные с историей закладки нового городского кладбища — в районе шахты «Нежданная» — в ГКУ РО «Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области» (далее — ЦХАД) не поступали, а представители управления городского хозяйства, в чьем ведении находятся кладбища города, считают

¹ С 1867 года — город Александровск-Грушевский. С 11 февраля 1920 года — город Шахты.

² В настоящее время — восточная часть города.

их утраченными в период Великой Отечественной войны. Тем не менее, изучая документы ряда довоенных и послевоенных архивных фондов ЦХАД, можно с уверенностью сказать, что существовавшее с давних времен городское кладбище было закрыто в период до 1926 года.

В материалах по технико-экономическому и санитарному изучению города Шахты в целях его планировки на 1933 год имеется следующая запись: «Городское кладбище до последнего времени находилось в центре города, в городском парке отдыха и культуры» [4, л. 48].

Тем не менее, уже в отчете о работе горсовета за 1927 год и, в частности, отчете земельного отдела за период с 1 октября 1926 по 1 октября 1927 четко обозначен состав городских «неудобных» земель, в числе которых под кладбищем значится 14,68 десятин или 16,06 гектаров [5, л. 20]. И это уже не центр города! При этом в документе совершенно обособленно речь идет о парке отдыха и культуры и строящихся на его территории объектах: «... сцена дома культуры будет использована зимой и летом, так как она выходит своим фасадом в парк отдыха и культуры...» [2, л. 2].

Одним из последних погребений на старом городском кладбище стало захоронение красноармейцев, погибших в борьбе с белогвардейцами, жертв налета белогвардейской банды Попова в 1918 году (погибло около 100 человек), а также подпольщиков, погибших в застенках белогвардейской контрразведки, и воинов Красной Армии, освобождавших город в 1920 году [6, л. 4]. По воспоминаниям старожилов можно предположить, что на кладбище города Александровск-Грушевского было захоронено до 10 тысяч человек, погибших за установление Советской власти. 6 января 1920 года

красногвардейцы и шахтеры Александровск-Грушевского присоединились к наступающим частям Красной Армии и в уличных боях разгромили остатки белых частей генерала Назарова. Погибшие также были похоронены на городском кладбище. Это самая большая братская могила на территории города [6, л. 5]. На месте этого захоронения в 1927 году, в честь 10-й годовщины Великого Октября, установлен памятник «Борцам за Советскую власть» (хотя на памятнике имеется дата 1923 г.). Памятник существует до сих пор в парке культуры и отдыха и входит в единый мемориальный комплекс с памятным знаком красному генералу Соколову А. В. и комбригу Скиргайло К. П., воинам Советской Армии, погибшим в годы Великой Отечественной войны (1941–1945), аллеей Героев Советского Союза-шахтинцев. Позднее в память о погибших шахтинских воинах в Афганском конфликте здесь же был установлен камень и две мемориальные плиты с 40 фамилиями и памятник, который посвящен ликвидаторам аварии на Чернобыльской атомной станции.

В Пояснительной записке к схеме генерального плана города Шахты Ростовской области, разработанного Государственным институтом по проектированию городов «Гипрогор» в 1944 году в разделе «Существующий зеленый фонд. Характеристика существующих городских зеленых насаждений» имеется запись: «Ассортимент всех этих насаждений довольно беден, планировка примитивна. Среди старых посадок приятным исключением является парк культуры и отдыха (бывший городской сад, объединенный с участком бывшего кладбища)» [7, л. 20]. Дата этого объединения не указана. Но в таблице сводных сетей социально-бытового обслуживания населения

города Шахты в 1933 году на расчетные сроки запланировано выделение земли под три кладбища с территорией в 20 га [8, л. 35об.]. В текстовом пояснении к таблице написано: «Проектом планировки предусматриваются в городе три кладбища с размещением их в центральном, восточном и западном районах. Размер земельных участков для кладбища центрального района — 10 га. Для остальных двух кладбищ по 5 га» [8, л. 34]. В Пояснительной записке и схеме строительного зонирования к проекту планировки и застройки города Шахты 1951 года значится под пунктом № 11: «Кладбища. Территория 10 га (на 1950 г.) Предполагается выделение новой территории — еще 48 га» [9, л. 8]. Из документов не ясно, что имеется в виду «под выделением земли в восточном и западном районах города». И только Решением исполнительного комитета Шахтинского городского Совета депутатов трудящихся от 13 февраля 1974 года № 25/5 конкретно выделяется «... под городское кладбище земельный участок площадью 45 га в районе поселка им. Фрунзе, рядом с глиняным карьером» [10, л. 155] (западный район города). Но кладбища в этом районе нет до сих пор.

В настоящее время в городской черте Шахт находится 8 кладбищ, территория которых закреплена постановлениями Администрации города Шахты «О предоставлении в постоянное (бессрочное) пользование земельных участков...»: Центральное городское, кладбища бывших поселков Дуваново, Артем, 20 лет РККА, Аютинского, Талового, Майского, Октябрьского [11, л. 5].

Наиболее известным для горожан является Центральное (Неждановское) кладбище, расположенное сравнительно недалеко от центра города. Начиналось оно с небольшого участка довоенных

захоронений вдоль ветки Северо-Кавказской железной дороги. В 70-е годы XX века продолжилось к балке и на территории за балкой в сторону пгт. Каменоломни, а также значительно увеличилось в ширину, территориально приблизившись к корпусам существовавшего треста «Кавэлектромонтаж». Дорога, когда-то огибающая кладбище, стала центральной аллеей нынешнего некрополя.

На кладбище находится братская могила шахтеров, погибших на шахте «Нежданная» летом 1937 года; братская могила воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны (очевидцы утверждают, что это захоронение перенесенных воинов с территории за средней школой № 5, в годы Великой Отечественной войны ставшей лагерем советских военнопленных); могилы Героев Советского Союза-шахтинцев; шахтера, дважды Героя Социалистического труда Чих М. П.; героев-афганцев; генеральных директоров производственного объединения «Ростовуголь»; известных врачей, учителей, спортсменов, руководителей города и городских предприятий. На кладбище похоронен двукратный олимпийский чемпион Василий Алексеев. В старой части кладбища находится участок с захоронением мусульман.

Со слов одного из ответственных работников Городского комитета КПСС, начало новому участку Центрального кладбища со стороны треста «Кавэлектромонтаж» было положено после весьма неординарного случая: инструктор городского комитета комсомола погиб при трагических обстоятельствах, порочащих честь партийного и комсомольского работника. Первый секретарь Городского комитета КПСС принял решение «в назидание потомкам» похоронить провинившегося в стороне от кладбищенских

захоронений, как раньше хоронили самоубийц — за оградой кладбища. 25 декабря 1979 года СССР ввел ограниченный контингент войск в Афганистан, появились первые погибшие шахтинцы. Их начали хоронить рядом с могилой инструктора городского комитета комсомола. По иронии судьбы эта часть кладбища стала наиболее почетной, «блатной», как ее называют в городе. На ней упокоился и первый секретарь Городского комитета КПСС, который считал ее «за оградой».

На протяжении всех лет существования кладбища был организован уход за братскими могилами, находящимися на его территории. Первые указания по благоустройству были закреплены Решением исполнительного комитета Шахтинского городского Совета депутатов трудящихся от 15 июля 1944 года на основе протокола № 26 Комитета по делам архитектуры при СНК СССР: «... Считать необходимым немедленно приступить к восстановлению инвентаризационной и технической документации в связи с уничтожением городского архива <...>. Считать необходимым приступить к проектированию памятников и надгробных знаков на местах братских могил <...>, для чего предложить городскому архитектору связаться в своей работе с Союзом советских архитекторов, с отдельными архитекторами, скульпторами и Союзом советских художников. Оформить финансирование на проектно-сметные и подготовительные работы на 1944–1945 гг.» [7, л. 32об.]. Имеется в архивных фондах ЦХАД и Решение исполнительного комитета Шахтинского городского Совета депутатов трудящихся от 4 сентября 1947 года № 28 о том, «что решение Горисполкома от 12 декабря 1946 года о благоустройстве братских и одиночных могил горкомхозом до сих

пор полностью не выполнено» и обязывающее «к 1 октября 1947 г. полностью выполнить указанное выше решение» [6, л. 2], а также письмо Шахтинского городского военного комиссариата председателю Шахтинского горисполкома с просьбой принять меры к благоустройству братской могилы, расположенной на городском кладбище и в городском саду согласно решению исполкома от 28 марта 1947 года. [6, л. 3]. Решение Ворошиловского районного совета депутатов трудящихся города Шахты от 25 октября 1948 года № 160 закрепляет «...братские могилы, находящиеся на городском кладбище, за трестом очистки» [12, л. 121].

В заметке, подготовленной в 1969 году сотрудником Шахтинского филиала государственного архива Ростовской области Ершовой М. об исторических и культурных памятниках города, упоминается о реставрации памятника герою-танкисту на городском кладбище, а также о работе школьников-следопытов, которые, в частности, «<...> разыскали родственников военнослужащего Андреева, погибшего при освобождении города Шахты. На его могиле (на городском кладбище) установлен памятник» [6, л. 9].

В ЦХАД имеются и более поздние решения Шахтинского городского Совета депутатов трудящихся города Шахты о благоустройстве памятников истории и культуры, расположенных на территории города Шахты: от 20 марта 1991 года № 111, — в соответствии с которым уход за братской могилой воинов Советской Армии, погибших в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) на городском кладбище закреплен за рабочими авторемзавода, строительного управления № 10, треста «Спецдорстрой», учащимися средней школы № 6 [13, л. 17].

В сложные 1990-е годы на Центральном кладбище был совершен беспрецедентный акт вандализма: практически по всей его территории были разрушены могилы, разбиты памятники. Со временем большая часть повреждений была восстановлена родственниками умерших.

На Центральном кладбище, как и на любом другом, работали и работают люди, а, значит, присутствует такое явление, как человеческий фактор. В фонде Шахтинского треста «Озеленение» в период 1940–1950-х годов имеются книги приказов похоронного бюро, содержащие порой неожиданную информацию. Так, например, в приказе заведующего похоронным бюро от 5 ноября 1949 года № 26 говорится о захоронении умерших в мелкие могилы, продаже крестов с могил, захоронении без регистрации и присвоении сторожем городского кладбища денежных сумм [14, л. 5об.]; в приказе от 16 мая 1952 года № 20 имеется информация о засевах земельных участков кладбища работниками похоронного бюро для своего личного пользования «под маркой похоронного бюро» [15, л. 5об.]; в приказе от 10 сентября 1952 года № 35 отмечены грубые нарушения захоронения со стороны родственников умерших, копающих могилы своими силами [15, л. 8], а в приказе от 3 марта 1953 года № 8 звучит предупреждение сторожу городского кладбища о недопустимости вымогательства от граждан во время похорон [15, л. 12]. Есть вопросы, которые вызывают недоумение, например, «<...> ни в коем случае не разрешаю производить захоронение тел умерших на старое кладбище рядом с родственниками. За нарушение вышеуказанного на виновных будут наложены взыскания», «производить захоронение тел умерших только на новых кварталах кладбища» [15, л. 19об.].

В документах похоронного бюро отмечены и суммы за погребальные услуги. В соответствии с приказом от 12 августа 1949 года № 20 установлены следующие расценки: предоставление могил для умершего от рождения до 4 лет — 25 рублей, от 4 до 13 лет — 35 рублей, свыше 13 лет — 50 рублей [14, л. 4]; оплата землекопам за могилу от рождения до 4 лет — 7 руб. 70 коп., от 4 до 13 лет — 11 руб. 55 коп., свыше 13 лет — 22 руб. 25 коп. [14, л. 74об.]

Имеются и сведения об оплате труда работников кладбища. Так, сторож городского кладбища принимался на работу с окладом по смете 225 руб. (15 сентября 1949 года) [14, л. 12], землекоп принимался на работу с окладом 180 руб. (в ряде приказов — сдельно) [14, л. 74об.].

С 2012 года на территории некрополя действует деревянный храм-часовня во имя Сергия Радонежского, где по субботам проходят богослужения.

В настоящее время на Центральном кладбище производятся захоронения только в семейные могилы.

Как печальный факт необходимо отметить неудовлетворительное состояние кладбища в целом, разорение старых могил, что является неуважением к памяти умерших.

Необходимо отметить, что в документах, находящихся на государственном хранении в ЦХАД, редко встречается информация по кладбищам города. Да и исследователи никогда этой темой не интересовались. А ведь кладбища, а особенно в привязке к архивным документам (и, прежде всего, документам по личному составу учреждений и предприятий города), являются кладзем информации о прошлом.

Очень хочется верить, что возросший в последнее время интерес к некрополям

станет началом большой работы не только по их исследованию в целях сохранения памятников истории и культуры, но и способствует сохранению ритуальных традиций, что имеет большое значение в самых различных аспектах социально-

экономической и духовной жизни общества. Ведь, как писал профессор Ушаков И. Ф.: «Уважение к прошлому, к могилам предков есть показатель уровня нравственности, культуры и цивилизованности общества».

Список источников и литературы

1. Новиков С. А. Правдивая история старого парка: есть ли подземные ходы? // Информационный портал города Шахты. – URL: <https://shakhty-media.ru/pravdivaya-istoriya-starogo-parka-est-li-podzemnyehody/> (дата обращения: 03.07.2023).
2. ЦХАД. Ф. Р-186. Оп. 1. Д. 180.
3. ЦХАД. Ф. Р-1033. Оп. 1т. Д. 18.
4. ЦХАД. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 11.
5. ЦХАД. Ф. Р-186. Оп. 1. Д. 53.
6. ЦХАД. СИФ. Д. 10–12.
7. ЦХАД. Ф. Р-1033. Оп. 1т. Д. 17.
8. ЦХАД. Ф. Р-1033. Оп. 1т. Д. 18.
9. ЦХАД. Ф. Р-1033. Оп. 1т. Д. 19.
10. ЦХАД. Ф. Р-186. Оп. 2. Д. 109.
11. ЦХАД. Ф. Р-65. Оп. 1. Д. 3211.
12. ЦХАД. Ф. Р-372. Оп. 1. Д. 117.
13. ЦХАД. Ф. Р-186. Оп. 2. Д. 583.
14. ЦХАД. Ф. Р-193л. Оп. 1л. Д. 9.
15. ЦХАД. Ф. Р-193л. Оп. 1л. Д. 18.

В. В. Назаренко, И. О. Боровой

ТАГАНРОГСКИЕ НЕКРОПОЛИ

Отношение к могилам усопших является одним из индикаторов духовно-нравственного состояния общества. Почитание умерших и уважительное обращение с их останками было свойственно всем эпохам, начиная с палеолита. Эволюция погребальной культуры привела к созданию ритуалов похорон и траурных обычаев. Вместе с ними укоренилась традиция возводить надмогильные сооружения как дань памяти покойным. Одновременно они являлись приметными ориентирами захоронений.

На Таганрогском мысу существовало множество курганных могильников разных периодов — от IV века до нашей эры (Раннебоспорской эпохи) и до Золотой Орды, XIII–XIV веков нашей эры. К настоящему времени признаков древних погребений на городских пространствах не осталось. Их ориентиры сохранились лишь на топографических картах второй половины XIX века.

Местоположения курганных могильников обозначены на карте (рис. 1) звёздами, а территории кладбищ — прямоугольниками с диагональными линиями внутри.

Основное скопление курганных могильников находилось на месте нынешних улиц Водопроводной и Свободной.

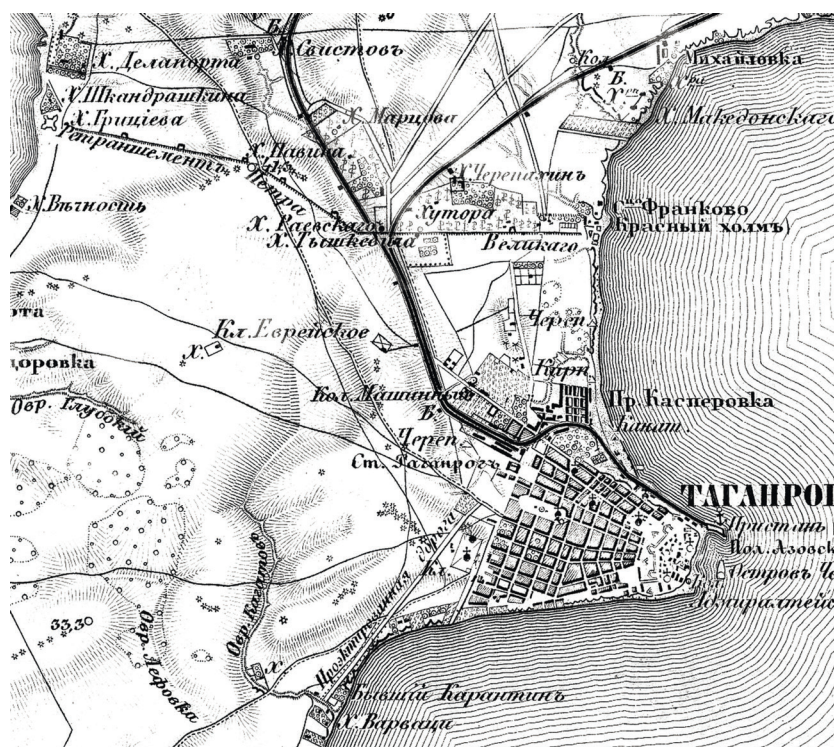

Рис. 1. Фрагмент Военно-Топографической карты Российской Империи 1846-1863 гг. [1]

ды. Самой протяженной была их гряда, пролежавшая от западной оконечности Старого кладбища (старейшего из сохранившихся городских некрополей) до южной части Еврейского кладбища, существовавшего на окраине Таганрога с 1837 по 1942 год.

Большинство из курганных могильников кочевых народов было утрачено во второй половине XX века. Эти погребальные памятники, находившиеся вне города, по мере расширения его границ попадали на участки городской застройки. После чего их срывали и нивелировали. Археологические раскопки этих могильников, как правило, не производились.

По результатам инвентаризации памятников археологии города Таганрога, проведенной Таганрогской археологической экспедицией в 1991–1992 году, на государственную охрану были приняты 24 памятника [2]. В число охраняемых объектов культурного наследия вошли 9 курганных могильников:

- группа курганов «Таганрог-Центр» в границах от улицы Дзержинского по улице Войкова до пересечения с улицей Максима Горького, далее по улице Газовой до переулка Авдодоровского, по переулку Авдодоровскому до улицы 1-й Котельной, по улице 1-й Котельной до улицы Дзержинского, по улице Дзержинского до пересечения с улицей Войкова;

- могильник курганный «Михайловка» из семи насыпей. Расположен в 1 км на север от села Михайловка и в 100 м на юг от дороги Таганрог — Ростов;

- могильник курганный «Северный-I» из трёх насыпей на северной окраине города;

- могильник курганный «Северный-II» из трёх насыпей на территории Донвода;

- могильник курганный «Западный-I» из семи насыпей возле перекрёстка до-

рог Ростов — Мариуполь и Таганрог — Николаевка;

- могильник курганный «Западный-II» из трёх насыпей (там же);

- могильник курганный «Западный-III» из четырёх насыпей (там же);

- могильник курганный «Западный-IV» из девяти насыпей. Восточная часть могильника находится в 1,4 км к западу-юго-западу от пересечения улиц Чучева и Галицкого;

- группа из четырёх курганов «Вечность» (возле Греческих Рот).

На Таганрогском мысу существовали не только сезонные стойбища кочевников, но и постоянные поселения земледельцев, ремесленников и торговцев. Грандиозных насыпей над захоронениями они не делали. Такие погребения обнаруживали случайно при проведении земляных работ, либо во время обрушений мысовых склонов. Так, в частности, произошло в районе кирпичного завода Блинова и возле Карантина. Выявленные там захоронения, по оценкам специалистов, являлись остатками турецких кладбищ [3, с. 273]. Турецкие захоронения находили в районе Центрального пляжа и вблизи курганов «Таганрог-Центр».

Следующий этап образования некрополей пришёлся на строительство крепости и гавани, которое началось в октябре 1698 года [4, с. 240]. К началу XVIII века в этом процессе было задействовано от 16 до 18 тысяч человек [5, с. 10]. Петр I сделал эту стройку местом ссылки «на вечное житье», на поселение и на каторгу.

Тяжелые условия труда и быта строителей крепости порождали высокую их смертность. Умерших хоронили на погостах церквей в двух близлежащих слободах, и хаотично на эспланаде — пустынном пространстве между цитаделью и форштадтом (рис. 2).

Застройка эспланады в пространстве между современными переулками Гарибальди и Некрасовским началась в конце XVIII века и подошла к завершению в 1808 году (рис. 3).

Сведения о находившихся там кладбищах представлены в книге Олега Павловича Гаврюшкина «Отблески золотых куполов». Обширное русское захоронение, в котором гробы располагались вплотную друг к другу, обнаружили в 1956 году на улице Шмидта при рытье траншеи для прокладки труб. Еще одно кладбище было в районе Пушкинской улицы и Щемилловских переулков [3, с. 273] на месте бывшей Екатерининской площади.

Гарнизонное кладбище располагалось у южного въезда в крепость со стороны Никольских ворот. На это указывает обнаруженный там дубовый гроб с останками покойного в генеральском мундире (предположительно петровских времен) и шпагой с золотой отделкой эфеса [10, с. 26].

Границы кладбища, появление которого пришлось на период восстановления Троицкой крепости, отображены на плане 1808 года. Этот этап, начавшийся в 1769 году, сопровождался бурным ростом численности населения от 417 человек в 1774 году до 7432 в 1805-м [8, с. 513]. Очевидно, что организацию кладбища

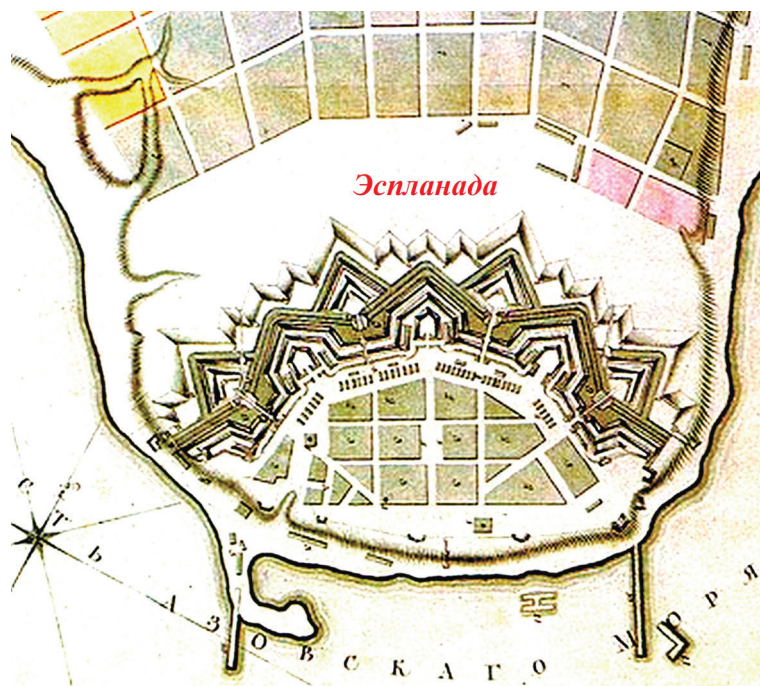

Рис. 2. Фрагмент плана Таганрога 1799 года [6] с ремаркой В. В. Назаренко

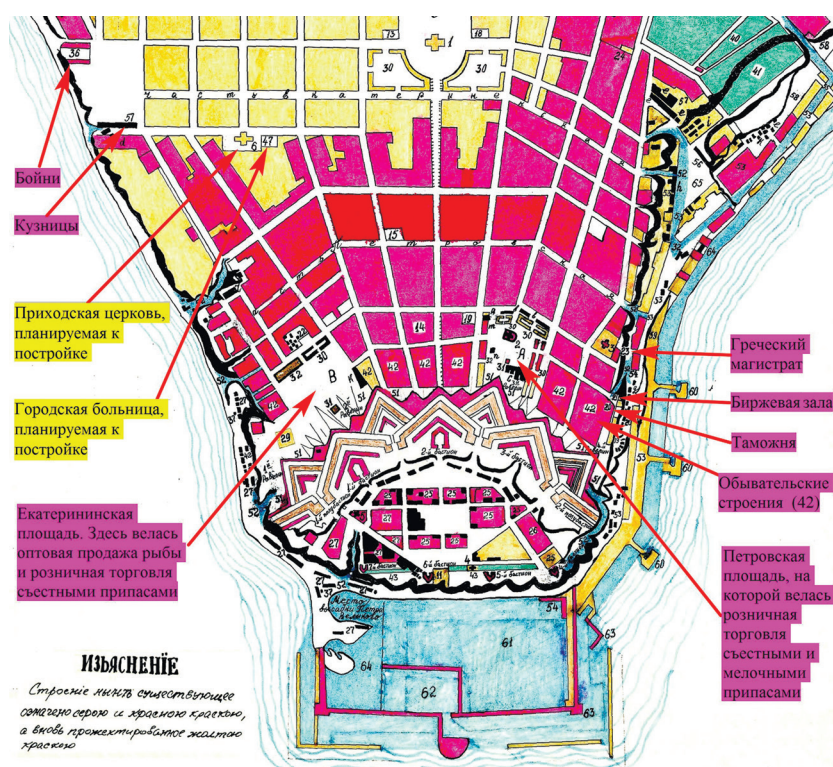

Рис. 3. Фрагмент плана города Таганрога 1808 года [7] с ремарками В. В. Назаренко

на загородной территории, максимально удаленной от крепости, обусловила эпидемия чумы, вспыхнувшая в Таганро-

ПЛАНЪ,
ПОРТОВАГО ГОРОДА ТАГАНРОГА,
Сочиненъ 1816 года,

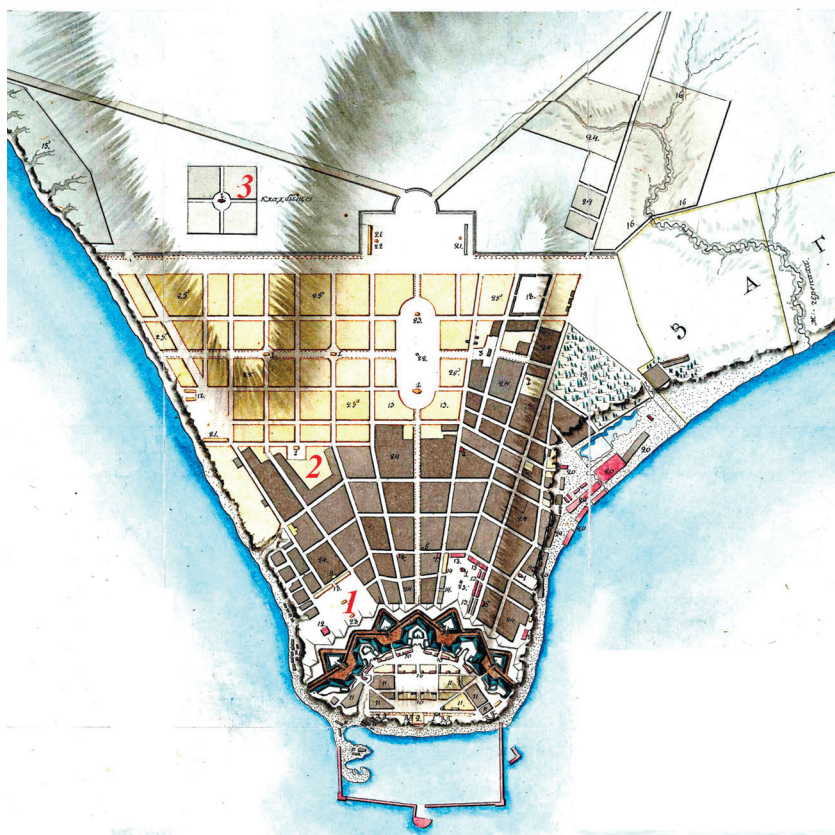

Рис. 4. План портового города Таганрога 1816 года. Литерами 1, 2 и 3 нами отмечены кладбищенские территории разных периодов

ге осенью 1771 года. Тогда только в сентябре и октябре от неё умерли 1200 человек [9, с. 123].

Кладбищенский участок находился внутри квартала между нынешними улицами Энгельса и Карла Либкнехта и переулками Донским и Итальянским. Район, где до начала XX века функционировал этот некрополь, местные жители называли «На старых кладбищах» [10, с. 27]. Существование кладбища на этом месте подтверждали и многочисленные находки человеческих останков при строительстве домов, погребов, колодцев и других хозяйственных построек.

На данном участке планировалось строительство Приходской церкви и городской больницы. Однако этим замыслам не суждено было сбыться. На планах Таганрога 1816 [11] и 1822 года [12] уже нет городской больницы, а весь кладбищенский участок показан планируемым к застройке (рис. 4).

К 1863 году район «на старых кладбищах» будет застроен [13], а через прежде цельный квартал пройдёт Выгонная (ныне — Кольцовская) улица (рис. 5).

Согласно плану Таганрога 1822 года, границы кладбищенской территории имели следу-

Рис. 5. Выкопировка из плана города Таганрога 1886 года [14]

ющий вид, представленный на рисунке 6.

До 1918 года в Российской империи, как и в большинстве европейских государств, кладбища находились в церковном ведении. С XVIII века они имели конфессиональную принадлежность (православные, католические, протестантские, магометанские, еврейские и т. д.). Захоронения на них были доступны только для успешных соответствующего исповедания. Такая практика имела место и в Таганроге.

Сведения об основании вероисповедных кладбищ оставил нам таганрогский историк Павел Петрович Филевский [15, с. 334]. До появления отдельных кладбищ для иудеев, мусульман и караимов нынешнее старое кладбище не являлось конфессиональным. Сейчас это самый древний некрополь из сохранившихся в Таганроге.

Конфессиональные кладбища были утрачены в советский период. Первым исчезло караимское, для которого в 1885 году отвели 600 квадратных саженей земли (0,27 гектара в современных мерах площади). Во время оккупации Таганрога фашисты уничтожили еврейское кладбище, наделённое в 1837 году двумя десятинами (2 га) земли. Последним не стало магометанского кладбища, образованного в 1842 году. Его территория, по замерам 1884 года, составляла 713 квадратных саженей (0,32 га) земли. Этот некрополь был закрыт для захоронений с 15 февраля 1960 года [16] и ликвидирован в начале 1980-х при строительстве на его месте жилого дома по

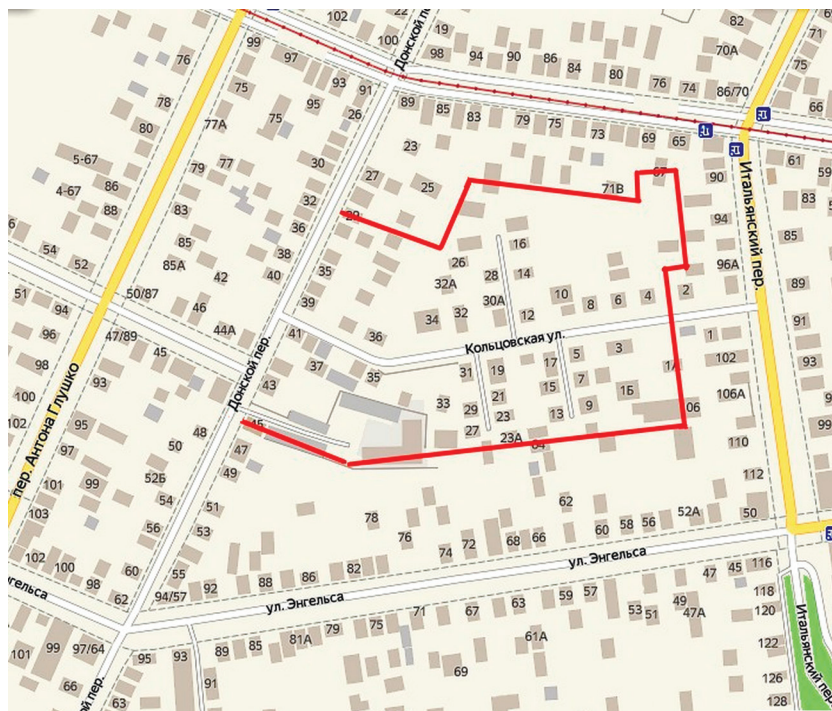

Рис. 6. Границы утраченного кладбища в современной застройке

улице Водопроводной, 17/1 и созданию гаражного кооператива.

Точные границы еврейского и магометанского кладбищ позволили определить аэрофотоснимки 1943 года (прил. 2, 3). Сделать то же самое в отношении караимского кладбища не удалось ввиду отсутствия его локации на известных планах Таганрога. Остаются загадкой и обстоятельства его образования при крайней малочисленности проживавших здесь караимов, отсутствии газзана (священника) и кенассы (караимской синагоги). В такой ситуации выделение участка под обособленный некрополь оказалось уникальным явлением.

О караимском присутствии в Таганроге известно немного. Есть основания полагать, что их миграцию спровоцировала Крымская война, поскольку до середины XIX века караимов в Таганрогском градоначальстве не имелось [17, с. 200].

На 1873 год в Таганроге проживали 7 караимских семей [18, с. 64]. Согласно сведениям, любезно предоставленным

Вячеславом Алексеевичем Ельяшевичем из Духовного управления караимов Республики Крым, в списке таганрогской общины за 1879 год значились 25 семей (в том числе три — из Ростова и Новочеркаска) с общей численностью 41 человек [19]. Однако к концу XIX века произошёл их отток из Таганрога. Согласно всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, в городе осталось лишь 20 караимов. Для сравнения: по данным той же переписи, в Таганроге было 2940 человек иудейского вероисповедания и 145 магометан [20, с. 76–77]. Кроме того, у еврейской общины имелась синагога (на углу Елизаветинской улицы и Деспальдовского переулка) и штатный раввин, а у мусульманской общины — молитвенный дом по Александровской улице (напротив Греческого монастыря) и официальный мулла.

В 1880–1890-е годы таганрогская община караимов находилась в ведении Таврического и Одесского духовного правления Таврического губернатора [17, с. 219]. В деловой переписке её представлял потомственный почетный гражданин, гласный городской думы, купец 2-й гильдии Моисей Самуилович Майкапар, переехавший с семьей к таганрогским родственникам в 1872 году. Здесь у Майкапаров был трехэтажный дом по улице Петровской, 31 (ныне — Петровская, 59), нижний этаж которого занимали их магазины. В 1897 году этот дом приобрёл таганрогский купец 1-й гильдии Яков Михайлович Серебряков [21, с. 471]. А в следующем году М. С. Майкапар умер в Гисене (Германия) и был похоронен в Риге [22].

В 1918 году Таганрог входил в округ Бердянской кенассы [17, с. 362], упразднённый в середине 1920-х годов [17, с. 345]. При отсутствии сведений о захо-

ронениях караимов на их вероисповедном кладбище возникает резонный вопрос: существовало ли оно по факту?

Доподлинно известно о наличии небольших погостов на подворьях Александро-Невского греческого монастыря, Успенского собора и приходских церквей Таганрога, в оградах которых хоронили монахов, священнослужителей, церковных старост и тех прихожан, на средства которых были созданы эти храмы, либо обеспечивалось содержание их причта. Кроме того, есть упоминания о турецком кладбище, находившемся на месте имения Игнатъева по Чеховской улице, 9 (по нумерации домов на 1908 год) [23, с. 26], о захоронениях возле пересечения улицы Греческой и переулка Мало-Садового [3, с. 273], а также о находке нескольких погребальных склепов, обнаруженных в 1920-х годах Михаилом Миллером при раскопках возле дома семьи Чайковского [24, с. 15].

Ещё один любопытный момент. Согласно церковным канонам, имелись категории умерших, не подлежащих захоронению на общих кладбищах. Это убийцы, казнённые, а также утопленники и убиенные (если не были доподлинно известны обстоятельства их гибели), самоубийцы и пьяницы (умершие, напившись до потери чувств), лицедеи, блудницы и проститутки. Их хоронили на неосвященной земле за пределами общих кладбищ. В каких именно местах производили такие захоронения, установить не удалось.

Некий некрополь находился в районе 25-й школы. Обнаружили его случайно при рытье траншей под водопровод. Можно предположить, что там находилось тюремное, либо военное кладбище, которые были обыденностью для России в XVIII–XIX веках.

В период Великой Отечественной войны на территории города появилось не-

сколько новых некрополей. Самый большой из них — это братские захоронения на западной окраине Таганрога в «Балке смерти», где проводились массовые расстрелы евреев, цыган, коммунистов, военнопленных, комсомольцев и инвалидов. В разных источниках общая цифра произведённых там захоронений варьирует от 7 до 12 тысяч человек.

Сведения о немецких захоронениях представлены в книге Виктора Волошина и Сергея Ракочего «Таганрог "при немцах". Хроника оккупированного города 1941–1943», где этому вопросу посвящена целая глава и приведены снимки немецких кладбищ [25].

Первые захоронения немцев, погибших при захвате города, располагались по улице Шаумяна. Об этом кладбище авторам книги рассказал старожил города Альберт Николаевич Никитин. Вот фрагмент из его воспоминаний: «Захватив город, немецкое командование приказало жителям района захоронить убитых немецких солдат. Я лично видел, как это все происходило. Мужчины выкопали 48 могил, в которые опустили по два убитых солдата. На могилах поставили деревянные кресты, наспех сколоченные из веток деревьев. Образовалось небольшое немецкое кладбище. После освобождения города могилы сравнивали с землей. А когда на улице Шаумяна, 20/1 строили 16-этажный дом и обустроивали прилегающую территорию, захоронения ликвидировали» [25, с. 30–31].

Самое большое кладбище военнопленных Вермахта, умерших в оккупированном ими Таганроге, находилось в северо-западной части городского парка, где было захоронено около 1200 человек [26, с. 76]. В 2006 году представители Ассоциации международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы» и Народного союза Герма-

нии по уходу за могилами проводили на нём эксгумационные работы. Сейчас там осталась незначительная часть погребений, скрытых под асфальтовым покрытием.

На втором по величине погосте, располагавшемся на подворье Никольской церкви, летом 2015 года были эксгумированы останки 120 солдат Вермахта [27].

Согласно информации немецкой службы перезахоронения, в 2006 году из Таганрога на Апшеронский военный мемориал был перемещён прах 899 военнопленных Вермахта. В дальнейшем, до 2016 года, эксгумировали еще 253 погибших в ходе боевых действий. При этом остался на прежнем месте прах оккупантов, умерших от ран и болезней, которых захоранивали к северо-западу от здания травмпункта Больницы скорой медицинской помощи (далее — БСМП, прил. 4).

Кроме этих некрополей, имелись захоронения немецких и японских военнопленных послевоенного периода, которые восстанавливали 65-й (бывший Комбайновый) завод и 31-й (ныне ПАО «Таганрогский авиационный научно-технический комплекс имени Г. М. Бериева»). Умерших хоронили в обособленных местах у этих заводов. По данным японской стороны, в Таганроге было захоронено семь военнопленных из Страны восходящего солнца [28].

Под кладбище для немцев управлению производственного лагеря № 356 выделили участок площадью 0,25 га, располагавшийся за балкой Кагатова около дороги на Новую Бессергеновку [29]. Место захоронения японских военнопленных воссоздала на карте (по рассказам очевидцев) организация «Воинский мемориал», работавшая в рамках российско-японского межправительственного договора [30].

Уцелевшие некрополи в границах города Таганрога:

· Всесвятское (Старое) кладбище, переулок Лагерный, 2а. Объект культурного наследия регионального значения. На его территории расположен православный храм Всех Святых (заложен в 1810 году, освящен в 1824 году). Согласно официальным сведениям, это кладбище было открыто для захоронений в 1809 году. Площадь занимаемой им территории составляет 20,69 га. Высота над уровнем моря — 47 м. GPS-координаты: широта — 47.1226, долгота — 38.5404¹. Для новых погребений это кладбище закрыто с 25 июля 1971 года [31].

· Мариупольское кладбище (Мариупольское шоссе, 50) с часовней Александра Невского, освященной 30 августа 2008 года. Открыто для захоронений с 1 октября 2002 года Постановлением Администрации города Таганрога № 4318 от 26.09.2002 «Об обустройстве дополнительной территории городского кладбища по Мариупольскому шоссе» до сдачи кладбища Государственной приемочной комиссии. Имеет статус действующего. Площадь территории кладбища — 45,2 га. Высота над уровнем моря — 44 м. GPS-координаты: широта — 47.1343, долгота — 38.4943.

· Николаевское кладбище (Николаевское шоссе, 5/13). Имеет статус ограниченно действующего (осуществляются подзахоронения в родственные могилы). Открыто для захоронений 25 июля 1971 года (с этого дня запрещались похоронные шествия по городу, а транспортировку умерших предписы-

валось производить на автокатафалках) [31]. Площадь территории — 95,5 га. Высота над уровнем моря — 59 м. GPS-координаты: широта — 47.1512, долгота — 38.5159.

· Марцевское кладбище (улица Дачная, 18). Закрыто для захоронений с 01 июня 1977 года [32] за исключением подзахоронений в родственные и семейные могилы и ограды. Площадь территории — 5,8 га. Высота над уровнем моря — 48 м. GPS координаты: широта — 47.1602, долгота — 38.4946.

· Михайловское кладбище (улица Хоменко, 26). Закрыто для захоронений в 1997 году [33]. Площадь территории кладбища — 0,6 га. Высота над уровнем моря — 26 м. GPS-координаты: широта — 47.1612, долгота — 38.5632.

· Михайловское кладбище (улица Златника, 2). Закрыто для захоронений в 1997 году [33]. Площадь территории — 1,8 га). Высота над уровнем моря — 25 м. GPS координаты: широта — 47.1606, долгота — 38.5612.

· Догадайловское кладбище. Закрыто для захоронений в 1997 году [34]. Площадь территории — 911 кв. м. Высота над уровнем моря — 20 м. GPS координаты: широта — 47.1602, долгота — 38.4946.

· Кладбище поселка Вечность (переулок Армейский, 1-2). Закрыто для захоронений в 1997 году [34]. Площадь территории — 3028 кв. м. Высота над уровнем моря — 20 м. GPS координаты: широта — 47.1530, долгота — 38.4900.

· Кладбище поселка Греческие Роты (ул. Большая Лиманная, 37-1). Закрыто для захоронений в 1997 году [34]. Площадь территории — 7418 кв. м. Высота над уровнем моря — 27 м. GPS координаты: широта — 47.1504, долгота — 38.4840.

¹ GPS координаты кладбищ, а также их площадь и высота над уровнем моря определены И. О. Боровым с помощью сервиса GoogleEarth, 2023.

Приложение 1. Геопозиционирование утраченных некрополей²

Таблица 1. Локация курганных могильников, картографированных в XIX веке³

Привязка к современной застройке местности	Широта	Долгота
400 м на восток от выставочной площадки «Аэропорт Таганрог-Южный»	47.198111	38.869628
100 м на запад от остановочной площадки «Мясокомбинат»	47.202309	38.853278
100 м на юг от остановочной площадки «Мясокомбинат»	47.201333	38.854029
150 м на юго-восток от остановочной площадки «Мясокомбинат»	47.200757	38.855155
200 м на юг от квартала Городок строителей, дом 18	47.200669	38.856555
300 м на юго-восток от завода «Натэк-Нефтехиммаш»	47.209890	38.858470
700 м на юг от Музея авиационной техники	47.233914	38.855198
100 м на юг от 13-я аллея, дом 14	47.257009	38.863019
50 м на юг от 10-я аллея	47.257708	38.864436
Северная часть Николаевского кладбища между 6-й и 7-й аллеей	47.258058	38.866152
Северная часть Николаевского кладбища между 2-й и 3-й аллеей	47.258575	38.868191
Николаевское шоссе, дом 14В	47.258990	38.870358
100 м на север от площади Авиаторов	47.199627	38.880314
150 м на север от площади Авиаторов	47.200283	38.881559
10 м на север от Инструментальной улицы, дом 34К	47.200968	38.882460
Под зданием с адресом: улица Инструментальная, дом 3-44	47.200793	38.883898
Под зданием с адресом: улица Инструментальная, дом 2-1	47.201814	38.884434
650 м на запад от стадиона «Форте»	47.205691	38.880100
100 м на юг от пересечения улицы Ново-Ватутина и Безымянного проезда	47.217411	38.880271
300 м на запад от школы № 27	47.219568	38.894004
50 м на запад от остановочной площадки БСМП	47.223910	38.891859
Под зданием по адресу: улица Больничная, дом 3	47.225164	38.893404
Под зданием по адресу: 25-й переулок, дом 16	47.227408	38.894090
20 м на юго-восток от пересечения Большого проспекта и Торговой улицы	47.230031	38.893575
Центр Северной площади	47.230898	38.893682

² Табличные данные и рисунки к ним подготовлены И. О. Боровым.

³ Определение координат могильников производилось по топографической карте 1879 года, совмещённой с современным рельефом местности на интернет-ресурсе http://retromap.ru/141879_47.210657,38.893575.

Привязка к современной застройке местности	Широта	Долгота
150 м на юго-восток от здания по адресу: Николаевское шоссе, дом 10В	47.257788	38.881226
300 м на юго-восток от здания по адресу: Николаевское шоссе, дом 10В	47.257046	38.882278
400 м на юго-восток от здания по адресу: Николаевское шоссе, дом 10В	47.256609	38.883608
50 м на восток от здания по адресу: улица Бабушкина, дом 54	47.261597	38.939709
10 м на восток от здания по адресу: улица Бабушкина, дом 54Б	47.262354	38.940192
Под зданием по адресу: улица Героев Подпольщиков, дом 4А	47.264057	38.943808
Под зданием по адресу: улица Василенко, дом 4	47.265204	38.944162
20 м на север от здания по адресу: улица Свободы, дом 30-1	47.210764	38.891258
Под зданием по адресу: улица Свободы, дом 30-3	47.210750	38.892159
Под зданием по адресу: улица Водопроводная, дом 23	47.211785	38.892341
Под зданием по адресу: улица Водопроводная, дом 28	47.211566	38.893661
Пересечение 13-го переулка и улицы Водопроводная	47.210750	38.893854
Под зданием по адресу: улица Водопроводная, дом 15-1	47.209999	38.894262
10 м на северо-восток от здания по адресу: улица Водопроводная, дом 11	47.210006	38.895453
В 10-м переулке между домами 112 и 119	47.209285	38.895914
30 м на юг от здания по адресу: 10-й переулок, 121	47.208381	38.895195
10 м на юго-восток от здания по адресу: улица Водопроводная, дом 10	47.208833	38.897266
Под зданием по адресу: улица Водопроводная, дом 3	47.208250	38.897277
10 м на запад от здания по адресу: переулок Колхозный, дом 4	47.207791	38.897931
Под зданием по адресу: улица Прохладная, дом 2	47.206238	38.896665
10 м на восток от здания по адресу: переулок Колхозный, дом 2	47.206508	38.898897
250 м на север от пляжа у Петрушинской косы	47.178103	38.866710

Приложение 2. Еврейское кладбище (1837–1941)

Таблица 2. Координаты границ кладбища по аэрофотоснимку 1943 года [28]

№ точки	Широта	Долгота	Отрезок	Длина, м
1	47.238023	38.890116	От точки 1 до точки 2	151
2	47.237074	38.888687	От точки 2 до точки 3	187
3	47.235790	38.890312	От точки 3 до точки 4	158
4	47.236843	38.891727	От точки 4 до точки 1	178

Площадь территории кладбища составляла 2,8 га (28 179 кв. м). Высота над уровнем моря — 47 м. GPS-координаты: широта — 47.14129, долгота — 38.532498.

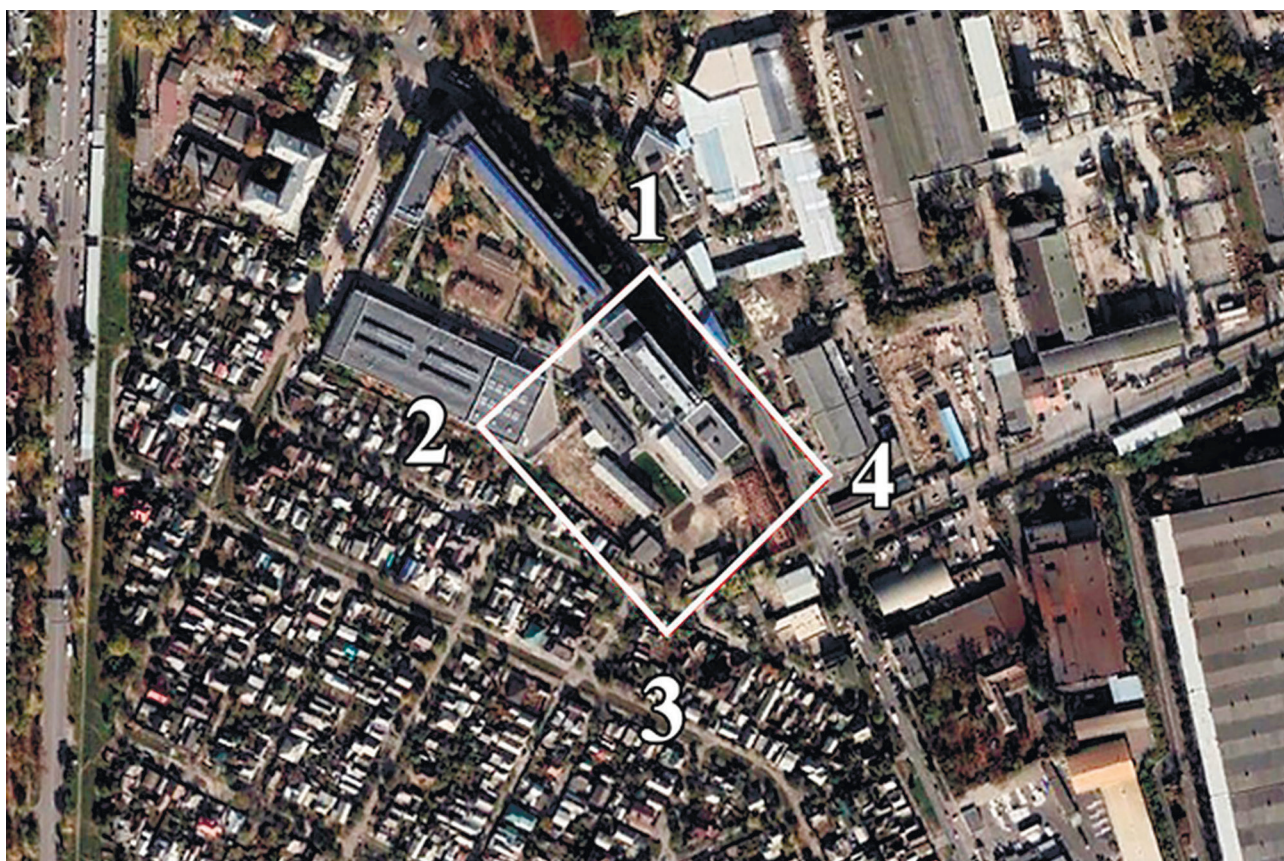

Рис. 7. Границы Еврейского кладбища с привязкой к современной застройке местности

Приложение 3. Магометанское (Татарское) кладбище (1842–1980)

Таблица 3. Координаты границ кладбища по аэрофотоснимку 1943 года [29]

№ точки	Широта	Долгота	Отрезок	Длина, м
1	47.210826	38.893780	От точки 1 до точки 2	63,7
2	47.210609	38.892995	От точки 2 до точки 3	46,3
3	47.210205	38.893171	От точки 3 до точки 4	70
4	47.210420	38.894040	От точки 4 до точки 1	49

Площадь территории кладбища составляла 0,3 га (3178 кв. м). Высота над уровнем моря — 46 м. GPS-координаты: широта — 47.123830, долгота — 38.533570.

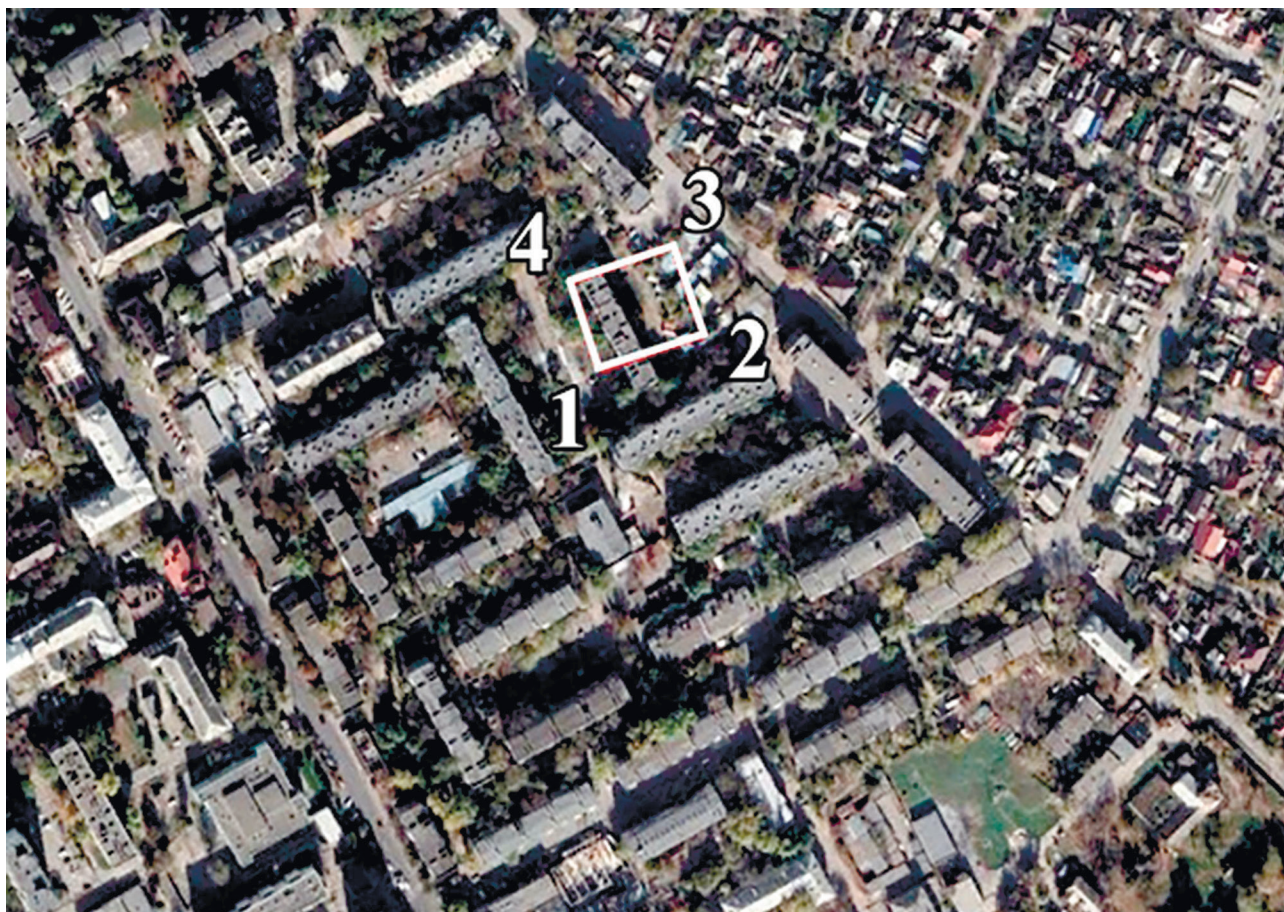

Рис. 8. Границы Татарского кладбища на границах современной застройки

Приложение 4. Госпитальные захоронения на территории БСМП (1941–1943)

Таблица 4. Координаты границ захоронений по аэрофотоснимку 1943 года [28]

№ точки	Широта	Долгота	Отрезок	Длина, м
1	47.133241	38.532244	От точки 1 до точки 2	62
2	47.133077	38.532393	От точки 2 до точки 3	13
3	47.133103	38.532445	От точки 3 до точки 4	62
4	47.133261	38.532298	От точки 4 до точки 1	10

Площадь территории с захоронениями составляет 711 кв. м. Высота над уровнем моря — 46 м. GPS-координаты: широта — 47.1331, долгота — 38.5323.

Рис. 9. Границы госпитальных захоронений

Источники и литература

1. Окрестности Ростова-на-Дону на Военно-Топографической карте Российской Империи Военно-топографическая карта Российской Империи 1846–1863 гг. Масштаб: 3 версты на дюйм 1111. Ряд: XXVIII, лист: 17 // ЭтоМесто : [сайт]. – URL: http://www.etomesto.ru/map-rostov-na-donu_1879/ (дата обращения: 17.05.2023).
2. О принятии на государственную охрану памятников истории и культуры в Ростовской области: решение Малого Совета Ростовского Областного Совета народных депутатов от 18.11.1992 г. № 310 // КонсультантПлюс : справочно-правовая система : база данных. – Москва, 1992. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
3. Гаврюшкин О. П. Отблески золотых куполов. История таганрогских церквей и захоронений христианского кладбища. – Таганрог, 1999. – 282 с.
4. Аваков П. А. Троицкая линия на Миусском полуострове (1702–1711 гг.) // Новые материалы по истории фортификации. Вып. 2. – Архангельск, 2016. – С. 239–250.
5. Таганрог: историко-краеведческий очерк / Л. А. Бодик, Я. Г. Гришков, А. А. Пушкаренко, Л. Т. Тоценко. – Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1971. – 295 с.
6. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 20159. Ч. II. – URL: <https://online.archives.ru/guide/10000000001003/10000089961003/10000090265003/> (дата обращения: 17.05.2023).
7. Российский государственный исторический архив : [сайт]. – URL: <https://online.archives.ru/guide/10000000001004/10000136212004/10000137941004/> (дата обращения: 17.05.2023).
8. Ревенко Л. В. Население Таганрога / Таганрог. Энциклопедия. – Таганрог : ООО «Антон», 2008. – 928 с.
9. Васильев К. Г. История эпидемий в России / К. Г. Васильев, А. Е. Сегал; ред. А. И. Метелкин. – Москва : Государственное издательство медицинской литературы, 1960. – 397 с.
10. Сопова Н. А. Записки таганрогских краеведов // Вехи Таганрога. – 2020. – № 82. – С. 24–28.
11. Карта Таганрога 1816 года // ЭтоМесто : [сайт]. – URL: https://www.etomesto.ru/img_map.php?id=2985 (Дата обращения: 17.05.2023).
12. План города Таганрога 1822 года // НЭБ : [сайт]. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_009995005/ (дата обращения: 17.05.2023).
13. Проект распространения города Таганрога 1863 года // Retromap.ru: [сайт]. – URL: http://retromap.ru/1418631_47.203461,38.921052 (дата обращения: 17.05.2023).
14. Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО, прим. авторов). Ф. 577. Оп. 1. Д. 623. Л. 24.
15. Филевский П. П. История города Таганрога. – Москва : Типо-лит. К. О. Александрова, 1898. – 376 с.
16. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (далее — ТФ ГАРО, прим. авторов). Ф. Р-165. Оп. 4. Д. 333. Л. 132.
17. Прохоров Д. А. Крымские караимы в эпоху средневековья и в новое время: дис. д-ра исторических наук. – Симферополь, 2019. – 773 с.
18. Ливанов Ф. В. Чуфут-Кале (иудейская крепость) в Крыму: С присоединением истории малоисследованной еще в России секты караимов: составлено и издано для путешественников Фед. Вас. Ливановым. – Москва : Тип. «Соврем. Известий», 1874. – 270 с.

19. Государственный архив Республики Крым. Ф. 241. Оп. 1. Д. 260. Л. 5–7.
20. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Т. XII. Область Войска Донского / под редакцией Н. А. Тройницкого. – Санкт-Петербург : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. – 276 с.
21. Назаренко И. В. Майкапара дом / И. В. Назаренко, В. С. Кукушин // Таганрог. Энциклопедия. – Таганрог : ООО «Антон», 2008. – 928 с.
22. Моисей Самуилович (Самойлович) Майкапар // Geni / My Heratage Company : [сайт]. – URL: <https://www.geni.com/people/Моисей-Майкапар/6000000099422416259> (дата обращения: 17.05.2023).
23. Гаврюшкин О. П. Из прошлого старого Таганрога. – Таганрог : «БАННЭР-плюс», 2003. – 408 с.
24. Город у моря: к 310-летию со дня основания города Таганрога, к 275-летию издания Указа о постройке Донской флотилии, к 200-летию со дня учреждения Герба: кн. 2 / Е. И. Соколова. – Ростов н/Д, 2008. – 100 с.
25. Волошин В. А. «Бомбовозы» Над Таганрогом: опыт исторического исследования / В. А. Волошин, С. А. Ракочий. – Таганрог : ООО «Издательство «Лукоморье», 2018. – 303 с., илл.
26. Немецкие захоронения в Таганроге // Вехи Таганрога. – 2005. – № 26. – С. 75–78.
27. В Таганроге эксгумированы останки 120 солдат Вермахта, захороненных у Никольского храма // Ёрш Таганрог : [сайт]. – URL: http://www.ruffnews.ru/taganrog/Iz-Taganroga-budut-perezahoroneny-120-nemetskih-voennyh_10601 (дата обращения: 17.05.2023).
28. Японцы в Таганроге искали могилы // Жизнь. – 2001. – № 45. – С. 7.
29. ТФ ГАРО. Ф. Р-165. Оп. 4. Д. 38. Л. 192, 192об.
30. Волошинова В. Похоронили на рабочем месте // Версты. – 2001. – № 129. – С. 3.
31. ТФ ГАРО. Ф. Р-165. Оп. 4. Д. 1034. Л. 154–155.
32. ТФ ГАРО. Ф. Р-165. Оп. 4. Д. 1536. Л. 121.
33. ТФ ГАРО. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 528. Л. 227.
34. ТФ ГАРО. Ф. Р-963. Оп. 1. Д. 525. Л. 15.
35. Кадр 22 оверлея GX3866 SK от 18.08.1943 г. – 1:50 000. – Национальный архив США (далее – NARA) // Из личного архива автора.
36. Кадр 148 оверлея GX2642 SG от 01.06.1943 г. – 1:13 800. – NARA // Из личного архива автора.

Е. Н. Седакова

СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ ТАГАНРОГА КАК МЕСТО ПАМЯТИ О ВЫДАЮЩИХСЯ ЛИЧНОСТЯХ

Некрополистика связана с междисциплинарными исследованиями, одним из основных ее объектов является сохранение исторической памяти. Место памяти — это не только определенное физическое место, оно обязательно несет в себе сакральное, символическое значение. Без этого любое захоронение останется просто захоронением. Каждый не столь отдаленный во времени некрополь несет в себе части коммуникативной и культурной памяти. Коммуникативную форму памяти представляют социальные группы, которые несут в себе память об умерших: о родственниках, друзьях, знакомых. Такая память недолговечна, с каждым новым поколением она бледнеет и в конце испаряется. Культурная память призвана сохранить информацию как можно дольше. Для этого используются различные символы: письменные, художественные, архитектурные (накопительная память), либо локализация в традициях и ритуалах (функциональная). Последний подвид требует обеспечения повторяемости [1, с. 59]. На старых, уже

закрытых для захоронений, кладбищах коммуникативная память постепенно утрачивается, а на первое место выходит именно культурная. Места памяти призваны сохранить ускользающие воспоминания, остановить процесс забвения, восполнить разрыв с прошлым, сделать нас его частью. «Многочисленные места памяти существуют потому, что больше нет памяти социальных групп», — пишет Пьер Нора [2, с. 14].

Старое кладбище Таганрога, некрополь XVIII–XX веков, является местом сохранения культурной памяти об известных людях нашего города. Название «Старое кладбище» было предложено исполкомом горсовета народных депутатов: «В соответствии с распоряжением № 95 Ростовского облисполкома от 20.03.1989 и постановлением Совета министров РСФСР № 307 от 06.06.1991 Таганрогское городское кладбище, ограниченное пер. Лагерным, ул. Новой, пер. Колхозным, ул. Водопроводной, пер. Татарским и Тупым — считать культовым памятником, которому опре-

делить дальнейшее название "Старое кладбище"» [3, л. 237]. Здесь нашли свое пристанище меценаты, деятели искусства, образования и науки, духовные лица и военачальники, оставившие неизгладимый след не только в истории нашего города, но и страны в целом. К сожалению, далеко не все надгробия дошли до наших дней. В рамках данной статьи будут рассмотрены, по мнению автора, наиболее интересные личности, местоположение могил которых достоверно известно и отмечено надгробием.

Таганрогский купец и меценат греческого происхождения Герасим Федорович Деспальдо (1788–1823). Памятник на его могиле представляет собой муфтированную колонну из красного гранита. Оригинальное навершие утрачено, в современный период на его месте появился крест-новодел, диссонирующий по исполнению со стилистикой подобных надгробий. На одной из граней муфты-куба также появилась обновленная табличка с именем и датами жизни похороненного. Особый интерес представляет оригинальная эпитафия, расположенная на остальных гранях куба. Это рассказ о жизненном пути мецената в стихотворной форме. Здесь встречается упоминание о содержании дома презрения (странноприимный дом) для моряков, потерпевших кораблекрушение, либо больных и обездоленных. На его создание меценат завещал 20 тысяч рублей («пострадшимъ на морѣ, призрѣніа домъ открыль»). Открыли заведение уже после смерти Деспальдо. Для его размещения был использован дом, принадлежавший сестре Герасима Федоровича Марии Алфераки, захоронение с надгробием которой также сохранилось и расположено на Старом кладбище Таганрога [4, с. 318–319]. Далее эпитафия гласит:

«Храмъ божій довершитъ гдѣ прахи почиваютъ, и о грѣхахъ своихъ моления возсылають...». Эти строки повествуют о финансовой помощи Деспальдо в деле постройки Всехсвятской церкви, недалеко от которой он и похоронен.

Есть упоминание о помощи нуждающимся, которую купец оказывал в день рождения матери («вдовамъ и сиротамъ по силамъ удѣлилъ»).

Для выкупа русских военных из плена во время Русско-турецкой войны Герасим Федорович пожертвовал 100 тысяч рублей, о чем и сказано в следующих строках: «Для блага родины и искупления пленныхъ, Сто тысячъ отдѣлилъ во вѣки не забвѣнныхъ».

«Созиденный дѣсь храмъ, улучшить Константина Въ поминовение и протцовъ и сына» — фраза повествует о церкви Елены и Константина (не сохранилась), на которую Деспальдо тоже пожертвовал средства.

Запечатлена в эпитафии и деятельность Деспальдо в качестве мирового судьи: «И ссоры примирялѣ съ любовію и смиреніемъ».

Современное надгробие в виде раскрытой книги, выполненное из черного полированного камня, украшает могилу таганрогского историка, краеведа и педагога Павла Петровича Филевского (1856–1951). На одной стороне «книги» надпись: «Историк-краевед Филевский Павел Петрович 6/19.XI.1856 — 1951.2.II. Автор книг по истории Таганрога». Текст на второй части гласит: «...Всякий гражданин по мере сил своих ... может содействовать процветанию своего родного уголка, ... глубоко веря в будущность нашего дорогого, всем давно родного Таганрога».

Стоит отметить то, что изначально памятник представлял собой простой металлический крест, установленный

на средства семьи благодарной ученицы П. П. Филевского Ольги Федоровны Орешко. Надпись на табличке была следующей: «ФИЛЕВСКИЙ ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ. Историк города Таганрога. 1856–1951». В 1994 году, по инициативе депутата А. И. Николаенко, на могиле первого историка Таганрога была установлена бетонная стела с навершием в виде креста [5]. Современный вид памятник приобрел в 2010 году.

П. П. Филевский был выпускником Харьковского университета, который окончил в 1881 году со степенью кандидата исторических наук. По окончании учебного заведения получил работу учителя истории и географии в таганрогской мужской гимназии, после продолжил свою преподавательскую карьеру в Мариинской гимназии, в которой проработал до начала Октябрьской революции. Историк не поддержал новую власть, оставаясь верным монархизму, но и открыто против большевиков не выступал, считая, что на все воля Божья. После революции преподавал в разных учебных заведениях, а потом стал давать только частные уроки.

Журналист Дмитриев, услышав лекции Павла Петровича, отметил ораторские способности: «...такого лектора встречать мне до сих пор не приходилось. Заслуживает внимания манера его читать свои лекции. Он входит на кафедру без всяких пособий, даже без клочка бумаги и начинает разговаривать со слушателями. Именно разговаривать».

П. П. Филевский вел активную общественную деятельность: принимал участие в переписи населения в 1897 году, был членом Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии и т. д.

Павел Петрович был автором исторических трудов, писал стихотворения

на историческую тематику, но наиболее известна его работа «История города Таганрога». В этой монографии описана история Таганрога, начиная со скифского периода и заканчивая серединой XIX века, уделено внимание церковным и учебным заведениям, культовым сооружениям и администрации города. Отвечая на вопрос о цели данного труда, П. П. Филевский говорил: «Взялся же я за этот труд потому, что история Таганрога, как мне казалось, могла бы и вовсе не появиться к 200-летию юбилею, а какой же юбилей, если нет истории двухсотлетия города» [6].

Современное надгробие на могиле художницы Серафимы Иасоновны Блонской (1810–1947) представляет собой стелу из черного гладкого камня с выгравированным изображением художницы в полный рост, на котором она предстает перед зрителем в форме воспитанницы Института благородных девиц. Женщина держит в руках восковую свечку и веточки вербы, что отсылает нас к картине Серафимы Иасоновны «Девочки. Вербное воскресенье». Эта картина была дипломной работой художницы, сейчас хранится в Таганрогском художественном музее. Внизу стелы изображен сосуд с кистями и мастихином, олицетворяющий профессию усопшей.

Большую роль в становлении художницы сыграла рисовальная школа Н. И. Мурашко. После нее С. И. Блонская смогла поступить в Академию художеств, где проявила свое умение в полной мере. После стажировки в Италии Блонская заболевает брюшным тифом, выхаживает ее Леонтовский Александр Михайлович (1865–1928), который в дальнейшем становится ее мужем. Серафима Иасоновна, находясь ещё в Петербурге, хлопочет об открытии рисовальной школы для таган-

рогских талантливых детей из бедных семей. В 1910 году школа была открыта, но после смерти А. М. Леонтовского в 1928 году прекратила свое существование. С. И. Блонская умирает в 1947 году в возрасте 77 лет. Современный надмогильный памятник установлен в 2010 году.

Художественная школа в Таганроге продолжила свою работу в 1969 году, а спустя 30 лет получает почетное право носить имя таганрогской художницы [7]. В 2004 году Городской Думой города Таганрога принято решение об установке памятной доски С. И. Блонской и А. М. Леонтовскому на месте их проживания по ул. Р. Люксембург, 81. Текст на доске гласит: «В этом доме жили известные художники С. И. Блонская и А. М. Леонтовский (1865–1927), создавшие первую художественную школу в Таганроге» [8].

На могилах С. И. Блонской и А. М. Леонтовского, расположенных по соседству, порой можно заметить репродукции их картин.

Ярким примером благочестия и праведной жизни для многих таганрожцев является Блаженная Елена (1887–1942). Изначально на могиле подвижницы был установлен ажурный крест на постаменте. Посередине креста восьмиконечный цветок-звезда. Надпись на основании выделялась своей простотой: «Блаженная матушка Елена Благовещение 1942». Обращает на себя внимание, что дата рождения не указана, зато подчеркивается ее кончина в день большого православного праздника. Надгробие на могиле Елены было обновлено в начале 2000-х и теперь представляет собой гробничку с крестом из черного полированного материала со следующим текстом: «Блаженная Елена 1887–1942». Старый кованный крест отреставрирован и установлен позади нового надгробия.

Что касается личности Елены, то известно о ней немного. Доподлинно известно то, что она происходила из знатной семьи и получила соответствующее ее положению образование. С детства Елена вела себя необычно и тянулась к Богу. Окончательное решение стать Христовой невестой девушка приняла прямо на собственной свадьбе, истолковав по-своему слова священника: «Не знаю, за что пить. Карета ждет тебя!». Именно после этих слов Елена покинула родительский дом, ничего не объяснив, и приняв крест юродства.

С тех пор по земле слышались разные удивительные истории, героиней которых была «прозорливая Еленушка». Часть этих случаев описывает протоиерей Тимофей Фетисов в книге «Из истории Православия в Таганроге». Например, в год своей смерти Блаженная Елена посоветовала одной женщине добровольно пойти вслед за дочерью на работы в Германию, сказав, что так они обе будут живы. Ее пророчество исполнилось. Также она помогала многим нуждающимся в ущерб себе. На похоронных послушницах собралось множество народу. По легенде, парни не смогли поднять гроб, так он был тяжел, на что батюшка сказал нести его женщинам, которые и понесли гроб с телом. Во время похоронной процессии в небе парила птица, которая исчезла только тогда, когда Елену захоронили.

В 1960-е годы почитатели Блаженной планировали возвести часовню на могиле Елены Таганрогской, но при снятии грунта над могилой «обнаружилось, что не ниже, чем на один штык лопаты, в земле лежал гроб Еленушки?!» [9]. Настоятель церкви Всех Святых, отец Василий, решил не беспокоить тело Елены, а место захоронения заасфальтировали [9].

На месте захоронения Елены Блаженной часто можно видеть людей, просящих блаженную о заступничестве и помощи.

Место семейного захоронения известного циркового артиста Анатолия Анатольевича Дурова (1887–1928) представляет собой огороженный участок с тремя бетонными стелами и гробничками, лаконичными эпитафиями. Под первым надгробием покоится мать артиста Тереза Ивановна Дурова (1863–1933), рядом одна из родных сестер Евлампия Анатольевна Дурова-Шевченко (1888–1943), а также муж Евлампии Шевченко Григорий Ефимович (1884–1948). Прах самого Анатолия Анатольевича был похоронен в могилу матери в 1998 году, горизонтальная поверхность гробнички дополнена плитой из серого мрамора с надписью: «Дуров Анатолий Анатольевич 1887–1928» [10].

Анатолий Анатольевич родился в цирковой династии Дуровых, основателем которой был его отец Анатолий Леонидович Дуров (1864–1916). После смерти отца Дурову-младшему перешло его цирковое наследство. Во время революции артист выступал за границей, где его номера пользовались успехом. В 1925 году он вернулся на Родину, где продолжил выступления. Решение поселиться в Таганроге он принял в 1926 году. Здесь он приобрел 2 усадьбы на ул. Шевченко, где поселил свою маму и семью сестры.

Примечательно то, что дрессировщик не использовал насильственных методов по отношению к животным, а стимулировал их лаской и угощением [11], кроме того, в его зверинце было немало воспитанников из экзотических стран.

Оборвалась жизнь знаменитого дрессировщика в возрасте 40 лет при загадочных и, вместе с тем, трагических обстоятельствах. По официальной версии

он случайно был застрелен на охоте под Ижевском, однако бытует и альтернативное мнение, что Дурова могли преднамеренно убить, ведь недоброжелателей у него хватало. Тело артиста кремировали в 1928 году в Москве, урну с прахом передали родственникам в Таганрог, где она долгие годы кочевала по музеям [12], и лишь в 1998 году прах был предан земле.

Участок Дуровых находится в оперативном управлении муниципального казенного учреждения «Ритуал», за ним ухаживают волонтеры и сотрудники музея А. А. Дурова.

В постсоветский период отношение к кладбищам постепенно уходит от чисто утилитарного в сторону более глубокого смыслового наполнения, его функциональность расширяется, оно становится местом, которое призвано остановить процесс забвения, местом умиротворения для ищущих покой от суеты города, местом, где можно любоваться природой и архитектурными сооружениями ушедших эпох, а также обогатиться новыми знаниями о прошлом.

В представленной выше информации описаны выдающиеся личности из разных областей деятельности и эпох, каждая из которых является примером сочетания божественного дара и самозабвенной деятельности на благо общества. Факт сохранности могилы и наличие на ней информативного надгробия позволяет воспринимать ее как место памяти о человеке, порой редком материальном свидетельстве его земного существования. Стоит отметить, что на захоронениях личностей, рассмотренных в исследовании, установлены таблички с краткой информацией о них, что также работает на сохранение памяти.

Для верующих людей физическое соприкосновение с могилами блаженных, не

нашедших место среди пантеона святых, воспринимается особо трепетно как личный, интимный разговор, возможность рассказать о том, что тревожит паломника в данный момент, попросить заступничества и сил справиться с трудностями. В данном случае внешний вид надгробия практически не играет роли, но также может со временем восприниматься как сакральный предмет (сохраненный старый крест на могиле блаженной Елены).

В случае с Г. Ф. Депальдо, П. П. Филевским, А. А. Дуровым, С. И. Блонской могила с надгробием составляют часть комплекса различных артефактов, сохраняющих память об их существовании и вкладе в развитие культуры нашей страны, эти места имеют охранной статус и находятся в ведении муниципальных организаций, что дополнительно указывает на их значимость. Надгробие, текст на нем важны и позволяют привлечь внимание прохожего, незнакомого с этими историческими фигурами, дать некий пласт знаний о них.

В случае с надгробием Г. Ф. Депальдо особую ценность имеет аутентичность

и возраст надгробия (несмотря на более современные изменения). Тактильный контакт и ощущение старины укрепляет в сознании человека ценность надгробия как «живого» историко-культурного наследия, то, чего может не возникнуть при рассматривании таких же камней в стерильных условиях музея.

Раскрыть потенциал кладбища как места памяти невозможно без дополнительных мероприятий. Информационные и навигационные элементы на территории кладбища помогают получать больше информации, перекидывают своего рода «мостики» между другими местами памяти (музеи, дома и пр.), тем самым укрепляя в сознании человека позицию кладбища как неотъемлемого элемента городской жизни и культурного пространства.

В заключение, следует подчеркнуть, что важно не забывать о том, что мертвые живы лишь памятью их потомков, а «их могилы — это драгоценное наследие, без которого нельзя представить картину краеведения, читать книгу истории» [13, с. 83].

Источники и литература

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
2. Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 328 с.
3. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области. Ф. Р-165. Оп. 4. Д. 2296.
4. Филевский П. П. История города Таганрога 1698–1898. – Таганрог: Сфинкс, 1996. – 380 с.
5. Историк П. П. Филевский. – URL: <http://cemetery.su/grave/13> (дата обращения: 27.06.2023).
6. Гаврюшкин О. П. Историк П. П. Филевский. – URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m4/4/art.aspx?art_id=528 (дата обращения: 27.06.2023).
7. Блонская Серафима Иасоновна. – URL: <http://taganrog-gorod.ru/taganrog/history/taganrog-persons/blonskaya-serafima-iasonovna/> (дата обращения: 15.07.2023).

8. Об установке памятных досок. Решение городской Думы от 29.07.2004 г. № 758. – URL: http://taganrog-gorod.ru/upload/content/doc/2022/16_08_2022_1p.pdf (дата обращения: 23.07.2023).

9. Блаженная Елена Таганрогская. – URL: <http://www.pravsemia.ru/index.php?id=924> (дата обращения: 16.07.2023).

10. Семья Дуровых. – URL: <http://cemetery.su/grave/77> (дата обращения: 22.07.2023).

11. Дорошенко Т. Солнечный клоун // Таганрогская правда. – 1998. – 19 ноября. – URL: <http://taganrog-gorod.ru/>

[upload/content/doc/2022/08_04_14.pdf](http://taganrog-gorod.ru/upload/content/doc/2022/08_04_14.pdf) (дата обращения: 22.07.2023).

12. Дорошенко Т. Об истории урны с прахом А. А. Дурова // Таганрогская правда. – 1998. – 9 апреля. – URL: http://taganrog-gorod.ru/upload/content/doc/2022/08_04_13.pdf (дата обращения: 24.07.2023).

13. Белявский М. Т. Охрана памятников краеведения и проблемы некрополей // Памятники Отечества. – 1989. – № 1 (19). – С. 82–83.

С. М. Ильяшенко, К. Б. Лопин

ПОГРЕБЕНИЯ СВЯЩЕННИКОВ В СКЛЕПАХ НАЧАЛА XX ВЕКА У СВЯТО-ОНУФРИЕВСКОГО ХРАМА В ГОРОДЕ АНАПЕ

В ходе археологических исследований в 2023 году Анапской археологической экспедицией Института археологии РАН в историческом центре города Анапы были обнаружены погребения XIX — начала XX веков. Два из них представляли собой одиночные склепы начала XX века (рис. 1), один из которых оказался разграбленным. Другой сохранился непогрязенным, с останками священника в цинковом гробу. Располагались они на территории бывшего церковного двора в

нескольких метрах от восточной, «алтарной» стены в настоящее время действующего Свято-Онуфриевского храма.

Храм считается одним из старейших в Краснодарском крае. После включения Анапы в состав России в 1829 году по условиям Адрианопольского мирного договора и начала ее заселения российским населением встал вопрос о сооружении церкви. Еще в декабре 1828 года из Фангорийской крепости сюда был командирован священник Симеон Соколовский,

Рис. 1. Склепы. Фото и коллаж авторов

обустроивший временный приход в частично разрушенной турецкой мечети. В октябре 1830 года императором Николаем I было принято решение об обустройстве в крепости греко-российской церкви во имя святого, в день почитания которого была взята Анапа. В ноябре того же года «временная» церковь была освящена во имя святых Онуфрия Великого и Петра Афонского. Из-за сложности военно-экономического положения крепости строительство церкви окончилось к 1837 году [17, с. 122–123]. Во время Крымской войны здание было разрушено, но в последующем восстановлено. Во второй половине XX века оно претерпело частичную перепланировку. В постсоветское время проходило формирование его обновленного внешнего облика.

По законодательству последней четверти XVIII — начала XX веков кладбища могли располагаться не ближе 100 саженей (216 м) от последнего жилья населённого пункта, а по возможности в 300 саженях (641 м). Они должны были огораживаться валом или рвом, плетнём или забором. В случае нарушения этих норм Святейшему правительствующему синоду было предписано запрещать местным Духовным Правлениям погребения на кладбищах [11, с. 500]. Эти нормы были приняты в качестве карантинных мер против эпидемий в 70-е годы XVIII века и дополнены в первой половине XIX века. В городской черте у церквей могли погребаться только священнослужители и особо значимые личности в качестве исключений. К примеру, так были погребены в конце XVIII — первой четверти XIX веков первые лица Черноморского казачьего войска в городе Екатеринодаре (современном городе Краснодаре) у ныне не существующего войскового собора — войсковые атама-

ны З. А. Чепига, А. А. Котляревский, войсковой протоиерей Р. Порохня и иные.

Крепостное кладбище (современное старое кладбище города Анапы) возникло вскоре после взятия Анапы русскими войсками в 1828 году. Расположилось оно у скалистого морского берега с южной стороны крепости за крепостным рвом. Наиболее старое из датированных погребений относится к 1842 году. Представлено оно массивной прямоугольной надгробной плитой подпоручика Черноморского линейного № 2 батальона К. А. Натта. Плита высотой примерно в треть своей длины, со стесами на фасах. Представляет собой каменный блок из некоего крепостного строения с нанесенными эпитафией и орнаментом в виде латинского креста. Рядом расположена массивная невысокая (аршинная) каменная стела с небольшими заплечиками у вершины и верхней частью в форме арки. На вершине имеется узкое углубление для навершия, вероятно, в виде креста. Выполнена из такого же камня и имеет стесы на фасах такого же характера, что и на надгробии К. А. Натта. Не имеет надписей и орнаментов. На соседних могилах имеются перемещенные невысокие прямоугольные надгробные плиты из такого же камня, без надписей и орнаментов, со сколами на поверхности и стесами на фасах, аналогичные первым двум надгробным сооружениям. Визуальный осмотр показал расположение данных надгробных сооружений на возвышенности по отношению к территории кладбища. Не исключено, что кладбище могло возникнуть на более раннем некрополе.

Возникновение прицерковного кладбища относится ко времени завершения возведения церкви. Существуют указания на наличие небольшого кладбища при храме в конце XIX века [9, с. 164]. В 1837

году после освящения здания здесь был похоронен А. П. Батюшков [5], сын генерал-майора и сенатора П. Л. Батюшкова, двоюродный брат поэта К. Н. Батюшкова. В ходе раскопок было обнаружены 3 погребения, два — в склепах начала XX века (одно из них разграблено, другое — целое), одно погребение офицера времен Крымской войны, совершенное в гробу в могильной яме. Это дает основание предполагать, что кладбище не было регулярным и ограничивалось единичными погребениями, совершенными на протяжении порядка 80 лет (~1837–1917).

Территориально его границы стоит локализовать между храмом и корпусом возведенного в 1843 году каменного анапского госпиталя, располагавшегося на месте здания современного санатория «Мотылек», а также по сторонам северной и южной храмовых стен [4, с. 116–119].

Прицерковные кладбища, возникавшие на Кубани в XIX — начале XX веков, были небольшими и насчитывали, как правило, не более десятка погребений. Могилы располагались в церковном дворе с задней стороны храма за алтарной частью (за восточной стеной) у ограды и вдоль северной, южной сторон ограды. Такое положение могил конца XIX — начала XX веков у ограды имелось в церковном дворе церкви Святого Пантелеймона Целителя в станице Славянской (современном городе Славянске-на-Кубани). Там могилы двух священников расположились у ограды за алтарной стеной, а у северной стороны ограды могилы, вероятней всего, детей священников. Погребения священников было принято располагать напротив восточной стены храма, «за алтарем». В стороне у ограды хоронились лица, не имевшие священнического сана — члены семей священников или знатные, особо почетные граж-

дане. Подобное расположение повторяло иерархию погребений внутри храмов: за алтарем — священники, на остальной площади храма — знатные лица. Это указывало на сакрализацию церковных дворов как части церковной территории. В то же время погребения в пределах церковных дворов только лиц с высокими социальными статусами и священнослужителей, членов их семей, подчеркивало социальную дифференциацию общества.

Намогильные сооружения у обнаруженных склепов не сохранились. До 2022 года над ними располагалось здание хозяйственного назначения, возведенное во второй половине XX века. Расположены они в переотложенном грунте, на расстоянии 40–50 см друг от друга. Ориентированы по линии восток-запад. Имеют между собой схожие конструктивные особенности и возведены из анапского кирпича светло-красного и желтого оттенков, скрепленных бетоном. Судя по значительным различиям в конструкциях, возводились они разными мастерами в разное время. Аналогичные сооружения XIX–XX веков встречаются на кладбищах различных российских регионов и соседних государств. Исходя из размеров погребальных камер и их близкого расположения, стоит предположить, что над ними могли быть установлены распространенные на Кубани в конце XIX — начале XX веков намогильные сооружения в виде каменных или металлических крестов на высоких кирпичных или каменных пьедесталах, либо аналогичные по габаритам памятники.

Первый склеп, более ранний, имеет меньшие размеры по сравнению со вторым ориентировочно в полтора раза. Выполнен в виде облицованных стенок регулярной кладкой из горизонтально уложенного в один ряд одинарного кир-

пича в 9 слоев. Пол вымощен одним слоем кирпича. Поперечные стенки имеют 4 дополнительных слоя и ограничены арочной формой купола. В центральной части продольных стенок в 5 слое на расстоянии 2,5 кирпичей друг от друга расположены 2 кирпича, уложенных перпендикулярно по отношению к остальным и выступающим на половину длины с внешней стороны. Такая особенность конструкции, вероятно, была выполнена в качестве «ребра жесткости». У продольных стен над 10 слоем кирпича имеются небольшие уступы (запечки) примерно в треть ширины кирпича. Над стенами возведен купол в виде арки из вертикально установленных в 1 ряд кирпичей и полностью покрывающий все 4 стены. Внешний облик погребальной камеры схож с домом, имеющий двускатную, выступающую над стенами крышу. Такая конструкция отдаленно схожа с обликом одиночных склепов XIX века, возводившихся в Крыму по образцу античных и византийских — каменный ящик с двускатной крышей. Внутри погребальной камеры и на гробу сохранились фрагменты обвалившихся трухлявых досок. По всей видимости, они крепились на запечках и выполняли функцию перекрытия чуть выше гроба между прямоугольной и арочной частями погребальной камеры.

Второй склеп, более поздний и массивный, имеет больший размер по высоте и ширине. В длину примерно такой же, из расчета на длину гроба. Выполнен в виде облицованных регулярной кладкой из горизонтально уложенного одинарного кирпича из 8 слоев в два ряда продольных стенок. Пол вымощен одним слоем кирпича. Поперечные стенки, имеющие дополнительные 10 слоев выложены 1 рядом, не перекрываются арочным куполом, закрывая его с боков. Над 8 слоем кирпича на

продольных стенках имеются запечки шириной примерно в треть кирпича. Купол в виде арки выполнен из поочередно поперечно и продольно уложенных кирпичей в 2 и 1 слоя, что создает видимость монолитной конструкции из стен и купола, в отличие от первого склепа, где стены и купол четко разделяются. Внешний облик погребальной камеры имеет вид арки. Над куполом выполнен пояс в виде второго такого же купола, но меньшего по длине и не перекрывающего восточную и западную оконечности «нижнего» купола на полтора кирпича с каждой стороны. Западная стена разрушена грабителями. Вероятно, склеп был разграблен из-за своих размеров, так как был обнаружен при строительстве хозпостройки в 1960-х годах. Первый склеп, меньших размеров, возможно, не был обнаружен и поэтому не подвергся разграблению.

С практической стороны наличие перекрытия внутри склепа не функционально. По-видимому, оно имеет отношение к устоявшейся конструктивной особенности одной из форм погребального сооружения, ставшей в данном случае проявлением строительной традиции. Такая особенность подземных уровней погребальных сооружений прослеживается в русской погребальной обрядности в разных регионах и в разное время. Представляет оно из себя около полуметрового углубления в могильной яме, имея уступы на продольных стенках. На уступы укладываются доски, на которые насыпается грунт. В разных регионах они имеют разные наименования — полати, потолок, склепик, голбчик, плечики. Имеются варианты, когда уступы заменены вертикально установленными столбиками. В южных российских регионах, а ранее в Малороссии, такую конструкцию именовали

склепом. Используется она исторически преимущественно на Полтавщине, Черниговщине и Стародубщине. В ряде случаев досками перекрывается не только потолок или стены, но и дно, при этом такую конструкцию именуют голбцом [1, с. 179]. Применяют такие конструкции и в наши дни.

Об истоках такой конструктивной особенности однозначного мнения нет. Как отмечает Моця А. П., в IX–XIII веках в южнорусских землях применялись деревянные перекрытия при погребении в ямах, которые постепенно могли эволюционировать к применению гробов [8, с. 32, 59]. На Русском Севере известны надгробные сооружения в виде небольших домиков (домовина, гробовина, голбец, надгробный домик, домик мертвых, срубец). Другим вариантом такого сооружения является гробница (голбец, часовня) — небольшая избушка, в которой могут разместиться до нескольких человек, поминающих усопшего. Такие наименования в наше время, как правило, используются старообрядцами [16, с. 196, 199].

Возможно, в основе рассматриваемой нами формы подземной погребальной конструкции — облицованной могильной ямы с перекрытием, лежит идея древнерусской домовины, помещенной в землю под влиянием христианства. Об этом свидетельствуют не только общие особенности с их функциональным предназначением схожих между собой могильных конструкций, но и применяемые наименования в разных регионах с различным историческим развитием, к примеру, голбец. В то же время стоит отметить, что конструктивная особенность в виде заплечиков в погребениях для перекрытия могильной ямы досками применялась и в более раннее время

у разных народов в разных регионах, в том числе и в Северном Причерноморье в эпоху античности.

Примечательным является сохранившийся оцинкованный гроб в стиле рококо. Нижняя часть выполнена в форме перевернутой пирамиды из трех уступов, уменьшающихся ко дну, средний из которых закруглен и является наиболее высоким. Остальные два узких оформляют днище и крепление с крышкой. Имеются 4 неорнаментированные лапы у краев нижнего уступа, выполненных в форме львиных. Крышка и нижняя часть крепятся 6-ю узорчатыми выступающими винтами, расположенными на равном расстоянии — по 2 на продольных сторонах и по 1 на поперечных. Нижний уровень крышки имеет форму пирамиды и состоит из 3 равных по высоте невысоких уступов, каждый из которых меньше по площади, чем нижний. Нижний и верхний уступ украшены ажурным барельефным орнаментом в виде шаров в окаймлении соединенных в верхней части полукругов и 3-конечными кистями между ними в нижнем уровне. Над ними возвышается высокий, в форме закругленной внутрь трапеции, уступ. Нижний, закругленный уровень уступа имеет барельеф в виде виноградных лоз с листьями и гроздьями (христианский символ Христа, церкви, причащения, воскресения и духовного плодородия). Над барельефом с поперечных сторон имеются ажурные ручки. Верхний уровень уступа немного расширяется к вершине. На расширяющейся части имеется золоченный барельеф в виде свисающих вниз дубовых листьев в окружении ажурных узоров. Над листьями расположена кайма в виде чередующихся больших и малых круглых узлов. Самый верхний уровень выполнен в виде скошенной с

поперечных сторон арки, исходящей из невысокого прямоугольного основания. Над лицом усопшего имеется крышка над окошком по всей площади арочной вершины и не выделяющаяся из формы гробовой крышки. На крышке гроба расположен горельеф в виде распятия на латинском кресте. Изнутри нижняя часть гроба закругленная.

Аналогичный по форме оцинкованный гроб в стиле рококо был обнаружен при раскопках в 2020 году фамильного склепа Аксаковых в селе Страхово Борского района Самарской области. В нем в 1891 году был погребен Г. С. Аксаков — самарский и уфимский губернатор, сын писателя С. Т. Аксакова [7, с. 182–183]. В подобном гробу в 1907 году в городе Бердске был погребен купец 1-й гильдии и меценат В. А. Горохов. Гроб был приобретен в Москве, в настоящее время хранится в Новосибирском музее погребальной культуры [19]. Схожий гроб был обнаружен в 2021 году при раскопках склепов конца XIX — начала XX веков, предположительно купцов Шихобаловых, у Покровского собора в городе Самаре [2]. Идентичный гроб был обнаружен при раскопках в 2018 году в городе Старой Ладого [3]. Отметим, что все они имели схожую форму, но внешний облик различался — они имели разный декор, месторасположение и форму ручек (но по одной с каждой поперечной стороны гроба), количество и форму лап (рис. 2).

Это элитарные гробы, внешний облик которых заимствован из Центральной Европы. Идея таких гробов, по-видимому, берет начало от западноевропейских средневековых намогильных саркофагов. Если в античной, а позднее в византийской традициях, саркофаг преимущественно имел форму античного храма с двускатной крышей и монолитным основанием, то в средневековье, преимущественно на территории варварских королевств, Священной Римской империи форма изменяется.

В нем остается идея храма, унаследованная от Западной Римской империи, но уже не как основа, а как одна из черт, со временем теряющая выразительность. Со времен развитого средневековья это уже посмертное ложе, на котором возлежит горельеф погребенного, часто изображенного воздающим молитву и в одеяниях, подчеркивающих его социальный статус. Подобные крышки саркофагов применялись в Этрурии, воспринятые из этрусской погребаль-

Рис. 2. Цинковые гробы: 1 — Г. С. Аксакова; 2 — Шихобаловы; 3 — город Старая Ладога; 4 — В. А. Горохова. Взято из открытых источников, коллаж подготовлен авторами

ной традиции. Ложе может сохранять элементы, ассоциирующего его с храмом, но он уже лишь сопутствующий элемент, подчеркивающий отношение погребенного к вере, который расположен над храмом. Центральная идея божественности сменяется идеей подчиненности церкви знатному лицу. Ярким примером такой конструкции являются, к примеру, саркофаги XIV века Педро I, Маргариты I Датской и разновременные саркофаги римских пап.

Другой конструктивной особенностью стало развитие подножий, на которых расположен саркофаг. Такие подножия (лапы) имеются на позднеантичных саркофагах. К примеру, подножия в форме львиных лап имеются на саркофаге III века в базилике Святого Франческа в Равенне и на саркофаге конца II века в Ватикане. Подножия в виде львов имеются, к примеру, на саркофаге XVII века бранденбургского курфюрста Георга Вильгельма в Калининграде. Не исключено, что появление подножий, несущих «львиные» изображения, могут восходить к митраизму, распространенному в позднюю античность и почитавшее льва как одно из проявлений Митры.

В новое время саркофаги с ложем трансформируются в трапециевидное вершиной вниз ложе. На крышке сохраняется горельеф погребенного, начинающий заменяться плоской поверхностью с эпитафией или распятием. Такую же форму приобретают элитарные гробы и саркофаги открытого (прозрачного) типа. Яркий пример такой трансформации с первой половины XVII века прослеживается по металлическим саркофагам Габсбургов в Императорском склепе (склепе капуцинов) в городе Вене. Сложные средневековые формы сменяются менее помпезными и гробовидными.

Образцом саркофага нового типа можно считать саркофаг Иосифа II. Внешний облик саркофагов конца XIX — начала XX веков Франца Иосифа, его жены Елизаветы и наследного принца Рудольфа имеет большое количество аналогий с обнаруженным гробом священника из города Анапы. Он полностью идентичен австро-венгерским и польским элитарным гробам конца XIX — начала XX веков и, вероятно, произведен там же. В России большее распространение имели ромбовидные в сечении или с прямоугольной нижней частью и трапециевидной крышкой гробы без выраженного ложа на ее вершине.

Подобные гробы ромбовидной формы с выделенным ложем на вершине крышки получили широкое распространение в Центральной Европе в качестве массовых погребальных конструкций. Подобные формы саркофагов были восприняты в качестве дани погребальной моды знатными слоями и священнослужителями Польши, откуда попали в Россию. В костеле иезуитов XVII века во Львове находится саркофаг, выполненный в таком же стиле. Имеются аналогичные им надгробные саркофаги второй половины XVIII — начала XIX веков. К примеру, такой саркофаг установлен на предполагаемой могиле Д. Н. Салтыковой (Салтычихи) и ее сына на Старом Донском кладбище в Москве.

В пользу польского производства гроба говорит надгробный крест (рис. 3). Надгробные кресты применяются со времен раннего средневековья в основном как часть декора и маркера на саркофагах, гробах и надгробных сооружениях, указывающий на приверженность погребенного к христианству. Такие кресты в России рисовались на гробах, что видно на похоронных фотографиях начала

Рис. 3. Крышка гроба. Фото авторов

XX века. Нередко в наше время они крепятся в качестве элемента декора на вершине крышки гроба в ее верхней части. По форме и размерам аналогичны напрестольным крестам.

Нагробный крест на «анапском» гробе полностью аналогичен нагробным крестам с гробов такой же формы того же времени из города Лодзь, входившего в состав Российской империи. Такой же крест имелся на аналогичном оцинкованном гробе из города Старой Ладogi.

Это католическое распятие. Христос на ажурном латинском 4-конечном кресте не воскресающий, а умирающий. Его тело провисло, стопы наложены одна на другую. Маковки креста (оконечности перекладин) выполнены в виде трилистника. Подобная форма до сих применяется на массовых металлических надгробных крестах и в православии. На средокрестие наложена 4-конечная звезда, в центре которой расположен шар, окаймленный кругом, из которого параллельно перекладинам креста исходят 4 небольших круга, помещенных в лучах звезды. Звезда может символизировать Вифлеемскую звезду, а круговой орнамент в ней Христа, его учение и исходящее от него 4 Евангелия.

Останки погребенного из большего склепа не сохранились. При вскрытии грунта рядом на разных уровнях встречались остатки одеяний священника и был обнаружен верхний куполообразный элемент кадила с кольцом для держания в руке и крепления цепей.

Останки второго священника, сохранились нетронутыми. На скелете было истлевшее полное одеяние иерея без сохранившихся цветов. Череп располагался на остатках подушки, набитой крупной стружкой и был накрыт частично истлевшим воздухом с растительным орнаментом. Обувь была черная, с подошвой. Имелся крупный металлический нательный крест в виде распятия на цепи из крупных звеньев в форме закругленных лезвий. На груди, поддерживаемая снизу левой кистью, лежала книга (Евангелие) формата А5 толщиной около 6 см в кожаном переплете, с золочеными фасадами страниц и орнаментированной на христианские сюжеты медной обложкой. На книге в правой кисти по русской традиции было орнаментированное ручное

4-конечное православное распятие с выделенным мериллом в виде выдающегося за перекладину закругленного узора. На правом боку в районе пояса было кадило. Весной 2023 года нетронутые останки вместе с гробом по благословлению Новороссийской епархии были перезахоронены у южной стены Свято-Онуфриевского храма.

Касательно личностей погребенных священников однозначного мнения нет. Наиболее вероятно, что одним из погребенных мог быть настоятель храма протоиерей Феодор Филиппов, служивший при нем с 1873 года до своей смерти в 1906 году. Известно о нем не много. Свое служение в храме начал со времени его восстановления после Крымской войны. Состоял в Братстве во имя Святого Апостола Андрея Первозванного и активно занимался просветительской деятельностью среди прихожан [15, с. 18]. Имел церковные награды за выдающуюся службу в Сухумской епархии — наперсный крест, ордена Святой Анны 3 и 2 степени [12]. На рубеже XIX–XX веков являлся благочинным священником (курирующим несколько рядом расположенных приходо́в — благочиние) [14, с. 385–386]. С 1902 года — протоиерей, умер 22 августа 1906 года [13, с. 1180].

Его сын Михаил служил диаконом с 1899 года в городе Анапе при отце. Возглавлял Анапское отделение Новороссийского общества взаимной помощи, оказывавшего помощь бедным. Был за-

коноучителем в Анапском начальном городском женском и Жуковском городском начальном училищах [6, с. 111–114]. Время его кончины и местонахождение могилы не известно, что не исключает возможности его погребения на прицерковном кладбище.

Вероятно, здесь же мог быть похоронен диакон Иоанн Дуля, умерший 28 февраля 1899 года. Однако известно, что деньги, выделенные епархией его семье по случаю его кончины, были высланы его вдове Евдокии Ф. Филипповым из Анапы по ее адресу проживания [14, с. 385–386].

Одним из погребенных мог быть священник из станицы Раевской Иоанн Иванович Успенский (1834–1907). Он не служил при Свято-Онуфриевском храме, но имел право на погребение в его ограде. Здесь же могла быть похоронена его жена Анна Дмитриевна (1842–1912). Косвенно на это может указывать следующий факт. В 1991 году при земляных работах к северу от храма было обнаружено разрушенное женское погребение. В нем обнаружили золотое обручальное кольцо с надписью: «Декабря 9 дня 1861-го. Ксенофонтъ» [10, с. 96]. В то же время это кольцо могло принадлежать супруге иного священника. Его сын Василий, потомственный почетный гражданин, был депутатом городской Думы и членом комиссии по народному образованию. Другой сын Федор был священником и законоучителем одноклассного станичного Гостагаевского училища [18, с. 96].

Источники и литература

1. Бережнова М. Л. Внутримогильные конструкции в погребальном обряде русских // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 2008. – С. 179–183.
2. В Самаре нашли захоронения известных купцов-меценатов Шихобаловых // Аргументы и Факты [Самара]: [новостной портал]. – URL: https://samara.aif.ru/culture/details/v_samare_nashli_zahoroneniya_izvestnyh_kupcov-mecenatov_shihobalovyh (дата обращения: 11.07.2023).
3. В Старой Ладогe обнаружили цинковый гроб с останками // Рамблер / Новости: [новостной портал]. – URL: <https://news.rambler.ru/other/40587466-v-staroy-ladoge-obnaruzhili-tsinkovyy-grob-s-ostankami/> (дата обращения: 02.07.2023).
4. Демидов А. В. Каменный анапский госпиталь (1844–1855) // Санаторно-курортное лечение и отдых в Анапе. – 2019. – № 21. – С. 116–125.
5. История храмов Анапы // Анапа сити: [сайт]. – URL: <https://anapacity.com/hramy-anapy/svyatye-hramy-anapy.html> (дата обращения: 09.07.2023).
6. Константинов В. А. Анапа сто лет назад... // Санаторно-курортное лечение и отдых в Анапе. – 2012. – № 14. – С. 109–114.
7. Коровин П. А. Об организации, проведении и предварительных результатах археологических раскопок в Самаре и селе Страхово Борского района Самарской области // Наследие семьи Аксаковых в литературно-эстетическом контексте цифровой эпохи. Всероссийская научно-практическая конференция. – Самара: Издательство: Самарский государственный институт культуры, 2020. – С. 175–187.
8. Моця А. П. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. – Киев: Наук. думка, 1990. – 153 с.
9. Новичихин А. М. К изучению строительных традиций анапских поселенцев в XIX веке (некоторые итоги наблюдения за характером кладки храма св. Онуфрия в Анапе) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2003 год. Дикаревские чтения (10). – Краснодар: ООО «Мир Кубани», 2004. – С. 163–170.
10. Новичихин А. М. Стены храма // Санаторно-курортное лечение и отдых в Анапе. – 2009. – № 11. – С. 96–98.
11. Об учреждении кладбищ в удобных местах, расстоянием от последнего городского жилья не ближе 100 сажень // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. XIX. 1770–1774. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1081 с.
12. Онуфриевской церкви священник Феодор Филиппов // АнапаСегодня: [сайт]. – URL: <https://anapatoday.com/blogs/by-post-id/4232> (дата обращения: 15.07.2023).
13. От правления ставропольской епархиальной братской кассы // Ставропольские епархиальные ведомости. – № 22. – 1906. – С. 1180.
14. Отчет о приходе, расходе и остатке сумм по выдаче из братской кассы единовременного пособия // Ставропольские епархиальные ведомости. – № 7. – 1900. – С. 383–385.
15. Отчет о состоянии и деятельности Братства во имя св. Апостола Андрея

Первозванного в губ. гор. Ставрополе за 1885–86 (тринадцатый) братский год // Ставропольские епархиальные ведомости. – № 1. – 1887. – С. 7–20.

16. Фризин Н. Н. Деревянные надгробия Русского Севера: некоторые варианты развития пространственной структуры // Ставрографический сборник. Книга II. Крест в православии. – М.: Издательство Московской Патриархии, Издательство «Древлехранилище», 2003. – С. 194–240.

17. Харалдина З. Е. К истории Свято-Онуфриевского храма // Санаторно-курорт-

ное лечение и отдых в Анапе. – 1999. – № 3. – С. 122–124.

18. Харалдина З. Е. О первых почетных гражданах Анапы // Санаторно-курортное лечение и отдых в Анапе. – 2012. – № 14. – С. 93–97.

19. Экспонаты Музея Смерти. Саркофаг купца Горохова // Музей мировой погребальной культуры: [сайт]. – URL: <https://musei-smerti.ru/eksponaty-muzeya-smerti-sarkofag-kuptsa-gorohova/> (дата обращения: 23.07.2023).

Е. А. Алексеенко

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕЧНЯ ЦЕННЫХ НАДГРОБИЙ АНСАМБЛЯ БЫВШЕГО ХРИСТИАНСКОГО КЛАДБИЩА ТАГАНРОГА В 1927–1991 ГОДАХ

После Октябрьской революции 1917 года в российском обществе началось формирование нового миропонимания. Атеистические взгляды большевиков повлекли за собой не только вытеснение религиозной составляющей из жизни советского человека, но и заставили переосмыслить саму функцию кладбищ и отдельных объектов, находящихся на их территории. Мрамор, гранит, плиты и склепы, чугунные решетки (ограды) — все эти символы вечности оказались ненужными в новом мире. Начиная со времен НЭП, структуры, отвечающие за содержание мест захоронений, проводят реализацию залежей мрамора и гранита со своих складов, а Госфонд использует надгробия и другие материалы с кладбищ для строительства и благоустройства общественных пространств [1, с. 159–160].

В то же время закладывалась основа государственной системы охраны и использования историко-культурного наследия. Повсеместно велась работа по выявлению художественной и исторической ценности тех или иных зданий,

сооружений, памятников, надгробий, изъятых ценностей с дальнейшей постановкой на учет или передачей в музейные фонды. К концу 1920-х годов особое внимание уделяли памятникам, связанным с революционными событиями и гражданской войной [2, с. 8–9].

Скучно сохранившиеся архивные материалы по Таганрогу за 1920–1930-е годы позволяют составить общее представление о характере действий местных властей, направленных на выявление и сохранение историко-культурного наследия. Есть среди них связанные прямо или косвенно с историей ансамбля бывшего христианского кладбища, ныне обладающего статусом объекта культурного наследия регионального значения.

По итогу объединенного заседания Президиумов Тагокрисполкома и Горсовета от 8 февраля 1927 года, в Таганроге создана комиссия по охране памятников Революции и старины (далее — комиссия), в состав которой вошли товарищи: Нестюрин (председатель, заместитель председателя Исполкома), Василенко (ЗавОНО), Гу-

барев К. (Испарт), Андреев-Туркин М. М. (заведующий музеями), Броневский В. А. [3, л. 2–3]. На первом заседании комиссии 28 апреля 1927 года в качестве председателя утверждена кандидатура тов. Нестюрина, секретаря — Броневского, заместителя — Андреева-Туркина, обозначен план работ комиссии по выявлению мест, обладающих художественной или исторической ценностью, ведению просветительской деятельности среди рабочих масс, признана необходимость сохранения скульптуры Александра I (работы академика Мартоса) [3, л. 3–4], основание которой через несколько лет перенесено на кладбище.

В протоколе комиссии за 5 октября 1927 года приводятся первые списки мест, связанных с революционными событиями, обозначена потребность истребования средств для переноса скульптуры Александра I в один из музеев, разрешение установить на освобожденный пьедестал скульптуру одного из вождей революции, однако прежде необходимо было починить деревянный футляр, которым закрыта композиция. Поднимался вопрос о реставрации памятника на могиле Дышлогого [3, л. 5], захороненного на Александровской площади, неподалеку от императорского памятника. Позднее останки революционера были перезахоронены на кладбище, в нескольких метрах от бывшего пьедестала царской скульптуры, украсившего братскую могилу борцов за установление Советской власти в Таганроге. В приводимых на конец 1927 года списках домов и иных сооружений, имеющих художественно-историческую ценность, а также связанных с революционными событиями, отсутствуют объекты, расположенные на кладбищах [3, л. 14–16].

Вопрос с учетом ценных памятников на кладбищах по Таганрогу всплывает в 1934 году: в срочном порядке комиссия Культур при Президиуме Горсовета просит Архбюро предоставить «список памятников и др. надмогильных сооружений выдающихся деятелей, а также имеющих историко-художественную ценность и состоящих на учете» [3, л. 19]. Горсовет, ссылаясь на необходимость «поддержания должного санитарного состояния в городе Таганроге, а также в целях обеспечения населения последнего от распространения инфекционных заболеваний от бесхозяйственного содержания могил и склепов на кладбищах», предлагает провести перерегистрацию надмогильных сооружений и прочего имущества, находящегося на всех кладбищах города (христианское, магометанское и еврейское кладбища) с дальнейшим сносом бесхозных сооружений и реализацией строительных материалов, полученных при их разборе [3, л. 20]. Полная выписка заседания по данному вопросу приводится в приложении (прил. 1), для понимания действовавших на тот момент регламентов в отношении бесхозных и неисправных надмогильных сооружений, также приводится выдержка из Инструкции Постоянной Комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам Культур «О порядке сноса надмогильных памятников» от 16 октября 1931 года (прил. 2).

Для обследования кладбищ на предмет ценных надгробий была создана специальная комиссия в составе тов. Шатохина, Морозовой, Тамарского, Лапина, Шульца и Андреева-Туркина при участии приглашенных специалистов Баландина и Доброславского. Итогом работы стал перечень из 73 объектов с описью, имеющих революционное, историческое и

художественное значение, достаточное для постановки на учет и дальнейшее сохранение [3, л. 38]. Примечательно, что все обозначенные объекты располагались исключительно на христианском кладбище.

Рукопись выполнена в основном рукой Доброславского В. с дополнениями Андреева-Туркина М. М.

Обращает на себя внимание своеобразное описание архитектурных элементов в описи, не всегда корректное определение материала памятников, что говорит об отсутствии достаточной квалификации у составителей. При этом существенная часть списка представляет собой, в первую очередь, визуально примечательные объекты дореволюционной эпохи, а революционная же составляющая, будто приписана для соблюдения формальности. Даже исходя из нынешней сохранности, можно говорить о наличии гораздо большего числа ярких памятников и захоронений 1918–1934 годов, чем обозначенные четыре объекта. В перечне нет ни одного надгробия священника, в него не входит здание храма (что понятно), проигнорировано большинство родовых усыпальниц с часовнями. Порядок надгробий в списке позволяет проследить маршрут исследователей, сопоставить остатки утраченных объектов с описанием.

Ниже приводятся выдержки из описи 1934 года с сохранением оригинальной грамматики и комментариями, относительно современной сохранности и достоверности описания.

1. Катапули. Памятник относится к 1872 г. Стильная [...] беседка-капличка из цемента (основание — постамент), внизу и дальше — белого мрамора; наверху — фигура ангела (из б. мрамора); карнизы и орнаменты; работа художественная [3, л. 26].

Усыпальница Филиппа Дмитриевича Котопули (1814–1867) сохранилась с существенными утратами. Обрушена часть беломраморной облицовки, скульптура ангела потеряла крылья и крест, утрачены многие орнаментальные детали, оригинальное наполнение оконных и дверных проемов уничтожено, доступ внутрь закрыт. О состоянии внутреннего убранства часовни и погребальной камеры достоверные сведения отсутствуют. В целом, состояние неудовлетворительное.

Строение имеет статус объекта культурного наследия регионального значения с уточненным наименованием «Усыпальница купца Ф. Д. Котопули, описанная А. П. Чеховым в рассказе «Ионыч» [4].

2. Моисон, братья, кефалонцы. Обширный постамент, состоящий из дикого камня, с 4 сторон облицованного толстыми, белого мрамора, досками (с барельефами на них). Самый памятник — античный, портик (греческого типа, из двух круглой формы колонок и двух четырехугольной формы — дорического стиля). Работа итальянского мастера из Италии, оч. художественная [3, л. 26].

От былой роскоши остался лишь высокий цоколь, укрывающий погребальную камеру, с признаками попыток вскрытия. Существенная часть мраморной облицовки обрушена, сохранившиеся блоки портика разбросаны вокруг, колонны утрачены.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища¹.

3. Памятник-obelisk с нишей, в ней — фигура ангела — барельеф; хороший па-

¹ Здесь и далее под «предметом охраны ансамбля кладбища» подразумевается перечень, описанный в Постановлении Министерства культуры Ростовской области от 25.04.2017 № 216 «Об утверждении границ и предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Ансамбль бывшего христианского кладбища».

росский мрамор; типичный греческий стиль; хорошее исполнение [3, л. 26].

Беломраморное надгробие утратило навершие, вероятно, выполненное в форме креста, портретную вставку; имеет отклонение от вертикальной оси. Из эпитафии на греческом языке следует, что здесь похоронена дочь купца Хрисанфи Михалициано (греч. ΧΡΥΣΑΝΘΗ. Γ. ΜΙΧΑΛΗΤΣΙΑΝΟΥ, 1876–1889) [5, с. 15].

В настоящий момент (сентябрь 2023) проводятся работы по консервации².

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

4. Тарлас А. Я. 1843 г. Пьедестал из белого мрамора, на пьедестале — крест типично византийского стиля; наверху фигура женщины с якорем; художественная работа [3, л. 26].

И скульптура, и пьедестал сохранились. Скульптура в настоящее время находится во дворе Таганрогского художественного музея (ТХМ, ул. Александровская, 56). Вывезена с территории кладбища в 1976 году вместе с шестью подобными изделиями для обеспечения сохранности [6, с. 39]. Пьедестал нуждается в срочных противоаварийных работах, эпитафия на греческом с трудом читается, однако дает понять, что здесь похоронен Аристид Теодорович Тарлас (греч. ΑΡΕΣΤΙΔ ΘΕΟΔΩΡΟΣΤΑΡΛΑΣ, 1843–1884). Вероятно, опись содержит опечатку в инициалах.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

5. Деллапортис. †1873 г. Постамент из белого мрамора; на нем саркофаг из б. мрамора с сидящим и наклоненным вниз ангелом; византийский стиль; работа художественная [3, л. 26об.].

Одна из существенных утрат таганрогского некрополя за последние десятилетия. Фрагмент саркофага с ангелом был демонтирован и перевезен в ТХМ [6, с. 31], а от бывшего величественного пьедестала греческого купца из Кефалонии Ивана Даллапортиса (греч. ΔΑΛΛΑΠΟΡΤΑΣ ΙΩΑΝΝΗΣ, 1805–1873) остались лишь песчаные плиты основания и холмик битых кирпичей. По сохранившимся фотографиям возможно воссоздание.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

6. Без имени. Фигура женщины в гробу, белый мрамор; положение женщины — типа католического погребения; памятник выловлен в Азовском море [3, л. 26об.].

Нетипичная даже для многоконфессионального Таганрога эффигия (рис. 1) является объектом городских легенд и многочисленных домыслов. Диссонанс дорогой беломраморной скульптуры молодой женщины в одеянии XIX столетия и дешевого, непропорционального бетонного постамента позволяет объективно говорить о том, что это не первое ее пристанище. Однако, была ли она извлечена из моря, чтобы в дальнейшем стать надгробием или перекочевала на новое место из ранее разрушенной усыпальницы, установить пока не получилось.

В настоящий момент (сентябрь 2023) проводятся работы по консервации. После очистки поверхности от многочисленных слоев лакокрасочных покрытий надписи не обнаружены.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

7. Грекова. Каменный постамент, на нем четырехугольная мраморная колонна; на ней высеченные венки, песочные часы, наверху — надстройка — пирами-

² Разрешение на проведение работ от 01.08.2023 № 122–23.

Рис. 1. Эффигия на могиле неизвестного («Уснувшая навсегда»). Фото автора. 2021 год

да на орлиных лапах; наверху — крест; мрамор; очень хорошей работы [3, л. 26об.].

Утрачен.

8. Скараманга Листрат Петрович. 4-угольная колонна; на ней высеченные венок, песочные часы, наверху надстройка — пирамида на орлиных лапах; наверху — крест; мрамор; очень хорошая работа [3, л. 26об.].

Пьедестал описываемого надгробия, с некоторыми утратами, дожил до наших дней. Эпитафия практически не читается, можно разобрать лишь имя на греческом: «ΕΥΣΤΡΑΤΙΟΣ ΠΕΤΡΟΥ ΣΚΑΡΑΜΑΓΚΑΣ». Наверху утрачено.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

9. Белоусов. 4-угольная колонна из белого мрамора с урной. 1879 г. [3, л. 27]

Утрачен.

10. Памятник, находящийся в ограде Стогова. Без имени. Колонна, наверху — фигура женщины, прислонившейся к кресту. Колонна — плитняк, фигура — мрамор [3, л. 27].

Памятник со скульптурой сохранился. По сведениям краеведа О. П. Гаврюшкина, здесь покоится Пелагея Ивановна Стогова — жена таганрогского купца Степана Михайловича Стогова [7, с. 240]. Установить первоисточник данной информации и проверить ее достоверность не удалось.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

11. Македонский. †1851 (архитектор, автор плана г. Таганрога в 1808 г.) [3, л. 27]

К сожалению, описание памятника отсутствует, однако в непосредственной близости от участка Стоговых и плиты священника Орловского сохранилось примечательное надгробие, ассоциируемое с

родственником архитектора — портовым чиновником Константином Петровичем Македонским.

В августе 2023 в рамках консервационных работ поверхность памятника очищена от органических загрязнений, на одной из граней выявлены остатки ранее неизвестного текста, похожего по оформлению на информацию об умершем. Это дает возможность предполагать, что перед нами семейное захоронение. Имя уже не представляется возможным установить, а вот фрагменты вторичной информации, возможно, получится распознать. Работы еще не окончены.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

12. Орловский. †1867 г. Чугунная плита, литье с выпуклыми фигурами Христа и двух женщин [3, л. 27].

Несмотря на утрату основания и многочисленные исторические перипетии,

плита священника Иоанна Марковича Орловского (умер в 1867 году) дошла до наших дней с небольшими утратами. К настоящему моменту это наиболее старая среди дошедших до наших дней чугунных плит, выявленных автором в рамках таганрогского некрополя. Форма плиты похожа на продукцию литейного и механического завода Исаака Григорьевича Фронштейна (Ростов-на-Дону), встречающуюся на станичных кладбищах Ростовской области (рис. 2).

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

13. Попандопуло. Постамент — дикий камень, памятник — б. мрамор, наверху — крест. †1895 г. [3, л. 27]

Конструктивно памятник на могиле Софии Афанасьевны Попандопуло (греч. ΣΟΦΙΑ ΑΦΑΝΑΣΙΟΥ ΠΑΠΑΔΟΠΟΥΛΟΥ, ум. 1895 на 66 году) дошел до нас с мини-

Рис. 2. Чугунная плита с маркировкой завода Фронштейна с одного из станичных кладбищ Ростовской области (слева, 2022 год, фото А. Сенникова) и чугунная плита И. М. Орловского из Таганрога (справа, 2023 год, фото автора)

мальными утратами, однако поверхность по всей площади имеет следы глубоких органических поражений и нуждается в первоочередных консервационных и противоаварийных работах.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

14. Магула. Черный гранит — куски круглой формы, четырехугольной и квадратной, соединены в одну целую колонну. 1833 г. [3, л. 27].

Непривычное описание колонны с муфтой (колонны, перебитой кубом), тем не менее, позволяет говорить об утрате навершия памятника грека Марка Спиридоновича Магула (1765–1833) еще к моменту описания в 1934 году. В остальном же памятник в отличном состоянии.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

15. Без имени. Колонна из дикого камня с железным крестом на железном шаре, старинная работа, не лишенная своеобразной оригинальности; судя по местоположению, вблизи церкви, к 1801–1810 гг. Верхушка колонки — «шатрового» стиля [3, л. 27].

Утрачен.

16. [Романов]. †1852. На цементном постаменте — чугунная доска с рельефами, литье [3, л. 27].

Утрачен.

17. Талалаев. Чугунная плита — литье. 1833 г. Работа, по всей вероятности, Луганского завода [3, л. 27].

Утрачен.

18. Золотарев Александр Сергеевич. За-

щитник левых ориентаций. 1902–1907 г. Железный крест [3, л. 27об.].

Александр Сергеевич Золотарев (1869–1912) — яркий общественный деятель, популярный адвокат. На его смерть, случившуюся из-за рака кишечника, в местной прессе написаны многочисленные некрологи [8], траурная процессия и похороны запечатлены детально [9]. Из газетных заметок: «Место последнего упокоения выбрано недалеко от главной аллеи направо прямо против Кладбищенской церкви» [10], металлический гроб (рис. 3) [11] установлен в склепе, замурованном после похорон [12].

19. Туркиных. Постамент дикого камня; колонна 4-угольная, стильная, из лабрадора; наверху из б. мрамора фигура ангела с пятиконечной звездой на голове [3, л. 27об.].

Речь идет о семейном надгробии на могиле Акима Михайловича Андреева-Туркина (умер в 1886 на 84 году) и его супруги Анны Ивановны (умерла в 1907 на 90 году жизни). Памятник до сих пор

Рис. 3. А. С. Золотарев в гробу [18]. 1909 год

в хорошем состоянии, за исключением мраморной скульптуры, нуждающейся в очистке от наслоений извести и органических загрязнений.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

20. [Капенаки] Анна, родилась в 1776 году. 4-угольная мраморная колонна, на ней — пирамида; мрамор; орнаменты — песочные часы, трилистники и пр. [3, л. 27об.]

Утрачен.

21. Туркиных-Андреевых. Мраморный постамент, стильный, на постаменте, очень хорошей работы мраморный ангел с венком — фигура, размер более человеческого роста. Итальянская художественная работа. 1839 [3, л. 27об.].

Надгробие над родовым склепом, установленное, если верить надписи на самом памятнике, семьей упомянутого ранее купца Акима Михайловича. Эпитафия дошла до нас в плохом состоянии, можно говорить о наличии в могиле трех представителей семейства: предположительно, Михаиле, скончавшемся в 1839 году, Степане (умершем в 1841 году) и женщине, умершей в 1844 году [5, с. 33]. В целом памятник имеет небольшие утраты деталей основания, у ангела отбит нос. Поверхность покрыта слоями побелки и органических загрязнений. Особое опасение вызывает состояние отмостки и свода склепа.

Некоторые поздние источники представляют надгробие как погребение некоего «Турилони» [6, с. 26; 13; 14], что, вероятно, вызвано некорректным прочтением почти увядшей эпитафии.

На 2024 год запланировано проведение противоаварийных и консервационных работ.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

22. Маркаки. 1877. Постамент и на нем обелиск — многогранник; мраморный барельеф: кости — мрамор [3, л. 27об.].

Судя по всему, конструктивных утрат с 1934 года памятник не понес, однако поверхность сильно поражена лишайниками и грибокком, эпитафия полностью не читается. Похороненный здесь представитель семьи Маркаки скончался в 1877 году.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

23. Мато (Дмитрий). Каменная плита-глыба. 1843 г. [3, л. 28]

Рядом с плитой Михаила Мато расположена безымянная плита схожего исполнения. Возможно, это и есть надгробие Дмитрия Мато.

24. Мато (Михаил). Каменная плита-глыба. 1843 г. [3, л. 28]

Грубовато выполненная плита из ракушечника на могиле Михайло Васильевича Мато, скончавшегося в 1843 году, сохранилась без существенных утрат [15, с. 127].

25. Гусева. †1842. Памятник оригинальной формы — смесь кусков камня различных геометрических фигур; песочные часы и вверху — пирамида-мрамор [3, л. 28].

Учитывая расположение описанных выше и ниже памятников, рядом найдется сходное по описанию безымянное надгробие из белого мрамора (рис. 4).

26. Мамеледжогло. 1841 г. Типичный саркофаг. На 4 боковых стенах — растительный орнамент, переходящий в вязь на доске, по углам 4 медальона, на 2-х растительный орнамент, в 2 — высеченные ангелы, 5-й медальон — крест, посередине — 6-й медальон (букет, орнаментика) [3, л. 28].

Беломраморное надгробие на могиле Апостоли Егоровича Мамеледжогло

Рис. 4. Предположительно, надгробие Гусевой
(умерла в 1842 году). Фото автора. 2023 год

(умер в 1841 году) время и люди не пощадили: долгие годы плита исполняла роль кормушки для животных, грани покрывались побелкой поверх органических и масляных загрязнений.

В настоящее время (сентябрь 2023) проводятся работы по консервации.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

27. Мажневская. †1830 г. Постамент — мрамор, на нем усеченная колонна из мрамора [3, л. 28].

Перед входом в церковь находится несколько старинных постаментов, плотно забеленных или покрашенных, один из них принадлежит Елизавете Можневской, скончавшейся в 1830 году. Колонна утрачена.

28. Постамент из дикого камня; на нем — мраморная колонна; наверху — фигура ангела; обвитые гирлянды. Похоронена Анна Федоровна Шауфус, родилась в 1801 г. [3, л. 28]

Еще одна утрата — на вершине на могиле Анны Прохоровны Залесской, урожденной Шауфус (1801–18[66]). Сбитая с постамента нижняя часть фигуры ангела все еще лежит среди разбросанных плит основания. Склеп заграблен, надгробие сильно поражено грибком и иной органикой. Во время очередного субботника при уборке застарелого свалочного очага были обнаружены фрагменты крыла (Рис. 5) и, возможно, ноги.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

29. Шилье. Памятник-обелиск из мельничных жерновов — дикий камень, приблизительно до 14 м высотой [3, л. 28].

Памятник утрачен, хотя, недалеко от захоронения Шауфус под мусором проступают огромного размера каменные блоки, которые вполне могли быть основанием столь внушительного сооружения. Достоверность указанной высоты вызывает сомнения: неужели обелиск был выше храмовых крестов?

30. Юлия Скараманга (английская подданная). Кельтская гробница — мрамор; на гробнице — рельефный крест византийского стиля; другая гробница тоже кельтская и с таким же крестом, обе — в одной ограде; сохранить ограду [3, л. 29].

В описанной ограде до сих пор сохранилась и гробница с «кельтским крестом», и детское надгробие в форме характерного саркофага.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

31. Семья Емес и Деш (англичане, к 1900 г.). Памятники мраморные, типичные кельтские гробницы, завершение

Рис. 5. Фрагмент крыла от скульптуры ангела с надгробия Анны Залесской, урожденной Шауфус (внизу, фото автора, 2023 год), исторические фотографии надгробия (из фондов ТГЛИАМЗ, не позднее 1970 года)

типа могилы-дольмены; художественной работы на могиле Джона Емес [3, л. 29].

Участок с захоронениями британских подданных довольно обширен. До наших дней сохранилось несколько надгробий с эпитафиями, среди которых есть фамилии Емес, Каррутерс, Ландер, лежит блок от надгробия Вильяма Деша. На надгробии купца Ивана Васильевича Емеса (1839–1909), изготовленного в мастерской Андервуда из Лондона в 2023–2024, планируется проведение

противоаварийных и консервационных мероприятий.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

32. Постамент — гранит; колонна — [...] с крапинками мрамора. — Назимова, 1829 г. [3, л. 29]

Массивное гранитное основание надгробия майора Николая Петровича Назимова (1792–1829) провалилось в склеп, цилиндрическая колонна с эпитафией находится в ограде британских подданных по соседству, наверху утрачено.

33. Маслениковы. †1850 г. Большая чугунная двойная плита, разбитая пополам, с литыми надписями и рельефами — изображениями Христа, Иоанна и Марии [3, л. 29].

Утрачен.

34. Хапинеофитос. †1847 г. Большая мраморная плита; на ней высечены череп и кости [3, л. 29].

Надгробие на могиле греческого подростка (греч. ΕΛΕΥΘΕΡΙΟΣ ΧΑΝΜ ΝΕΟΦΥΤΟΣ, 1831–1847) дошло до наших дней без конструктивных утрат, однако эпитафия местами повреждена и не читается.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

35. Щортан. †1858 г. Пьедестал — черный мрамор, на пьедестале из белого мрамора крест; все — прекрасной художественной работы, по всей вероятности, итальянской [3, л. 29].

Крест на могиле Петра Ивановича Щортан (умер в 1858 на 63 году) утрачен. На фотографиях 1970-х годов этот элемент еще фиксировался. Пьедестал в хорошем состоянии, однако основание имеет просадку, в результате чего колонна отклонена от вертикальной оси.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

36. Иловайская. †1827 г. Плита — песчаник, на земле [3, л. 29об.].

Надгробие полковницы Елизаветы Иловайской (умерла в 1827 на 44 году жизни) — образец традиционной песчаной плиты, изготовленной, вероятно, на Луганском литейном заводе [15, с. 126].

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

37. Перушкин (за церковью). Памятник — б. мрамор; орнаменты; по углам — «пламя», наверху — преклоненная фигура ангела [3, л. 29об.].

Утрачен.

38. Алфераки. Белый мрамор в виде пирамиды. 1840 г. (около церкви) [3, л. 29об.]

Надгробие Марии Федоровны Алфераки (1775–1840), урожденной Деспальдо, дошло до нас практически без утрат (за исключением навершия пирамиды, на его месте в начале 2000-х появился небольшой крест), покрыто многочисленными слоями краски.

Очистка и работы по консервации запланированы на 2024 год.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

39. Толстой. †1870 г. 4-угольная колонна, наверху — фигура молящейся женщины; богатая орнаментика; мрамор. В общем, художественной работы [3, л. 29об.].

Основание надгробия инженера генерала-майора Григория Матвеевича Толстого (1816–1870) сохранилось, скульптура перенесена в Таганрогский художественный музей [5, с. 37].

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

40. Вучетич. †1822. Каменный пьедестал, на нем — мраморная плита с высеченной фигурой черепа с костями; мрамор; итальянская (во всяком случае, не греческая) работа [3, л. 29об.].

Надгробие на могиле купца Николая Евгимиевича Вучетич (1774–1822 гг.) дошло до наших дней практически без утрат. Поверхность покрыта слоями побелки, что затрудняет атрибуцию камня, из которого изготовлена плита, однако по фактуре он слабо напоминает мрамор.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

41. Цеппович. 1794–1864 г. 4-угольная колонна, над ней надстройка в виде пирамиды на ножках; мрамор [3, л. 29об.].

Утрачен.

42. Баташевы. †1832. 2 плиты из песчаника [3, л. 30].

Две однотипные плиты из коричневого песчаника, по своему исполнению и датировке родственны плите Елизаветы Иловайской, под ними были упокоены купец 2-й гильдии Михаил Кондратьевич Баташев (умер в 1835 на 50 году) и женщина с такой же фамилией. Плита женщины сильно повреждена, что затрудняет распознавание нанесенного на ней текста. Расположение плит говорит об их оторванности от их первоначального положения.

43. Семья Скорбилиных †1855 г. Постамент — дикий камень, на нем — мраморная тройная плита, очень толстая [3, л. 30].

Утрачен.

44. Юлия Минкевич. †1861 г. 4-угольная мраморная колонна, наверху — саркофаг; орнаментика [3, л. 30].

Навершие не сохранилось.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

45. Без имени. Очень оригинальной своеобразной формы памятник. Вид мавзолея восточного типа. Стена из отдельных плит, взятых в металлические скобы. На стенах выпуклые украшения; 4 — две-

рей-створ. Наверху памятника — шар. Крупнозернистый мрамор [3, л. 30].

Безымянный памятник за последние десятилетия понес существенные утраты. В архитектуре угадывается стилистика первой половины XIX века.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

46. «Carlo Orem. Doctor». Памятник мраморный, постамент, на нем сам памятник в виде гроба-гробницы. На последней — орнаментика: весы, [...] и т. д. Доктор (времен начала 19 века) [3, л. 30].

Поверхность гробницы Карла Ивановича Орема сильно пострадала от воздействия времени, декор и эпитафия едва заметны. Из орнаментов виден 4-конечный крест и крылатые песочные часы.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

47. Евладова. Постамент; памятник — белый мрамор; крест на нем — строго стильный и очень интересный по работе [3, л. 30об.].

Утрачен.

48. Комнено-Варвацци Николай Егорович. †1860. Каменный постамент. Мраморная доска. На ней — интересный горельеф — сидячий ангел-мальчик под нависшим деревом — плакучей ивой, рука склонилась на песочные часы. Автор доски: ΙΑΚ. ΜΑΛΑΚΑΤΕΣ ΕΓΟΙΕΙ. Доска — в рамке, по которой характерный помпейский орнамент. Крест — стильный, художественной работы. Вся [вещь] классическая, музейная [3, л. 30об.].

Плита Николая Егоровича Комнено-Варвацци (1830–1860) долгие десятилетия была сокрыта в слоях мусора, пока в 2013 году силами предприятия «Лемакс» участок и само надгробие не были приведены в порядок.

Спустя 10 лет плита снова нуждается в помощи реставраторов.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

49. Леонид Минье. †1853. Доктор старого Таганрога начала 19 века. Известен тем, что подарил городу свою библиотеку. Постамент памятника — 2 бруса, на нем круглая мраморная колонна, наверху — урна «Ai veroiar» [3, л. 30об.].

Утрачен.

50. Иорданова. †1850 г. Памятник — соединение мраморных брусков и кусками круглой формы; розовый мрамор. Постамент — черный гранит и дикий камень [3, л. 31].

Перед нами популярный для начала XIX столетия памятник в виде колонны с 4-гранной муфтой и текстом на русском и греческом языках. Надгробие на могиле Софии Анастасьевны Иордановой через год после кончины установил супруг Федор. Навершие утрачено, вероятно, еще к моменту составления описи.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

51. Лосева (1870-е годы). 4-угольный памятник; мрамор; орнаменты; наверху — фигура женщины; хорошая работа [3, л. 31].

Скульптурное навершие на могиле братьев Лосевых утрачено. Из едва читаемой эпитафии следует, что здесь упокоен купец 2-й гильдии Леонтий Никифорович (1829–1870) и надворный советник Илья Никифорович (1833–1868) Лосевы — дети крупного застройщика и владельца кирпичного завода в Таганроге начала XIX века.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

52. Паулини. †1858 г. Плита дикого камня; интересная орнаментика вокруг высеченного креста [3, л. 31].

Плита Вильгельмины Паулини (1818–1858 гг.) расположена в окружении других плит середины XIX века.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

53. Кобылин. †1878 г. Черный гранит. На памятнике — ритуал старообрядческого погребения. Худ. работа [3, л. 31].

Кобылин Иван Евстратьевич (умер в 1878 на 70 году жизни) — купец 1-й гильдии, очень состоятельный и влиятельный человек в Таганроге, старообрядец, что обусловило оформление его надгробия в форме традиционного саркофага из цельного каменного блока.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

54. Кобылина (жена его). Темно-серый мрамор. Та же работа [3, л. 31].

Евдокия Ильинична Кобылина (умерла в 1870 на 64 году жизни) — супруга Ивана Евстратьевича, с которым прожила в браке 42 года.

Саркофаги семьи Кобылиных имеют многочисленные сколы и утраты. В 2015 году территорию участка привели в порядок и «осовременили».

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

55. Свечников. †1811. По форме — саркофаг из цемента. Орнамента: «поясы», «убрусы»; наверху, на доске высеченный крест. Памятник старинного искусства, возможно, местного мастера [3, л. 31].

Утрачен.

56. Дьяконов. Общественный работник. Памятник поставлен на средства города. Лабрадор [3, л. 31об.].

Александр Федорович Дьяконов (умер в 1903) — примечательная для Таганрога личность, искренне радевшая за развитие школьного образования и материальное положение своих коллег-учителей. Модное надгробие из лабрадорита в форме дерева с обрубленными ветвями от имени «благодарных учителей» появилось в 1909 году, хлопотами Павла Петровича

Филевского [16]. Надгробие дошло до нас без креста, с мелкими утратами фрагментов камня по всей поверхности.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

57. Батмановский. †1807. Колонна, доска — плитняк [3, л. 31об.].

Утрачен.

58. Точилковский. †1890 г. Постамент и памятник черного мрамора — работа под влиянием запада и катацизма [3, л. 31об.].

Некогда качественно исполненный мастером из города Вильно памятник на могиле доктора Андрея Яковлевича Точилковского (1828–1890), ныне представляет собой груды каменных блоков. Крест утрачен.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

59. Боровский. †1890 г. Усеченная, белого мрамора колонна, увитая мраморными гирляндами. Художественная работа [3, л. 31об.].

Утрачен.

60. Ласкин (строитель таганрогского порта). †1883. Мраморная 4-гранная колонна [3, л. 31об.].

Утрачен.

61. Скараманга Иван. 1-й памятник — мраморная скала; на ней в форме колонки мраморный, художественной работы крест с рельефной на нем гирляндой цветов [3, л. 31об.].

На обширном семейном участке Ивана Амвросиевича Скараманга (1829–1902) до наших дней сохранился и описанный крест, и менее интересные, с художественной точки зрения, бетонные надгробия-саркофаги на могилах жены Вергинии Михайловны (1841–1912), урожденной Петрококкино, и старшего сына Михаила (1862–1916).

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

62. Коресси (урож. Скараманга). Цементный пьедестал; на нем фигура, изображающая плачущую, прислонившуюся к кресту женщину; на кресте — венок художественной работы [3, л. 32об.].

От красивейшего надгробия остался лишь фрагмент бетонного пьедестала. Однако сохранились исторические фотографии, по которым возможно воссоздание.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

63. Черевков. Постамент из черного мрамора, на нем статуя из темной бронзы, изображающая склоненную к кресту женщину (изъята под охрану и остальные три памятника в ограде) [3, л. 32об.].

Участок с оградой Черевковых сохранился. Внутри все также находится высокий постамент из лабрадорита на могиле Дмитрия Васильевича Черевкова (умер в 1906 на 62 году жизни) и три бетонных тумбы с одинаковыми массивными плитами из лабрадорита. Одна из плит сброшена с основания и перевернута текстом вниз. Описанная бронзовая скульптура утрачена, не отражена ни на одном известном историческом фото.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

64. Исаиа Илья Петрович. †1887 г. Колонна, на ней — барельеф; орнаменты: венок, крест, светильник-лампочка, знаки Меркурия и т. д. Белый мрамор, греческой работы [3, л. 32об.].

Надгробие купца Исаиа (греч. ΗΙΙΑΣ Π. ΗΣΑΙΑΣ) до нашего времени дошло с утратами: блок с барельефом сброшен с основания, навершие-крест утрачено, эпитафия едва читается.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

65. Каррутерс Джон Патр., английский консул в Таганроге 1845–1877 гг. Колон-

на, на ней герб, головка ангела; наверху урна с гирляндой; мрамор [3, л. 32об.].

Семейное захоронение Джона Патрика Каррутерса (1802–1878) и супруги Каролины Лузетаны (1808–1883), урожденной Видерхольд, после официального закрытия кладбища подверглось вандализму [5, с. 107]. Навершие утрачено, оставшиеся блоки разбросаны и утоплены в грунт, склеп подвергся вскрытию и разграблению.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

66. Перушкин (в свое время выкупивший городской театр из частных рук и передавший его городу). Мраморный памятник в виде колонны. Интересная орнаментика [3, л. 32об.].

Утрачен.

67. Клейн. †1912. Сохранились крест и решетка — литые, вследствие художественного рисунка [3, л. 33].

Утрачен.

68. Чешский памятник, поставленный чешским художником жертвам, погибшим в мировую войну. Памятник интересен по художественной композиции, материал — песчаник [3, л. 33].

Установленный в 1920-е годы среди могил чехов и словаков, не доживших до окончания Первой мировой войны, в 1950-е годы памятник стал терять первоначальное окружение из однотипных бетонных гробниц с мраморными досками из-за фрагментарной рекультивации кладбища. Удивительные метаморфозы произошли и в смысловой нагрузке. В довоенных источниках и документах творение скульптора Навратила однозначно ассоциировалось с трагедией чехов, похороненных на чужбине и не доживших до получения независимости их страной, что подтверждается и приводимым описанием.

В списке памятников, подлежащих постановке на государственный учет, утвержденном Решением Исполкома Таганрогского Горсовета § 551 в протоколе № 40 от 1 декабря 1949 года, этот яркий памятник отсутствует.

В аналогичном документе за 1967 год объект превращается в «памятник на могиле чехов и словаков, погибших в боях за установление советской власти в Таганроге» [17, л. 32]. Эта версия устойчиво транслировалась в официальных документах и краеведческой литературе [6, с. 59] на протяжении последующих десятилетий вплоть до недавнего времени. Автор при подготовке небольшого путеводителя по некрополю столкнулся с уникальной книгой-воспоминанием одного из участников давно забытых событий [23]. На основе перевода фрагментов книги появилась короткая заметка с именами 11 человек, изначально похороненных в непосредственной близости к скульптуре. Большинство из них умерли до начала революционных событий [19], что говорит об искажении исторических фактов в угоду идеологии.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

69. Семенюта — плита из лабрадора, ограда стильная, художественной работы [3, л. 33].

Ограда и надгробие начальника Таганрогского порта Александра Пименовича Семенюты (умер в 1912) сохранились. Утрачена калитка, но в целом объект в удовлетворительном состоянии. Два года назад сотрудники порта очистили участок от мусора и растительности, почистили и окрасили ограду.

70. Кулик. †1914. Колонна из черного мрамора, с урной наверху, хорошей работы [3, л. 33].

Памятник на могиле выходца из Запорожья Николая Емельяновича Кулика (умер в 1914 году на 78 году жизни) сохранился, урна сбита (сохранилась с некоторыми повреждениями). Оригинальная фотография утрачена, на ее место потомки установили новую. Кованая ограда практически утрачена.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

71. Броневский В. А. †1928. Народоволец, политкаторжанин. Секретарь Совета Рабочих Депутатов в 1905 г. Цементный гроб с колонной и мраморной доской [3, л. 33об.].

Валериан Алексеевич Броневский (1858–1928) не просто знаковая фигура среди революционных деятелей. Для составителей списка — это коллега и соратник, внесший немалый вклад в вопросы сохранения истории города.

Бетонная гробница до сих пор в отличном состоянии, лишь текст на мраморной вставке утратил былую четкость: «Дорогому товарищу В. А. Броневскому, отдавшему пол-вѣка своей жизни делу революции. Родился в 1858 г. Умер 1928 г. Таганрогская группа политкаторжан».

72. Памятник из цемента, поставленный 13 декабря 1927 года, изображающий склоненную фигуру рабочего с [молотом] в руках [3, л. 33об.].

Надгробие на могиле трагически погибшего работника прессового цеха Русско-балтийского завода Онуфрия Константиновича Калашникова (умер в 1926 на 27 году) предположительно выполнено популярным в тот период мастером по фамилии Навратил. Современное состояние, к сожалению, близко к утрате из-за набирающих обороты деструктивных процессов и недолговечности использованного материала.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

73. Постамент на братской могиле большевиков, зверски убитых белыми и похороненными ранее в городском саду. По мнению членов комиссии, памятник этот должен быть заменен более художественным, идеологически выдержанным памятником [3, л. 33об.].

Крайне любопытная ремарка приведена в последнем предложении. Судя по фотографиям Александровской площади за разные периоды, к моменту формирования данного списка основание от памятника Александру I уже переехало на кладбище и приобрело новое навершие, частично дошедшее до наших дней, и речь идет именно о нем.

Входит в предмет охраны ансамбля кладбища.

Среди обозначенных 73 разнотипных объектов приходится констатировать полную утрату 20 (27%) штук, практически полную утрату с фиксацией местоположения и наличием фотоматериалов для воссоздания — 2 (3%). Подавляющее большинство сохранившихся памятников находится в неудовлетворительном состоянии, и лишь на 5 (7%) из них в 2023–2024 запланированы работы по сохранению. Из 53 сохранившихся объектов 46 (87%) входят в актуальный предмет охраны ансамбля некрополя, являясь в большинстве своем не только предметом научного интереса, но и популярными объектами туристского показа.

В архивном деле об исторических памятниках Таганрога 1920–1930-х годов есть любопытная страница машинописного текста с исправлениями от руки, вероятно, являющаяся частью перечня бесхозных и интересных для социалистических нужд памятников из недешевых каменных пород. Содержи-

мое данного листа [3, л. 40] приводится в приложении (прил. 3). Обращает на себя внимание ремарка о передаче блоков мрамора скульптору Морозову. Возможно, в тексте опечатка, и речь идет о скульпторе Вере Георгиевне Морозовой, создательнице первого в Таганроге памятника А. П. Чехову, открытого в 1935 году. В любом случае, эта информация открывает новые плоскости для исследования творчества городских скульпторов 1930-х годов.

Детальное рассмотрение ранних списков историко-архитектурного наследия Таганрога, в том числе, включающих надгробия христианского кладбища Таганрога, их сравнение с поздними версиями, показывают усиление идеологического влияния на сферу охраны культурного наследия к 1940-м годам.

С конца 1920-х революционная риторика планомерно вытесняет локальную дореволюционную историю, послевоенный период закрепляет эту тенденцию и расширяет перечни охраняемых объектов за счет отдельных братских могил⁵.

Во второй половине 1960-х количество воинских мемориалов в охранных списках увеличивается [17, л. 32], и вплоть до 1990 года принципиальных изменений в подходах к оценке материального наследия не происходит⁴.

С конца 1980-х до середины 1990-х Северо-Кавказским филиалом Проектного института «Спецпроектреставрация» в Таганроге велась большая работа по соз-

⁵ Вывод сделан на основании анализа списка исторических памятников по г. Таганрогу, утвержденном Решением Исполкома Таганрогского Горсовета § 551 в протоколе № 40 от 1 декабря 1949 года.

⁴ Вывод сделан на основании сравнительного анализа списка памятников по Таганрогу за 1967 год [17, л. 32] и списка, утвержденного Решением Горисполкома № 278 от 8 октября 1980 года.

данию документации для историко-архитектурной охранной зоны⁵, и единственный сохранившийся к тому времени исторический некрополь, также стал предметом интереса специалистов.

В 1992 году ансамбль кладбища и усыпальница Ф. Д. Котопули включают в перечень памятников истории и культуры [20].

По списку примечательных надгробий из научно-проектной документации института «Спецпроектреставрация», включающему 186 объектов [21, л. 4–11], можно сделать заключение о более объективном подходе к определению ценности памятников, чем у предшественников. Именно этот список, откорректированный по части утрат и дополненный, лег в основу актуального предмета охраны ансамбля кладбища [22].

Ввиду слабой изученности территории и изменяющихся со временем законодательства, подходов к определению ценности тех или иных объектов, видится в перспективе необходимость переработки и дополнения существующего перечня ценных объектов в рамках ансамбля, разработки дополнительных режимов, более четко регламентирующих обновление надгробий старше 50 лет, отнесенных к малоценным.

Приложение 1. ВЫПИСКА из протокола № 121 заседания Президиума Таганрогского Городского Совета от 15/III-1934 г. [3, л. 20, 20об.]

СЛУШАЛИ:

§ 5247. О перерегистрации надмогильных сооружений и имущества, находящихся на кладбищах г. Таганрога.

---

⁵ Некоторая часть этой документации хранится в фонде Таганрогского филиала Государственного архива Ростовской области (далее — ТФ ГАРО) Р-974, опись 2 и фондах Таганрогского государственного литературного и историко-архитектурного музея-заповедника (далее — ТГЛИАМЗ).

Докл. т. Тер-Минасов.

ПОСТАНОВИЛИ:

Опросом.

В целях поддержания должного санитарного состояния в г. Таганроге, а также в целях обеспечения населения последнего от распространения инфекционных заболеваний от бесхозяйственного содержания могил и склепов на кладбищах г. Таганрога:

1. Предложить Горкомхозу, Инспекции Госфондов Горфо и артели «Объединение» провести с 15 марта по 20 апреля с. г. перерегистрацию надмогильных сооружений, склепов и имущества, находящегося на всех кладбищах г. Таганрога (христианское, магометанское и еврейское).

2. Обязать Горкомхоз и артель «Объединение» в 3-дневный срок разработать смету на расходы по перерегистрации и таксу по взиманию сбора за перерегистрацию и регистрацию надмогильных сооружений, согласовать последнюю с Президиумом Горсовета.

3. Предложить Комиссии в составе представителей: от Горсовета тов. Шатохина, от Горкомхоза тов. Титова С., от Инспекции Госфондов Горфо тов. Тамарского и представителя от Управления Гормилиции по истечении указанного выше срока перерегистрации учесть все бесхозяйственные надмогильные сооружения с целью сноса таковых и на изъятия в соответствии со ст. 20 Инструкции от 16/X-31 г. Постоянной Комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам Культур «О порядке сноса надмогильных памятников» с отнесением их в госфонд, согласно ст. 40 постановления ВЦИК и СНК от 8/IV-29 г. «О религиозных объединениях».

Окончательный срок работы комиссии I/V-1934 г.

4. Обязать Инспекцию госфондов Горфо реализовать бесхозные надмогильные сооружения: состоящие из металла — металлолома на нужды местной металлургической промышленности, состоящие из других материалов, будь то: мрамор, камень и т. д. — Горкомхозу.

5. Обязать артель «Объединение» после перерегистрации сосредоточить точный учет всех надмогильных сооружений, склепов и др. имущества, находящегося на кладбищах г. Таганрога.

6. Предложить Горфо/Инспекции Госфондов/Горкомхозу и артели «Объединение» довести до сведения городского населения о времени и порядке проведения работ по перерегистрации надмогильных сооружений, склепов и имущества на кладбищах г. Таганрога.

Верно: Управделами Горсовета /подпись/ (Слюсарев)

Приложение 2. Выписка из Инструкции Постоянной Комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам Культур «О порядке сноса надмогильных памятников» [3, л. 21]

VI. О НАДМОГИЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ

19. Надмогильные памятники, надгробия, ограды (решетки) и т. п., построенные религиозными организациями, включаются в общий фонд культурного имущества.

Памятники, эмблемы, решетки, сооруженные частными лицами, являются имуществом этих лиц.

20. Снос памятников, эмблем, решеток допускается в следующих случаях:

а) если будет установлено, что они пришли в состояние ветхости, обвала и в течение годичного срока не восстанавливаются родственниками умершего или близкими ему лицами (бесхозное содержание);

б) когда кладбище частично или полностью ликвидируется (ст. 17 и 18 настоящей Инструкции).

21. Реализация назначенных к сносу памятников, эмблем, плит, решеток и проч. Производится органами НКФина в следующем порядке:

а) памятники, эмблемы, решетки и проч., построенные религиозными организациями (ст. 19 п. 1 настоящей Инструкции) реализуются в порядке правил о реализации госфондов;

б) памятники, эмблемы, решетки и проч., назначенные к сносу при наличии условий, указанных в ст. 20, п. «а», используются органами НКФина, как имущество бесхозное.

22. Поддержание могил и памятников выдающихся деятелей в области общественно-политической работы, революционных деятелей, деятелей науки и искусства, а также тех памятников, которые сами по себе представляют значительную историко-художественную ценность, составляют обязанность местных органов коммунального хозяйства, райисполкомов, сельсоветов.

Памятники эти, как состоящие на учете, охраняются в порядке особой о них инструкции сектора Главнауки и без его разрешения не могут быть сломаны.

Председатель Постоянной комиссии при президиуме ВЦИК по вопросам культур П. Смилович

Секретарь комиссии С. Воробьев
16/Х-31 г.

Верно: Секретарь Комиссии Культур при Таг. Горсовете (Шатохин)

Приложение 3. Машинописная копия списка памятников из белого и черного мрамора [3, л. 40]

ПАМЯТНИКИ БЕЛОГО МРАМОРА

1. Елены Афанасиади

постамент статуя 1857 г.

2. Николай Ханкова (зачеркнуто, от
руки «Клюква») /Михайлов/

Белая мраморная плита

3. Анны Клюквы /Михайлова/

Плита

4. Греков

большой постамент — крест

5. Кумба

тумба и ваза

6. Литионц — тумба

7. Маклаков

большая тумба — крест

8. Амосова — тумба

Из них лучший кусок Карарского мрамора передать в распоряжение скульптора т. Морозова.

ЧЕРНЫЙ МРАМОР — ЛАБРАДОР

1. Лобода

большой пьедестал — крест

2. Лобода — плита

3. Лобода — плита

4. ИССАКОВ — пьедестал — крест

5. Мураитов пьедестал — крест

6. Августинович

Большой пьедестал — крест

7. Точеловский пьедестал — крест

Источники и литература

1. Соколова Анна. Новому человеку — новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. — Москва: Новое литературное обозрение, 2022. — 456 с.

2. Вибе П. П. О подготовке свода памятников истории и культуры Омской области / П. П. Вибе, Т. К. Вибе // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. — 2000. — № 8. — 312 с.

3. ТФ ГАРО. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 383.

4. Об утверждении границ территории объекта культурного наследия регионального значения «памятник на могиле Диметта, который описан в рассказе А. Чехова «Ионыч» (уточненное наименование: «Усыпальница купца Ф. Д. Котопули, описанная А. П. Чеховым в рассказе «Ионыч») [Электронный ресурс] : постановление Комитета по охране объектов культурного наследия Ростовской области от 17.04.2019 № 20/01-01/40 // Официальное опубликование правовых актов. — Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/6101201904220004> (12.09.2023).

5. Алексеенко Е. А. Старое кладбище Таганрога. Путеводитель / Е. А. Алексе-

енко, Е. В. Сирота, А. В. Юрченко. — Таганрог: ООО «Издательство «Лукоморье», 2021. — 168 с.

6. Кукушин В. С. Таганрогский некрополь XIX–XX вв. Историко-художественный очерк / В. С. Кукушин, А. И. Николаенко. — Таганрог: ООО «Издательство «Лукоморье», 2006. — 88 с.

7. Гаврюшкин О. П. Отблески золотых куполов. — Таганрог: Издательский дом Ю. Д. Кучмы, 1999. — 281 с.

8. А. С. Золотарев (Некролог) // Приазовский край. — 1912. — 20 янв. — С. 2.

9. Похороны А. С. Золотарева // Приазовский край. — 1912. — 22 янв. — С. 6.

10. У гроба А. С. Золотарева // Таганрогский вестник. — 1912. — 21 янв. — С. 3.

11. У гроба А. С. Золотарева // Приазовский край. — 1912. — 22 янв. — С. 6.

12. Похороны А. С. Золотарева (окончание) // Приазовский край. — 1912. — 24 янв. — С. 4–5.

13. ТФ ГАРО. Ф. Р-165. Оп. 8. Д. 7.

14. Государственный архив Ростовской области. Фото № 0–18236.

15. Изучение и сохранение исторических некрополей: материалы региональ-

ной научно-практической конференции (27–28 мая 2022 г., Таганрог). – Таганрог: Изд-во ЧОУ ВО ТИУиЭ, 2022. – 160 с.

16. Открытое письмо // Таганрогский вестник. – 1909. – 30 мая. – С. 3.

17. ТФ ГАРО. Ф. Р-165. Оп. 4. Д. 696.

18. А. С. Золотарев в гробу // Приложение к газете «Приазовский край». – 1912. – 29 янв. – С. 18.

19. Гений (Ангел-воин) // ВК-сообщество. – URL: <https://vk.com/@churchyard-genii-angel-voin> (дата обращения: 30.09.2023).

20. О принятии на государственную охрану памятников истории и культуры в Ростовской области [Электронный ресурс]: решение Малого Совета Ростовского Областного Совета народных де-

путатов от 18.11.1992 г. № 310. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

21. ТФ ГАРО. Ф. Р-974. Оп. 2. Д. 25.

22. Об утверждении границ и предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения «Ансамбль бывшего христианского кладбища» [Электронный ресурс]: постановление Министерства культуры Ростовской области от 25.04.2017 № 216 // Официальный портал правовой информации Ростовской области. – Режим доступа: https://pravo.donland.ru/doc/view/id/Постановление_216_04052017_5725/ (12.09.2023).

23. Robl R. Taganrog. Vznik, život a prace prvni ceskoslovenske republikanske obce. (Pris pevekkhistoriinarodnihoodboje). – Brno, 1928.

М. Е. Григорян

МЕМОРИАЛЬНЫЙ ЖАНР В ТВОРЧЕСТВЕ ЯКОВА РУБАНЧИКА И ПАМЯТНИКИ ТАГАНРОГСКОГО НЕКРОПОЛЯ В ОБЪЕКТИВЕ ЕГО ФОТОКАМЕРЫ (1929)

Можно надеяться, что наряду с успехами культуры и с распространением просвещения будут усиливаться интерес к старине и ревность к охране ее памятников, в том числе и памятников надгробных.

— Русский провинциальный некрополь. 1914 год

Профессиональная деятельность Якова Осиповича Рубанчика (1899–1948), уроженца Таганрога и известного ленинградского архитектора, в последнее время все чаще попадает в поле зрения исследователей. Тематами отдельных публикаций становятся различные аспекты его разностороннего дарования, отличавшегося значительной широтой. Рубанчик занимался архитектурным проектированием и строительством, вел педагогическую работу в Академии художеств, писал очерки и статьи, многие из которых были опубликованы на страницах советских периодических изданий; сказал он свое слово и в архитектурной критике. Отдельный интерес представляют его научные исследования в области истории архитектуры различных городов, которыми он занимался на

протяжении всей своей жизни. Нами уже неоднократно рассматривалась деятельность Якова Рубанчика по изучению таганрогской архитектуры эпохи классицизма: в частности, значительная часть собранного им фотографического материала легла в основу монографии об истории архитектуры города [19], а также использовалась при формировании новой экспозиции музея «Градостроительство и быт г. Таганрога» (2018–2019).

В данной статье предлагается проанализировать тот аспект многообразной творческой деятельности Якова Рубанчика, который был связан с мемориальным жанром. Со студенческих лет проектирование мемориальных сооружений стало неотъемлемой частью его занятий. С этой темой он соприкоснулся еще на заре своей творческой биографии. В двадца-

тилетнем возрасте, будучи студентом архитектурного отделения Одесского высшего художественного училища, Рубанчик получил первую премию за конкурсный проект памятника «Жертвам революции в Одессе» (1919). Выполненный из дерева лаконичный обелиск был установлен на Куликовом поле, переименованном позднее в площадь Октябрьской Революции¹. В следующем году Рубанчик выполнил ряд эскизов временного убранства расположенной здесь братской могилы, в которой были погребены более ста революционеров, погибших при установлении советской власти. Художественное оформление братского захоронения было приурочено к 1 мая 1920 года. Согласно одному из предложенных Рубанчиком вариантов, насыпанный в виде кургана холм должен был увенчать классической формы саркофаг, завершением которого служила покрытая покрывалом урна с пятиконечной звездой. У основания саркофага размещался памятный венок². В такой же строго классицистической традиции был выдержан еще один выполненный для Одессы проект памятника, посвященный гражданам, павшим в Первой мировой войне (1924) [1; 2].

В 1920 году в Таганроге по проекту Якова Рубанчика было выполнено оригинально оформленное надгробие над могилой участника Гражданской войны, члена командно-политического состава Красной Армии Т. И. Дышлогого, погибшего в боях за Царицын³. Место для захоронения определили в центре Иеру-

салимской площади — непосредственно перед памятником Александру I, установленным в 1831 году по проекту скульптора И. П. Мартоса — одного из наиболее значительных представителей русского классицизма. Благодаря счастливому стечению обстоятельств, захоронение Дышлогого, впоследствии перенесенное на территорию бывшего христианского кладбища, в начале 1920-х годов попало в объектив фотокамеры выдающегося этнографа, профессора А. А. Миллера [16]. Памятник императору, в скором времени снятый с постамента и переплавленный «на нужды советской промышленности», в это время был полностью закрыт деревянными щитами (рис. 1).

Окруженный узорчатой металлической оградой памятник Трофиму Дышловому представлял собой бетонную стелу в форме стилизованной «будёновки», увенчанной пятиконечной звездой. По бокам находились небольшие декоративные волюты, опирающиеся на устои ограды. На поверхности стелы была закреплена мраморная доска с текстом эпитафии, написанной в духе революционной романтики 1920-х годов⁴:

Павшему
смертью храбрых за социализм
27 февраля 1920 года
Защитнику Красного Царицына
дорогому товарищу
Трофиму Ивановичу
Дышловому
от сражавшихся плечо к плечу
товарищей Царицынцев.
Спи спокойно, дорогой товарищ.
Ты умер, но ты с нами.
Содеянное тобою живет
Солнце социализма ярко светит!

¹ В 1932 году его сменил выполненный из бетона обелиск, спроектированный А. Б. Минкусом.

² Различные варианты оформления братского захоронения сохранились в фондах Музея архитектуры им. А. В. Щусева (№ Р Ia-7092/1-6).

³ С 1925 года — Сталинград, с 1961 года — Волгоград.

⁴ Оригинальная орфография сохранена.

До нашего времени от первоначального памятника сохранилась лишь плита с эпитафией, вмонтированная в пятиугольную бетонную основу. Оригинальная стела утрачена (рис. 2).

В 1920-е годы, во время учебы на архитектурном факультете Высшего художественно-технического института в Ленинграде (бывшая Академия художеств), Рубанчик постоянно обращается к мемориальному жанру. Как правило, это происходит в рамках участия во всевозможных конкурсах, которые в то время регулярно проводились молодой советской республикой. Для студента, вынужденного самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, полученные на конкурсах премии являлись весьма неплохим финансовым подспорьем. В числе таких конкурсов были и посвященные мемориальной тематике. Так, в 1924–1925-е годы Яков Рубанчик в соавторстве с товарищем по академии П. В. Абросимовым представил на Всесоюзном конкурсе под девизом «Единогласие» проект памятника-мавзолея В. И. Ленина в Одессе на площади Октябрь-

ской Революции [27, с. 7]. В отличие от выполненных ранее композиций, интересующих по большей части классические мотивы, в этом проекте явно прослеживается влияние конструктивизма — стиля, с которым были связаны первые шаги в самостоятельной профес-

Рис. 1. Захоронение Дышлогого Т. И. на Иерусалимской площади в Таганроге. Фотография А. А. Миллера. Выполнена между 1920 и 1927 годами. © ИИМК РАН

Рис. 2. Памятник Дышловому Т. И. на территории кладбища. Фотография. 2016 год

сиональной деятельности Рубанчика [3]. Увлечение новаторскими формами авангарда демонстрирует и спроектированный в 1931 году памятник музыканту А. С. Липянского⁵.

Предвоенный период творчества Рубанчика также отмечен участием в целом ряде конкурсов и работой в области мемориального жанра. В частности, в это время были выполнены проекты надгробных памятников архитекторов-педагогов И. А. Фомина⁶ (1938) и С. С. Серафимова (1939), оказавших значительное влияние на Рубанчика в годы учебы в Академии и способствовавших его становлению как мастера-профессионала. Проект памятника профессору Серафимову был реализован после войны: в конце 1940-х годов надгробие установили на могиле архитектора на Волковском кладбище [23, с. 41]. Архитектурная часть памятника выполнена Рубанчиком, а профильный барельефный портрет создал его друг и коллега А. К. Барутчев. Этих двух мастеров еще со времен студенчества связывали многолетние и плодотворные творческие отношения.

Мемориальные проекты Рубанчика второй половины 1930-х годов сдержанны и немногословны, их отличает строгость и логика формы, спокойные линии, отточенность композиции. Выполненные в классическом духе, они отражали характерный для этого времени поворот советской архитектуры к переосмыслению и освоению исторических традиций прошлого.

В период Великой Отечественной войны Яков Рубанчик, остававшийся в бло-

кадном Ленинграде и стойчески переживавший вместе с любимым городом все тяготы этого непростого времени, создал, пожалуй, наибольшее количество проектов, посвященных теме «памяти». В них нашла свое художественное отображение суровая эпопея борьбы, мужества и героизма жителей и защитников легендарного города. В 1942 году Рубанчик участвует в конкурсе Ленинградского отделения Союза советских архитекторов (далее — ЛОССА) на проект «Монумента защитникам Ленинграда» и получает за него III премию. Тогда же он предлагает свой проект архитектурного оформления братского захоронения на Пискаревском кладбище [4]. К числу осуществленных в это тяжелое время замыслов можно отнести декоративное убранство гробницы Петра I в Петропавловском соборе [8]: согласно решению Военного совета Ленинградского фронта, у художественно оформленных захоронений величайших полководцев своего времени — Александра Невского, Петра I, А. В. Суворова и М. И. Кутузова — должны были приносить присягу отправлявшиеся на фронт бойцы [27, с. 18]. Память о славе русского оружия была призвана способствовать поднятию и укреплению боевого духа.

В 1943 году, по инициативе командования 45-й гвардейской стрелковой дивизии, Ленинградский Союз архитекторов провел товарищеский конкурс на проект памятника герою войны, комиссару Георгию Журбе. Выполненный Рубанчиком проект был признан одним из лучших и награжден грамотой Штаба дивизии и Президиума ЛОССА [9]. Премию и почетный отзыв Архитектурно-экспертного совета получил и проект надгробия на могиле погибшего профессора Л. Шишко [5; 6]. Оба памятника характеризуются схожим композиционным решением —

⁵ Проект и фотографии макета памятника сохранились в фондах ГНИМА: ОФ-1578/174, № Р Ia-8936; ОФ-1578/865–868.

⁶ Проект принимал участие в товарищеском конкурсе ЛОССА и был отмечен благодарностью.

близкая к форме прямоугольника, поставленная вертикально глыба грубо обработанного камня.

В виде устремленного ввысь классического обелиска Рубанчик предлагал воздвигнуть монумент погибшим работникам Кировского завода [10] (1944), а мемориал героическим защитникам Ленинграда на Пулковских высотах (Пантеон) был задуман как целостный архитектурно-скульптурный ансамбль, увековечивающий подвиг тех, кто оборонял рубежи несломленного города [7] (1946). Последний проект был отмечен III премией на конкурсе, проводимом ЛОССА.

Однако наиболее впечатляющим стал победивший на конкурсе 1945 года⁷ проект мемориала на месте братского захоронения жертв блокады на Богословском кладбище, выполненный Рубанчиком в соавторстве с А. К. Барутчевым и Б. С. Збарж [11]. Место, где были похоронены более ста тысяч ленинградцев, погибших от голода, холода, болезней и артобстрелов, по численности жертв уступает лишь Пискаревскому мемориалу (рис. 3).

О поиске художественного образа для этого ансамбля лучше всего рассказал сам Рубанчик, убежденный в том, что «нет ничего в мировой истории похожего на ту величайшую трагедию, что сверши-

Рис. 3. Рубанчик Я. О., Барутчев А. К., Збарж Б. С. Проект памятника на месте братского захоронения на Богословском кладбище в Ленинграде. 1945 год

лась над ленинградцами... и нет большего героизма, чем проявленный ими в те суровые трагические годы» [13].

Для отображения этой небывалой трагедии создатели проекта решили обратиться к наиболее древней форме погребальных сооружений — кургану. «Курган — вот ответ. Материал — земля. Рабсила — ленинградцы». По замыслу архитекторов, в сооружении кургана должны были принять участие все жители города, принеся сюда, на место упокоения родных и близких, хотя бы горсть земли, из которой вырастет высокий поминальный холм. На вершине его будет высажена березовая роща как символ продолжающейся жизни, свидетельствующий «о непобедимости духа ленинградцев...». В основании холма из грубых, почти неотесанных камней, должна была сложиться лаконичная надпись-посвящение: «Ленинградцам — ленинградцы». Не менее впечатляюще задумывалась подводящая к кургану прямая, как стрела, липовая аллея. Подстриженные кубами деревья «на расстоянии выглядели как неприступные каменные стены» [27, с. 27], символизируя твердость и несломленный дух жителей города. К сожалению, этот сильный и

⁷ Как свидетельствуют дневниковые записи Я. Рубанчика (РГАЛИ) и графические материалы, хранящиеся в ГНИМА, основная идея оформления захоронения возникла значительно раньше, в 1941–1942 году.

убедительный художественный замысел, решенный не только средствами архитектуры, но и самой природы, не получил в свое время полноценного воплощения.

Предпринятый нами беглый обзор творчества Якова Рубанчика в сфере проектирования мемориальных сооружений показывает, насколько эта тема была ему близка и понятна. Проблема сохранения исторической памяти волновала архитектора на протяжении всей его жизни, не ограничиваясь, однако, лишь рамками мемориального жанра. В течение многих лет он изучал памятники национальной архитектуры, фиксируя их на фотокамеру или запечатлевая графическими средствами. Из путешествий и творческих командировок в Новгород, Псков, Ригу, Львов, Одессу, Выборг, Петрозаводск, Белозерск, Вологду он привозил целые серии зарисовок архитектурных сооружений, часть из которых была опубликована в специализированных ленинградских изданиях [25; 26]. Также архитектор был хорошо знаком с архитектурой Воронежа, Новочеркасска, Нахичевани, Керчи, Феодосии и Одессы. Однако главной темой научных исследований на протяжении многих лет оставалась архитектура его родного Таганрога. Результатом этой работы должна была стать монография под названием «Город ампира», идея написания которой возникла еще в студенческие годы [12, л. 1–7]. Эти планы Яков Осипович пронесет через всю жизнь, но воплотить, к сожалению, так и не успеет.

Вскоре после окончания Академии, летом 1929 года, Рубанчик несколько месяцев провел в городе своего детства. Как сообщала газета «Донская правда», «в Таганрог прибыл ленинградский архитектор Рубанчик Я. О. для съемки, зарисовки и обмера художественно-исторических зданий, которых в Таганроге насчитыва-

ется около 80. Добытые материалы будут использованы для намеченного к печати сборника „Красоты Таганрога“» [21, с. 4].

Стремление как можно глубже изучить классические памятники родного города полностью совпадало с планами и намерениями Таганрогского городского музея и Таганрогского окружного Краеведческого общества по обследованию сохранившихся старинных зданий и выявлению их архитектурно-художественной ценности. По результатам этой работы планировалось составить реестр памятников архитектуры и принять меры к их охране [14, л. 2]⁸. Сам же Яков Осипович рассчитывал, что собранные им сведения лягут в основу диссертации, посвященной архитектуре городов Приазовья и Дона.

Недавний выпускник Академии активно включается в научно-исследовательскую деятельность. При поддержке заведующего городским музеем М. М. Андреева-Туркина он составляет перечень наиболее характерных и интересных, с его точки зрения, зданий и сооружений; рассмотренные в комплексе, они должны были представить яркую и убедительную картину русского классицизма, на примере провинциального Таганрога первой половины XIX века [12, л. 34, 35]. В их числе фигурировали: общественные здания и торговые комплексы, объекты коммуникации, культовые и мемориальные сооружения, скульптурные памятники, жилые особняки, элементы парковой архитектуры, служебные усадебные постройки (амбары, каретники, флигели и т. д.). По словам Якова Осиповича, «описанием перечисленного будет охвачен

⁸ Указанные меры были обозначены в 5-летнем плане работы отдела Старого быта Таганрогского окружного краеведческого общества в 1926–1927 году.

полностью и представлен «дух» города первой половины XIX в., быть может, сохранившийся и до нас» [12, л. 35об.].

«Отчет о работе музея за 1928–1929 гг.» зафиксировал результаты проделанной в это время огромной работы: «М. М. Туркиным и ленинградским архитектором Рубанчиком выполнена работа по обследованию памятников старины г. Таганрога с выявлением и разработкой относящегося к ним архивного материала» [15, л. 4об.]. Далее имеется упоминание о том, что «по Таганрогу приняты меры к сохранению фасадов исторических и стильных домов (72 дома)» [15, л. 6].

Ценнейшим итогом поездки в Таганрог явилась серия обстоятельно сделанных обмерных чертежей, зарисовок отдельных декоративных деталей зданий, множество фотографий. По свидетельству самого архитектора, им было выполнено 60 обмеров в масштабе 1:50 и сделано 180 фотоснимков⁹ [22, с. 152–153]. Кроме того, Рубанчик увез с собой в Ленинград целый комплекс архивных документов таганрогского Строительного комитета и бывшей Городской управы, переданный ему заведующим таганрогским музеем для изучения и анализа при подготовке планируемого издания об архитектуре города [20, с. 63–76].

Выполненные архитектором фотографии и обмеры, хранящиеся сегодня в московском Музее архитектуры им. А. В. Щусева, представляют значительную документальную ценность: они позволяют представить облик Таганрога на переломном для него рубеже 1920–1930-х годов. На негативах натуральных снимков запечатлены еще существующие, но уже закрытые и обреченные

на уничтожение храмы, снятые с постаментов памятники, разрушенные или утратившие в последующие годы свой первоначальный благородный облик ампирные особняки. Произведенная Рубанчиком графическая и фотофиксация важна еще и тем, что она запечатлела все типологическое многообразие архитектурных сооружений периода классицизма небольшого, но богатого своим историческим прошлым города.

В обширном комплексе собранных Рубанчиком материалов уделено место и мемориальной тематике, поскольку типы и формы надгробий всегда отражают контекст исторического развития архитектурных стилей. Соответственно, созданные в первой половине XIX века мемориальные памятники рассматривались архитектором как такие же характерные произведения классицизма, как и жилые особняки или общественные здания этого времени.

Как справедливо отмечал академик В. С. Турчин, «именно классицизм ввел обычай обращать особое внимание на знаки памяти» [29, с. 408]. В это время стали востребованы простые и строгие формы, вошли в моду крупные, нерасчлененные объемы: параллелепипеды, обелиски и пирамиды, каменные шары и кубы. Увлечение античностью проявилось в использовании стилизованных саркофагов, жертвенников, увенчанных урнами колонн, стел, украшенных барельефами.

В 1929 году Рубанчик запечатлел несколько ярких образцов мемориальной пластики периода классицизма в Таганроге — это памятники на христианском кладбище и на территории уничтоженного всего пару лет спустя Греческого монастыря. Их немного (в общей сложности пять объектов), но они демонстрируют основные формы мемориальных со-

---

⁹ В фондах ГНИМА хранятся 37 обмеров таганрогских зданий: № Р V-5475–5511.

ружений, характерных для этого стиля: плита, пирамида, пирамидальный обелиск, антикизированный саркофаг. Из них два памятника сохранились до наших дней, два достоверно утрачены, один не обнаружен (утрачен с большой степенью вероятности). В этой последовательности мы их и рассмотрим.

1. Надгробие Апостоли Егоровича Мамеледжогло (1841), расположенное напротив западного входа в храм Всех Святых, решено в виде монументального саркофага, выполненного из белого мрамора. Основой его конструкции служат четыре угловые стойки-опоры, оформленные в виде предельно упрощенных тосканских пилястр, между которыми расположены мраморные доски, щедро украшенные высеченным в камне растительным орнаментом. Саркофаг перекрыт карнизом с большим выносом и горизонтальной плитой, на которой изображены коленопреклоненные ангелы по сторонам окружённого сиянием православного креста. Все три барельефных изображения заключены в круглые медальоны. Расположенная в центре плиты декоративная композиция из перекрещенных цветущих ветвей, образующих подобие венка, отделяет выполненную на русском языке эпитафию от греческой:

«Здесь друга и отца сокрыть священный прахъ,

[...]лась жизнь его, но онъ у насъ в сердцахъ

Мгновенье можетъ быть одно насъ раз[...]

[...] смерть[...] и насъ къ отцу [...]

Погребень

Апостоли Егоровичъ

Мамеледжогло

1841 года ноября 21 скончавшийся на 57 году отъ рожденья»¹⁰.

Цокольная часть саркофага выполнена в виде плиты, оформленной с помощью криволинейного декоративного профиля. Культурный слой скрывает от нас каменное основание, на котором покоится это пышное сооружение, и в определенной степени искажает его пропорции (рис. 4, 5).

2. Надгробие Константина Македонского (первая половина XIX века), также расположенное недалеко от храма, представляет собой наиболее интересный объект из всех представленных на фотографиях Рубанчика. Именно этот снимок в 2013 году привлек внимание исследователей к маловыразительному, безымянному и обезглавленному надгробию, стоящему вплотную к металлической ограде, окружающей памятник советского времени. В период, когда выполнялась фотосъемка, этого захоронения еще не существовало, поэтому у фотографа была возможность запечатлеть надгробие с лицевой стороны. При увеличении изображения явственно проявилась надпись: «Константин Македонский» (уже в то время надпись имела неудовлетворительную сохранность, а сегодня текст практически неразличим). Вскоре неподалеку от памятника была найдена полусасыпанная землей урна с отбитыми ручками, которую торжественно водрузили на ее законное место. Спустя время, после расчистки нижней части памятника, обнаружили скульптурные ножки в виде стилизованных львиных лап, стоящих на гладкой каменной плите. В таком виде памятник по праву превратился в

¹⁰ Расшифровка текста предоставлена Е. А. Алексеенко.

одно из наиболее привлекательных и характерных надгробий таганрогского некрополя, выполненных в первой половине XIX века. В его оформлении присутствуют все элементы, заимствованные из художественного арсенала классицизма: решение основного объема в виде строгой четырехгранной призмы, декорирование верхней части симметричными треугольными фронтонами, в поле которых размещены венки с развевающимися лентами, отлично прорисованные ионники, стилизованные «львиные» ножки и, наконец, урна — символическое хранилище праха, неизменный спутник надгробий этого периода. Кстати, на фотографии Рубанчика (рис. 6) отчетливо видно, что по оси рассматриваемого памятника, в некотором отдалении, находится еще один, выполненный в аналогичной манере (ныне утрачен). По всей вероятности, перед нами — семейный участок Македонских (рис. 7), из рода которых происходили и известный таганрогский архитектор, и не менее знаменитый отставной подполковник — актив-

Рис. 4. Надгробие Мамеледжогло А. Е. Фотография Я. О. Рубанчика. 1929 год. © ГНИМА

Рис. 5. Надгробие Мамеледжогло А. Е. Фотография. 2016 год

ный участник обороны Таганрога в годы Крымской войны [17, с. 23].

3. Захоронение неизвестного в виде пирамиды (первая половина XIX века). Это безымянное монументальное надгробие представлено как на фотогра-

Рис. 6. Надгробие Македонского К.
Фотография Я. О. Рубанчика. 1929 год. © ГНИМА

Рис. 7. Надгробие Македонского К.
Фотография. 2014 год

Рис. 8. Надгробие неизвестного в виде пирамиды.
Фотография Я. О. Рубанчика. 1929 год. © ГНИМА

фии (рис. 8), так и в виде выполненного Рубанчиком обмера (рис. 10, слева). Утраченный ныне памятник был решен в виде усеченной пирамиды с гладко отшлифованными гранями. Монумент стоял на квадратном основании с прорезанными углами, который, в свою очередь, покоился на высоком цоколе, сложенном из блоков тесаного известняка. Боковые грани со всех четырех сторон оформляли объемные элементы, представлявшие собой небольшие стилизованные саркофаги, опиравшиеся на треугольные призмы. Парные каменные полусферы служили «саркофагам» своеобразным подножием. Стилизованные «саркофаги» увенчивались пирамидальными крышками, а их стенки были украшены декоративной врезкой и насечкой в виде углубленных овалов и вертикальных прорезей. Над

каждым таким элементом находились выступающие над гладкой поверхностью плиты геометризованные картуши, предназначенные, по всей вероятности, для размещения надписей. Остатки основания с характерными вырезанными углами и фрагменты декоративных «саркофагов» были обнаружены в северо-восточной части некрополя (рис. 9). Оригинальное оформление этого надгробия не имеет аналогов и до сих пор остается единственным в своем роде на территории таганрогского христианского кладбища.

4. Надгробие на территории Греческого монастыря (1831) было выполнено в виде пирамидального обелиска и, в отличие от предыдущего памятника, представлявшего собой полноценный монументально-архитектурный объем, набрано из отдельных каменных блоков. Мы не располагаем фотографией этого сооружения, сохранился только обмер (рис. 10, справа). Судя по представленному изображению, надгробие было лишено каких-либо украшений и отличалось крайней простотой; спокойные

Рис. 9. Фрагменты несохранившегося надгробия неизвестного. Фотография. 2016 год

Рис. 10. Надгробие в виде пирамиды на территории христианского кладбища. Надгробие на территории Греческого монастыря. Обмеры. Я. О. Рубанчик. 1929 год. © ГНИМА

классические формы и выверенные пропорции делали это сооружение типичным образцом мемориальной пластики первой трети XIX столетия. На одной из его граней размещалась неглубокая ниша, в которую была вставлена доска с эпитафией, выполненной на греческом

языке. Яков Рубанчик старательно «перерисовал» текст, из которого мы узнаем о том, что здесь был похоронен некий Иерусалимский архимандрит, родившийся на острове Родос. Дата смерти — 29 июня 1831 года.

Неизвестно, сколько греческих захоронений находилось на территории монастырского подворья, но, вероятно, их было немало, поскольку история этого храма восходит к далекому 1813 году. Именно тогда на средства крупнейшего благотворителя И. А. Варваца началось строительство монументальной каменной церкви во имя Святой Троицы, впоследствии, по указу Александра I, обращенной в греческий мужской монастырь, подчинявшийся Иерусалимскому патриарху. Церковь греческого Иерусалимского монастыря, неразрывно связанная с именем скончавшегося в

Таганроге Александра I (в декабре 1825 года его тело лежало в храме на катафалке под балдахином), была закрыта в 1926 году и спустя несколько лет разрушена. Благодаря фотосъемке Якова Рубанчика (рис. 11, 12) мы имеем уникальную возможность увидеть храм не только с привычных ракурсов (как одна из главных таганрогских достопримечательностей он неоднократно изображался на фотографиях и почтовых открытках конца XIX — начала XX века), но и совершить своеобразный круговой обход, полюбовавшись строгими классицистическими формами этой церкви со стороны боковых фасадов и апсид.

Рис. 11. Греческий монастырь в Таганроге. Вид с северо-запада (со стороны Лермонтовского пер.). Фотография Я. О. Рубанчика. 1929 год. © ГНИМА

Рис. 12. Греческий монастырь в Таганроге. Колонный портик на главном фасаде здания (вид со стороны площади). Фотография Я. О. Рубанчика. 1929 год. © ГНИМА

5. Плита над захоронением (предположительно двух младенцев греческого происхождения) — последний объект, который попал в объектив Якова Рубанчика на территории старинного таганрогского некрополя (рис. 13). Если во всех рассмотренных выше вариантах доминирующим было архитектурное начало, то это надгробие из белого мрамора явно привлекло к себе внимание художника красотой скульптурного рельефа. К сожалению, найти его пока не удалось (скорее всего, оно не сохранилось), однако нельзя исключить вероятность того, что со временем надгробие может быть обнаружено.

На фотографии представлена наиболее традиционная форма классического памятника — прямоугольная мемориальная плита. В центре ее размещается овал, на котором вырезана эпитафия на греческом языке¹¹. Текст эпитафии заключен в декоративный венок, сплетенный из лент и дубовых листьев. По периметру плита украшена растительным бордюром, в углах расположены небольшие скульптурные букеты. Нежные цветочные мотивы в сочетании с холодным мрамором надгробия придают ему трогательность, внося лирическую ноту в облик сооружения.

Рассмотренные нами памятники, выбранные Яковом Рубанчиком из всего многообразия мемориальных сооружений ансамбля таганрогского некрополя, демонстрируют основные формы надгробий своего времени. По большей части это типовые памятники, не обладающие уникальными архитектурно-художественными достоинствами, однако, будучи созданными в эпоху высокой эстетической культуры, они отличаются

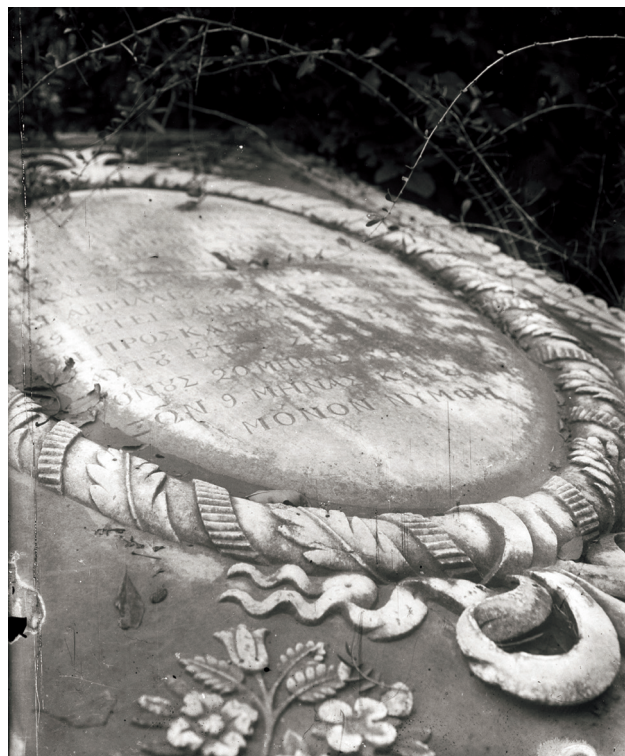

Рис. 13. Плита на захоронении неизвестной (неизвестных). Фотография Я. О. Рубанчика. 1929 год. © ГНИМА

хорошей прорисовкой классических архитектурных деталей, гармоничными пропорциями и благородными формами. Рассмотренные в общем процессе развития русской провинциальной архитектуры первой половины XIX века, они по праву могут считаться качественными и характерными декоративными образцами классицизма. С этой точки зрения, выбор Яковом Рубанчиком именно этих объектов для иллюстрирования исследования, посвященного таганрогскому ампиру, был более чем оправдан.

¹¹ Можно прочесть следующие слова (перевод с греческого): «жизни 9 месяцев и 21 день» и «сроку 20 месяцев 6 дней».

Источники и литература

1. Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева (далее — ГНИМА). ОФ-1488/6. Р Ia-7074/1.
2. ГНИМА. ОФ-1488/7. Р Ia-7074/2.
3. ГНИМА. ОФ-1488/65-68. Р Ia-7094/1-4.
4. ГНИМА. ОФ-1578/990.
5. ГНИМА. ОФ-1578/1002.
6. ГНИМА. ОФ-1578/179. Р Ia-8935.
7. ГНИМА. ОФ-1578/1007.
8. Научно-исследовательский музей при Российской академии художеств, г. Санкт-Петербург (далее — НИМ РАХ). КП-801-11. А-25346.
9. НИМ РАХ. КП-801-19. А-25353.
10. НИМ РАХ. КП-801-13. А-25348.
11. НИМ РАХ. КП-6733. А-26344.
12. Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 2961. Оп. 1. Д. 1.
13. РГАЛИ. Ф. 2961. Оп. 1. Д. 24.
14. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (далее — ТФ ГАРО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 13.
15. ТФ ГАРО. Ф. Р-343. Оп. 1. Д. 50.
16. Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук, г. Санкт-Петербург (далее — ФО НА ИИМК РАН). Отп. О. 1116-12.
17. Алексеенко Е. А. Старое кладбище Таганрога. Путеводитель / Е. А. Алексеенко, Е. В. Сирота, А. В. Юрченко. — Таганрог: ООО «Издательство «Лукоморье», 2021. — 168 с.
18. Лукомский Г. К. Кладбищенские монументы. — В кн.: Памятники старинной архитектуры России. — СПб., 1916. — С. 303-307.
19. Григорян М. Е. Таганрог. История архитектуры и градостроительства конца XVII — начала XX века / М. Е. Григорян, В. К. Решетников. — Ростов-на-Д.: Омега-принт, 2013. — 317 с.
20. Григорян М. Е. Судьба архива Якова Рубанчика: Таганрог, Петербург, Москва. К вопросу истории бытования музейных предметов // «Проблемы атрибуции произведений искусства», посвященной памяти Л. Н. Целищевой (1929–2012): материалы Всероссийской научной конференции (17–19 октября 2022 г., Санкт-Петербург), — СПб.: НИМ РАХ, 2022. — С. 63–76.
21. Донская правда. — 1929. — 6 октября.
22. Ежегодник общества архитекторов-художников. Вып. XIV. — Л., 1935 г.
23. Ежегодник Ленинградского отделения Союза советских архитекторов. Вып. 3. — Л., 1953.
24. Ермонская В. В. Русская мемориальная скульптура: к истории художественного надгробия в России XI — начала XX в. / В. В. Ермонская, Г. Д. Нетунахина, Т. Ф. Попова. — М.: Искусство, 1978. — 311 с.
25. Львов. (Путевые заметки). Арх. Я. О. Рубанчик // Архитектура Ленинграда. — 1941. — № 1. — С. 64–68.
26. Путешествие на север. Из альбома архитектора Я. О. Рубанчика // Архитектура Ленинграда. — 1939. — № 2 (13). — С. 58–59.
27. Рисуя блокаду. Дневник архитектора Я. О. Рубанчика. 1941–1944: альбом-каталог / авт.-сост. В. Г. Авдеев. — СПб.: ГМИ СПб., 2019. — 184 с.
28. Шереметевский В. В. Русский провинциальный некрополь. Том I. — Москва: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1914.
29. Турчин В. С. Александр I и неоклассицизм в России. Стиль империи или империя как стиль. — М., Изд. «Жираф», 2001. — 512 с.

А. Е. Фастовецкий

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА ПОГРЕБЕНИЯ 1920–1930-Х ГОДОВ

Культура — основа человеческого бытия. Изучение процессов, происходивших в культуре нашей страны в период 1920–1930-х годов позволяет сформировать более полное представление о причинах воздействия большевистского руководства на культурную сферу всего периода советской истории, а также отчасти понять современное культурное пространство и возможные пути его развития.

Культура погребения как часть культурной идентичности, складывавшейся веками, в данный период претерпевала большие изменения. Одним из главных направлений работы партии в области культурного строительства после Октября 1917 года стал вопрос религии. Так, 20 января 1918 года был издан декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [2], в котором провозглашалась свобода совести, церковных и религиозных организаций, было введено право вести религиозную и антирелигиозную пропаганду. Несмотря на демократические принципы, провозглашенные в данном декрете, программой РКП (б) ставилось содействие освобождению трудящегося на-

селения от религиозных пережитков, с которыми велась активная борьба. Процесс отделения церкви от государства включал в себя лишение ее экономической свободы и власти в символическом смысле, а также гражданских функций (регистрация, рождений и смертей, браков и т. п.).

7 декабря 1918 года был издан декрет СНК «О кладбищах и похоронах» [1], который завершил так называемую похоронную реформу 1917–1918 годов. Данный документ включал в себя ряд определенных мер, предпринимаемых новым правительством в области похоронного дела. На фоне глобальных перемен внутри страны, начатых большевиками, в рамках создания «нового человека» создавался и «новый тип обрядности» («красные похороны», кремация, создание коммунистических некрополей).

Однако на практике выполнить предписанные партией действия, касающиеся данного вопроса, оказалось сложно в силу ряда причин. Во-первых, новые правила погребения были основаны на абсолютно новой идеологической базе, отличной от конфессиональных убеждений. В отличие

от привычного народу многовековой церковной традиции, заключающейся в прощении с душой, партия предлагала концепцию прощения с человеком, как личностью в истории, что, в свою очередь, создавало ряд вопросов, касающихся сути самих похорон. Во-вторых, идеи равенства, общедоступности, бесплатности и неконфессиональности ритуала похорон, воплощенные в реформах большевиков, стали трудноисполнимы уже в первой половине 1920-х годов, так как колоссальные проблемы в экономике не давали партии полностью воплотить все свои планы, основанные на коммунистической идеологии.

Следует отметить, что сразу после Октября 1917 года в похоронном администрировании стали происходить масштабные перемены, среди которых: перенос системы регистрации смертей в органы ЗАГС и совдепы, полная отмена платы за места на кладбищах. Вместо дорогостоящих услуг похоронных бюро стала вводиться оплата лишь необходимого минимума: гроб, а также копка могилы [3].

В соответствии с большевистскими идеями равенства и социалистического строительства дореволюционная конфессиональная специфика кладбищ полностью ликвидировалась. По новым принципам общественной жизни, после смерти каждый человек мог быть похоронен на любом кладбище вне зависимости от его возможных религиозных убеждений [5].

Декреты, касающиеся реформ похоронной отрасли, не давали четких принципов формирования новой ритуальной системы [3], однако в основе своей несли принципиально важные элементы формирующейся социалистической базы нового общества. Основой изменений, происходивших в похоронной сфере того времени, являлась муниципализация похоронной инфраструктуры, в частности

кладбищ. Данный процесс происходил в весьма быстром темпе, но его конкретные результаты оказались далеки от тех, которые предполагались партией.

В дореволюционной России похоронная отрасль основывалась на принципах «моральной экономики». 1919 год стал кризисной точкой между старым и новым в похоронной сфере [3]. Превозмочь данный кризис руководство страны смогло лишь после перехода к НЭП. Следует подчеркнуть, что проблемы в этом направлении заключались не только в экономическом плане, но и в новом идеологическом подходе, который разрушал по своей сути многовековую обрядную традицию похорон. В совокупности эти проблемы вынуждали власть идти на частые компромиссы, порой возвращая в советскую действительность некоторые дореволюционные обрядные практики, что отчасти отражает проблему нэповского периода в его противоречиях идеологического плана и реальной экономической ситуации.

Отчасти данную проблему советскому руководству удалось решить только в 1930-е годы. Сталинский план реформирования системы социального обеспечения, в частности похоронной отрасли, являлся частью перемен в плане развития страны после свертывания нэпа и перехода к коллективизации и форсированной индустриализации. В начале 1930-х годов функции управления похоронной сферой передавались в муниципалитеты, но, стоит отметить, что советы на местах имели малое количество ресурсов и серьезных изменений в ритуальную отрасль привнести не могли [6].

Следует отметить, что в 1920–1930-е годы в развитии ритуальных практик в городской среде и сельской местности существовал определенный разрыв. Если в городах все нововведения в различных

отраслях, в частности похоронной, вводились повсеместно и в большей степени принимались населением, то в сельском обществе, которое по ряду причин являлось более консервативным, большинство похоронных реформ не имело развитие. Сельское население отчасти использовало дореволюционные практики погребения и на протяжении следующих десятилетий [3].

Таким образом, похоронная отрасль в послереволюционный и нэповский периоды постоянно находилась в турбулентном состоянии. Руководство страны пыталось найти компромиссную модель существования в новой социально-экономической системе и в идеологической парадигме. В 1930-е ситуация в данной сфере стала улучшаться ввиду изменения экономической и социальной политики государства, но «социалистического идеала» в похоронной отрасли в силу сложности и неоднозначности вопроса достичь так и не удалось на протяжении всей истории Советского государства.

Следует обратить внимание еще на одну проблему ритуальной сферы 1920–1930-х годов, в частности на массовую ликвидацию церковных кладбищ и некрополей. Обоснование закрытия церковных кладбищ заключалось прежде всего в антирелигиозной политике партии. По мнению большевиков, советские люди не должны были посещать храмы, находящиеся при некрополях, а значит, они подлежали ликвидации.

Кладбища стали активно закрываться уже в 1920-е [4]. Так в 1925 году сделанные из бронзы и мрамора детали скульптур Петербургского Смоленского кладбища и иконостасы уже закрытых церквей стали переноситься в музей общества «Старый Петербург», но стоит отметить, что многие экспонаты и церковные ценно-

сти исчезли бесследно. В Москве массовой ликвидации кладбища подверглись в конце 1920-х. Иногда некоторые надгробия, представляющие собой особую художественную ценность, переносились в музеи, что позволяло сохранить крупицы наследия ушедшей эпохи [4].

Надгробия могил известных людей (А. Е. Мартынов, Н. В. Гоголь, Н. М. Языков, С. Т. Аксаков, В. Г. Перов и др.) не всегда переносились в музеефицированные учреждения, зачастую они просто уничтожались, останки же были перезахоронены в новых специально отведенных для этого местах. Памятники на таких перезахоронениях ставились новые, сделанные по новым заветам социалистического реализма. Относительно нетронутыми в рамках массовой ликвидации кладбищ в этот период стали некрополь Донского монастыря, новое Донское кладбище, а также Новодевичье кладбище [4].

В 1930-е годы политика массовой ликвидации кладбищ и некрополей продолжилась [4]. По всей стране закрывалось огромное количество кладбищ. В рамках антирелигиозной политики большевиков также закрывались и подлежали сносу кладбищенские церкви. Таким образом, после Октября 1917 года одной из первых задач, стоящих перед советской властью, стало коренное изменение культурной политики. На фоне тяжелой ситуации внутри страны создавалась «новая культура», которая постепенно вставала на рельсы пропаганды большевистских идей. Для этого правительством было издано множество декретов, в которых провозглашались намеченные партией изменения.

Различные направления культуры брались большевиками под контроль, к тому же изменения в области культуры того периода нельзя назвать линейными. Они складывались в многогранный процесс,

который происходил совместно с переустройством внутренней политики большевиков. Изменения, происходившие в ритуальной сфере, соответствовали идеологической направленности создаваемой советской культуры. В 1920–1930-е годы изменения церковной традиции в похоронной отрасли в рамках социалистического строительства происходили не быстро, а в некоторых элементах обрядной системы, в силу сложности вопроса, сохранялись дореволюционные практики на протяжении всей истории Советского государства.

Антирелигиозная политика большевиков распространялась не только на об-

рядную составляющую похоронной сферы, но и на ее физическое воплощение в виде кладбищ и некрополей, которые в 1920–1930-е годы подверглись массовой ликвидации, что создавало проблему поиска мест для перезахоронений и утраты множества надгробных плит, являвшихся наследием дореволюционной культуры. В рамках антирелигиозной кампании подвергались сносу и церкви, находившиеся при кладбищах. Массовая ликвидация церквей являлась основой работы партии по борьбе с религиозными настроениями, но при этом также создавала проблему утраты исторических памятников культуры дореволюционной России.

Источники и литература

1. Декрет СНК «О кладбищах и похоронах» / Декреты Советской власти. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1968. – Т. 4. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/10170> (дата обращения: 28.07.2023).

2. Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» / Декреты Советской власти. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 1. – URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/111398-dekret-snk-ob-otdelenii-tserkvi-ot-gosudarstva-i-shkoly-ot-tserkvi-23-yanvarya-5-fevralya-1918-g> (дата обращения: 28.07.2023).

3. Соколова А. Д. В борьбе за равное погребение: похоронное администрирование в раннем СССР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 2019 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-borbe-za-ravnoe-pogrebenie-pohoronnoe-administrirovaniye-v-rannem-sssr> (дата обращения: 28.07.2023).

4. Соколова А. Д. Новый мир и старая смерть: судьба кладбищ в советских городах 1920–1930-х годов // Неприкосновенный запас, 2018. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyuzapas/117_nz_1_2018/article/19533/ (дата обращения: 28.07.2023).

5. Соколова А. Д. Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда // Антропологический форум, 2011 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pohorony-bez-pokoynika-transformatsii-traditsionnogo-pohoronnogo-obryada> (дата обращения: 28.07.2023).

6. Соколова А. Д. Проблема «правильной советской смерти» и обеспечение гражданских похорон в городах РСФСР в конце 1930-х — начале 1950-х гг. // Сибирские исторические исследования, 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-pravilnoy-sovetskoy-smerti-i-obespechenie-grazhdanskih-pohoron-v-gorodah-rsfsr-v-kontse-1930-h-nachale-1950-h-gg> (дата обращения: 28.07.2023).

В. Н. Кальниченко

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СТАРООБРЯДЦЕВ ДОНА В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Актуальность данного исследования заключается в недостаточном исследовательском внимании к проблеме погребальных практик населения Дона в различный период их существования. Следует огорчиться, что на сегодняшний момент мы имеем фрагментарное представление о существующих практиках погребения усопших с их конфессиональными особенностями. Обращаясь к проблеме описания этих практик, прежде всего, необходимо сказать о вкладе дореволюционных исследователей в этом вопросе. Так, А. И. Ригельман сообщал о поминовении усопших в особо почитаемых пространствах донских казаков — Монастырское урочище [15, с. 45]. В. Д. Сухоруков сообщал о поминальных практиках на территории кладбища и исполнении богатырских песен [17, с. 53]. В. В. Богачев писал о положении усопшего на Дону в курганную насыпь [1, с. 48].

В 1870-е годы в результате нескольких миссионерских поездок архимандрит Павел (Прусский) оставил массивное сочинение, в котором можно встретить редкие упоминания о погребальной об-

рядности. Так, он сообщает, что некоторые старообрядцы станицы Есауловской хутора Свинухина хоронили своих усопших ночью, чтобы могилы были безызвестны, а «покойников они не полагают в гробах дощатых, или долбленных, которыми гнушаются, но в гробах, сплетенных из прутьев» [7, с. 379]. На сегодняшний день это описание невозможно подвергнуть ни критике, ни уточнению содержания подобной практики. В свою очередь, в данном описании православный миссионер все же раскрывает необходимость оставлять их в неизвестном местоположении — отсутствие практики посещения старообрядцами этих мест в последующем [7, с. 379].

Современная историография также не изобилует большим количеством публикаций относительно заявленной проблемы, однако некоторые характерные черты данной конфессиональной группы авторами все же выделяются. Значительное место в коллективной монографии «Донские казаки в СССР» отведено проблеме погребальной традиции дон-

ских казаков в советский период. Здесь Т. Ю. Власкина отмечает три основных этапа: «...предпогребальный, собственно похороны и поминальный» [6, с. 246].

Первый этап является самым продолжительным, так как этот процесс является подготовительным в отношении к будущему обряду, который включал: «принято собирать все волосы, чтобы впоследствии набить ими погребальную подушку и положить ее в гроб» [2, с. 36]. Далее автор препровождает, что неотъемлемой частью подготовки было изготовление гроба и могилы. По ее наблюдениям, в Константиновском, Волгодонском, Таццинском, Цимлянском и Обливском районах казаки-старообрядцы хоронили в подбойных могилах, иногда устраивались коллективные захоронения похожие на склепы [2, с. 38].

Автором также отмечается, что детей, не получивших святого Крещения, хоронят «...в особых местах, как правило, связанных с почитанием предков, духов дома или наделенных мифологическим статусом» (под порогом крыльца) [6, с. 247]. Оговоримся, что в данном случае речь идет об универсальных практиках населения дельты Дона без выделения профессиональных особенностей. На территории опрошенных нами респондентов из хутора Вислый, хутора Павлова Семикаракорского района и станицы Мелиховской Усть-Донецкого района «безымянных детей» хоронили на территории своих подворий [11; 12]. Таких детей чаще всего хоронила мать, и о них либо никто не знал, либо ограниченное количество людей [9; 10].

На примере погребальной культуры казаков-некрасовцев Т. Ю. Власкина сообщает, что крестов они не сооружали «Па камушку... Фсё: закапал, зарыл, фсё. Больше и ни хадили» [3, с. 93]. В анализе

полевых исследований известного фольклориста Ф. В. Тумилевича Т. Ю. Власкина рассматривает рукописные дневниковые записи, в которых содержится песенный репертуар старообрядцев Кизлярского района [4]. Несмотря на уникальность собранных полевых материалов, вопросы относительно погребальной традиции старообрядцев не были записаны. Следовательно, на сегодняшний день мы имеем небольшое количество публикаций, относящихся к заявленной проблеме. Обращение к данной профессиональной группе обусловлено, прежде всего, их численной составляющей в территориальном пространстве бывшей Области войска Донского. На 1918 год «по вероисповеданию, первое место занимают православные — (90%), второе старообрядцы — (7%)» [5, л. 4]. Известные события 1917 года положили начало появлению светского учреждения (ЗАГС), фиксирующего в том числе смерть человека. Активная муниципализация похоронного дела в 1918 году привела к необходимости захоронений на определенных участках кладбищ, где религиозные организации не имели первостепенного значения [16]. Однако в малых населенных пунктах (станицах и хуторах) Дона оставались присущие им погребальные практики и места захоронений. Подготовительный этап, по сообщению наших респондентов, занимал определенный период, если сбор женщинами волос и ногтей занимал весь жизненный путь, то проследить время создания гроба мужчинами сложнее. Б. Ф. Шашлов сообщает, что однажды он по просьбе плотника отправился на чердак дома, чтобы достать там доску для работы, но вместо этого увидел деревянный гроб. Он обомлел, спустился без необходимого материала, на что плотник у

него спросил: «Борис, ты, что гробов никогда не видел?» [12]. Н. Б. Ермачек рассказывает, что «ничем гроб не должен быть обит. Каждый обычно готовил себе доски. Вот ее Устинии Абрамовны отец, Абрам, он потом я вспомнила, что он сделал сам себе гроб, сказал: не надо, знаю, как Вы будете делать. Сам себе сделаю. И он несколько лет стоял в чулане, в коридоре. Люди, если не подготовленные, а тут гроб стоит». Кроме этого, мы встречаем упоминание о предчувствие смерти: «К нам ходил дальний родственник Калина Иванович. <...> Он в гости приходил, а она уже слегла. Проведывал. И что она это выражение. Он видимо спросил у нее ну чо ты там Устинья. Вставай. А она: да я вот домой собралась. То есть все понимали, что она говорит, скоро умру» [10]. Общей тенденций в православной и старообрядческой среде было желание лечь пониже, на пол.

Следующим эпизодом погребальной практики была ночная молитва: «всю ночь как она умерла. Ночь должны были петь. А потом хоронили», что пели неизвестно [10]. На следующий день следовала процедура прощания. По воспоминаниям О. Н. Назаровой, подходили прощаться все, кто знал покойного. Она запомнила внешний вид усопшего старообрядца: «Он был полностью укутан в белое (в саван — В. К.), даже изголовье, я видела только его бороду» [13]. Н. Б. Ермачек вспоминает, что «гроб стоял возле вырытой могилки, и мы подходили. И я запомнила, что гроб спускали на ткани темно-зеленой с двух сторон. И потом эту ткань отдавали мужчинам, которые спускали» [10].

На современном этапе погребальная практика старообрядцев Дона представляется уже в несколько ином виде, нежели употребляемые практики в советский период. Представленные выше разновид-

ности погребальных практик имеют уникальный локальный характер, чаще всего эти практики имеют народный принцип погребения. Современные практики постепенно уходят в прошлое, исходя из двух тенденций. Во-первых, уходят носители этой традиции, а вслед за этим нет прямой передачи и воспроизведения данных практик. Во-вторых, влияет законодательная база государства и влияние духовенства (осуждение) на сохранившиеся практики. Ориентирование человека на ту или иную практику ведет к воспроизведению либо церковной практики погребения, либо народно-церковной.

Далее нами будет показан пример очного погребения¹. В данном случае необходимо оговориться, что описание будет представлено от первого лица как от непосредственного участника². По завершении богослужения настоятелем была прочитана проповедь на тему праздника «Успения Божией Матери», а после объявлено о совершении заупокойной литии и погребения по усопшей Екатерине. Во время заупокойной литии я отошел в помещение притвора и находился там до ее завершения. После я услышал обращение женщины о возможной помощи

¹ Очное погребение употребляется в противоположность заочному. Отличительной чертой первой практики от второй является наличие усопшего в церкви или на дому. Напомним, что в заочном погребении используется земля с надгробного холма и освещается в церкви. Если в церковной традиции данное мероприятие именуется «погребением», то в народной — «отпеванием».

² 28 августа 2023 года в старообрядческом храме «Покрова Пресвятыя Богородицы» в городе Ростове-на-Дону, ул. Ульяновская, 37 было совершено погребение члена старообрядческой общины Рябиковой Екатерины Никитичны 03.12.1938 г. р. Автор данной статьи присутствовал на погребении. Погребение совершил благочинный Донской и Кавказской епархии священноиерей Иоанн Севастьянов.

в переносе гроба усопшей в храм. Я организовал еще 3-х человек, мы подошли к машине, в которой гроб и находился. Гроб — четырехгранный, изготовлен из сосны, обитый атласом бордового цвета, внутри обит тканью белого цвета.

Под колокольный звон «вперед ногами» мы занесли усопшую и поставили три стула: два у головы и один у ног. С левой части храма мы перенесли поминальный канун³ и поставили его перед гробом у изголовья. Усопшая Екатерина была одета в белый сарафан, в белый платок, который был традиционно заколот «под булавочку». В левой руке находилась старообрядческая лестовка. За всем этим облачением следовал белый саван⁴.

Крышка гроба стояла в притворе, на который матушка Ольга (жена настоятеля) самостоятельно нанесла изображение восьмиконечного креста с помощью мела⁵. Родственники усопшей стояли в начале основной части храма⁶. Священник облачился в темные одежды, погребение началось с семипоклонного начала. Из универсальных черт данного мероприятия является каждение, все присутствующие стоят с зажженными свечами. Отличительных черт наблюдалось значительно больше. Перед прощанием с усопшей совершается вынесение деревянного креста с изображением Распятого Христа и располагается параллельно центрального аналога с праздничной иконой. Сначала к

кресту подошел священник, за ним старший церковнослужитель, затем мужчины (я был единственный), а после них женщины. Делается два земных поклона с молитвой, третий раз наносится крестной знамение, целуется правая нога Спасителя (от нас) затем кладется третий земной поклон. После этого следуют к усопшей, подходят с левой стороны и делают два земных поклона. Первый с молитвой «Раба Божия Екатерина прости мя Христа ради, и тебя Господь простит», второй — «Раба Божия Екатерина, егда приидеши к Престолу Божию, помолись о мне грешнем...», далее крестятся, целуя крест (находящийся в руках усопшей) и венчик. На этом прощание заканчивается. Ближе к середине священник разрезает ножницами веревочки в руках и ногах. Руки у усопшей сложены на груди правая рука поверх левой. К концу погребения священник самостоятельно читает «разрешительную молитву», подписывает ее и кладет в правую руку. В завершении погребения священник накрывает усопшую саваном. Берет лампаду, поливает этим маслом с головы до ног усопшую, изображая крест. И еще по разу проливая в районе плеч, талии и ног. По завершении погребения крышка гроба вносится в храм и навсегда закрывается. Далее мужчины берут гроб и снова выносят «вперед ногами» усопшую, сопровождая пением «Святые Боже, Святые Крепкие, Святые Безсмертные, помилуй нас». На этом этап погребения заканчивается, гроб отвозится на кладбище. Усопшую Екатерину похоронили на старообрядческом кладбище хутора Городище Азовского района. Также следует отметить, что современная тенденция надгробных сооружений зачастую приобретает универсальный характер вне конфессиональных определений — восьмиконечный крест и памятник из гранита.

³ Стол с изображением Распятого Христова и подсвечниками.

⁴ Это то, что удалось рассмотреть в процессе вынесения усопшей в храм.

⁵ Из-за отсутствия изображения креста было принято решение нанести его таким образом. Данный случай показывает, что наличие восьмиконечного креста у старообрядцев является обязательным.

⁶ Не старообрядцы стоят в притворе.

Таким образом, несмотря на небольшое количество публикаций, охватывающих универсальные и уникальные черты погребальных практик населения Дона, погребальные практики старообрядцев Дона в советский и постсоветский период остаются малоизученными. На сегодняшний день данные практики старообрядцев в советский период представляют следующие особенности: самостоятельное приготовление гроба из древесины, отсутствие обивки гроба и нахождение его на коридоре, чердаке или полотах. Ощущение смерти с последующей интеграцией в небесную обитель «домой собралась». Внешний вид погребаемых старообрядцев также имеет ряд уникальных черт — платок под булавочку, наличие лестовки, особенный способ укутывания усопшего. Основная локализация захоронения — территория своих подворий, с наличием небольших камней у подножия холмика, а также с отсутствием практики поминальных посещений данных мест. Следует также отметить универсальные практики по-

гребения православных и старообрядцев. Женщины собирали ногти и волосы для наполнения подушки, а мужчины — опилки. Общим желанием православных и старообрядцев перед смертью было желание лечь на пол, молитва по усопшему.

На современном этапе погребальные практики претерпели значительные изменения. Прежде всего, приобретение гробов в «мире» ритуальных услуг с соответствующей ценой и набором погребальных предметов. Клерикальный характер (увеличение роли духовенства) в процессе погребальной практики и присутствующего ей инвентаря (белые одежды) и т. д. Из представленного выше можно сказать, что погребальные практики старообрядцев рассматриваемого региона представляют уникальный комплекс традиционной культуры. Выявление общих и особенных элементов, а вместе с тем описание погребальных практик возможно только в процессе полевых экспедиций с дальнейшей апробацией полученных материалов.

Источники и литература

1. Богачев В. В. Очерки географии Всеволодского Войска Донского. — Новочеркасск.: Типография Управления Артиллерии, 1919. — 523 с.
2. Власкина Т. Ю. Похоронно-поминальные обычаи и обряды донских казаков // Традиционная культура. — 2004. — № 4 (16). — С. 35–47.
3. Власкина Т. Ю. Представления казаков-некрасовцев о смерти // Традиционная культура. — 2016. — № 4 (64). — С. 86–97.
4. Власкина Т. Ю. Светопроходцы: русские старообрядцы Кизлярского района Дагестанской Республики в полевых исследованиях Ф. В. Тумилевича (1961–1962 гг.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. — № 5 (42). — 2018. — С. 70–77.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1317. Оп. 1. Д. 9.
6. Донские казаки в СССР / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. — Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. — 336 с.
7. Полное собрание сочинений Никольского единоверческого монастыря настоятеля Архимандрита Павла. Первое посмертное издание Братства св. Петра митрополита. — М.: 1897. — Т. 2. — 576 с.
8. Респондент: Извощикова Вера Андреевна, 1942 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место провидения: Ростовская

область, ст. Манычская, 7.03.2021 г. Продолжительность 80 мин.

9. Респондент: Мерзлякова Людмила Михайловна, 1957 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место провидения: Ростовская область, Усть-Донецкий район, ст. Мелиховская, 15.01.2022 г. Продолжительность 55 мин.

10. Респондент: Ермачек Надежда Борисовна, 1964 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место провидения: Ростовская область, г. Семикаракорск, 28.08.2023 г. Продолжительность 31 мин.

11. Респондент: Минаев Виталий Владимирович, 1967 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место провидения: Ростовская область, Семикаракорский район, х. Сусат, 3.02.2022 г. Продолжительность 49 мин.

12. Респондент: Шашлов Борис Фадеевич, 1932 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место провидения: Ростовская область, Семикаракорский район, г. Семикаракорск, 5.01.2022 г. Продолжительность 92 мин.

13. Респондент: Назарова Ольга Николаевна, 1955 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место провидения: Ростовская область, Семикаракорский район, г. Семикаракорск, 4.01.2022 г. Продолжительность 42 мин.

14. Респондент: Шестопапов Иван Петрович, 1939 г. р. Интервьюер: Кальниченко. Место провидения: Ростовская область, х. Усть-Грязновский, 24.07.2019 г. Продолжительность 65 мин.

15. Ригельман А. И. История о донских казаках. – М.: Изд-во Университетской типографии, 1846. – 191 с.

16. Соколова А. Новому человеку — новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 456 с.

17. Сухоруков В. Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. Исторический очерк. Издание газеты «Донская Речь». – Новочеркасск: Областная войска Донского типография, 1892. – 99 с.

Е. Н. Капканов

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕНОСА СТАНИЧНЫХ ПОГОСТОВ В ХОДЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ЦИМЛЯНСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА НА ПРИМЕРЕ ХУТОРА ЧЕЛБИН

Цимлянское водохранилище было построено в 1952 году и является частью Волго-донского канала, который соединил две крупнейшие реки Европейской части России: Волгу и Дон. Тема переселения жителей в ходе строительства Цимлянского водохранилища начала изучаться относительно недавно, здесь можно указать крупные работы таких ученых, как Н. И. Бусленко [3, с. 48], Г. Г. Матишов [8, с. 111, 174], где процесс переноса кладбищ затронут частично; тема исключительно переселения затронута в работах краеведа Цимлянского района Константинов А. А. [7, с. 144–155], а также в коллективной статье Агеевой В. А., Волвенко А. А., Мерзлякова М. П. Проблемы переселения жителей в ходе строительства Волго-Донского канала в начале 1950-х годов; но вопросы о том, как именно происходила реализации союзного постановления по санитарной очистке дна будущего водохранилища, а также с какими трудностями пришлось столкнуться областной и районной вла-

сти во время переноса кладбищ, можно считать актуальными и недостаточно исследованными.

Соединить реки пытались длительное время; первые зафиксированные попытки относятся к концу XVI века, когда Турецкий Султан Селим II проявил инициативу, но, как утверждает современная историография, ничего существенного сделано не было [6, с. 2–10], после первой попытки турецкого султана российские правители долго пытались воплотить данную идею в жизнь в многолетней работе «Водная магистраль Волга-Дон-Азовское море», выпуске № 3 [2, с. 2–10], мы можем познакомиться со всеми предлагаемыми вариантами. Инженер, проводя исторический обзор, разделил все проекты на три группы: Северную — она подразумевала соединение через притоки рек Оки и Дона; Среднюю группу, которая предусматривала соединение рек в месте их наибольшего сближения между собой, где реки могут быть соединены одним каналом; Юж-

ную группу — сюда относились проекты, в которых соединение проходило через устья рек Волги и Дона, и в эту же группу относились варианты непосредственно-го соединения Каспийского и Азовского морей. Место наибольшего сближения рек оказалось самым жизнеспособным, там было предложено больше всего вариантов, и в дальнейшем канал построен именно в этой области.

Задумка первого технически грамотного проекта принадлежит французскому инженеру Л. Дрю, который в 1887 году представил свои идеи главе Ростова-на-Дону А. М. Байкову. Комитет торговли и промышленности, заинтересованный в этом вопросе, впоследствии сформировал товарищество для изучения данной темы [9, с. 60]. В 1906 году министр внутренних дел Н. Б. Щербатов и юрист П. Л. Лыжин предложили аналогичный проект, но по другому маршруту, выводящему на Дон в районе хутора Кумовский. Авторы проекта во многом опирались на данные, полученные Л. Дрю, благодаря чему смогли установить техническую осуществимость строительства канала [9, с. 143–163].

В СССР продолжали проработку данного вопроса, опираясь на работу, сделанную в начале XX века отечественными учеными, но задача уже была более детальная: нужно было выбрать трассу канала в области наибольшего сближения рек. К 1927 году было разработано несколько проектов, они подверглись экспертизе Комитета по сооружению Волго-Донской магистрали на его заседании 27 июля 1927 года. Однако начало работ по соединению Волго-Донского канала откладывалась, одной из главных причин было в отсутствии комплексности решения поставленных перед магистралью задач. Все предлагаемые проекты решали

только одну транспортную задачу. Проблему орошения засушливых областей Юго-Востока СССР проект не решал [3, с. 210]. Окончательный проект канала, который удовлетворил правительство, был разработан к 1946 году под руководством С. Я. Жука. Проект был похож на предыдущие проекты 1930-х годов, существенным его отличием стал перенос плотины крупного водохранилища для решения всех поставленных перед каналом задач из района хутора Кумовского в район станицы Цимлянской. Данное водохранилище было необходимо не только для его питания, но и решало выше поставленный вопрос с интенсивным сельскохозяйственным производством в соседних засушливых степных районах Юга России.

Проблема состояла в том, что водохранилище строилось не на пустом месте: чтобы подготовить его будущее дно, потребовалось перенести более 160 хуторов и станиц в Ростовской и Сталинградской (в настоящее время — Волгоградской) областях [8, с. 97]. Чтобы разобраться в вопросе с переносом кладбищ и братских могил обратимся к материалам Государственного архива Ростовской области. В «Техническом проекте проведения мероприятий по санитарной подготовке ложа водохранилищ Волго-Донского канала», на такие объекты, как кладбища, скотомогильники и прочие, попадавшие под затопление, обращалось особое внимание. В данной записке также отмечается, что мероприятия по обработке массового захоронения являются наиболее трудоемкими и дорогостоящими [4, л. 1].

В зону предполагаемого строительства Цимлянского водохранилища попало 3 района Ростовской области: Цимлянский, Дубовский, Романовский. В нашем исследовании мы рассмотрим процессы,

связанные с переносом станичных погостов на примере хутора Челбина Цимлянского района. Следует отметить, что предварительно по каждому населенному пункту и захоронению проводилось полевое обследование, конкретные мероприятия выработывались на основе Технических условий подготовки ложа Цимлянского водохранилища». В случае, когда кладбище располагалось на отметке «30», ниже предполагалась очистка территории кладбища от надмогильных знаков и уплотнение поверхности, при наличии задернованной поверхности и плотных грунтов уплотнение не предусматривается. Конструкция крепления представляла собой загрузку плетневых клеток бутовым камнем слоем 0,25–0,45 метров или загрузкой клеток слоем глины [4, л. 3].

Исключением являлись кладбища, подвергающиеся из-за своих ландшафтных особенностей действию волны и потоков воды, в результате чего было необходимо сооружение подпорной стенки. Эксперты могли посчитать данный способ сложным и дорогостоящим, тогда кладбище подлежало переносу на новое место [4, л. 3].

По Цимлянскому району в зону активного действия волнобоя попадало 2 хутора, один из которых был Челбин, технические регламентации предполагали крепление не только самого кладбища, а также площадей, которые к нему прилегали. По мнению экспертизы, перенос кладбища на новое место будет значительно дешевле, чем стоимость крепления хутора Челбина, которое предполагалось в 524,7 тыс. рублей [4, л. 4].

В отдельную группу переноса захоронений были выделены братские могилы. Перенос братских могил и кладбищ был не желательным по санитарным нормам. Поэтому предполагалась частичная выборка трупов из верхних слоев могилы [4,

л. 5]. В «Пояснительной записке» прикреплена смета для братских захоронений, в которой представлена четкая регламентация всех действий: «Перенос затапливаемых братских могил бойцов Советской Армии на новые места, незатапливаемые места, с постановкой на новом месте захоронения обелиска с мемориальной доской и оградой могил штакетником» [4, л. 19]. В другой комплексной смете предполагалась общая расценка по переносу трупов из братских могил, где указывалось среднее расстояние переноса, которое совпадает со средним расстоянием переноса населенных пунктов; мы можем сделать вывод, что братские захоронения переносились в новое место населенного пункта [4, л. 36]. Согласно «Ведомости площадей и стоимости крепления мест захоронений в населенных пунктах зоны затопления» из хутора Челбина предполагалось перенести 1 040 гробов по 70 рублей 50 копеек [4, л. 68] и 2 трупа из братского захоронения тоже по 70 рублей 50 копеек [4, л. 71].

В «Акте на обследование населенных пунктов Цимлянского района на предмет определения объектов, которые подлежат санитарной обработке» указано «Кладбище на западной окраине хутора на супесчаном мысе с редкой растительностью на отметке 32–36, площадью 4400 м²» [4, л. 88]. Экспертиза посчитала вследствие дороговизны проекта переноса этого кладбища целесообразнее срезать его и сбросить на отметку 26–30 метров [4, л. 88]. Информация, куда должно было перенестись кладбище, отсутствует.

В «Технических условия по подготовке ложа Цимлянского водохранилища и Волго-Донского канал под затопление» в разделе «Санитарная подготовка ложа водохранилища» есть пункт 23, где говорится, что «по общему правилу, трупы из

могил не переносятся, родственниками умерших разрешается перенос трупов с соблюдением на этот счет инструкций министерства здравоохранения [4, л. 82].

Следует отметить, что ряд представленных выше официальных данных по мероприятиям переноса погостов хутора Челбина идут в разрез с информацией, выявленной в результате опроса очевидцев событий и анализа опубликованных воспоминаний. Данилов Владимир Стефанович 1937 года рождения на вопрос: «Кладбища переносили?» дал ответ: «Их в основном затопили, их никто не перенес. Никто не верил, что столько наберут воды» [5, с. 101]. Анна Михайловна Торож 1936 года рождения на вопрос: «Кладбище же было в хуторе?» ответила: «Вот, сейчас скажу. Кладбище было, море подошло к кладбищу и размыло, что гробы плавали по морю, вот какой страх». «А перезахоронения

были?» — «Никто ничего не дал, перезахоронили только вот могилы братские оттуда, с Челбина» [5, с. 107].

Таким образом, на основе архивных документов и воспоминаний очевидцев мы на примере хутора Челбина Цимлянского района рассмотрели, как в процессе подготовки дна будущего Цимлянского водохранилища, решалась проблема переноса гражданских кладбищ и братских захоронений. В официальных документах итоговая информация о выполнении планов перезахоронений содержится только о переносе братских захоронений, которые в обязательном порядке надлежало переносить вместе с населенным пунктом. В то же время обращение к устному источнику позволило представить общую картину процесса переноса станичных погостов, который проходил зачастую с нарушениями инструкций, содержащихся в официальных документах.

Источники и литература

1. Агеева В. А. Проблемы переселения жителей в ходе строительства Волго-Донского канала в нач. 1950-х гг. через призму повседневности / В. А. Агеева, А. А. Волвенко, М. П. Мерзляков // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2018. – № 2. – С. 166–170.

2. Аксамитный А. С. Волго-Донская водная магистраль.: Выпуск III. Технические и экономические материалы. – Ростов-на-Дону: Издание Управления Главного инженера строительства Волго-Дона, 1925 г. – 566 с.

3. Бусленко Н. И. Волго-Дон: слияние вод. Историко-экономические, социально-политические очерки строительства Волго-Донского канала, Цимлянского гидроузла и ирригационных систем Юго-Востока России. Документы. Ком-

ментарии. Мемуары. Беллетристика. – Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказской акад. гос. службы, 2011. – 603 с.

4. Государственный архив Ростовской области. Ф. 3737. Оп. 1. Д. 260.

5. Капканов Е. Н. «Там сейчас плещутся воды Цимлянского моря...»: переселения жителей при строительстве Волго-Донского канала // Русский архив. – 2021. – № 9 (1). – С. 93–109.

6. Клейтман А. Л. Волго-Донской канал султана Селима II в российской и турецкой историографии // Вопросы истории естествознания и техники. – 2023. – № 2 (44). – С. 288–306.

7. Константинов А. А. Память сильнее времени. – Волгодонск.: ЗАО «Волгодонское полиграфобъединение», 2015. – 244 с.

8. Матишов Г. Г. Цимлянская плотина: последний аккорд рассказывания на Дону / Г. Г. Матишов, О. С. Савельева, Е. Ю. Слюнина. – Ростов-на-Дону.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. – 217 с.

9. Пузыревский Н. П. Водное соединение рек Волги и Дона. Исторические,

экономические и технические сведения, изыскания 1910 года и проект соединительного канала в месте наибольшего сближения названных рек. – СПб: Управ. вод. путей и шоссейных дорог, 1912. – 394 с.

О. А. Хорошев, М. Ю. Русаков, И. В. Губарев

НЕКРОПОЛИ БЕРЕГОВОЙ ЗОНЫ ТАГАНРОГСКОГО ЗАЛИВА АЗОВСКОГО МОРЯ В ПРЕДЕЛАХ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ, ПОДВЕРЖЕННЫЕ РИСКУ РАЗРУШЕНИЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ОПАСНЫХ БЕРЕГОВЫХ ПРОЦЕССОВ

Климатические изменения и повышение уровня Мирового океана, наблюдаемые в последние десятилетия и прогнозируемые в будущем, будут способствовать усилению опасных береговых процессов (ОБП) в береговой зоне морей, в том числе — Азовского, а расширение масштабов хозяйственного освоения прибрежных территорий — усиливать воздействие природных факторов [1, с. 9]. Так, на берегах Азовского моря, согласно результатам исследований Г. Г. Матишова и др. [2, с. 483], отмечаются оползневые и абразионные разрушения береговых обрывов, размывы аккумулятивных тел (кос, пляжей), затопления прибрежных территорий при нагонном повышении уровня морских вод и пр. К примеру, побережье самого крупного залива Азовского моря — Таганрогского, только в пределах Ростовской области, подвержено воздействию активных абразионных и оползневых процессов на протя-

жении почти 90 км (без учета береговой зоны города Таганрога и Миусского лимана) [1, с. 180].

Последствия проявления ОБП выражаются в причиняемом ущербе, зачастую невосполнимом, как объектам социально-экономическим, так и археологическому наследия, а также объектам исторической памяти — кладбищам, воинским захоронениям, мемориальным комплексам и др. [3, с. 75], утрата которых может вызвать негативную общественную реакцию, отрицательно сказаться на имидже муниципальных образований, в которых должным образом не была решена проблема их сохранения.

Таким образом, целью исследования являлось выявление в пределах Азовского побережья Ростовской области некрополей различных эпох, подверженных реальной угрозе частичного или полного разрушения в результате воздействия ОБП, а также визуальная оценка их со-

стояния с фото- и видеодофиксацией, в том числе, в формате VR 360°.

В процессе экспедиционных выездов (2020–2022) и рекогносцировочного обследования (май–июнь 2023 года), проведенных сотрудниками ЮИЦ РАН в пределах аварийных участков (на которых среднеголетняя скорость абразии превышает 1 м/год) береговой зоны и примыкающих к ним отрезков берегов Таганрогского залива, зафиксированы: один некрополь скифского времени (объект археологического наследия федерального значения), три недействующих и одно действующее сельские кладбища, а также три воинских захоронения (братские могилы), состоящих на учете в Военно-мемориальном центре (ВМЦ) Минобороны РФ, подверженных угрозе разрушения в результате воздействия штормовых нагонов морских вод, абразионных и оползневых процессов (рис. 1).

На северном побережье Таганрогского залива, в западной части аварийного участка № 2.1, у села Беглиця, зафиксирована ситуация с активным абразионным разрушением Беглицкого некрополя скифского времени (рис. 2), являющегося объектом археологического наследия федерального значения и охраняемого Федеральным законом от 25 июня 2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Курганный могильник Беглицкого некрополя был выявлен М. А. Миллером в 1927 году. В следующем году им же были произведены первые раскопки на памятнике. Затем исследования проводились в 1949 году Д. Б. Шеловым, в 1956 и 1958 году — И. С. Каменецким, в 1962 — Н. Д. Прасловым. С 1974 по 2001 (с перерывами) раскопки могильника проходи-

Рис. 1. Карта-схема размещения некрополей различных эпох, зафиксированных экспедициями ЮИЦ РАН (2020–2023) в пределах аварийных участков береговой зоны Таганрогского залива и прилегающих к ним отрезков берега, подверженных риску разрушения в результате воздействия опасных береговых процессов (на картосхеме обозначены: 1) недействующее кладбище в селе Порт-Катон; 2) недействующее кладбище в западной части Чумбурской косы; 3) действующее кладбище в селе Стефанидинодар; 4) воинское захоронение в селе Боцманово; 5) воинское захоронение в селе Христофоровка; 6) недействующее кладбище (предположительно) в селе Русская Слободка; 7) Беглицкий некрополь скифского времени в селе Беглиця; 8) воинское захоронение в хуторе Рожок. Составлено авторами

Рис. 2. Фотофиксация ситуации с разрушением Беглицкого некрополя скифского времени в селе Беглиця Неклиновского района. Фото и коллаж авторов

ли под руководством Т. А. Прохоровой. В 2007 году на памятнике проводились работы под руководством П. А. Ларенка. В 2020 году в рамках государственного задания по инвентаризации объектов археологического наследия М. А. Деняевым была обследована территория Беглицкого некрополя и определены ее границы. При этом не была учтена информация общего плана курганного могильника Беглицкого некрополя, выполненного Т. А. Прохоровой в ходе ее исследований [4, с. 161]. Согласно карте-схеме Т. А. Прохоровой, на территории Беглицкого могильника располагалось 17 курганов, 7 из которых не исследованы. Однако, по результатам инвентаризации 2020 года, выявлено и на учет поставлено только пять курганов, два из которых находятся на территории кладбища к востоку от основной группы. Ранее эта территория в состав Беглицкого некрополя не входила. Из остальных трех курганов курган № 1 соответствует кургану № 1 на плане Т. А. Прохоровой (на нем располагается триангуляционный пункт). Оставшиеся два кургана — вновь выявленные. Нумерация курганов дана без учета исследований, ранее проходивших на Беглицком некрополе.

Беглицкий могильник содержит как курганные, так и грунтовые захоронения, причем грунтовые могилы располагаются в том числе в межкурганном пространстве. Это подтверждают как раскопки, так и геомагнитная разведка, проведенная на памятнике в 2007 году [5, с. 95–98]. Курганные насыпи большей частью сnivelированы и на местности не выделяются. Большинство раскопок на некрополе проводилось в полосе обрыва с целью спасения разрушающейся части памятника. На данный момент территория некрополя активно разрушается. По прогнозам, в ближайшие пять лет в результате активных абразионных процессов будет потеряно более 1300 м² территории объекта археологического наследия «Курганный могильник «Беглицкий некрополь», а ущерб составит свыше 8,2 миллионов рублей.

В пределах Азовского побережья Ростовской области больше всего некрополей, подверженных риску разрушения в результате проявления ОБП, представляют из себя сельские кладбища, среди которых — три прекративших свое функционирование (недействующих) и одно действующее. Так, на южном побережье Таганрогского залива в пределах ава-

рийного участка № 5.3, зафиксирована тревожная ситуация с разрушением старого недействующего кладбища в селе Порт-Катон, вызванная активным проявлением абразионных процессов (рис. 3). В верхней части клифа берегового обрыва и на прилегающем пляже обнаружены человеческие кости, остатки погребального инвентаря и надмогильных сооружений. Необходимо отметить, что к зоне разрушения кладбища с запада примыкает пляж, используемый местным населением и приезжими отдыхающими в рекреационных целях.

Два других кладбища, также зафиксированных на южном побережье, находящихся под угрозой разрушения, расположены восточнее, вне границ аварийных участков. Так, в западной части Чумбурской косы в 2019 году было отмечено размывание морскими водами старого недействующего кладбища в результате неудовлетворительного состояния отрезка берегоукрепительного сооружения — габионной стенки (рис. 4).

Второе действующее кладбище расположено на северной окраине села Стефанинодара, выходящей к Таганрогскому заливу. Несмотря на то, что крайние

ряды захоронений данного погоста находились на момент съемки в 2020 году в относительной отдаленности от кромки берегового обрыва, подверженного воздействию абразионно-оползневых процессов, в будущем не исключается риск разрушения крайних рядов новых захоронений, число которых прогнозируемо может увеличиться (рис. 5).

Рекогносцировочным обследованием северного побережья Таганрогского залива в пределах аварийного участка № 2.2, в черте села Русская Слободка, в верхней части берегового осыпавшегося клифа выявлены признаки человеческих захоронений (костные останки и истлевший погребальный инвентарь), предположительно относящихся к старому заброшенному сельскому кладбищу (рис. 6). Необходима более точная идентификация данного объекта.

Еще одной группой некрополей, подверженных риску разрушения в результате проявления ОБП, являются воинские захоронения (братские могилы) времен Гражданской и Великой Отечественной войн. Всего на исследуемой территории было обнаружено три таких объекта.

Рис. 3. Фотофиксация ситуации с разрушением старого недействующего кладбища в селе Порт-Катон Азовского района. Фото и коллаж авторов

В пределах аварийного участка № 2.3 (северный берег Таганрогского залива) в селе Боцманово полевыми выездами сотрудников ЮНЦ РАН и летним рекогносцировочным обследованием в 2023 году зафиксирован процесс разрушения воинского захоронения — братской могилы (рис. 7), над которой расположен монумент погибшим красноармейцам и морякам при высадке Красного Десанта в 2018 году (№ 61-1595/2014 в ВМЦ ВС РФ). Повреждения данного объекта в результате активного проявления абразионных процессов были впервые зафиксированы участниками экспедиций ЮНЦ РАН еще в 2019 году, отмечены повторно в 2020–2023. В 2022 году монумент над братской могилкой был передвинут вглубь берега. Необходимо отметить важный момент: несмотря на то, что останки павших бойцов в советское время были перенесены в братскую могилу в хуторе Красный Десант, в учетной карточке воинского захоронения этот факт не отмечен. По этой причине и с учетом другой имеющейся инфор-

Рис. 4. Фотофиксация ситуации с размыванием морскими водами старого недействующего кладбища в западной части Чумбурской косы.
Фото и коллаж авторов

Рис. 5. Вид на действующее кладбище в селе Стефанидинодар, подверженное в будущем риску разрушения в результате проявления ОБП.
Фото авторов, 2020 год

мации, есть основания полагать, что в братской могиле могли остаться не перезахороненные останки бойцов. Данный вопрос требует дополнительной проработки.

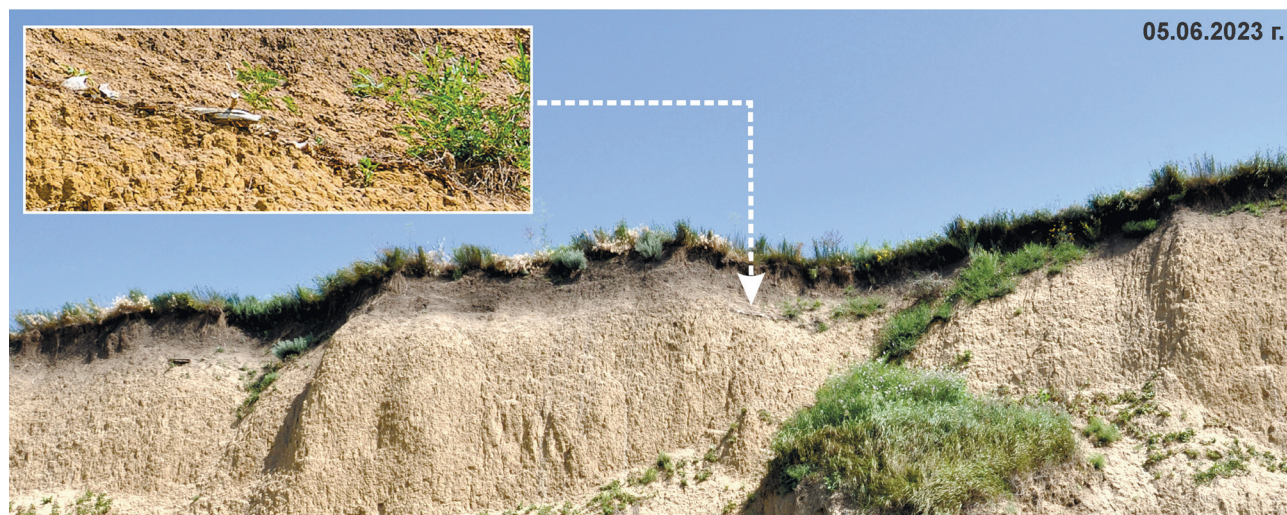

Рис. 6. Фотофиксация ситуации с предположительным разрушением старого заброшенного сельского кладбища в селе Русская Слободка. Фото и коллаж авторов

Фото после переноса монумента вглубь берега, 2022 г.

Рис. 7. Фотофиксация ситуации с разрушением в селе Боцманово воинского захоронения, над которым расположен монумент погибшим красноармейцам и морякам при высадке Красного Десанта в 2018 году.

На фото изображен монумент до (2020) и после (2022) его переноса вглубь берега. Фото и коллаж авторов

ская могила (1941–1943) с монументом на месте перехода линии фронта разведчиками 56 Армии в хуторе Рожок (№ 61-1555/2014 в ВМЦ ВС РФ) и братская могила (1942–1944) с монументом Воинам Советской Армии в селе Христофоровка (№ 61-778/2014 в ВМЦ ВС РФ), расположенные на относительно небольшом расстоянии от кромок береговых обрывов, подверженных воздействию абразионных процессов (рис. 8). Несмотря на невысокую интенсивность абразии, в будущем может воз-

Также на северном побережье, вне границ аварийных участков, полевым обследованием были зафиксированы еще два воинских захоронения: брат-

никнуть реальная угроза разрушения данных объектов исторической памяти.

В процессе полевых работ была произведена фото- и видеодофиксация объек-

тов исследования, в том числе, с применением экспериментального метода экспедиционного панорамного видеодокументирования. В сферическом формате (VR 360°) были созданы панорамные «видеослепки» сохранившихся и разрушающихся под воздействием ОБП отдельных элементов большинства некрополей, а также прилегающих к ним отрезков берегов.

Таким образом, на берегах Таганрогского залива в пределах Ростовской области зафиксировано 8 некрополей различных эпох, подверженных риску разрушения в результате воздействия ОБП, при этом половина из них оказались расположенными в пределах аварийных участков, где среднесуточная скорость абразивного разрушения берегов превышает 1 м/год (Беглицкий некрополь, братская могила в селе Боцманово и два кладбища в селах Русская Слободка и Порт-Катон).

Рис. 8. Фотофиксация мемориалов над воинскими захоронениями: на месте перехода линии фронта разведчиками 56 Армии (хутор Рожок) и Воинам Советской Армии (село Христофоровка), подверженным в будущем угрозе разрушения в результате проявления опасных береговых процессов. Фото и коллаж авторов, 2020 год

Примечания

Работа выполнена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН, № госрегистрации 122020100352-6 и № АААА-А20-120122990111-9.

Источники и литература

1. Опасные абразионные и оползневые процессы в береговой зоне Азовского моря и социально-экономические последствия их проявлений: [монография] / отв. ред. С. В. Бердников; авт. кол.: С. В. Бердников, Л. А. Беспалова, А. Д. Хаванский и др. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. – 288 с.

2. Матишов Г. Г. Азовское море: современные абразионные процессы и проблемы берегозащиты / Матишов Г. Г., Беспалова Л. А., Ивлиева О. В. и др. // Доклады академии наук. – М.: Изд-во «Российская академия наук». – 2016. – Т. 471. – № 4. – С. 483–486.

3. Хаванский А. Д. Оценка материального ущерба от проявления абразионных

и оползневых процессов в муниципальных образованиях береговой зоны Азовского моря / А. Д. Хаванский, О. А. Хорошев, Ю. Ю. Меринова // Наука Юга России. – 2021. – Т. 17. – № 2. – С. 74–82.

4. Прохорова Т. А. Раскопки некрополя на Беглицкой косе // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2001 году. – 2002. – Вып. 18. – С. 161.

5. Далли О. Греки на Дону: результаты германо-российских раскопок в Таганроге и его окрестностях (экспедиции 2004–2007 гг.) / О. Далли, Р. Аттула, Х. Брюкнер и др. // Краткие сообщения Института археологии. – 2013. – Вып. 229. – С. 140–180.

В. Э. Ковалёв

ЦИФРОВЫЕ НЕКРОПОЛИ В КОНТЕКСТЕ DIGITAL DEATH STUDIES: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Одной из ведущих тем, во все времена занимающих человеческое сознание, была и остаётся тема смерти, являющаяся одновременно и «естественным финалом жизни», и выражением пугающей неизвестности за гранью эмпирического понимания. Говоря о рефлексии, связанной с восприятием и принятием смерти, нельзя не сказать о практиках и ритуалах прощания с умершими. Устоявшиеся традиции поминания и горевания плавно трансформируются из сугубо offline-практик в практики цифровые. Подобные технологические инновации позволяют проводить ранее сугубо традиционные ритуалы, как, например, поминки или другие вещи, так или иначе связанных с «памятью об умершем», из любой точки мира, где есть интернет, чем обусловлена актуальность проводимого исследования.

В процессе исследования были применены следующие методы: анализ литературы по проблематике исследования, описание, сравнение, анализ и синтез, индуктивный метод. Использованные

при проведении исследования методы позволят продолжить изучение темы любому заинтересованному в её изучении специалисту.

В итоге исследования получены следующие результаты. В условиях повышенного внимания к обретению статусного бытия личности в социальных сетях и интернет-культуре, трансформации традиционных практик поминания и горевания, возникает необходимость в поиске новых семиотических репрезентаций человека, стремящегося выйти за собственные пределы, включая рождение и смерть. Актуализированным трендом данного вектора культурной синергии человека и «цифровых технологий» можно считать направление Digital Death Studies («Цифровые исследования смерти»). Название нового термина возникло из журнала Death Studies, издаваемого с 1977 года обществом танатологии, целью которого было грамотное консультирование в области смерти и умирания. С развитием цифровых технологий направление нашло своё развитие в лице

Майка Массими, специалиста в области взаимодействия человека и технологий. Массими задался вопросом, можно ли создать цифровую среду, сконцентрированную на смерти, в которой была бы возможность максимально плотно с ней взаимодействовать — отыгрывать свою смерть, проработать смерть другого человека или планировать, как тебе «уходить» самому. Основной задачей для Массими было создание регламентов, правил, позволяющим разработчикам, дизайнерам и клиентам соответствующих решений создать механизмы, дающие возможность понять человеку, что смерть в новой цифровой среде — тот феномен, с которым можно и нужно взаимодействовать [1, с. 3].

В качестве примеров подобных технологических решений выступает «цифровой некрополь» — специально организованные пространства в сети интернет, созданные с целью помочь людям, которые несут на себе тяжёлый психологический груз утраты близких людей, оправиться от горя и не лишаться, в случае физического отсутствия на месте похорон, возможности провести свой собственный ритуал поминания и горевания.

Для наглядности проведём обзор цифровых некрополей, уже зарекомендовавших себя в сети интернет, рассмотрим их концептуальное значение и реализуемый функционал.

1. ForeverMissed [2]

Платформа, созданная в 2008 году Олегом Андельманом, специализирующаяся на создании цифровых мемориалов. Идея создания сайта возникла, когда он решил воссоздать историю жизни своих бабушки и бабушки. В истории создания сайта написано: «Я также понял, что сегодня такие семьи, как наша, могут использовать

интернет для создания онлайн-мемориальной страницы, и легко делиться друг с другом воспоминаниями, фотографиями и другими материалами. Я понял, что онлайн-мемориальные сайты, посвященные жизни тех, кого мы любим, могут значительно сблизить разделенные семьи. Кроме того, эти страницы помогут нашим детям и внукам узнать о жизни своих родственников, ушедших из жизни ещё в юности».

Для создания мемориала сайт предлагает заполнить следующие поля: фамилия, имя, отчество, пол, отношения (друг, муж, жена, отец, дочь и т. п.), мемориальное обозначения (ветеран войны, сотрудник экстренной помощи, жертва COVID-19), несколько опциональных деталей, и веб-адрес мемориала. Далее имеется возможность авторизации или регистрации своего аккаунта, после чего предлагается выбрать тарифный план и настроить параметры конфиденциальности. На сайте также имеется возможность ознакомиться с другими мемориалами, созданными пользователями платформы.

2. EverLoved [3]

Это платформа для создания цифровых мемориалов, предлагающая возможность делиться воспоминаниями, фотографиями и видео, а также организовывать сбор средств для покрытия расходов на похороны или благотворительность. Работа на платформе осуществляется по следующим принципам: первый — пользователь сообщает желаемую информацию. Сайт помогает добавить нужную информацию, включая некролог, детали похорон, сведения о родственниках, фотографии и пожелания. Второй — происходит создание индивидуального сайта. Всё, чем пользователь поделится, будет размещено

на специально созданном сайте, который будет доступен как создателю, так и другим участникам платформы и в интернете в целом. Третий — индивидуальное внесение своего вклада. Друзья и родственники могут размещать фотографии и воспоминания о человеке, получать уведомления об обновлениях страницы, а также обращаться непосредственно к семье умершего.

3. Inmemori [4]

Цифровой некрополь, позволяющий поделиться информацией о похоронах с близкими людьми, получить соболезнования и поддержку, опубликовать воспоминания, связанные с этим человеком, и фотографии, как-либо связанные с умершим. Основные принципы работы платформы: первый — создание пространства в честь близкого человека. Второй — персонализация пространства с добавлением фотографий. Третий — информирование близких людей о кончине человека с помощью электронной почты, SMS или WhatsApp. Четвертый — поддержка. Близкие могут поделиться воспоминаниями или фотографиями, заказать цветы, сделать пожертвование на похороны. Пятый — создание книги памяти. Платформа собирает все воспоминания, оставленные на платформе Inmemori, в специально созданной «книжке памяти». Шестой и последний принцип — возможность вернуться в пространство в любое время.

4. MyKeeper [5]

Основанная в 2013 году компания Keeper (ранее называвшаяся Qeep) — это социальная мемориальная онлайн-платформа, предназначенная для увековечивания памяти ушедших из жизни людей. Пользователи могут созда-

вать совместные мемориалы, где друзья и родственники могут оставлять сообщения, загружать фотографии, ставить лайки, делиться, комментировать, общаться и вспоминать тех, кого им не хватает. Keeper также сотрудничает с кладбищами и похоронными бюро, предлагая набор цифровых инструментов для увековечения памяти. Миссия Keeper заключается в том, чтобы помочь создать более содержательный и интерактивный опыт для семей, столкнувшихся со смертью. Принципы работы с платформой таковы. Первый — создание мемориала, где имеется возможность добавить основную и дополнительную информацию о человеке. Второй — добавление неограниченного количества контента, как, например, видео, история жизни, фотографии и т. п. Третий — возможность рассказать об утрате большому количеству людей, позволив выразить им свои сопереживания и соболезнования. Четвертый — возможность поставить геометку на месте последнего упокоения, чтобы близкие, при необходимости, могли в любую минуту вспомнить точное расположение могилы или урны.

5. Memories [6]

Цифровой некрополь, позволяющий создать мемориал в память об умершем человеке. Принципы работы платформы: первый — возможность в любое время вспомнить о человеке, используя не только компьютер, но и мобильное приложение. Второй — возможность собрать все памятные материалы о человеке в одном месте. Третий — возможность создавать мемориальные композиции. Четвертый — возможность поделиться утратой с теми, кто далеко, и с теми, кто не мог присутствовать на похоронах или на поминальной службе. Пятый — воз-

возможность нынешнему и будущим поколениям лучше узнать человека, которого человек, возможно, даже никогда не видел вживую. Шестой — возможность настройки конфиденциальности, когда Вы сами контролируете, кто может видеть, добавлять или изменять информацию в мемориале.

Приведенные выше цифровые некрополи не являются единственными, предоставляющими услуги создания цифровых мемориалов для пользователей. Существует ещё как минимум с десятков сайтов, так или иначе специализирующихся на культуре умирания, поминания и горевания по ушедшему.

Проведя анализ существующих платформ, можно выделить основные принципы, на которых строится работа с ними (табл. 1).

Рассматривая феномен цифровых некрополей в контексте Digital Death Studies, нельзя не сказать о том, насколько нераспространенными являются подобные платформы не только в отдельных регионах, но и в целом в России. Все рассматриваемые в статье площадки созданы за пределами России, составлены на английском языке и направлены, в большинстве своём, на зарубежную аудиторию. Отголоски создания цифровых кладбищ можно наблюдать в

Таблица 1. Принципы работы современных цифровых некрополей¹

Принципы	Суть принципа
Конфиденциальность	Пользователи имеют возможность настраивать параметры конфиденциальности таким образом, чтобы только они либо друзья, семья, отдельные персоналии могли просматривать и редактировать мемориал.
Возможность поделиться утратой	Большое количество платформ при создании мемориала позволяют сообщать об утрате другим людям через электронную почту, SMS или мессенджеры.
Возможность получить поддержку	Крупные цифровые некрополи организывают сбор средств для проведения похорон умершего, дают возможность отправить пожертвования семье умершего и написать тёплые, поддерживающие слова.
Возможность персонализации мемориала	Большое значение подобные платформы уделяют тому, чтобы каждый пользователь мог создать уникальную страницу, кардинально отличающуюся от мемориалов других, чем, на взгляд автора, превосходит традиционные физические мемориалы, мало чем друг от друга отличные.
Возможность лучше узнать свою семью	Платформы позволяют выстраивать генеалогические семейные древа благодаря тому, что вся информация о человеке собрана в одном месте и доступна (по желанию) всем, кто был знаком с умершим. Даже обрывки воспоминаний об умершем, привнесённые знакомым, могут помочь составить его психологический и физический портреты.

¹ Составлено автором.

социальных сетях, таких, как, например, «ВКонтакте», когда после смерти человека страница не удаляется, а превращается (силами друзей или родственников) в страницу, лишь отдалённо напоминающую мемориал. Разговоры о создании единого цифрового кладбища начались лишь в середине февраля 2023 года, когда ГБУ города Москвы «Ритуал» сделало заказ на создание единого цифрового кладбища для Москвы. В планы проекта входит создание базы фотографий надгробий с существующих кладбищ, внесением надписей с надгробий в Единую автоматизированную систему похоронной отрасли с местом расположения и размером участка. На осуществление такого проекта выделено около 250 миллионов рублей со сроком реализации до 9 января 2024 года [7].

Сложно сказать, получит ли подобное решение поддержку со стороны граждан и сможет ли в дальнейшем помочь родственникам и друзьям умершего пережить чувство утраты. Ответ один — покажет время. Сегодня необходимо озаботиться тем, что в стране существует огромное количество старых и заброшенных кладбищ, с течением времени превратившихся в «руины памяти». Множество архитектурных шедевров прошлых веков, как и память об

усопших, утеряно если не навсегда, то на долгие десятилетия и столетия. Можно долго говорить о воспитании поколений, которые стремились бы поддерживать подобное достояние в физически надлежащем виде, однако то, что можно сделать уже сейчас — запечатлеть память о предках, используя виртуальные пространства. Цифровые некрополи, уже активно зарекомендовавшие себя как способ терапии и поддержки, вполне успешно способны выступить в качестве инструментов сохранения культурного наследия и памяти предков, их жизни и их истории.

Таким образом, для реализации подобной идеи стоит вопрос об объединении усилий специалистов всех профилей: от математического и гуманитарного до социального и экономического. Необходимо понять, насколько этично, экономически выгодно, технически реализуемо и социально приемлемо в нашей стране внедрение подобных цифровых некрополей. Стремление получить ответы на эти вопросы провоцирует на проведение дальнейших изысканий по заявленной теме. Усилия каждого специалиста станут отправной точкой к ответу на главный вопрос о том, как же всё-таки правильно, этично и эффективно сохранить память об усопших в ленте нашей истории.

Источники и литература

1. Мордовцева Т. В. и др. Культурологическая образность смерти и репрезентация digital death studies в современной гуманитарной мысли // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2020. – № 1(31). – С. 82–85. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskaya-obraznost-smerti-i-reprezentatsiya-digital-death-studies-v-sovremennoy-gumanitarnoy-mysli> (дата обращения: 10.08.2023).

2. Цифровой некрополь Forever Missed: [сайт]. – URL: <https://www.forevermissed.com> (дата обращения: 11.08.2023).

3. Цифровой некрополь Ever Loved: [сайт]. – URL: <https://everloved.com/online-memorials> (дата обращения: 12.08.2023).

4. Цифровой некрополь Inmemori: [сайт]. – URL: <https://en.inmemori.com> (дата обращения: 13.08.2023).

5. Цифровой некрополь MyKeeper: [сайт]. – URL: <https://www.mykeeper.com> (дата обращения: 14.08.2023).

6. Цифровой некрополь Memories: [сайт]. – URL: <https://memories.net> (дата обращения: 15.08.2023).

7. В Москве создается единое цифровое кладбище // Новостное агентство «ООО Синьюс»: [сайт]. – URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-02-14_moskva_otsifruet_mogily_pochti (дата обращения: 16.08.2023).

Сведения об авторах

Алексеевко Елена Александровна — независимый исследователь; смотритель, муниципальное казенное учреждение «Ритуал», г. Таганрог.

Батиева Елена Федоровна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник имени А. А. Горбенко, г. Азов.

Востриков Сергей Стефанович — кандидат исторических наук, старший археолог, общество с ограниченной ответственностью «ОКН-проект», г. Ростов-на-Дону.

Григорян Марианна Евгеньевна — кандидат искусствоведения, заведующий музеем «Градостроительство и быт г. Таганрога» Таганрогского государственного литературного и историко-архитектурного музея-заповедника, г. Таганрог.

Губарев Иван Викторович — специалист-эксперт, Комитет по охране объектов культурного наследия Ростовской области, г. Ростов-на-Дону.

Гудименко Игорь Викторович — ведущий научный сотрудник, общество с ограниченной ответственностью «ОКН-проект», г. Ростов-на-Дону.

Деняев Марк Алексеевич — директор по науке и производству, общество с ограниченной ответственностью «ОКН-проект»; аспирант, Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону.

Зенюк Дмитрий Игоревич — старший археолог, общество с ограниченной ответственностью «Дельта-Л», г. Ростов-на-Дону.

Ильяшенко Сергей Михайлович — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии Российской академии наук, г. Москва.

Кальниченко Владислав Николаевич — научный сотрудник экспозиционно-этнографического отдела, Раздорский этнографический музей-заповедник, ст. Раздорская; аспирант, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.

Качевский Павел Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) РГЭУ(РИНХ), г. Таганрог.

Ковалёв Вячеслав Эдуардович — магистрант, Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог.

Капканов Ефим Николаевич — ассистент кафедры истории, Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ), г. Таганрог; Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.

Лейбенсон Артур Вячеславович — инженер по охране труда, Центр детско-юношеского туризма и краеведения Республики Крым, г. Симферополь.

Лейбенсон Юлия Тарасовна — кандидат исторических наук, старший преподаватель, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь.

Лопин Константин Борисович — главный специалист отдела археологии, непубличное акционерное общество «Наследие Кубани», г. Краснодар.

Мартыненко Виктория Юрьевна — кандидат исторических наук, заместитель директора по основной деятельности, Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области, г. Шахты.

Масловский Андрей Николаевич — кандидат исторических наук, заведующий отделом, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник имени А. А. Горбенко, г. Азов.

Митина Елена Игоревна — стажёр-исследователь, Центр изучения ментальных моделей и истории памяти Института региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.

Назаренко Владимир Васильевич — независимый исследователь, г. Таганрог.

Нечипорук Александр Александрович — старший археолог, общество с ограниченной ответственностью «Дельта-Л», г. Ростов-на-Дону.

Овчинников Александр Николаевич — независимый исследователь, г. Ростов-на-Дону.

Прудников Ярослав Владимирович — директор, общество с ограниченной ответственностью «ОКН-проект»; аспирант, Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону.

Русаков Михаил Юрьевич — младший научный сотрудник, Южный научный центр Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону.

Седакова Елизавета Николаевна — студент, Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) РГЭУ(РИНХ), г. Таганрог.

Фастовецкий Александр Евгеньевич — магистрант, Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) РГЭУ(РИНХ), г. Таганрог.

Хорошев Олег Анатольевич — кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория прикладного научного приборостроения Южного научного центра Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону.

Чаплыгин Артём Александрович — студент, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Черцова Светлана Александровна — старший научный сотрудник, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник имени А. А. Горбенко, г. Азов.

Шпагин Сергей Алексеевич — координатор проектов, Общественный региональный фонд содействия социально-экономическому развитию «Танаис», г. Санкт-Петербург.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. С. Востриков</i> Родовой некрополь представителей сарматской военной аристократии близ Новочеркаска	6
<i>П. С. Качевский</i> Средневековые погребения и некрополи на территории города Таганрога	13
<i>А. Н. Масловский</i> Топография русских могильников конца XVII — конца XVIII веков в Азове	18
<i>М. А. Деняев</i> Погребальная обрядность донского казачества в XVII–XVIII веках (по материалам археологических исследований в станице Старочеркасской)	27
<i>Я. В. Прудников</i> Православные кресты Донецкого казачьего городка	36
<i>И. В. Гудименко</i> Некрополь XVIII века в хуторе Рогожкино	46
<i>Е. Ф. Батиева</i> Новые антропологические материалы из погребений Крепостного (Потерянного) кладбища XVIII века города Ростова-на-Дону	52
<i>Д. И. Зенюк, А. А. Нечипорук, А. Н. Овчинников</i> Всесвятское кладбище города Ростова-на-Дону (последняя четверть XVIII–XIX веков)	59
<i>Е. И. Митина</i> Сверхдорогие купеческие надгробия и их восприятие обществом в XIX — начале XX вв.	93
<i>А. А. Нечипорук</i> Утраченное Затемерницкое христианское кладбище города Ростова-на-Дону: история, археология, охрана	97
<i>С. А. Черцова</i> К истории захоронений в ограде Соборной Успенской церкви посада Азов (конец XIX — начало XX века)	110
<i>Ю. Т. Лейбенсон, А. В. Лейбенсон</i> Бахчисарайские христианские некрополи XIX — начала XX веков: история и проблемы сохранения	140

<i>С. А. Шпагин</i> Еврейская община Ростова-на-Дону и особенности истории «Еврейского кладбища»	148
<i>А. А. Чаплыгин</i> Прицерковный некрополь в станице Темижбекской	155
<i>В. Ю. Мартыненко</i> Шахтинское городское кладбище: история и современность	162
<i>В. В. Назаренко, И. О. Боровой</i> Таганрогские некрополи	169
<i>Е. Н. Седакова</i> Старое кладбище Таганрога как место памяти о выдающихся личностях	184
<i>С. М. Ильяшенко, К. Б. Лопин</i> Погребения священников в склепах начала XX века у Свято-Онуфриевского храма в городе Анапе	191
<i>Е. А. Алексеенко</i> Формирование перечня ценных надгробий ансамбля бывшего христианского кладбища Таганрога в 1927–1991 годах	202
<i>М. Е. Григорян</i> Мемориальный жанр в творчестве Якова Рубанчика и памятники таганрогского некрополя в объективе его фотокамеры (1929)	222
<i>А. Е. Фастовецкий</i> Советская культура погребения 1920–1930-х годов	236
<i>В. Н. Кальниченко</i> Погребальные практики старообрядцев Дона в советский и постсоветский период	240
<i>Е. Н. Капканов</i> Проблемы переноса станичных погостов в ходе строительства Цимлянского водохранилища на примере хутора Челбин	246
<i>О. А. Хорошев, М. Ю. Русаков, И. В. Губарев</i> Некрополи береговой зоны Таганрогского залива Азовского моря в пределах Ростовской области, подверженные риску разрушения в результате проявления опасных береговых процессов	251
<i>В. Э. Ковалёв</i> Цифровые некрополи в контексте digital death studies: возможности и перспективы	259
Сведения об авторах	265

Научное издание

ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ

Материалы II региональной
научно-практической конференции

Ответственный редактор В. А. Агеева

Корректурa Н. В. Фоменко

Верстка М. М. Кеворков

Компьютерная верстка, дизайн, обработка иллюстраций И. А. Петров

Изд. № 161/4285. Подписано в печать 13.10.2023.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17. Тираж 300 экз.
Заказ № 104.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:
г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55
Тел.: 8 (958) 544-59-27, 8 (863) 219-84-25
E-mail: oooaltair_office@mail.ru
<http://altair-rostov.ru>

ООО «ОКН-проект»
Адрес: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Ульяновская, 50, оф. 5
Тел.: (863) 201-31-71, 201-31-77

